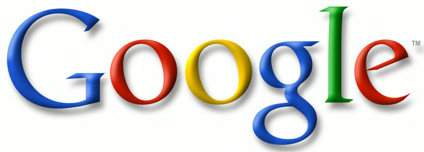
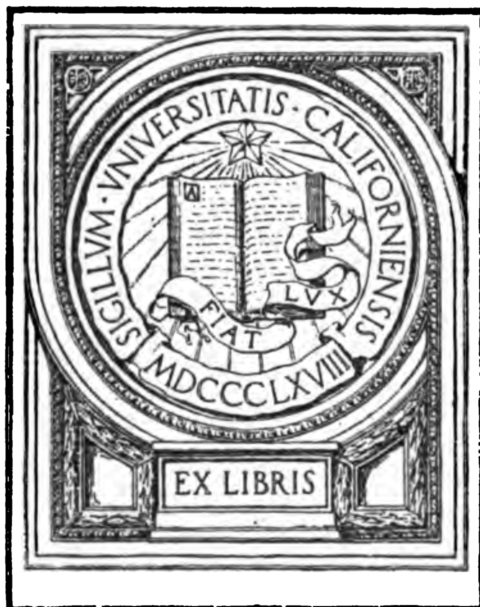

SIGILLVM·VNIVERSITATIS·CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

V. M. Pudavov

Istoriia

ИСТОРІЯ

Voiska Donsko

ВОЙСКА ДОНСКОГО

и

СТАРОБЫТНОСТЬ НАЧАЛЪ КАЗАЧЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ ВАСИЛІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПУДАВОВА.

Съ приложеніемъ портрета автора.

Издалъ М. В. Пудавовъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

НОВОЧЕРКАССКЪ.
Типо-Литографія К. М. Минаева.
1890.

Pudavov, Vasilii Mikhailovich

ИСТОРІЯ

ВОЙСКА ДОНСКОГО

И СТАРОБЫТНОСТЬ

НАЧАЛЪ КАЗАЧЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ ВАСИЛІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПУДАВОВА.

Съ приложеніемъ портрета автора.

Издалъ М. В. Пудавовъ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

НОВОЧЕРКАССКЪ.
Типо-Литографія К. М. Минаева.
1890.

Дозволено цензурою. Москва. 23 мая 1890 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

(*Отъ издателя*).

Приступая къ изданію рукописи исторіи войска Донского (начатой въ сороковыхъ годахъ), написанной покойнымъ отцомъ моимъ полковникомъ Василіемъ Михайловичемъ Пудавовымъ, умершимъ въ 1863 году, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Несомнѣнно, что историческая наука съ того времени сдѣлала большой шагъ впередъ; тѣмъ не менѣе, я рѣшился издать эту исторію безъ измѣненій, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ въ то время была она написана покойнымъ авторомъ, съ сохраненіемъ всѣхъ своеобразныхъ оборотовъ его рѣчи и выраженій, такъ какъ я вполнѣ убѣжденъ, что исторія эта, по основной мысли и взгляду автора, и въ настоящее время составитъ большой интересъ для читающей публики, особенно для любителей старины и казачества.

Также нахожу нужнымъ указать здѣсь, какъ высказался объ этой исторіи И. Д. Попко (подъ псевдонимомъ „Есаулъ") въ статьѣ „Старый Черкаскъ," напечатанной 30 Октября 1861 года въ журналѣ „Военный Сборникъ". Привожу подлинныя слова названной статьи его, не лишенныя интереса:

„Но мы исторіи не пишемъ" . . . .
„Пишетъ ее почтеннѣйшій Василій Михайловичъ П......, который отъ этого именно сидѣнья казачества по рѣкамъ, пришелъ къ важ-

„ному историческому открытію, долженствующему освѣтить самую вершину нашего загадочнаго происхожденія. Пока еще, говоритъ онъ, „сѣверно-русскіе славяне не сложились въ государство и не придумали сказать варягамъ: земля наша велика и проч., южно-русскіе славяне уже входили въ составъ Хозарской монархіи, и изъ нихъ были „формированы охранныя дружины по берегамъ Днѣпра, Дона и нижней Волги,—по этимъ большимъ рѣкамъ, которыя составляли тогда „единственные торговые пути. Купцы платили коганамъ за храненіе „ихъ каравановъ отъ степныхъ хищныхъ ордъ, а славянскія дружины, „поселенныя по рѣкамъ, должны были выполнять обязательства своихъ „властителей. За это они пользовались извѣстными вольностями, и „такимъ образомъ составилось родовое прирѣчное войско съ наслѣдственными обязанностями и прерогативами. Вотъ это и есть первобытное казачество, много перемѣнъ испытавшее впослѣдствіи, но удержавшее при всѣхъ переворотахъ свой прирѣчный характеръ и свое „исключительное, запечатлѣнное всегдашней борьбой, положеніе на рубежѣ государства, родившись въ южно-русскомъ славянствѣ; вотъ „почему и шло оно съ юга на сѣверъ...... Не останавливаясь на этомъ „В. М. ищетъ нравственнаго принципа казачества и находитъ его въ „самой глубинѣ славянской натуры.

„Вотъ основная мысль его изслѣдованія. Въ области древне-европейской цивилизаціи господствуютъ два противоположныя міросозерцанія: греческо-римское и славянское: идеалъ перваго—красота и „наслажденіе и отсюда науки и искусства, идеалъ второго—отрицаніе „пластическаго творчества духа и изящной нѣги чувства, обожаніе „грома и молніи, борьба, нужда, суровая пустыня. Казачество—крайнее выраженіе славянскаго міросозерцанія...... Все это развито и поставлено на твердыхъ основаніяхъ въ обширномъ вступленіи къ двадцатилѣтнему историческому труду Василія Михайловича П......., которому пора бы явиться въ свѣтъ. У насъ вѣдь ничего нѣтъ замѣчательнаго по части казачьей палеографіи. Ждемъ, Василій Михайловичъ, вашей книги, какъ дорогого подарка всему читающему каза-

„честву. Наложите послѣднюю руку на вашъ долгій трудъ и отпустите его съ береговъ тихаго Аксая, изъ вашего трудолюбиваго уединенія, о которомъ мнѣ такъ пріятно вспоминать. Быть можетъ, западники нападутъ на ваше произведеніе, но москвичи, повѣрьте, возьмутъ его сторону, и все, способное носить перо въ казачествѣ, станетъ на его защиту".

Василій Михайловичъ, служивши въ комитетѣ по устройству войска Донскаго и въ коммиссіи размежеванія земель того же войска, имѣлъ возможность изучить его во всѣхъ отношеніяхъ и написать исторію. Къ исторіи этой онъ написалъ статистическое описаніе того времени земли войска Донскаго, съ приложеніемъ рисунковъ древней одежды казаковъ и казачекъ всѣхъ округовъ, а также и калмыковъ, обитающихъ на Дону. Предъ смертью его были имъ подготовлены къ печати и набѣло переписаны нѣсколько главъ исторіи и статистика, но, послѣ смерти его и матери моей, большая часть этихъ главъ исторіи неизвѣстно гдѣ пропала, а также и всѣ рисунки къ статистикѣ (¹). Кромѣ того, покойнымъ была составлена подробная карта земли войска Донскаго съ нанесеніемъ на нее и подробнымъ описаніемъ всѣхъ кургановъ, находящихся на Донской землѣ, съ объясненіемъ, на сколько возможно было по древней географіи, древняго значенія ихъ. Карта эта въ настоящее время составила бы дорогой подарокъ для донцовъ и могла бы служить указаніемъ для археологическихъ изслѣдованій этихъ кургановъ. А чтобы судить о достоинствѣ историко-археологическаго значенія этой карты, я считаю умѣстнымъ привести отзывъ профессора Леонтьева, помѣщенный въ сборникѣ статей по классической древности—«Пропилеи», издававшимся П. Леонтьевымъ, книга

(¹) Здѣсь надобно замѣтить, что В. М., трудившійся болѣе 20 лѣтъ надъ исторіею в. Д., желалъ сдѣлать выпускъ въ свѣтъ исторіи этой въ цѣломъ ея составѣ, совсѣмъ уже законченною, но внезапная и притомъ непродолжительная болѣзнь, сведшая его въ теченіи 4 мѣсяцевъ въ могилу, не дала ему возможности выполнить своего желанія. Выпускаемая мною исторія состоитъ изъ 3 оставшихся бѣловыхъ главъ 1, 7 и 8 и шести воспроизведенныхъ мною по черновымъ рукописямъ безъ измѣненій. Шестая же глава, въ цѣломъ ея составѣ, совсѣмъ утрачена и не могла быть воспроизведена по отрывочнымъ черновымъ рукописямъ, но чрезъ это общій ходъ исторіи не нарушается; только не видно нѣкоторыхъ дѣйствій казаковъ за самый небольшой періодъ времени.

ст. IV. 398. стр. Москва 1854 года, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: „пріятно, впрочемъ, упомянуть, что нѣкоторыя мѣстные жители при„нимаютъ живое участіе въ вопросѣ о курганахъ земли войска Дон„скаго: такъ напр., мы видѣли у г. полковника Пудавова въ Ново„черкаскѣ богатые матеріалы для карты кургановъ и городищъ всего „края, при собираніи которыхъ онъ усердно пользуется своею служ„бою по межевой части“ (2). Но и карта эта подверглась той же уча-

(2) Добавляю, что В. М. Пудавовъ, всегда любознательный, просилъ землемѣровъ, отправляющихся на съемки, всѣ найденные ими курганы, возвышенія и другія достопримѣчательности, наносить на особые планики, съ подробнымъ описаніемъ ихъ, записывая и преданія, собираемыя у жителей тѣхъ мѣстъ, и высылать ему чертежи и описанія (хотя это и не входило въ обязанности ихъ службы), и прилагаю при семъ письмо одного изъ землемѣровъ г. Сулина.

Ваше высокоблагородіе

Милостивый Государь,

Василій Михайловичъ!

По порученію вашему, находящіяся крѣпости въ Цымлянскомъ юртѣ мною сняты, коихъ планы при семъ посылаю, описаніе оныхъ слѣдующее:

Крѣпость или городище, въ видѣ продолговатаго четвероугольника, находится на Задонской сторонѣ, отъ рѣки Дона въ четырехъ верстахъ, при луговомъ поемномъ мѣстѣ, что съ западной стороны рѣки стараго Дона, въ двухъ, повидимости, теченіяхъ онаго, который отъ времени перемѣнилъ направленіе своего теченія и нынѣ именуется Рубежнымъ и Чиганацкимъ ериками, при соединеніи оныхъ часть разлива называется озеромъ Поповымъ; и крѣпость эта съ западной стороны окружается до луговаго мѣста вырытою канавою, напускаемою изъ стараго Дона водою, и высыпаннымъ съ правой стороны канавы валомъ. Валъ этотъ насыпанъ землею съ мелкимъ камнемъ известковой породы, и возвышается оный отъ плоскости земли на одну сажень съ четвертью, а съ углубленіемъ канавы—на $2^1/_2$ сажени; углубленіе оной отъ времени наносами полой воды засыпано на сажень или болѣе, въ сравненіи съ подошвой горы при луговомъ мѣстѣ, гдѣ та канава напускалась; въ ширину оная, при восточномъ ея устьѣ отъ возвышенности вала до лѣваго берега ея, 40 сажень, до половины оной идетъ на 30 сажень, въ сѣверномъ концѣ оной, при самомъ разливѣ луговаго мѣста, 18 сажень; лѣвую сторону канавы окружаютъ двадцать семь кургановъ, высыпанныхъ землею съ жженымъ кирпичемъ продолговатой формы. Крѣпость (или городище) высыпана землею съ мелкимъ камнемъ, которая возвышается отъ горизонтальности земли на полторы сажени, съ западной стороны оной, видна кирпичная стѣна, длиною на 83 сажени, чрезъ 51 сажень отъ угла сѣверной стороны оной на югъ какой то перегородокъ, выложенный изъ кирпича же; съ сѣверной стороны на 48 сажень, стѣны эти въ ширину каждая занимаетъ не болѣе на $1^1/_2$ сажени; съ восточной та же стѣна длиною на 80 сажень, а въ ширину оной замѣтить нельзя, потому что вся она изрыта; а съ южной стороны—стѣны никакой не видно, а только видны стѣны небольшихъ жилищъ, тоже кирпичныхъ; съ сѣверной стороны оной крѣпости, при самой оконечности видна насыпь въ видѣ кургана, тоже кирпичная, въ поперечникѣ эта насыпь имѣетъ 10 сажень; съ южной стороны крѣпости, въ западномъ углѣ оной, идетъ остроконечная насыпь на 30 сажень, съ тремя уступами, и, какъ видно, уступы эти выкладены были кирпичемъ, а что эти уступы составляли входъ въ

сти, какой подверглись рисунки и упомянутыя главы исторіи. Сожалѣю о пропавшихъ бумагахъ: картѣ, главахъ исторіи, рисункахъ и о томъ, что раньше напечатать этой книги я не могъ по независящимъ отъ меня причинамъ. Сохранилось у меня статистическое описаніе того времени земли войска Донскаго въ цѣломъ его составѣ (безъ рисунковъ), которое передано мною въ Областное правленіе в. Д.

Не лишнимъ считаю написать здѣсь краткій біографическій очеркъ В. М., съ приложеніемъ его портрета.

Василій Михайловичъ Пудововъ, много потрудившійся въ первой половинѣ XIX столѣтія на гражданскомъ поприщѣ, былъ рьянымъ дѣятелемъ на пользу родины и своихъ соотечественниковъ. Онъ происходилъ изъ дворянъ в. Д. сынъ войскового старшины, родился въ 1804 году, образованіе получилъ въ 4-хъ-классной гимназіи того вре-

---

крѣпость, или, что другое, видѣть нельзя потому, что кирпичи изъ этихъ уступовъ всѣ выбраны жителями прилегающаго къ той крѣпости хутора Попова, почему ширину стѣнъ оныхъ опредѣлить нельзя; съ западной стороны оной видна канава, которая отъ времени, засыпана, а особенно при выборкѣ кирпичей изъ стѣны тѣми жителями; за канавою, на площади, примѣтны тоже жилища, это потому замѣтно, что площадь эта вся изрыта, только вѣроятно устройство жилищъ было очень незначительное. При разборкѣ этихъ кирпичей жителями достопамятнаго ничего не открыто, кромѣ костей красныхъ рыбъ, даже находятъ и крючки, коими ловлена та рыба; между стѣнами находятъ печи, обломки мѣди, слившейся въ куски, какъ полагать надобно, образовавшіеся отъ пожара. Жители Цымлянской станицы увѣряютъ, что когда-то присланъ былъ чиновникъ отъ Войска, который занимался розыскомъ какихъ-то золотыхъ монетъ; раскапывая стѣны, онъ нашелъ будто мраморный камень, на которомъ видна и надпись, но въ чемъ эта надпись заключалась никто не знаетъ, который отвезенъ былъ къ атаману Мартынову.—Крѣпость эта разстояніе имѣетъ по дорогѣ, лежащей отъ крѣпости къ парому, гдѣ балки потайныя, $4^1/_2$ версты; отъ парома, по надъ горами до крѣпости, находящейся съ западной стороны того же юрта, что съ правой стороны рѣки Дона, 5-ть верстъ; въ прямомъ направленіи отъ той же крѣпости 6-ть верстъ; гора, на которой крѣпость та устроена, возвышается противъ всѣхъ прочихъ горъ, окружающихъ рѣку Донъ, такъ, что отъ вершины оной внизъ почти перпендикулярна, только на половинѣ оной съ небольшимъ уступомъ; съ восточнаго угла крѣпости, отъ вершины подошвы горы, къ устью балки Верхне-Городищенской, по линіи девяносто сажень, съ южнаго угла крѣпости къ устью Нижне-Городищенской балки, отъ вершины оной до подошвы такое же разстояніе; отъ средины крѣпости, т. е. отъ вершины горы до подошвы оной 62 сажени, почему, полагать надобно, въ разрѣзѣ этой горы высота будетъ саженей 25-ть или болѣе; двѣ балки, окружающія эту крѣпость, называются Городищенскія, съ восточной и западной стороны крѣпости онѣ такъ круты, что трудно сойти внизъ оныхъ, равно и до вершины оныхъ такая же крутизна; длиною оныя—верхняя на 500 сажень, а нижняя на 400 сажень, съ западо-сѣверной стороны эту крѣпость ограждаютъ двѣ балочки, вышедшія изъ вышеписанныхъ балокъ; съ двухъ сторонъ крѣпости, съ сѣверо-восточной и юго-восточной,

мени, но гимназическій курсъ наукъ далеко не удовлетворялъ его любознательности. Изученіе древняго міра во всѣхъ его проявленіяхъ и церковная исторія всегда были для него любимыми предметами изслѣдованія. Съ этою цѣлью онъ изучилъ древніе языки (греческій и латинскій) и новѣйшіе: французскій и нѣмецкій; выписывая книги, пріобрѣлъ дорогую библіотеку, а бывавши въ С.-Петербургѣ по дѣламъ службы и проѣздомъ въ Москвѣ, имѣлъ возможность просматривать въ архивахъ историческіе акты и дѣлать нужныя выписки. Девяти лѣтъ отъ роду былъ произведенъ въ урядники атаманомъ графомъ Платовымъ. Службу началъ 15 лѣтъ отъ роду, въ 1819 году, въ бывшей войсковой канцеляріи; 16 лѣтъ, т. е. въ 1820 году былъ помощникомъ

небольшая вырыта канава, въ ширину не болѣе сажени, а глубина оной отъ времени засыпана, впрочемъ канава, окружающая крѣпость, которая находится внутри высыпанныхъ каменныхъ стѣнъ на одну сажень съ половиною въ ширину, а глубина не болѣе двухъ аршинъ; стѣны эти выложены изъ бѣлаго камня глинистой породы, въ ширину оныя не болѣе по двѣ сажени, а высота оныхъ вся разрушена, такъ, что въ теперешнемъ видѣ не болѣе двухъ аршинъ; съ сѣверо-западной стороны крѣпости, по угламъ—насыпи изъ бѣлаго камня весьма мягкаго: насыпи эти защищаютъ канавы; шириною оныя въ поперечникѣ во всѣ 4 стороны по три сажени, а высота оныхъ вся почти разрушена; четыреугольникъ 12 сажень длиною, а по поперечнику 7 сажень, изъ такой же породы камня; къ этому четыреугольнику съ внутренней стороны присоединялась каменная стѣна, которая по разсказамъ старожиловъ была при атаманѣ Дмитріѣ Мартыновомъ разрушена, а камни были отвезены въ старый городъ, равно и четыреугольникъ тогда же разобранъ. Въ этой же крѣпости найдены два золотые червонца, которые отданы ему же Мартынову. Бойница съ юго-западной стороны въ ширину 4 сажени, а въ длину 5-ть сажень; съ юго-восточной стороны бойница одинаковой ширины и длины; двѣ бойницы, вдавшіяся во внутрь крѣпости, по двѣ сажени ширины, а въ длину оныя по четыре сажени. Къ розыску какой либо вещи достопамятной всѣ усилія мои я употреблялъ, но никакъ не могъ раскрыть, много очень бредней разсказываютъ здѣшніе жители, все выходитъ пустое. Величина кирпичей: 10 дюймовъ въ квадратѣ, 10 дюймовъ въ длину и 3 въ ширину, 4 дюйма въ длину и 2 въ ширину, но кирпичи эти такъ крѣпки, что рѣшительно никакой мокроты въ себя не принимаютъ. Еслибы возможно было разрыть углы этихъ крѣпостей, то, можетъ быть, что нибудь и отыскалось бы, а впрочемъ отъ этихъ простаковъ допытаться трудно, если кто бы и отыскалъ что нибудь, едвали скажутъ; у этихъ людей такая мысль—вѣроятно хотятъ тѣхъ же людей на этомъ мѣстѣ поселить, а ихъ всѣхъ согнать. Это эхо, какъ молнія, поражаетъ приближенныхъ жительствомъ къ Задонской крѣпости.

Впрочемъ остаюсь съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть Вамъ,

Ваше Высокоблагородіе,

Милостивый Государь,

покорный слуга Степанъ *Сулинъ.*

28 Октября 1844 г.

С. Цымлянская.

войскового архитектора, 17 лѣтъ поступилъ въ войсковую чертежную подъ начальство генеральнаго штаба генералъ-маіора Богдановича 1-го и состоялъ въ оной до 1836 года. Въ теченіи этого времени употребляемъ былъ, какъ по части письмоводства, такъ и по составленію картъ и плановъ по чертежной, относящихся по дѣламъ комитета объ устройствѣ войска Донскаго. Въ 1826 году командированъ былъ генералъ-маіоромъ Богдановичемъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ комитета объ устройствѣ войска Донскаго, гдѣ и находился до 27 сентября 1827 года. Въ 1834 году за труды, при составленіи статистическаго описанія земли войска Донскаго подъ распоряженіемъ его же Богдановича, Всемилостивѣйше пожалованъ брильянтовымъ перстнемъ, въ 1835 году вторично былъ въ С.-Петербургѣ при сенаторѣ генералъ-лейтенантѣ Богдановичѣ, и трудился того же 1835 года во время нахожденія сенатора въ С.-Петербургѣ надъ составленіемъ, подъ управленіемъ его, проекта положенія о размежеваніи земель войска Донскаго, Высочайше утвержденнаго 13 іюля 1835 года; въ началѣ 1836 года, при открытіи на Дону межевой коммиссіи, назначенъ былъ правителемъ канцеляріи ея, которымъ состоялъ въ теченіи 14 лѣтъ, и, былъ, съ самаго начала и во все время служенія своего въ коммиссіи, главнымъ дѣятелемъ въ составленіи соображеній по всѣмъ проектамъ общаго распредѣленія земель станичныхъ и частныхъ владѣній. Въ 1850 и 1851 годахъ исправлялъ должность члена коммиссіи. Въ 1855 г. Высочайшимъ приказомъ назначенъ предсѣдателемъ Войсковаго Комерческаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ коммиссіи, Высочайше учрежденной, для постройки соборнаго храма въ городѣ Новочеркаскѣ и Ольгинской дамбы.

Обладая отъ природы умомъ, съ дарованіемъ къ умственной работѣ, и въ высшей степени любознательностью, В. М., какъ и многіе интеллигентные донцы того времени, занимался литературою: писалъ и печаталъ свои статьи въ періодическихъ изданіяхъ: въ Войсковыхъ вѣдомостяхъ, Сынѣ Отечества, Сѣверной Пчелѣ, С.-Петербугскихъ вѣдомостяхъ и другихъ. Такъ онъ написалъ и напечаталъ: о Монастыр-

скомъ урочищѣ на Дону", „о Героссѣ Днѣпровской скиѳіи", „Обозрѣніе регалій Донскаго войска", „о проектѣ устава станичнаго управленія на Дону", „замѣтку на статью экс-моряка изъ Одессы, о Донѣ", и много другихъ статей.....

По предложенію атамана генералъ-адъютанта Хомутова, онъ составилъ брошюру: „Краткій статистическій взглядъ на землю войска Донскаго", для воспитанницъ Донского Маріинскаго института, которая и до сихъ поръ ходитъ въ рукописи.

Служа и трудившись всю жизнь, въ послѣднее время оной, былъ членомъ въ комитетѣ по постройкѣ Грушевской желѣзной дороги и, занимая должность эту, послѣ тяжкой четырехъ-мѣсячной болѣзни, скончался 9 февраля 1863 года.

М. В. Пудавовъ.

ГЛАВА 1.

(ВСТУПЛЕНІЕ).

Взглядъ на значеніе востока Европы по главнымъ явленіямъ его міра, отъ ветхой жизни до XVI христіанскаго вѣка, указывающимъ старобытность началъ казачества.—Происхожденіе и значеніе имени казаковъ.—Эпоха размноженія казацкой сословности.—Казаки разныхъ названій.—Заключеніе.

Въ Европѣ есть Западный міръ и есть Восточный міръ— разные отъ самаго младенчества ихъ. Начала, господствовавшія надъ духомъ ветхой, до-христіанской, жизни и того и другого міра, выражались значеніемъ богинь: перваго—*Мелиты* или *Венеры*, второго—*дѣвы Тавити* или *Діаны*. По этимъ присущимъ основамъ, въ обоихъ мірахъ создавались и развивались главные принципы историческаго движенія, противуположные одинъ другому. Различіе исконное и не напрасное, какъ ниже объяснится.

Въ восточномъ мірѣ, въ нашемъ отчествѣ, есть вышедшая изъ глубины его славянской натуры сила историческаго движенія, какой нѣтъ въ западныхъ государствахъ Европы: это—*казаки*. Донынѣ сословность казацкая не понята отечественною исторіею, не смотря на то, что въ существѣ духа и быта ея свѣтло отражается наслѣдіе нашей первобытной *славяно-туранской царевщины*: поборничество хранительнаго генія востока Европы—дѣвы Тавити. Одинъ изъ историко-критическихъ изслѣдователей о руссахъ и славянахъ, г. Морошкинъ, приходилъ къ убѣжденію, что

«начало движенія въ русской исторіи, и даже въ исторіи Востока и старѣющагося Рима, заключалось въ *вольныхъ казакахъ*; что въ нихъ зачинается русское дворянство; что древнія формы его суть: царскіе скиѳы, аланы, хозары и казаки—*древнѣйшее дворянство всемірной исторіи*» 1). Но эта глубокая русская мысль осталась безъ достойнаго просвѣтленія и сознанія, какъ видно только по тому порабощенію нашего ученія о началѣ Руси, какое нанесено западнымъ духомъ исторической критики въ несчастную эпоху бироновщины. Духъ этотъ внушалъ видѣть въ нашей древней восточной славянщинѣ только лишь *смердовъ-орачей* да *древодѣлей*. Неужели же никогда не должно быть отвергнуто русскимъ смысломъ такое внушеніе, неужели древній благородный элементъ славянскій—*казачество* не прояснится и не займетъ съ достоинствомъ своего мѣста въ бытописаніи отечества?

Въ изслѣдованіяхъ г. Морошкина есть основательныя доказательства, что раздольныя низовья Днѣпра, Дона, Волги и степи, до гребней Кавказа, искони были колыбелью славянской царевщины: здѣсь жила она, какъ выражались о себѣ старинные донцы, «*царскимъ счастіемъ съ-травы да съ-воды*», т. е. степью и моремъ.

И теперь на Дону, на древнемъ урочищѣ своемъ, сидитъ казацкое войско (котораго исторію хотимъ разсказать мы), утвердившееся трехъ-вѣковою, воинородною заслугою отечеству, съ своими прерогативами на землю, образъ быта и службы, освященными закономъ 2) и торжественными хартіями (грамотами) *ИМПЕРАТОРОВЪ* Россіи „отъ лица благодарнаго отечества, во свидѣтельство предъ цѣлымъ свѣтомъ“ 3).

1) Историко-Критическія изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ Ѳ. Морошкина. 1842 года, стр. 161.

2) Полож. объ Управл. Войск. Донск. 26 мая 1835 г.

3) Торжественныя грамоты, пожалованныя войску Донскому *ИМПЕРАТОРАМИ* Россіи, на пергаментѣ за государственными печатями: Пе-

Но начало исторической жизни нынѣшнихъ донцовъ проявляется въ правительственныхъ грамотахъ Москвы только съ половины XVI вѣка 4), и то съ неузнаваемымъ значеніемъ его. Отечественные лѣтописцы, отъ Нестора до XVI вѣка, не называли славяно-туранскую царевщину, присущную востоку Европы, позднимъ именемъ казачества, потому что элементъ этотъ, во все продолженіе удѣльнаго періода, увлеченъ былъ драками княжескихъ усобицъ и мѣшался въ нихъ, безразлично, съ тогдашнею городецкою вольницею и «*отними*»—княжескими дружинами, сначала подъ именемъ *пасынковъ* (выражавшимъ точное значеніе имени царскихъ скиѳовъ, какъ ниже объяснится), а послѣ—дѣтей *боярскихъ*. Писавшіе о Россіи иноземцы,—средневѣковые путешественники и искатели земныхъ благъ въ *Московіи*, какъ люди чужіе, которые не знали даже русскихъ лѣтописей, не могли имѣть и мысли доискиваться значенія казачества. Письменные памятники старины Донской истребилъ огонь 5), а устныя преда-

---

тромъ Великимъ—21 февраля 1706 г., Екатериною II—28 іюня 1775 года, Александромъ I—30 августа 1811 и 19 ноября 1817 гг. и Николаемъ I—23 февраля 1832 года.

4) Акты Московскаго Государственнаго архива Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ.—Въ послѣдующихъ главахъ нашей исторіи указано будетъ: съ какого именно времени въ первый разъ упоминается по актамъ о Донскихъ казакахъ.

5) Съ самаго начала своей исторической жизни донцы обладали грамотностью. Въ письменныхъ правительственныхъ памятникахъ ихъ, конечно, могли быть свѣдѣнія о первоначальныхъ общинахъ и *городкахъ* на Дону; но два пожара,—первый въ 1687 году, а второй въ 1744 году, уничтожившіе Черкаскъ, главный городъ донцовъ, со всѣми войсковыми хранилищами, истребили и всѣ акты. Кромѣ актовъ, донцы, если и писали дневники или повѣствованія о своихъ дѣлахъ, то очень немного. Сохранились только два сказанія: одно о взятіи

нія и пѣсни *рылѣшниковъ (гудцовъ)* ея 5), какія были, съ теченіемъ вѣковъ, сошли въ безотвѣтныя могилы и умолкли навсегда для потомства; что же изъ мѣстныхъ преданій сохранилось въ живой памяти, превращено простодушіемъ въ сказки. Да и самыя эти преданія не восходятъ далѣе эпохи Ермака—завоевателя Сибири.

Такъ явленіе донцовъ въ отечественной исторіи, какъ и всего казачества, сдѣлалось достояніемъ изслѣдованій и догадокъ. Историографъ Карамзинъ и нѣкоторые другіе русскіе писатели говорили о немъ съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ истинѣ; всѣхъ глубже и любовнѣе смотрѣлъ на этотъ предметъ г. Морошкинъ 7).

Азова въ 1637 году, а другое о *сидѣніи* въ азовѣ отъ туровъ въ 1641 году, оба испорченныя во многомъ переписчиками.

6) Въ старинныя времена на Дону находились особые пѣвцы богатырскихъ пѣсенъ, называемые *гудцами (гудами), рылѣшниками и пѣсничьями*. Пѣніе сопровождали они игрою на рылѣ (лирѣ), музыкальномъ инструментѣ, до нынѣ еще употребляемомъ на Дону, хотя уже и рѣдко, и извѣстномъ во всей Малороссіи. Многіе изъ рылѣшниковъ были и слагатаями пѣсенъ. Эти казацкіе поэты-музыканты представляли послѣднее пріемничество *„гусляровъ и дидовъ“*—пѣвцовъ славянскихъ дружинъ самой глубокой древности. Немногія изъ старинныхъ Донскихъ пѣсенъ сохранились въ народной памяти донынѣ. О замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Гудцы существовали и у половцевъ, обитателей Дона во времена удѣльной Руси. (Лѣт. Ипатьевская, стр. 155).

Въ Карпатскихъ горахъ у гуцуловъ, равно какъ и въ цѣломъ по-Кутьѣ (по-Кудѣ), находятся и теперь, въ значительномъ числѣ, пѣвцы, называемые *дидами*, которые составляютъ какъ бы особую касту.

7) Вышеупомянутыя изслѣдованія о Руссахъ и Славянахъ, г. Морошкина, стр. 121—164.

Не станемъ судить сказаннаго другими, но скажемъ о казачествѣ сами, что можемъ, прежде нежели начнемъ исторію донцовъ. Русское казачество—явленіе міровое. Начало и значеніе его коренится въ историческомъ міровомъ значеніи ветхой жизни востока Европы. Значеніе же этой жизни представляется намъ вотъ какъ:

Востокъ Европы, отъ устья Истра (Дуная) до моря Гирканскаго (Каспійскаго) и хребта Рифейскаго (Уральскаго), покрываемый именемъ Скиѳіи въ сказаніяхъ грековъ и римлянъ, искони рознился съ западомъ Европы, какъ выше замѣтили мы, и духомъ и основною бытовою идеею своего міра. Въ ветхомъ человѣчествѣ жребій этого міра былъ—представительство величайшаго мужества и отрицаніе нѣги и покоя, духовное исполинство изъ всей Іафетической расы, покрывшей Европу. И библейскія сказанія представляютъ народовъ сѣвера облеченными въ достоинство воздѣлателей преобразовательныхъ потрясеній 8) и языческія, со временъ Геродотовыхъ, присвоиваютъ нашей Скиѳіи, кромѣ непобѣдимости, еще «мудрость» и благоразуміе во всѣхъ обстоятельствахъ жизни 9). Если не въ этомъ сѣверѣ, не въ этой Скиѳіи,

---

8) Прор. Іерем. гл. I ст. 14, гл. IV. 6, гл. VI. 1 и 22. Исаіи. гл. XI. 1. 25. и еще во многихъ мѣстахъ сказаній, какъ этихъ пророковъ, такъ и другихъ, народы сѣвера представляются сокрушительными орудіями, для исполненія дивныхъ цѣлей Іеговы. Въ статьѣ „О состояніи Іудеевъ въ плѣну Вавилонскомъ“ весьма основательно объяснено такое значеніе сѣверныхъ племенъ (Христіан. чтеніе 1839 г., част. III, стр. 341—391).

9) „Понтъ Эвксинскій“—говоритъ Геродотъ—„представляетъ народы всѣхъ странъ непросвѣщеннѣйше; исключая скиѳскаго, ни одного народа, изъ обитающихъ на западѣ Понта, мы не можемъ предложить, кромѣ народа скиѳскаго, мудростью извѣстнаго“. (Кн. IV. 46).

Ѳукидоръ такъ отзывается о нашей Скиѳіи: „Ни одно государство въ Европѣ не можетъ сравниться съ скифами; даже ни одинъ

то гдѣ же могло готовиться для міра новаго прямое поборничество той таинственной силы, которая прознаменована «жезломъ орѣховымъ и конобомъ, поджигаемымъ отъ лица сѣвера» 10)? Гдѣ могъ воспитываться будущій блюститель вѣчной церкви въ догматахъ вселенскаго православія? — На землѣ нѣтъ такого другого царства православія, какъ русское; а Русь—племенная наслѣдница скиѳскаго, Понтійско-Бористенскаго (Черноморско-Днѣпровскаго) царства *Таргитаева* 11),—царства дѣво-чтительст-

---

„народъ въ Азіи, отдѣльно взятый, не въ силахъ былъ бы противо-„стать скиѳамъ, если бы они были соединены; даже въ благоразуміи, „нужномъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, ни одинъ народъ не мо-„жетъ съ ними сравниться“ (кн. 11 § 97).

Вотъ какъ разумѣли аѳинскіе политики нашъ старый Востокъ.

10) Іерем., гл. 1. ст. 11—15.

11) Геродотъ разсказалъ скиѳское преданіе, что первый человѣкъ Понтійско-Борисѳенскаго царства и родоначальникъ скиѳовъ царскихъ былъ *Таргитай*, который родился отъ дочери рѣки Борисѳена и Папея (Діа). Кн. IV. гл. 5, 6 и 7.—У римлянъ тоже было преданіе о Таргесѣ, который родился отъ глыбы земли и научилъ этрусковъ предсказаніямъ. — (Славян. Сбор. Савельева-Ростиславича, стр. 234, въ примѣчаніи). Слово Таргитай, какъ понимаемъ мы, означаетъ не лицо, но религіозно-философскую идею древняго міра о священномъ обычаѣ (правѣ) международныхъ сношеній, путемъ мѣны по нуждамъ и избыткамъ. Оно сложено изъ двухъ словъ, если не болѣе: изъ *тера, тыра, торъ,* что на ассирійскомъ, халдейскомъ и древне-нѣмецкомъ языкахъ значитъ: въ простомъ смыслѣ—дверь, входъ путника—гостя въ кущу, храмъ, притонъ торговый (караванъ-сарай), въ переносномъ—покровъ, защиту, безопасность, и изъ *гита,* что въ философскомъ смыслѣ буддистовъ (по-санскритски) значитъ разумѣніе. По этому Таргитай выражаетъ разумѣніе покрова, или въ восточной формѣ—дверь (дорогу) разумно-покровную, проводничную. Кромѣ этого, въ словѣ

ва 12), золотого плуга 13), священнаго меча 14), и братской герой-

Таргитай мы видимъ присутствіе еще высочайшей, всесвѣтлой идеи Тау, о которой скажемъ впослѣдствіе. Таргитайство понятно было всѣмъ народамъ ветхаго міра: Азіи, Индіи, Аравіи, Африки и Европы. Вѣрное опредѣленіе начала идеи этой по языку могло бы навести на важныя указанія къ разъясненію древней исторіи. Слово Торговля, Тара (покрышка, обертка хранилищная товаровъ) торная (битая, безопасная) дорога имѣютъ корнемъ идею Таргитайства.

12) Скиѳы признавали многихъ боговъ; но главное чествованіе воздавалось ими богинѣ—Дѣвѣ-Тавити. Кумировъ, жертвенниковъ и храмовъ никому изъ боговъ не строили, кромѣ жертвенниковъ одному только богу войны Арею. (Герод., кн. IV. 59). О жертвенникѣ Арея скажемъ ниже.

Идея дѣвочтительства, или возвеличенія тайны брака, рожденія, какъ понимаемъ мы, востокомъ великой Азіи, составляла въ Туранскомъ мірѣ священно-геройческое ученіе, въ противоположность ученію Иранскаго міра, гдѣ (у Вавилонянъ и Ассиріанъ) тайна брака унижена была религіею до скотообразія, даже само язычество считало такое учрежденіе постыднѣйшимъ. (Герод. кн. I. гл. 181 и 199, и посланіе Прор. Іереміи ст. 42 и 43). Идея Товити скиѳской (Діаны) и идея Мелиты вавилонской есть борьба духа Симова съ духомъ Хамовымъ. Изъ ученія дѣвочтительства истекли, какъ полагаемъ мы, установленія амазонства и савроматства (Гинекократуменства), которое распространено было по Кавказу до Танаиса и Меотиды. Преданіе о немъ, какъ говорятъ, сохранилось у черкесовъ-кобардинцевъ. (Воспорское царство, соч. Амика, част. I стр. 2 и 3). Предметъ о дѣвочтительствѣ весьма важенъ для исторіи стараго востока Европы, а въ особенности Кавказо-Меотійскаго славянства. Глубокое и подробное изслѣдованіе его должно изгнать допущенное историческою критикою безсмысленное ящероглазіе савроматовъ. При такомъ изслѣдованіи можетъ объясниться и дѣйствительное значеніе миѳа о Таврической Херронеской Артемидѣ и Ифигеніи и связь его съ мѣстными миѳами, надъ чѣмъ тру-

ческой чаши (котла, коноба) вина-символа его народнаго союза 15).

Не въ этихъ-ли глубокихъ преданіяхъ и миѳахъ теорія, или толкованіе основного смысла Русской исторіи?

Человѣчество ростетъ и зрѣетъ по непреложному плану, по которому идетъ исторія. Ключъ разумѣнія этого плана — въ сказаніяхъ библейскихъ, какъ въ документѣ человѣчества на его достоинство. Въ двухъ областяхъ течетъ жизнь и исторія — въ духовной и животно-разумной. Первая есть об-

---

дился Г. Кене. (Изслѣд. объ истор. и древн. города Херсонис. Таврическаго Б. В. Кене, 1848 года, стр. 49—90). Замѣтимъ однакожъ, что безъ библейскихъ основъ разгадываніе языческихъ миѳовъ, будетъ не вполнѣ осмысленнымъ.

13) У Скиѳовъ было преданіе, что въ царствованіе на Борисѳенской землѣ трехъ сыновей Таргитаевыхъ—Лейпоксиша, Арпоксаиса и Колоксаиса упали съ неба золотыя орудія: плугъ, яремъ, бердышъ и чаша; что это священное золото не допускало огнемъ своимъ двухъ старшихъ братьевъ и покорилось третьему Колоксаису, отъ котораго произошли скиѳы царскіе. (Герод., кн. IV. 5 и 6).

14) Скиѳы, въ каждомъ округѣ (номѣ), гдѣ начальство имѣло свое присутствіе сооружали храмъ Арею. Устройство храма состояло изъ огромной кучи (кургана) прутьевъ, связанныхъ въ пуки. Курганъ имѣлъ на верху четвероугольную площадь, на которую съ одной стороны былъ пологій всходъ. На верху кургана водружили „старинный желѣзный мечъ, который и означалъ кумиръ Ареевъ.“ Кромѣ животныхъ, Арею приносили въ жертву и плѣнныхъ непріятелей, зарѣзывая по одному отъ каждой сотни. Кровью жертвы поливали на курганѣ мечъ. (Герод., кн. IV, 62.

15) Ежегодно, одинъ разъ, каждый окружной старѣйшина, собиралъ скиѳовъ своего округа, растворялъ чашу вина, которое пили всѣ истреблявшіе непріятелей на войнѣ. Не участвовавшіе въ томъ, вина этого не пили, а сидѣли особо безъ всякой почести, что значило у нихъ весьма великое безчестіе (Герод. кн. IV. гл. 66.

ласть вѣчной церкви Сына Человѣческаго, или духа общенія любви и истины; вторая—«церкви лукавнующихъ» 16) или духа общенія—«князя міра» 17). Между ними борьба. Путемъ безпрестаннаго развитія горькой работы «познанія добра и зла» 18), борьба эта постепенно низводитъ церковь лукавнующихъ къ паденію и сознанію торжества церкви истины. Ходъ этой міровой борьбы и ходъ сущности исторіи имѣютъ свои періоды по духу трехъ таинственно-преобразовательныхъ началъ, которыя проявлены въ библей-

---

Союзный договоръ скиѳы заключали такимъ образомъ: наливъ вина въ большую глиняную чашу, мѣшали его съ кровью заключающихъ договоръ, уколовъ шиломъ, или нарѣзавъ ножомъ нѣсколько ихъ тѣлъ; потомъ погружали въ чашу саблю, стрѣлы, сагаръ и дротикъ. Затѣмъ произносили многія заклятія. Наконецъ выпивали чашу какъ заключавшіе союзъ, такъ и достойнѣйшіе изъ присутствующихъ. (Тамъ же гл. 70). Чаша, или котелъ, почитались у скиѳовъ важнымъ, священнымъ народнымъ символомъ. Огромный мѣдный котелъ, вмѣщавшій шесть сотъ ведеръ и имѣвшій въ толщинѣ 6 дюймовъ, сдѣланъ былъ при царѣ Аріантонѣ изъ остроконечій стрѣлъ, принесенныхъ каждымъ скиѳомъ и положенъ при источникѣ у священныхъ путей, называвшемся по-скиѳски Эксампей. (Тамъ же, г. 81.

Замѣтимъ: Геродотова книга о Скиѳіи можно сказать не прочтена еще какъ слѣдуетъ. Въ огромной литературѣ критическихъ экзекстическихъ трудовъ надъ Геродотомъ, въ отношеніи скиѳовъ, особенно ззамѣчательны: Байеръ, Де-гинь, Де-Анвиль, Потоцкій, Минертъ, Герренъ, Эйхвальдъ, Линднеръ, Надеждинъ и многіе другіе, но ни одинъ изъ нихъ не объяснилъ значенія скиѳовъ въ исторіи по ихъ вѣрованію, народнымъ обычаямъ, учрежденіямъ и преданіямъ; даже и географія Понтійской скиѳіи не понята опредѣлительно.

16) Псал. XXV. ст. 5.

17) Еван. Іоанна гл. XII. 31.

18) Быт. гл. II. ст. 9 и 17. и гл. III. 5. 17—20.

скомъ сказаніи тремя послѣдовательными троичностями 19). Двѣ первыя пролагали пути дѣламъ міра ветхаго, а третья, начавшаяся отъ Авраама, дѣйствуетъ въ мірѣ новомъ: имена Исмаила, Исава (Едома), Іакова, выражаютъ ея значеніе и смыслъ. Эти три начала поставлены въ своемъ періодѣ быть преобразовательною силою для всей семьи рода человѣческаго. Два послѣднія (Исавово и Іаковлево)—близнецы по рожденію, какъ обреченные словомъ Бога «превзойти всѣхъ людей» съ тѣмъ, что «большее изъ нихъ поработаетъ меньшему» 20), охватили весь материкъ Европы—первое Западъ 21), а второе Востокъ, и стремятся довершить преобразованіе ветхаго человѣка, гдѣ остался еще онъ въ духѣ началъ второй троичности 22), совершая въ то же время дивную борьбу и

19) *Первая троичность* представлялась—Каиномъ, Авелемъ (быт. гл. IV ст. 1-9) и Сиѳомъ (быт. гл. IV ст. 25 и гл. V. 4.)

Вторая троичность—Симомъ, Хамомъ, Іафетомъ (быт. гл. V. ст. 32 и г. IX, 18 и 19).

Третья троичность—Измаиломъ (быт. гл. XVI. 11, 12 и 15). Исавомъ, Іаковомъ (быт. гл. XVII. 19—23. и гл. XXI. 3. и гл. XXV, 20, 23, 25 и 26). Всѣ имена лицъ въ этихъ троичностяхъ, конечно, имѣютъ свои значенія, выражающія тѣ начала, какія въ нихъ представлены.

20) Бытія гл. XXV. ст. 23 „и рѣче ей (Ревеккѣ) Господь: два „языка во утробѣ твоей суть, и двои людіе отъ утробы твоея разлу„чатся, и людіе людей превзыдутъ, и большій поработаетъ меньшему".

21) Съ самыхъ первыхъ годовъ по рождествѣ Христовомъ, іудеи считали Римъ „царствомъ Едомскимъ" (Исавовымъ). Истор. Іудеевъ С. Капефага изд. втор. част. 1., стр. 72, 177 и 280. Дальнѣйшее поясненіе о преобладаніи на западѣ Исавовскаго начала будетъ ниже.

22) О разселеніи человѣческихъ племенъ по землѣ, произшедшихъ во второй троичности, т. е. отъ сыновъ Ноевыхъ—Сима, Хама, Іафета,—и о предуставленномъ переобразованіи ихъ, есть весьма основательное обозрѣніе въ статьѣ подъ названіемъ „Изъясненіе пророчества

между собою о «правѣ первородства, которое большимъ продано меньшему за блюдо яства» 23). Если не изъ этого «предглаголанія», то изъ чего же можно уразумѣть таинственно-духовныя основы того неудержимаго, могущественнаго движенія европейской рассы къ преобладанію на всемъ земномъ шарѣ и тѣхъ громадныхъ завоеваній ея силою мысли и оружія, какія представляетъ теперь нашъ вѣкъ 24)? И къ чему эти движенія, если не къ возсозданію всемірной державы «жезла орѣховаго» 25) и «единаго стада съ единымъ пастыремъ» 26), хотя они совершаются завоевательною рассою и безъ сознанія такой, небесной основы? Философское воззрѣніе на исторію, отъ Вико до Бокля—воззрѣніе языческое, обходитъ указанія преданія; но въ силахъ ли оно постигнуть, поче-

Ноева о будущей судьбѣ потомства его," напечатанной въ Христіанскомъ чтеніи на 1839 г., ч. 1. стр. 63.

23) Быт. гл. XXV. ст. 30—34 и послан. къ Евреямъ гл. XII. 16.

24) Во взятіи Пекина англо-французскими войсками, 1860 года, и въ заключеніи съ китайцами такого договора, какой хотѣли побѣдители, нельзя не видѣть усиливающагося съ каждымъ годомъ преобладанія европейской рассы на всемъ земномъ шарѣ. Успѣхи, совершающіеся съ начала XIX вѣка въ распространеніи этого преобладанія, изумительны: европейцы употребляютъ для того всевозможныя средства и орудія: и политику, и религіозную пропаганду, и агрикультуру и промышленность. Вездѣ, или властвуетъ, или торгуетъ европеецъ и въ Сѣверной Америкѣ, и въ Канадѣ, и на мысѣ Доброй Надежды, и въ Остъ-Индіи, и въ Новой Голландіи, и въ Зеландіи. Японцы въ благопріятныхъ отношеніяхъ къ европейцамъ; колонизація русская подвигается съ востока до береговъ Амура. Африканцы окружены грозою европейцевъ. Одинъ Китай щадила Европа; но теперь и эту имперію заставляетъ она разлагаться.

25) Книг. числъ гл. XVII. 8.

26) Еван. Іоанна гл. X. 16.

му, при общемъ потрясеніи міра ветхаго и образованія новаго, могли одновременно возникнуть и войти въ борьбу между собою три великія дѣятеля средне-вѣковой исторіи: римско-христіанскій духъ, византійско-христіанскій духъ и магометанско-аравійскій духъ,—если не признаетъ ихъ элементами выше указанной троичности, латинство—Исавовымъ, православіе—Іаковлевымъ, магометанство—Исмаиловымъ? Все, что научное изслѣдованіе сказало о причинахъ явленія и о значеніи этихъ главныхъ средне-вѣковыхъ дѣятелей, не положительно. Пора бы наукѣ примириться въ этомъ съ преданіемъ, не вѣрить наущеніямъ эдемскаго змѣя.

Три указанныя начала, въ работѣ міроваго преобразованія, составляютъ преобладающихъ воздѣлателей по тремъ способамъ человѣческаго постиженія—*чувствованію, мышленію, вѣрованію*. Исавъ—преобладающее мышленіе, работаетъ Іакову 27)—преобладающему вѣрованію, а Исмаилъ—преобладающее чувствованіе, враждуетъ противъ обоихъ 28). Совокупность этого тройственнаго воздѣланія, соотвѣтствуя существу человѣка съ его присущими постиженіями—чувствованіемъ, мышленіемъ, вѣрованіемъ, выражаетъ законъ въ процессѣ жизни человѣчества и въ постепенномъ созрѣваніи, или совершенствованіи его. Еще прежде нежели язычество начало писать исторіи 29), послѣднему библейскому историку уже изъясненъ былъ такой ходъ въ работѣ человѣчества, а вмѣстѣ и исторіи: «конецъ-бо вѣка сего Исавъ, а другаго нача-

---

27) См. выш. примѣч. 20.

28) О Измаилѣ сказано: Быт. гл. XVI. ст. 12 „Сей будетъ сильный человѣкъ: руцѣ его на всѣхъ, и руки всѣхъ на него, и предъ лицомъ всея братіи своея вселится.

29) Замѣчательно: Въ вѣкъ Геродота искусный законовѣдецъ Іудеи и священникъ Эздра, собралъ древнія памятники народа Божія, привелъ въ порядокъ св. книги и изъ нихъ написавъ двѣ книги Паралипоменонъ и Хрониконъ. Правитель народа Неемія довершилъ по-

ло—Іаковъ». Человѣка рука между пятою и рукою, иного не ищи Эздра» 30).

Длинное, средне-вѣковое бореніе рѣшилось религіознымъ и государственнымъ разграниченіемъ міра новаго между представителями духа трехъ сказанныхъ началъ: латинствомъ, православіемъ и исламизмомъ, иначе и быть не могло. Мнѣніе, вошедшее въ учебники исторіи, что востокъ Европы въ средніе вѣка не имѣлъ ничего общаго съ западомъ Европы, неосновательно. Востокъ Европы, превратившій въ началѣ среднихъ вѣковъ свой скиѳскій, подвижно-геройческій, разрозненный міръ, въ Хазаро-Русскую, а потомъ въ Варяго-Русскую монархію, дѣйствовалъ въ общемъ процессѣ обновленія такъ же могущественно и для той же цѣли возсозданія всемірной державы, какъ и западъ, только по иному направленію и иными явленіями; но это единство цѣли и общность дѣйствій не поняты наукою. Скиѳская Русь службой человѣчеству не моложе стараго Рима 31). Отъ Волги (Ра, Итиля),

вѣствованіе Эздры;—и этими книгами кончается Бытописаніе, которое началъ Моисей.—Въ то время когда Эздра и Неемія оканчивали свой великій трудъ, Геродотъ началъ писать свою исторію. Такимъ чуднымъ стеченіемъ времени, послѣдніе писатели священной исторіи встрѣчаются съ первымъ писателемъ исторіи языческой.—До начала Геродотова, исторія еврейская, принимая отъ временъ Авраама, вмѣщала въ себѣ уже пятнадцать вѣковъ.

30) Эздры кн. III. гл. 6. ст. 9 и 10.

31) У скиѳовъ было преданіе, что отъ перваго царя ихъ Таргитая до нашествія на нихъ Дарія (царя персид.) протекло не болѣе тысячи лѣтъ (Герод. кн. IV. гл. 7). Нашествіе же Дарія было въ 513 году до Р. Х.—Римъ основанъ, по лѣтосчисленію Варрона, въ 753 году до Р. Х.—Замѣчательно, что начинанія духовныхъ переобразованій въ древнемъ западѣ и въ древнемъ востокѣ Европы произведены изгнанниками! въ Италіи сдѣлали это изгнанники Иліона, или

Дона (Танаиса) и Днѣпра (Борисѳена), какъ отъ исконнаго «Поля», (Дештъ бранной земли, 32) раздѣлявшаго въ Европѣ западъ съ востокомъ, или Иранъ съ Тураномъ, началось обновительное средне-вѣковое потрясеніе ветхаго европейскаго міра, здѣсь же оно и кончилось: Волга и Тибръ были крайними чертами потрясенія: *Баломіръ* начинатель его (во второй половинѣ IV вѣка) и *Василій Темный* окончатель (въ половинѣ XIV вѣка), оба власти-

---

Трои, а въ Кавказской и Гирканско-меотійской скиѳіи изгнанники Іерусалима (Историко-Критич. изслѣд. о Руссахъ и Славянахъ г. Морошкина, 1842 года, стр. 131—134). Самое же основаніе Рима было современно первому или ассирійскому разсѣянію израильтянъ, которое произошло за 749 лѣтъ до Р. Х., а потомъ за 606 лѣтъ до Р. Х. совершилось и второе, или вавилонское разсѣяніе іудеевъ.

32) Дештъ (Поле), Демнамъ (Брань война) по-персидски. (Срав. слов. част. 11 стр. 28 и 29). Пространство между низовьями Днѣпра и Волги и отъ верховьевъ сѣверскаго Донца и Дона до степей кубанскихъ и кумскихъ, въ древней Руси слыло подъ именемъ „Поля"; имя это принималось не въ простомъ смыслѣ пустыни, степи, но въ смыслѣ бранной страны, мѣста нападеній и битвъ; въ такомъ значеніи выказывается оно по русскимъ лѣтописямъ. Донское порѣчье отъ области Рязанской до Азова и въ XVI вѣкѣ называлось „землею страха", какъ видно по актамъ.

Въ такомъ значеніи понимаемъ мы проименованіе полянъ Несторовыхъ, которая была колыбель Руси по преимуществу. Съ этимъ словомъ однозначительно и названіе, существовавшаго на Руси (отъ Скиѳовъ даже и въ XVI вѣкѣ) суднаго единоборства, которое именовалось „Судомъ Божіемъ" или „Полемъ." И скиѳы царскія „судились мѣчомъ" (Герод., кн. IV. 65). Въ объясненномъ же значеніи землю между Волгою и Днѣпромъ разумѣли и всѣ восточныя отродья, называя ее именемъ Дештъ, а не въ смыслѣ чисто географическомъ, какъ толковали наши изслѣдователи русскихъ древностей.

тели земли *Скиѳо-руссовъ* или *Славяно-Туранцевъ* (Гунновъ-*десятинниковъ* 33). Никто изъ историковъ не уразумѣлъ, что изъ этого «Поля» истекло главное движеніе, отъ котораго разложился историческій міръ въ послѣднее духовное разграниченіе, по тремъ

33) За раскрытіемъ ложности гипотезы Дегиня о гуннахъ, за объясненіемъ ихъ исторіи въ періодъ Аттилы, за установившимся мнѣніемъ, что имя Гуннъ на древне-сѣверномъ нѣмецкомъ нарѣчіи значитъ великанъ и что оно однозначительно съ именемъ Обринъ, Обръ, которое на западно-славянскомъ нарѣчіи тоже значитъ великанъ. (Слов. Сборн. Савельева-Ростиславича 1845 г., стр. ССXXXI и ССXXXII и его же предислов. къ Истор.—критическ. изслѣд. о Руссахъ и Славянахъ Морошкина, стр. 9—13). Мы сдѣлаемъ небольшое соображеніе наше о имени Гуннъ.

Гуннское баломировское движеніе (въ IV вѣкѣ), въ массу котораго входили ни одни славяне, а и фины, и турецкія отродья (въ собственномъ значеніи), и народы неопредѣленнаго кавказскаго племени (истр. Критич. изслѣд. о Рус. и Славян. Морошкина, стр. 127 и 130), было въ началѣ своемъ, какъ понимаемъ мы, великою реакціею кавказско-волжскаго и меотійскаго славянства, или славянства южнаго на остъ-готское движеніе отъ сѣвера на югъ, къ предѣламъ черноморскимъ, которое совершилось въ III вѣкѣ. Поэтому имя Гуннъ и могло быть нанесено на все громадное соединеніе побѣдоносныхъ народовъ изъ языка готскаго въ смыслѣ владыкъ, поробощающихъ и силою и данью десятинною. Въ нѣкоторыхъ отросляхъ древняго готскаго языка слово (Гунтъ) означало десять (Энцекл. Лексик. т. III. стр. 71). Въ древности же было правомъ побѣдителей брать съ порабощенныхъ десятину въ дань, что дѣлали хазары надъ побѣжденными и моголы во владычество надъ Русью. Почему, думаемъ мы, имя Гуннъ выражало имя властителя десятинника, т. е. великана, или великаго не въ физическомъ, но въ политическомъ смыслѣ человѣка Гунна, порабощающаго, силующаго десятиною. Къ подкрѣпленію такого сооб-

таинственно-преобразовательнымъ началамъ 34). Заключеніемъ всего средне-вѣковаго преобразованія было осуществленіе государства Московскаго, а важнѣйшимъ явленіемъ духовнаго разграниченія— торжественное отверженіе Русью соборнаго Флорентійскаго постановленія о главенствѣ папы, и слѣдствіемъ того государственное передвиженіе свѣтильника вселенскаго православія отъ предѣловъ Азіи въ глубину сѣверовостока Европы,—изъ павшей предъ исламизмомъ Византіи,—въ Москву.

Такъ, Русь, крѣпкою вѣрою сердца въ слово вѣры вселенскаго православія, оставшись неизмѣннымъ поборникомъ Іаковлева начала, окончательно обособилась отъ вѣры мудрованія западно-христіанскаго раціонализма и предстала міру языковъ, или государствъ человѣчества новаго, въ духовной области вѣчной церкви,— какъ бы вторымъ Израилемъ 35). Это не преувеличеніе: у Руси есть эпоха временъ Александра I, знаменующая столь глубокое значе-

---

раженія замѣтимъ еще, что какъ только со смертію Аттилы распалась поработительная владычность громадной монархіи, то имя Гуннъ изчезло, оставались лишь Гунабы, (города, мѣста) (Критическ. изслѣд. г. Еверса, 1826 г. стр. 159) какъ памятники и пункты, гдѣ были сборы десятины грозныхъ поработителей. Да осталась еще объ этомъ имени память въ проименованіяхъ нѣсколькихъ русскихъ князей удѣльнаго періода, которыхъ назвали Гундурами, или Гундорами, (Славян. сборникъ Савельева-Ростислав стр. 198 въ примѣчаніи). Встарину у Донскихъ казаковъ былъ городокъ Гундоръ (на р. Донцѣ), который теперь называется Гундоровскою станицею.

34) Въ основаніи монархіи Османской, бывшей рѣшительницею этого разграниченія, главнѣйше участвовали хазары. Смотр. ниже примѣч. 117 и 118.

35) Эта мысль имѣетъ сближеніе съ глубокими мыслями г. Зацѣпина о Россіи, изъясненными въ книгѣ его: «Ученіе о жизни» 1845 г., часть 1., стр. 61—70, 333 и 334, част. 11, стр. 63—85 и 136—140.

ніе ея въ отношеніи запада: тогда деизмъ XVIII вѣка—наслѣдникъ ученія вавилоно-египетскаго и греко-римскаго—судился съ вѣрованіемъ наслѣдникомъ ученія Сіонскаго; тогда, по этому суду, духомъ скиѳскаго Поля-Волги, Дона и Днѣпра,—возбудились новыя «священныя» начала государственнаго братства въ Европѣ 36). Объ этой эпохѣ Русь завѣщала исторіи—всемірному судилищу науки—короткое слово: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему»—имени Того, который все видитъ и правитъ міромъ».

Самъ русскій народъ изстари сознавалъ отечество свое „частію земли Господней" (Акт. Археагр. Экспед., т. II. № 67, стр. 157.

36) По низложеніи Наполеона 1-го, государи: россійскій австрійскій и прусскій, по мысли и желанію Императора Александра 1-го, заключили (14—21 Сентября 1815 года) братскій и христіанскій союзъ, извѣстный подъ именемъ священнаго союза. Монархи согласились: „какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководиться „заповѣдями Св. Евангелія, которыя, не ограничиваясь приложеніемъ „своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять „волею царей и водительствовать ихъ дѣяніями, какъ единственное „средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенства. Вслѣдствіе сего положили: соединиться узами неразрывнаго братства и оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, „во всякомъ мѣстѣ, взаимную помощь и доброжелательство: подданныхъ „же своихъ считать какъ бы членами одного семейства, управлять ими „въ томъ же духѣ братства для охраненія вѣры, правды и мира."

Къ этому союзу впослѣдствіе присоединились всѣ государи Европы, кромѣ папы (который не могъ отказаться отъ воображаемаго первенства своего надъ всѣми владыками земли). Король (принцъ-регентъ) велико-британскій не могъ приступить къ союзу формально, потому что это не согласно съ конституціями Англіи, но впослѣдствіе объявилъ, что совершенно раздѣляетъ правила въ немъ провозглашенныя.

Вотъ значеніе востока Европы и царства Таргитаева. Для поясненія такого взгляда прослѣдимъ ходъ и смыслъ главныхъ историческихъ явленій, приготовлявшихъ зарожденіе государства Московскаго. Увидимъ, что всѣ они имѣли выше указанное значеніе, и что передовымъ, былевымъ дѣятелемъ ихъ было вольное, самопожертвовательное славяно-туранское геройчество.

По зендскому дѣленію ветхаго міра на *Иранъ* и *Туранъ* (*Тауранъ*) 37), мы понимаемъ, что царство Таргитаево лежало на сѣверо-западѣ туранской половины, при рубежѣ съ иранскою, примыкаясь у Понта Эвксинскаго (моря Чернаго), къ концу хребта Тавра (Таура). Хребетъ Таврскій отъ высотъ Гималайскихъ, или, точнѣе, Иранскихъ, раскинулся одною вѣтвью вдоль всей Малой Азіи—прародительницы градожительства—до моря Эгейскаго (Архипелагскаго), а другою—громаднымъ Кавказомъ (Гоговою крѣпостію 38), проникнулъ въ Тавриду (Крымъ), едва не до устьевъ Борисѳена (Днѣпра), гдѣ лежала священная Понтійская Илея 39). Въ

---

37) Значеніе слова Тауранъ объяснится ниже.

38) Колхидяне называли Кавказъ Гогъ-Хасанъ, Гогова крѣпость. (записки руковод. къ разумѣн. книги Бытія 1819 года част. II ст. 32.)

39) Землю, лежавшую при устьяхъ Днѣпра, съ лѣвой его стороны, Геродотъ называетъ Илееи (Гилееи) (кн. IV. 9. 18 и 79).

Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей исторіи и древностей признаютъ, что это имя „чисто по-эллински, значитъ лѣсная страна“ (г.г. Надеждинъ — Записк. Одесскаго Общест. Истор. и древн. т. 1, стр. 47 — и Морошкинъ — изслѣд. о Рус. и Слав. 1842 г. стр. 63, 124 и 125). Г. Бутковъ, въ противорѣчіе имъ полагаетъ: что „Гилея и въ Геродотовъ вѣкъ носила славянское имя: ибо Страбонъ (кн. VII гл. 4) и Юстинъ (кн. II. гл. 1) говорятъ, что Гилея означаетъ мѣсто смердячее, вонючее; а мы и теперь называемъ тамошній сивашъ гнилымъ моремъ.“ (Журн. финск. вѣст. 1846 года стр. 68 и 69 въ ст. мнѣн. о книг. Славян. древн. ст. II. въ примѣч. 139). Мы думаемъ,

юности міра вѣтвь Тавро-Кавказская составляла великую начально-историческую черту дѣленія двухъ главныхъ, первобытныхъ образованностей Вавилоно-Ассурской (Иранской) съ Бактріанскою (Туранскою) или Тигро-Ефратской съ Гигонскою — черту Меркурія

что и первое и второе мнѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію слова Илея или Гилея. Хотя Геродотъ и написалъ, что Илея покрыта всякаго рода деревьями (кн. IV. 76); но лѣсовъ было много и въ другихъ частяхъ Скиѳіи и Будиніи, отчего же онъ тѣ мѣста не называлъ Илеями? Сивашъ лежитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ была Илея. Геродотъ же разсказалъ, что Анахарсисъ совершалъ празднество матери боговъ (Мотри) въ рощѣ Илейской. А такое священнодѣйствіе, конечно, не могло отправляться въ смердячемъ, вонючемъ мѣстѣ. По этому соображенію, мы полагаемъ, что у насельниковъ Понтійской Скиѳіи, особенно у ильсіянъ (Илейцевъ, Илея (Гилея) (Гай-илея), заключало религіозный смыслъ и значило „врата священныя" (ходъ священный); это былъ гай (священный лѣсъ), гдѣ совершались странствователями гаданія о счастіи въ путяхъ. Понтійская Илея была какимъ-то подобіемъ „Оулашъ-Лузе" Хананейской, или „Беѳ-илъ близъ Агги, при морѣ„ (Быт. гл. 12 ст. 8 и гл. 15 л. 3): и тамъ, близъ Беѳ-ила, какъ и здѣсь, близъ Илеи, былъ ипподромъ или ристалище, и чрезъ Илею шли отъ моря въ глубину сѣвера и на западъ Европы пути торговаго и религіознаго движенія, какъ и чрезъ Беѳ-илъ изъ Вавилоно-Ассиріи въ Египетъ. Объ этомъ предметѣ сдѣлано нами болѣе поясненій въ примѣчаніи къ статьѣ о Герросѣ Днѣпровской Скиѳіи, напечатанной въ „Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ" 1854 года № 12.

Илея заключала часть изъ тѣхъ Усть-Днѣпровскихъ земель, которыя впослѣдствіи составляли Бѣлобережье, упоминаемое въ договорахъ Игоря и Святослава съ греками, т. е. свободнопроходныя, или вольныя и безопасныя для всѣхъ земли, — земли бѣлыя, безданныя и безпошлинныя. Такое значеніе Бѣлобережья, вѣроятно, шло отъ древнѣйшаго священнаго илейскаго и ипподромнаго значенія ихъ. Г. Чертковъ въ уче-

(Варовита) сборницу языковъ по торговымъ, религіознымъ и колоніальнымъ движеніямъ, которыя отъ Мидіи, Иберіи, Албаніи и Колхиды входили въ Европу чрезъ Танаисъ и Воспоръ (Боусъфоръ) Киммерійскій—Пантикопеею (все-покровными воротами) 40). Понтійская Таврида была важнѣйшимъ конечнымъ пунктомъ этой черты: въ ней, со временъ недоступныхъ памяти исторіи, сознавалось чествованіе высочайшей идеи Тау (креста) 41), о значеніи которой будемъ говорить послѣ. Каждая изъ показанныхъ міровыхъ половинъ—Иранская и Туранская, подчиняясь силѣ двухъ великихъ тайнъ бытія—тайнѣ рожденія (брака) и тайнѣ смерти (погребенія) и вліянію воспитывавшей ихъ природы, основала противуположныя міросозерцанія или образованности по преимущественному воззрѣнію на одну изъ этихъ тайнъ: Иранская, или точнѣе, Вавилоно-Ассурская, впослѣдствіи Пеласгійская (Фалусгійская), обоготворила тайну рожденія и развивала владычество ея любострастною и любостяжательною идеею Мелиты 42), Астарты, Ци-

ной статьѣ своей о „Бѣлобережье“ (журнал. Мин. Нар. Просвѣщ. 1845 г. августъ и сентябрь мѣсяцы) не угадалъ такого кореннаго значенія Усть-Днѣпровскихъ мѣстъ въ имени Бѣлобережье и искалъ смыслъ этого названія только въ бѣломъ цвѣтѣ.

40) Городъ Пантикапея, гдѣ нынѣ Керчь, былъ однимъ изъ главныхъ рынковъ древней Греціи, привлекавшимъ къ себѣ всѣ отросли торговли Танаиса и Фаногоріи. Здѣсь греки заготовляли зимою грузъ для отправленія его весною и лѣтомъ: грузъ состоялъ главнѣйше изъ пшеницы, соленой рыбы, кожъ и шерсти. Имя этого города, основанное какъ видно на идеѣ бога Пана, старѣйшаго изъ всѣхъ божествъ миѳическихъ и означавшаго „совокупность всего міра“, выражало его значеніе о свободномъ торговомъ прибоѣ и покровѣ въ Гантикапскѣ, народовъ изъ цѣлаго тогдашняго міра, какъ въ пановыхъ воротахъ.

41) Герод., кн. IV. 113.

42) Смот. выше примѣч. 12

белы. Это ученіе обоятельное, могучее по выраженію пророка, «гора, смертоносная, растлѣвающая всю землю» 43) врывалось изъ Азіи въ европейскій материкъ, кромѣ Воспора Киммерійскаго, еще двумя великими входами, Воспоромъ Ѳракійскимъ и Эллиспонтомъ, при которомъ (на западномъ концѣ Тавра) стояла Троя (Иліонъ)—врата просвѣщенія Италіи: отсюда Эней принесъ въ нее идею обожанія Венеры, сдѣлавшеюся корнемъ религіознаго и государственнаго развитія Рима 44). Господство духа этой ветхой образованности донынѣ мучитъ разумъ запада лукавымъ призракомъ въ словѣ цивилизація; но первобытные обладатели востока Европы, скиѳы царства Таргитаева—прапраотцы Руси—смѣялись надъ таинствами идеи иранскаго (Фалусгійскаго) ученія 45). Туранская Иперворійская (Гиперборійская) или, точнѣе, шаманская, впослѣдствіи бактріанская образованность обоготворила тайну смерти и развивала владычество ея строгою, самопожертвовательною, дѣвственною идеею Тавити (Истіи, Діаны, Гекоты). Человѣкъ иранскій основалъ ученіе жить, а туранскій умирать: это реализмъ и спиритуализмъ, это Хамъ и Іафетъ 46). Это два разбойника, два тѣхъ «беззаконныхъ», среди которыхъ распятъ Христосъ 47). Укоризна Христа однимъ изъ нихъ и исповѣданіе другимъ выразили сущность основныхъ началъ Ирана и Турана.

---

43) Іерем. гл. 41 ст. 25.

44) Пропилеи кн. IV. 1854 г. изд. П. Леонтьева. См. ст. фасты Овидія П. А. Безсоннова стр. 81—164.

45) Эллинскія вакханаліи скиѳы ненавидѣли, вмѣняли ихъ въ стыдъ, „говоря: несообразно съ здравымъ разсудкомъ, чтобы находился такой Богъ, который бы приводилъ людей въ бѣшенство". Герод., кн. IV. 79.

46) Изъ этихъ двухъ главныхъ первичныхъ воззрѣній расплодились впослѣдствіи системы вѣрованій: въ Бела, Изиду, Брошу, Будду, Ормузда, Зевеса и пр. со всѣми ихъ философскими ученіями.

47) Евапг. Луки гл. XXIII. 39—44.

Такъ царство Таргитаево, располагаясь у сѣвернаго конца Тавро-Кавказской черты, гдѣ было сильное препирательство двухъ главныхъ міровыхъ образованностей 48), осуществляло собою какъ бы передовое становище и «стражбу» Иперворейской Скиѳіи, отстаивавшую духъ туранскій отъ духа иранскаго.

Въ темныя времена младенчества Греціи, когда она, по религіознымъ разумѣніямъ, находилась еще въ духовной связи и сношеніяхъ съ ипервореями (гипербореями) Турана, царство Таргитаево было жизненнымъ звѣномъ одной изъ громадныхъ вѣтвей Санскрита (Саман-Кирита—пѣсни Креста)—Патріарха языковъ европейскихъ—языка славянскаго, раскидывавшейся разноименными колѣнами отъ великой Азіи чрезъ Кавказъ и Волгу до Адріатическаго моря 49): тогда, чрезъ это царство, приносились отъ иперворееевъ священныя жертвы «обѣтными дѣвами» до Адріатики (по всему славянству), а оттоль уже по Греціи до острова Дилоса. 50), хранилища богини Латоны—матери Аполлона и Діаны (Тавити).

Главнѣйшіе героическіе дѣятели Таргитаева царства, временъ Геродотовыхъ, были скиѳы вошлиды (Царскіе или царственные)—казаки ветхаго міра въ европейскомъ востокѣ; они составляли «самое многочисленнѣйшее и благороднѣйшее поколѣніе, считавшее всѣхъ прочихъ скиѳовъ-алазоновъ, аротировъ и другихъ, своими рабами 51), и царевали на земляхъ (тѣхъ самыхъ, на коихъ съ

48) Въ самыхъ миѳическихъ преданіяхъ о началѣ Скиѳскаго Понтійскаго царства обнаруживается препирательство на Воспорѣ, между иранскою и туранскою образованностями. Геродотъ записалъ два преданія: въ одномъ эллины присвоивали начало царства своему Ираклу (кн. IV. 8, 9); въ другомъ—скиѳы своему царю Таргитаю (IV. 56 и 7); о чемъ и выше упомянуто въ примѣч. 11.

49) Славянск. сборникъ Н. В. Савельева 1845 года, стран. CCXXXV—CCXXXIX.

50) Герод. кн. IV. 13, 26, 33, 34 и 35.

51) Герод. кн. IV. 17 и 20.

XV вѣка раскинулись становища литовскагó и московскаго казачества) отъ Борисөена и страны Герра—къ югу до Тавриды и Меотійскаго моря, и къ востоку—до Танаиса и грекоскиөскаго торжища (эмпорія) *Кремнъ*, стоявшаго, какъ понимаемъ мы, при устьѣ р. Сѣверскаго Донца (Сиргиза) 52)». На Танаисѣ сосѣдили они съ одноплеменниками своими савроматами 53) (дѣвочтителями, гинекократументами), сидѣвшими по степямъ затанаискимъ и по сѣвернымъ склонамъ Кавказа. На Борисөенѣ у царскихъ скиөовъ было народное святилище Герры—кладбища царей 54). Тамъ же находилась и главная Кіанская (геройческая—по-зендски) отчизна таргитайства, та страна, въ которой царско-скиөское наслѣдіе—хозарство, основало впослѣдствіи свою городецкую мать—Кіевъ 55). У Танаиса, составлявшаго тогда границу Азіи съ Европою 56), царскіе скиөы покровительствовали торжищамъ, изъ ко-

52) Герод., кн. IV., 20, 53, 56, 100 и 101. Г. Надеждинъ полагалъ, что торжище Кремны находилось при Азовскомъ морѣ, тамъ, гдѣ нынѣ Бердянскъ (записк. Одесскаго Обществ. Истор. о древ. т. 1. стр. 67); но мы считаемъ, что оно было на Танаисѣ, близь впаденія въ эту рѣку Сѣверскаго Донца. Нѣкоторыя подробности объ этомъ предметѣ будутъ изложены нами въ главѣ географическ. очер. Донск. страны. (Смотр. гл. II этой исторіи.)

53) Герод., кн. IV., гл. 110—118.

54) Герод., кн. IV. 53, 56 и 71.

55) Въ статьѣ о Герросѣ Днѣпровской Скиөіи, напечатанной въ Донскихъ Войсковыхъ Вѣдомостяхъ 1854, года № 12, изложено нами соображеніе, что Кіевъ находился въ предѣлахъ Герроса. Кіевъ былъ родовымъ мѣстомъ хозаръ. Несторъ указываетъ на это. Когда Аскольдъ и Диръ спросили Кіевлянъ: „чій се градокъ?“ они же рѣша: „было суть три братья: Кій, Щекъ, Харивъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ платяче дань родомъ ихъ, козарамъ.“ (Лаврентьевск. Лѣт., стр. 9).

56) Город., кн. IV.,—45.

торыхъ главное было Кремны, и переправы чрезъ эту рѣку военныхъ и торговыхъ караванныхъ шляховъ (путей) изъ великой и малой Азіи и Индіи въ Европу—шляха *Гетманскаго* (Уральскаго)—величайшаго въ мірѣ по движенію по немъ народовъ,—*Мидійскаго* (Дербентскаго) и *Савроматскаго* (Даріельскаго, Ассурскаго, Арменскаго, впослѣдствіе Аланскаго) 57). Такъ царскіе скиѳы замыкали владычествомъ своимъ на юго-западѣ все Поле (Дештъ), лежавшее отъ низовьевъ Итиля до низовьевъ Борисѳена—эту Меотійскую и Гирканскую, или точнѣе—*Сѣверную Сирію*, на которой, съ юности міра, по водянымъ чертамъ ея—Волгѣ, Дону и Днѣпру, Иранство сходилось съ Туранствомъ *судиться* (стрѣлою и мечемъ) и размѣниваться произведеніями труда и природы. Не безъ смысла и не безъ основаній, древность считала Меотійское море «матерью Понта Эвксинскаго (*Тамериндою*)», а рѣку Танаисъ рубежомъ Азіи съ Европою. Въ этомъ преданіи заключается великій, общеисторическій интересъ, давно достойный уразумѣнія. Имя Меотиды (Тамеринды) звучитъ указаніемъ на древнѣйшее сознаніе здѣсь народами всесвѣтлой идеи *Тау*. Географическое положеніе Меотиды, заключенной въ кутѣ, между материками Азіи и Европы, который огороженъ съ юга Кавказомъ (Тавромъ), съ востока моремъ Гирканскимъ, съ запада Понтомъ, съ сѣвера соединенъ открытою степью съ лѣсными порѣчьями Днѣпра, Дона и Волги, пріютномъ для пастуха, оратая, звѣролова, рыболова и богатыря (главы покрова въ торговыхъ и религіозныхъ международныхъ движеніяхъ),—обличаетъ на ней помѣту отъ самой природы быть въ юномъ мірѣ прибойными воротами, по выраженію библейскому, «дома суетствія» народовъ Азіи, Индіи и Европы, и сдѣлаться важнымъ историческимъ узломъ въ

57) Въ слѣдующей, во 2-й главѣ исторіи моей, заключающей географическій очеркъ Донской страны, указываются темные слѣды этихъ древнихъ шляховъ.

жизни всей семьи рода человѣческаго, донынѣ неразъясненномъ. Строгимъ служеніемъ Дѣвѣ Тавити и символу Тау и кровавымъ поклоненіемъ мечу понтійская Скиѳія (особенно Воспоръ Киммерійскій) представлялись кичливому понятію пеласгійства временъ Гомеровскихъ, предѣломъ *„свѣта“* (жизни, блага) и началомъ царства *„тьмы“* (смерти, бѣдствій) 58). Не только для ветхихъ грековъ, но и для римлянъ наша скиѳія была украиною міра, покинутаго людьми и богами 59). Любя отечественную вѣру, установленія и языкъ 60),—царскіе скиѳы охраняли ихъ горячо и жестоко 61). Это прототипъ господскихъ, хранительныхъ силъ востока Европы,—душа всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ движеній его въ древности: они, сражаясь конные и пѣшіе, оберегли поколѣнія роды своихъ смердовъ—орачей (Аротировъ), древодѣлей и торгашей (Георгаевъ) разводили Яровитовы (Ареевы) и Варовитовы (Меркуріевы) пути отъ Понтійскаго поднѣпровья и Меотиды на западъ къ Адріатикѣ, на сѣверъ къ Балтійскому морю и на югъ къ Мидіи «Еламу»—зародышу *всесвѣтнаго тріарійства*, началомъ силы котораго былъ лукъ 62) и къ источникамъ Гангеса. Бывъ урочными дѣятелями брани, они не рѣдко, слива-

58) По поэтическому свѣту, созданному воображеніемъ грековъ и описанному въ географіи Гомера, въ предѣлахъ Киммеріи оканчивалось царство Нептуна, и находились пещеры, которыми можно найти врата ада.

59) Истор. Рос. Соловьева. Т. 1 стр. 27.

60) Замѣтимъ, что у понтійскихъ скиѳскихъ царей, между прочими чинами, были письмоводцы,—(Герод. кн. IV. 71); слѣдовательно они имѣли письмена. Подъ именемъ письмоводцевъ не разумѣлись ли званія тіуновъ (дьяковъ), о которыхъ скажемъ ниже.

61) Герод. кн. IV.—76, 77, 78 и 79.

62) Герод. гл. XI. IX. 34—37. Это указаніе Пророка о Еламитахъ, или Мидянахъ весьма важно для исторіи нашего Сѣвера.

лись съ тучами конниковъ великой Иперворейской Скиѳіи и какъ гусеница, по выраженію библейскому 63), неслись на владычества западной Азіи, Африки и Европы, карать и обновлять ихъ.

Лукавая предпріимчивость пеласгійства въ ветхомъ мірѣ, какъ и въ новомъ раціонализма, не разъ пыталась ворваться въ это грозное, понтійское становище Турана съ обояніями своихъ искусствъ общежительныхъ, посредствомъ Милетійскихъ и Ираклiотскихъ колоній; но, сокрушаясь объ суровую «мудрость скиѳовъ» 64), не могла проникнуть на Понтѣ далѣе устьевъ Дона 65). Хотя же и успѣла она, на старой почвѣ Киммеріи, построить изъ скиѳо-ясотскихъ элементовъ Воспорское царство; но и это царство, во всю жизнь свою, почти всегда враждовало съ духомъ пеласгійства: дружба Воспора съ Римомъ—искусная брань слабѣйшаго съ сильнѣйшимъ, малаго съ большимъ.

Не напрасно, но для великой цѣли въ борисѳенско-танаисскомъ становищѣ Турана «кроваво и страшно» 66) воспытыванъ былъ человѣкъ, поборникъ богини Дѣвы и Тау—духъ отрицатель нѣги и покоя, человѣкъ послушанія въ мірѣ ветхомъ: онъ готовленъ быть человѣкомъ послушанія и въ новомъ мірѣ, способнымъ, по выраженію библейскому, «сердцемъ уразумѣть» 67) небесное бла-

63) Амосъ гл. VII. 1.

64) Скиѳы имѣли сильное отвращеніе отъ иноземныхъ обычаевъ особенно отъ Еллинскихъ, см. выше примѣч. 61.

65) На Меотидѣ одинъ только Танаисъ, стоявшій при устьяхъ Дона, былъ важнымъ рынкомъ грековъ и колоніею ихъ. Выше же по Дону, чисто греческихъ колоній не было; а находились рынки грекоскиѳскія и савроматскія. Извѣстія о городахъ Эксополисѣ и Новорисѣ весьма темны.

66) Герод. кн. IV. 64 и 65.

67) Исаи. гл. VI. 10 и Іерем. г. XXIV. 7.

68) Слово. св. Прокла Константинопольскаго, Хрис. чтен. 1839 года част. III. 172.

говѣстіе въ послѣдованіе первому голгофскому исповѣднику, умиравшему вмѣстѣ съ Христомъ, «нелицемѣрно, безъ лукавства», безъ ограниченія, безъ изслѣдованія, вѣрой взыскуя, а не языкомъ измѣряя, вѣрой пріемля, а не словами испытуя слово» 68), какъ учитъ вселенская церковь. И этотъ человѣкъ скиѳъ, или сколотъ, (словянинъ руссъ) пройдя вѣка могучимъ дѣятелемъ исторіи, подъ разноименными народностями: царскихъ скиѳовъ, савроматовъ, тавро-скиѳовъ, роксолановъ, алановъ, гунновъ, хозаръ, славянъ-руссовъ и другими 69), данными и сохраненными письменностію чуждыхъ ему языковъ, донынѣ еще не узнанъ исторіею. Не смотря на всѣ роковыя превратности, онъ никому не уступилъ колыбельной земли своей и могилъ праотеческихъ до послѣдняго имени въ языческой жизни—«безбожнаго русса» 70), какимъ кіевскій лѣтописецъ Несторъ положилъ начало его исторической самобытности въ среднихъ вѣкахъ. Потомъ, когда, «по ходу временъ», кончился жребій его подвижнаго геройчества, или «стражбы концовъ земли», когда покрылся онъ именемъ «русса христіанаго» 71) и въ средне-вѣковомъ дѣлежѣ міра умѣлъ закрѣпить себѣ въ жилище весь востокъ Европы въ громадномъ пространствѣ, достойномъ его духовно-исполинскаго значенія.

Чѣмъ-же могло корениться такое могущество, если не наслѣдіемъ духа туранскаго начала «крѣпкаго какъ смерть?» Что-же такое въ сущности туранство? и что было его основою? Оно, какъ понимаемъ мы, въ глубочайшей древности, на востокѣ Азіи, знаменовало священно геройческую, дѣвочтительную сословность, или «стражбу концовъ земли». Это было поборничество вѣчно живущей,

69) Историко-критическія изслѣд. о Руссахъ и Славянахъ Ѳ. Морошкина 1842. г. и Славянскій сборникъ Н. Савельева-Ростиславича 1845 года. Лаврентіевск. лѣт. стр. 9.

70) Тамъ же стр. 23.

71) Исаи, гл. XI. І. 8 и 9.

всесвѣтлой идеи Тау (конца, предѣла, совершенства)—идеи, символомъ которой былъ крестъ—знакъ спасенія,—зародышъ всѣхъ іероглифовъ, рукъ, письменъ-изобразительной жизни, слова 72); по-

72) Эта мысль сообразна съ достойнымъ глубокаго вниманія мнѣніемъ Сентъ-Феликса Моремона о крестѣ. (Воспор. Царст. А. Аника част. II, стр. 23—26).

Моремонъ написалъ разсужденіе имѣвшее цѣлію доказать, что крестъ неправильно почитаемъ былъ орудіемъ позорной казни, опредѣленной для черни. По его мнѣнію крестъ въ древности былъ знаменіемъ обожанія и спасенія.

Онъ объясняетъ, что крестъ у египтянъ и евреевъ, еще при Моисеѣ и Іисусѣ Навинѣ, употребляемъ былъ иногда какъ позорный столбъ, къ которому привязывали преступника живого, или мертваго; но въ языкѣ еврейскомъ нѣтъ особеннаго названія присвоеннаго такому кресту: онъ просто назывался дерево.

Напротивъ, у Римлянъ крестообразная фигура была въ большомъ уваженіи. При Августѣ, который избралъ ее для построенія храма Богини мира, она почиталась какъ знакъ блаженства.

Язычники, по свидѣтельству философа Іочтина, въ его аналогіи, сохраняли уваженіе къ кресту даже и тогда, когда преслѣдовали христіанство. Изображеніе креста встрѣчается у нихъ на мачтахъ судовъ, на военныхъ знаменахъ, на сельскихъ орудіяхъ и проч.

Для уразумѣнія смысла даннаго древними кресту, Моремонъ входилъ въ изслѣдованіе: какое значеніе имѣлъ крестъ во времена самыя отдаленныя, въ особенности когда народы посредствомъ Іероглифовъ изъясняли свои мысли.

По аналитическому разсмотрѣнію китайскихъ Іероглифовъ найдено, что въ преданіяхъ китайцевъ, крестъ былъ знаменіемъ обожанія восходящимъ до временъ первобытныхъ.

Въ древнемъ Египтѣ крестъ почитался жрецами, какъ тайный символъ жизни.

борничество того символа, котораго предметъ и сила, превышаю-

---

Потомъ Моремонъ переходилъ къ отысканію подобныхъ аналогій въ различныхъ азбукахъ, составленныхъ изъ измѣненій Іероглифическихъ письменъ.

Изъ Азбучной аналогіи открывается, что вездѣ, гдѣ знакъ крестообразной формы имѣлъ значеніе буквы, или части первоначальной буквы,—онъ присвоивалъ себѣ значеніе философское, соотвѣтствующее идеи о Богѣ или Богопочитаніи, такъ было у китайцевъ, евреевъ, египтянъ, грековъ, коптовъ и эфіоповъ.

Выпишемъ нѣсколько сличеній: у евреевъ, первая буква *алефъ*, имѣющая форму Андреевскаго креста ┼, соединяла въ себѣ Іероглифическое понятіе о началѣ; у китайцевъ буква *тсе*, сходная съ еврейскимъ *алефъ*, значитъ рожденіе дитяти; у египтянъ (въ скорописи) крестъ такъ же выражаетъ смыслъ буквы *алефъ* и *тсе*. Буква *тау*, въ своей первоначальной формѣ, соотвѣтствовала формѣ греческаго креста ┼ и имѣетъ значеніе, конца, предѣла совершенства. То же самое значеніе присвоено этрусской буквѣ *тау*, изображеніе которой похоже на латинскій крестъ.┼ Греческія буквы *пси* и *кси*, коптская буква *дса* и эѳіопская *та*, имѣютъ крестообразную форму и въ значеніи своемъ одинаковы съ еврейскимъ *тау*.

Послѣ этого, Моремонъ указываетъ на IX главу пророчествъ Іезекіиля, гдѣ говорится о наложеніи ангелами знаменія на лица мужей кающихся и о пораженіи всѣхъ лишенныхъ этой помѣты. Знаменіе состояло въ крестообразной формѣ буквы *тау*. Ссылка эта вполнѣ доказываетъ, что у евреевъ, по крайней мѣрѣ за 600 лѣтъ до Р. Х. Крестообразная форма заключала въ себѣ значеніе священное и спасительное. Этого мало, капитанъ Дюпе, находясь въ Америкѣ, въ 1807 году, открылъ въ развалинахъ огромнаго города (Паланкъ) крестъ, поставленный въ молитвенномъ мѣстѣ, какъ предметъ поклоненія.

Изъ всего этого Моремонъ вывелъ заключеніе, что крестъ не основательно почитался знаменіемъ отверженія: но какъ мнѣніе—су-

щія силу разума, открылись человѣчеству при безпредѣльно пора-

---

ществовало вообще въ то время, когда жилъ Спаситель нашъ, то Моремонъ объясняетъ это тѣмъ, что крестъ не былъ у евреевъ прямымъ орудіемъ казни, а считался просто, что уже замѣчено, какъ столбъ, къ которому привязывали преступниковъ.

У Римлянъ крестъ служилъ для казни рабовъ: и почему? потому что этотъ родъ наказанія былъ происхожденія чуждаго. Евреи, знавшіе это, старались унизить Спасителя въ глазахъ своихъ властителей и поколебать этимъ благопріятное вліяніе, которое Богочеловѣкъ произвелъ на римлянъ.

Но какъ согласить между собою эти два древнія мнѣнія о крестѣ, основанныя на преданіи и одно другому противорѣчащія—т. е. что крестъ почитался первоначально какъ предметъ обожанія и блаженства, а потомъ какъ предметъ казни и позора? Чтобъ узнать истину, въ этомъ случаѣ надобно прибѣгнуть къ философскому изслѣдованію религіозныхъ мнѣній. И такъ, если съ одной стороны казнь преступника признавалась какъ искупленіе за совершенное злодѣяніе и какъ наказаніе за нарушеніе правилъ Божественнаго закона, то не удивительно что преступника привязывали къ такому столбу, который формою своею выражалъ значеніе власти верховной. Съ другой стороны если признано было, что одна только человѣческая кровь могла служить очистительною жертвою за преступленіе и залогомъ примиренія человѣка съ Богомъ, то всего ближе къ точному исполненію сей мысли было привязываніе жертвы къ столбу, который почитался символомъ обожанія и поклоненія. И какъ эти человѣческія жертвы, по мѣрѣ образованія обществъ, совершались только надъ чужестранцами и надъ рабами, то само собою, что современемъ, основная причина, которая условлевала подобныя казни, была забыта, равно и самая важность, присвоенная знаменію креста. Слѣдствіемъ этого было то, что изображеніе креста нечувствительно потеряло свое значеніе, и изъ эмблемы обожанія превратилось въ символъ казни.

зительномъ ожесточеніи борьбы Исава съ Іаковомъ 73), совершившейся Голгофскимъ событіемъ.

Присущность востоку Европы туранскаго духа ввела русса—продолжителя Скиѳіи—и въ избранное пріемство отъ Византіи вѣры православной. Геродотъ и Несторъ наводятъ на такое пониманіе: первый сказаніемъ о верховномъ Боготвореніи Борисѳенскими и Та-

Къ этому объясненію присовокупляемъ мы еще слѣдующія замѣчанія наши о значеніи Тау.

У тавровъ (Крымскихъ), поклонявшихся богинѣ-дѣвѣ Тавити (или Парѳеносъ), воздовалось чествованіе кресту (Тау): головы иноземцевъ, приносимыхъ въ жертву богинѣ, тавры настрекали на крестъ (Герод. кн. IV. 113—см. выше примѣч. 38).

Тавити, подъ именемъ Діаны-Тривіи—была покровительницею дорогъ (путей), а подъ именемъ Гекаты—подземною богинею, или дочерью Тартара и Тьмы. Въ послѣднемъ значеніи чародѣи и волшебники призывали ее на помощь въ своихъ заклинаніяхъ. Жертвы приносились ей на перекресткахъ дорогъ. (Энцек. Лек. т. XIII стр. 426—427). И здѣсь обнаруживается, что Тау было символомъ Товити-богини дѣвы.

Наконецъ, мы понимаемъ, что Тау (крестъ) въ самыхъ первобытныхъ временахъ было первѣйшимъ священно-таинственнымъ, символомъ истины и знакомъ, или пожѣнною жертвенной десятины.—Такъ въ крестѣ видимъ мы зародышъ всѣхъ іероглифовъ, рукъ, письменъ; начало изобразительной жизни Слова; видимъ зародышъ могущественнѣйшей силы.

73) За нѣсколько лѣтъ предъ Голгофскимъ событіемъ, Римъ ставитъ въ Полестинѣ царями идумеянъ—потомковъ Исавовыхъ—и они властвуютъ надъ іудеями жестоко. При идумейскомъ владычествѣ, Римъ, въ лицѣ своего прокуратора, совершаетъ судъ надъ Іисусомъ Христомъ:—и этимъ превращается въ пріемники начала Исавовскаго, для продолженія борьбы его съ братомъ и въ обновленномъ человѣчествѣ.

наискими скиѳами дѣвы Тавити и символа Тау, и о ихъ глубокомъ презрѣніи ученія о вакховыхъ таинствахъ, ученія, на почвѣ котораго разрослись Исавовскаго духа царства запада; второй, сказаніемъ о пренебреженіи русскимъ княземъ Владиміромъ религіи, воспрещавшей «пить вино» 74), какъ противной праотеческому, скиѳскому символу народнаго союза, религіи, которой основа, унижающая женщину, расплодила царство духа Исмаилова. Прибавимъ къ подкрѣпленію такой мысли, что хозары, какъ и скиѳо-тавры, чествовали крестъ 75); что Игорева Русь слѣдовала тому же 76); что христіанство съ самыхъ апостольскихъ временъ, постепенно, проникало въ русскую землю не съ запада, а съ юга—отъ Иверіи, чрезъ владѣнія хозаровъ 77) «торными» путями, лежавшими на Воспоръ Киммерійскій и Танаисъ, въ глубь сѣвера, о которыхъ выше замѣчено; что въ Кіевѣ, еще до Владиміра, «въ концѣ козарской бесѣды», т. е. въ той части города, гдѣ находилось сборное мѣсто пасынковъ-козаръ, была уже церковь св. Ильи 78); что не безъ исторической, хотя и темной связи, самое государственное принятіе Русью христіанства началось въ Херсонѣ, гдѣ въ древности была Мекка скиѳскаго вѣрованія, земля скиѳо-тоуровъ, именно тамъ, гдѣ находился Іерронъ (ограда священной земли) богини Дѣвы (Парѳеносъ) и креста (Тау), гдѣ была Трохея (Тарахея) недоступная для эллиновъ и всѣхъ чтителей Цибеллы и таинствъ Вакховыхъ 79). Но обратимся къ важнѣйшимъ явленіямъ средневѣковой исторіи.

---

74) Смот. выше примѣч. 45.

75) Лаврент. лѣт. стр. 36.

76) Прибавленіе второе къ примѣчаніямъ X тома истор. Г. Р. Карамзина, заключающее: сказаніе Ибнъ-Фоцмана о хозарахъ.

77) Лавр. лѣт. стр. 18 подъ 941 годомъ.

78) Крат. истор. грузинской церк. П. Іосселіана 1843 года и славянскій сборникъ Савельева-Ростиславича 1845 г. стр. 19—35.

79) Замѣтимъ: сказаніе Геродота (кн. IV гл. 113) о жертво-

VIII вѣкъ былъ представителемъ великаго перелома въ историческомъ мірѣ. Карательное вторженіе народовъ русской Скиѳіи въ западъ Европы совершилось. Тамъ, послѣ похода Волженина Аттилы—потомка Баломірова,—на могилахъ стараго римскаго владычества, возникла въ VIII вѣкѣ, изъ смѣшенія латинства съ германизмомъ, великая монархія *Франкская*. А на востокѣ Европы (отъ Волги до Тейсы), въ это же время, возвысилась держава хозаро-русская, или южно-славянская—колыбель монархіи Аттилиной—и вошла въ царственное родство съ Византіею, уже стѣсняемою магометанствомъ и страдавшею внутри богословскими распрями и нечестіемъ противъ православія, будущаго духовнаго наслѣдія Руси. Въ это же именно время достигла исполинскаго величія и монархія халифовъ Аравійскихъ: она раскинулась по Азіи до Индіи и Бактріаны и обхватила Европу съ востока и запада, сталкиваясь враждебно въ по-Волжьѣ съ хозаро-руссами и въ Испаніи съ франками, какъ предрѣкло непреложно ему Слово: «Исмаилъ предъ лицемъ всея братіи своей вселится: руки его на всѣхъ и руки всѣхъ на него» 80). Это былъ великій историческій дѣлежъ обновляемаго міра началами таинственно-преобразовательной троичности, видимое торжество вѣчнаго слова библейскаго. Одновременное возвышеніе поименованныхъ монархій составляло зенитъ мірового движенія къ великому перелому, зенитъ, отъ котораго потекли средневѣковыя событія, слагавшія

приношенія скиѳо-тавровъ Богинѣ дѣвѣ лицами иноземцевъ, мы понимаемъ такъ, что жертвами дѣлались не всѣ плѣненные иноземцы, но только тѣ; которые вступали, или выбрасывались бурею изъ моря на берегъ въ предѣлахъ (границахъ) земли Іерона, или святилища богини, т. е. на священную землю ея, и такимъ образомъ самою судьбою обрекались въ жертву богинѣ. Слово: Трахея (Тар-ахея) мы читаемъ такъ: Хранительница братчиковъ.

80) Смотр. выше примѣч. 28.

для народовъ Европы и Азіи новыя формы государственной жизни. Карлова и Гарунъ-аль-Рашидова династіи посѣяли въ своихъ монархіяхъ—первая на юной почвѣ христіанства, а вторая магометанства, сѣмя мудрованія и исскуствъ сего вѣка ветхаго Вавилоно-Египетскаго и Греко-Римскаго; а въ туранскій духъ Хозаро-Русской державы, союзницы Византіи, отрывки израильтянъ и іудеевъ изъ разсѣяній ассирійскаго, вавилонскаго и римскаго 81), внесли ученіе библейское, какъ преддвѣріе свѣта Евангельскаго, къ которому хозарство уже стремилось, что видно изъ защиты имъ христіанства отъ исламизма и изъ торжественнаго принятія великимъ Коганомъ (царемъ) его и многими вельможами христіанской вѣры (въ половинѣ IX вѣка), послѣ проповѣди философа Константина 82), совершившейся, какъ понимаемъ мы, въ Волжскомъ Балангіарѣ, столицѣ хозарской 83). Все строилось провидѣніемъ, какъ нужно было. Изъ этихъ великихъ насажденій развился тотъ длинный, многосложный процессъ между древнею животно-разумною и новою духовно-разумною образованностію о житейскомъ бытѣ, наукѣ, исскуствѣ, о существѣ и сліяніи власти архіерея (первосвященника) и царя, или церкви съ государствомъ,

81) Морошкинъ приводитъ основательныя соображенія, почему царство хозарское смѣшивается съ царствомъ еврейскимъ, или почему хозаръ считаютъ народомъ еврействующимъ. (См. его истор. крит. изслѣд. 1842 стр. 131—133).

82) Есть историческое извѣстіе, что козарскій Коганъ въ 740 году, по вліянію ученаго еврея Исаака Синджари обращенъ былъ въ Іудейство; но не смотря на это, Коганъ былъ всегда ревностнымъ защитникомъ христіанъ отъ Магометанъ. (Изслѣд. объ истор. и древ. гор. Херсонеса Тавр. Б. В. Кене 1848 года стр. 179). Неизвѣстно какой Коганъ-верховный или только Коганъ-намѣстникъ областной принялъ іудейство; и гдѣ: въ Крыму, или при устьяхъ Волги—въ Балангіарѣ.

83) Чет. Минея (книг. житія свят.) Мая 11 дня.

какимъ проникнута вся средне-вѣковая исторія и въ христіанствѣ и въ исламизмѣ.

Съ одной стороны поработительное раздвиженіе на сѣверо-востокѣ Карловой монархіи, съ другой, возникшая съ VII, и постепенно возроставшая до XI вѣка торговля Прибалтійскихъ славянъ и финовъ товарами Каспійскихъ и Персидскихъ магометанскихъ владѣній, особенно саманидскихъ и огнепоклонническихъ земель, чрезъ посредство могущественной Хозаріи и волжской Булгаріи 84), возбудили и развили величайшую предпріимчивость въ отважныхъ сосѣдяхъ Славянъ-Скандинавахъ (Готѳахъ) и Балтійскихъ поморянахъ, изъ племени Венедовъ (Генетовъ)— предпріимчивость, измѣнившую весь составъ древняго *Одинова* сѣвера и имѣвшую глубокія слѣдствія. Дѣйствіемъ азійско-хозарской торговли у Прибалтійскихъ славянъ и финовъ, по едва проходимой лѣсной и озерной странѣ ихъ, раскинулись пути и торги, развившія силу градожительствъ (поименованныхъ у Нестора)— Ладоги, Ростова, Бѣлозерска, Новгорода, Изборска, Мурома и другихъ. Эти селитьбы образовали, извѣстный въ Скандинавскихъ сагахъ, Гардорикъ, т. е. области, или, точнѣе, союзъ областей,

---

Въ сказаніи не видно, гдѣ именно просвѣщался хозаръ философъ Константинъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ; но соображая, что проповѣдь была въ главной столицѣ козаръ и предъ верховнымъ Коганомъ; и что Константинъ и Меѳодій отпущенные Коганомъ съ благодарственнымъ писаніемъ къ греческому императору Михаилу III и съ возвращенными плѣнными греками, проходили до Херсона сквозь „пустынныя и безводныя мѣста“ въ которыхъ изнемогали отъ жажды, ибо воды не было, а нашли только „сланое озеро“; мы полагаемъ, что просвѣщеніе совершилось въ Ателѣ, или Баланrіарѣ, и безводный путь подвижниковъ лежалъ отъ устья Волги чрезъ Астраханскія солонцеватыя степи мимо соляныхъ Манычскихъ озеръ, гдѣ какъ видно, былъ одинъ изъ караванныхъ путей къ Меотидѣ.

имѣвшихъ укрѣпленныя торговища—Гардорика 85), съ торгово-охранными дружинами и проводниками по рѣкамъ—Варягами (Варриками) 86). Отъ этихъ то Варриковъ дружинниковъ, сѣкирниковъ (Балтаджи) азійско-хозарская торговля наложила на Кодонскій заливъ и нынѣшнее имя его—Балтійское (сѣкирное море) 87). Чрезъ Гардорикъ, конечно, проходилъ, и, часто упоминаемый въ сагахъ, Аустр-вегиръ 88) (восточный путь)—путь сообщеній Балтійскаго сѣвера съ Усть-Волжскою и Кавказскою Хозаріею, который на югъ раскидывался и по Волгѣ и по Дону. По этому то Аустр-вегиру пробирались въ Итиль съ товарами тѣ краснорожіе и неопрятные руссы, которыхъ видывали арабскіе путешественники и географы. Дѣйствіемъ арійско-хозарской торговли разбогатѣли и у поморскихъ славянъ города—Трузо, Юлинъ, Визби и

84) Записк. Одесскаго общ. Истор. и древ. т. I 1844 г. ст. о Куфическ. Монет. В. Григорьева стр. 150—166.

85) Гардъ-дворъ, огороженное мѣсто, крѣпость, городъ; рикъ богатый: гарда-рикъ, дворъ, городъ богатый, торговый. Слова изъ готѳскаго языка. (Энц. Лек. т. II. стр. 139 и т. XIII стр. 309, и срав. слов. всѣхъ языковъ част. 1 стр. 352).

86) Варяги— слово безчисленныхъ ученыхъ толковъ: мы читаемъ его проводники, охранители (союзники) торговые, тоже что городовики хозарій, о которыхъ будетъ ниже объяснено.

87) Варяги-наемники, приторіанцы императоровъ византійскихъ, какъ и руссы, о которыхъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, были вооружены сѣкирами (журн. мин. нар. просв. Мартъ 1838 г. стр. 504—506) балта, топоръ,—сѣкира, балтаджи, отрядъ внутренней стражи, сераль Турец. султановъ. вооруженный сѣкирами (Энц. Лексик. т. IV. 202). Лѣтопись Адама Бременскаго есть древнѣйшій документъ, въ которомъ Кодонскій заливъ названъ Балтійскимъ.

88) Аустр-вегиръ, кажется, совпадалъ съ Аланскимъ шляхомъ, о которомъ будетъ объяснено ниже.

другіе, такъ что удивляли современныхъ западныхъ лѣтописцевъ; а въ послѣдствіе составили зародышъ могущественной Ганзы.

Но важнѣйшимъ слѣдствіемъ движеній при-Балтійскаго сѣвера было заложеніе новыхъ началъ, преграды западу въ напорѣ его на востокъ Европы, основаніемъ княженій Руси на Днѣпровскомъ порѣчьѣ, на этомъ древнемъ проводникѣ союзовъ Тавро-Понтійскаго поморья съ Балтійскимъ, священномъ базисѣ, царства Таргитаева.

Главнѣйшіе дѣятели этого періода сѣверной исторіи, извѣстные подъ общимъ названіемъ викинговъ или морскихъ воиновъ были, какъ и выше сказано, скандинавы и поморяне—тѣ и другіе—,,народъ разбойный и торговый", народъ дружинникъ по раздѣльности союзовъ, водимый конунгами (морскими королями). Съ конца VIII до X вѣка, викинги безпрерывно вдавались въ кипучіе наѣзды: одни (болѣе скандинавы) устремлялись на западъ—на Карлову монархію: тамъ грабили и водворялись по Германіи, Франціи, Британіи и Италіи; другіе (болѣе поморяне) на востокъ въ славянскій и финскій Гардарикъ, являясь и гостьми (купцами) и торгово-охранными находниками-варягами и проходными военными наймистами Византіи—федератами. При-Балтійскій Гардарикъ, по происходившимъ въ немъ (конечно за торговыя выгоды), усобицамъ, какъ говоритъ Несторова лѣтопись, превратилъ Варяговъ, названныхъ послѣ Варягоруссами, изъ находниковъ въ володѣтелей своихъ 89). Сага о трехъ-братствѣ первыхъ Сѣверно-Славянскихъ володѣтелей—Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ 90), отзывается общимъ складомъ народныхъ славянскихъ сагъ о трехъбратствѣ родоначалія: Кіевскіе Поморяне начинали себя тремя

89) Лаврент. лѣт. стр. 8.

90) Тамъ же стр. 8 и 9.

91) Тамъ же стр. 4.

братьями 91); Славяне до-Карпатскіе тоже 92); и самое первобытное Восточное Славянство—Скифы или Сколоты—такъ же начинало себя тремя братьями 93).

Но дѣло вотъ въ чемъ, что „по ходу временъ“ ветхая жизнь востока Европы уже исполнилась. Она заключилась тѣмъ, что Хозаро-Русская монархія отстояла и спасла языческое славянство свое, раскинутое между Днѣпромъ и Волгой (кромѣ Волжской Булгаріи), отъ исламизма, вторгавшагося въ него съ юго-востока, и приготовила къ перерожденію; а ледяной Скандинавскій и Славяно-Финскій Сѣверъ привела въ движеніе теплотою торговли. Отсюда востокъ Европы долженъ былъ вступить въ періодъ средневѣковаго боренія. Его славянству надлежало охристіаниться, переиначить образъ бытовой и государственный: въ подвижномъ геройствѣ своемъ начать развитіе землестяжательной идеи (установки къ покою) для соединенія въ одинъ общій союзъ, въ одинъ народъ южныхъ поколѣній (отродій) своихъ съ сѣверными, или точнѣе, при--Кавказскихъ съ при-Балтійскими. Тогда именно, въ половинѣ IX вѣка, сложилась пора къ такому начинанію. Византія, развратомъ своимъ, становилась недостойною государственною хранительницею вселенскаго православія. Іерархія западной церкви устремилась къ преобладанію надъ іерархіею восточной; въ распряхъ за догматы и въ преніяхъ за Болгарскую церковь, она дошла до проклятій іерархіи восточной и наконецъ церковь свою совершенно разъединила съ вселенскимъ православіемъ. 94). Тогда, именно, требовалось образованіе новаго, могучаго государственнаго пріемника православію: элементы для него давно уже были готовы на сѣверо-востокѣ.

92) Истор. Критич. изслѣдов. о Руссахъ и Славян. Морошкина 1842 г. стр. 37.

93) См. выше примѣч. 13.

94) Начерт. церк. истор. Иннокентія 1838 г. стр. 19—21 и 25—34.

Три пункта, какъ понимаемъ мы, въ половинѣ IX вѣка высказывались главными производителями новой исторической работы на пространствѣ нашего востока: Балангіаръ (на югѣ), Новгородъ (на сѣверѣ) и Кіевъ (на западѣ).

Всѣ они, духомъ своимъ, представляли три особыя стихіи.

Балангіарская (Хозаро-русская) стихія утверждалась, на патріархальномъ господствѣ великаго когана (царя), какъ на священно-таинственной идеѣ существа „счастія народнаго" (95). Эта идея была глубоко присуща Кавказско-Волжскому, или южному славянству. „Вы, Грецы"—говорилъ козарскій старѣйшина философу Константину „золъ обычій имате, поставляете себѣ ца„ри отъ иного рода, отъ простого, а не отъ царскаго: у насъ же „не тако, но имами наши коганы отъ дому и отъ рода коган„скаго, и не инако, кто у насъ воцарится, аще не отъ племени царскаго будетъ (96)." Такое понятіе о монархіи наслѣдственно воплотилось и въ козачествѣ, что ярко просвѣчивало, и въ рѣчахъ и въ грамотныхъ возраженіяхъ старинныхъ Донцовъ, когда

95) У хозаръ, какъ разумѣемъ мы, понятіе о царѣ основывалось на ученіи Зендавесты. Идея царя была священно-таинственною, и въ имени своемъ—„Коганъ" выражало перваго человѣка—единицу царства въ соотвѣтствіе тому первому человѣку Кагомортву, который рожденъ Ормуздомъ отъ Абудода, и былъ единицею человѣческаго рода. Счастіе царственной единицы было счастіемъ всего хозарскаго народа. Дальнѣйшее разъясненіе этого предмета заняло бы здѣсь много мѣста и потому мы ограничиваемся тѣмъ, что сказали. (Ученіе о религіи древнихъ Персовъ изъ Зендавесты, изложено отчасти въ стат. напечат. въ журн. Мин. народ. Просв. 1838 г. Ноября стр. 320—342). Объ обычаяхъ хозаръ, по сказанію Малуди, вѣримъ въ счастіе Когана см. ист. Р. Г. Карамз. т. I примѣч. 90.

96) Чет. Минеи мая 11 дня, и Истор. Крит. изслѣд. о Рус. и Слав. Морошкина стр. 142 и 143.

они говоривали и писали: „мы живемъ милостію Божіею и счастіемъ Государя.“—Власти когана покорствовали, какъ вассала, „владавцы и города“ разныхъ племенъ славянскихъ и арійскихъ—входившихъ въ массу монархіи, которая въ это время, роскошью и торговымъ духомъ приближалась къ распаденію. Объемъ Балангіарской стихіи былъ самый обширный: она раскидывалась отъ устья Волги за Оку и отъ гребней Кавказа, чрезъ проливъ Босфорскій по Днѣпру—за Кіевъ, въ глубь сѣвера.

Новгородская (Гардарикская) находническая, варяжская стихія, утверждалась на господствѣ князя, (кона) какъ на идеи главы союза военно-промышленной и торгово-охранной дружины, созданной нуждами сѣвера и проникавшейся эгоистическимъ стяжательнымъ духомъ германизма. Въ ней каждый членъ жилъ жребіемъ своего кона и по добычѣ и по дани. Эта поморянская стихія была тогда въ настроеніи къ землеобладательной, колоніальной предпріимчивости, какъ видно отъ толчка силы Карловой монархіи и жажды къ выгодамъ торговли.

Кіевская (Полянская и по-Росьская) стихія—это стихія (въ то время) сборная (съѣзжая), военно проводническая) (шляховая), замыкавшая главныя пути съ „Поля“ въ земли по-Дунайскія и съ Понта въ глубь Сѣвера, и обратно „изъ Варягъ въ Греки“. Это колыбель „Бесѣды“ (коло-круга), войно-родныхъ товариствъ—Кіанская (геройческая) отчизна, которая, отъ временъ царскихъ скифовъ, составляла Паннонію восточнаго славянства—область пасынковъ (Пансынковъ) сыновъ общаго покрова въ между народныхъ движеніяхъ—Русь по преимуществу, т. е. землю главнаго Совѣта (союза) вольной роды, безразличнаго прибоя, конниковъ (киннровъ) и лодошниковъ (лестригоновъ, дромитовъ) отъ Понта, Меотиды и Балтики; отчизна той царевщинной чубоносной Руси, отъ которой, не только морскія побережья Днѣпровско-Черноморское и Азовское, но даже и самое Черное море прослыло моремъ Русскимъ 97).

97) Предв. крит. изслѣд. Г. Еверса для Рус. истор. стр. 157—

Въ Кіевѣ, правили тогда двѣ главы—Аскольдъ и Диръ. Сказаніе Нестора о нихъ темно 98). Уразумѣніе же значенія ихъ, по соображенію, всегда будетъ казаться сомнительнымъ. Послѣ изслѣдованій Еверса, который Аскольда и Дира считалъ уграми (Венграми), зависившими отъ хозаръ 99), необходимо обратить вниманіе на то, и признать, что лица эти начальствовали въ странѣ вольно-сборныхъ торгово-охранныхъ товариствъ, и ополченіями своими на Византію, (вѣроятно вслѣдствіе смутъ, наставшихъ въ Хозаріи), заставили политиковъ греческихъ въ первый разъ, имя Руси (чубоносцевъ, оселедниковъ) изъ давней простонародной извѣстности, внести въ государственную письменность 100), мы видимъ въ имени Ас-кольдъ: господина, воеводу, главу вольно-сборнаго круга (коло)—военной роды, словомъ — гетмана руссовъ: (названіе алано-славянское); а въ имени Д-иръ—городецкаго сборщика дани и торговыхъ пошлинъ 101). А въ обоихъ этихъ лицахъ, выказывает-

---

212.—Журналъ мин. народ. просвѣщ. 1845 г. августъ и сентябрь мѣсяц. стат. Г. Черткова о Бѣлобережьѣ.

98) Лаврен. лѣт. стр. 9 и 10.

99) Предвар. крит. изсл. Рос. ист. Густав. Еверса 1826 г. стр. 213—225.

100) Слово. русь, русъ, росъ, относится къ глубокой древности. Вѣрное объясненіе его могло бы быть ключемъ къ открытію многихъ важныхъ загадокъ въ началахъ исторіи народа русскаго.—Въ статьѣ о Герросѣ Днѣпровской Скиѳіи (напечат. въ Донскихъ войск. вѣд. 1854 г. № 12) сдѣлано нами объ этомъ нѣсколько намековъ.

101) Имя Ас-кольдъ составлено изъ двухъ словъ асъ, азъ—слово чрезвычайно обширнаго значенія. Оно принадлежитъ многимъ языкамъ стараго міра. Въ кельтическихъ языкахъ слово асъ означало господина и Бога—(Энцек. Лек. т. I стр. 238). коло—кругъ по-иллирійски, славянски и армянски, въ простомъ смыслѣ, (сравн. слов. част. II стр. 409), въ переносномъ—кругъ военнаго совѣта, сбора.

ся значеніе областныхъ пограничныхъ начальниковъ и вассаловъ „великаго когана" Хозаріи, въ монархію котораго входилъ тогда Кіевъ. Въ администраціи Хозаровъ, по арабскимъ извѣстіямъ о ней (въ которыхъ хозарское именованіе должностей могло быть передѣлано на арабскій толкъ), эти званія кіевскихъ начальниковъ, соотвѣтствовали, можетъ быть, Ас-кольда-Кендеръ-Когану, а Д-ира-Тудину 102), (т. е. Тіуну) 103).

Въ Польшѣ было великое „Рыцарское Коло" при избраніи короля, по смерти Баторія (истор. Г. Р. Карам. т. X стр. 92 и 93 и примѣч. 160). Такъ имя Аскольдъ мы читаемъ—глава сборныхъ дружинъ, господинъ военнаго круга—гетманъ.

102) Изъ показанія арабскаго географа Ибнъ-Гаукала видно, что Хозарія называлась „землею Хозарскою, Русскою или Сер-иромъ" (пред. крит. изслѣд. для Рус. ист. Г. Еверса стр. 159). Слово Сер-иръ, составленное изъ серъ, сиръ, голова по-персидски и курдски (срав. слов. част. IV стр 20 и 43) и Иръ—городъ—по-еврейски (срав. сл. част. II, 239) выражаетъ Хозарію землею „главно-городецкою", каковою и была она, какъ впослѣдствіе объяснится нами. По сильному участію евреевъ въ судѣ и администраціи хозаръ (ист. Гос. Р. Карамз. т. I прим. 90) втеченіе словъ изъ языка ихъ въ правительственную терминологію само собою можетъ быть понятно. Отсюда имя Д-иръ, мы понимаемъ сложеннымъ изъ Де, Дигъ, дай, по-персид. и бухар. (срав. слов. част. II, стр. 46) и Иръ городъ, и выражающему городоваго требователя-сборщика дани, судью, или призывателя къ отвѣту—Тіуна.

103) Изслѣдов. объ истор. и древн. города Херсониса Таврическ. Г. Кене. 1848 г. стр. 179.—Арабскіе писатели, какъ видно объ азіатели въ своихъ сказаніяхъ названія хозарскихъ правительственныхъ лицъ: славянскаго Тіуна превратили въ Тудуна.

Въ Русской правдѣ, или въ законахъ Ярославовыхъ, званія боярина княжескаго и Тіуна—огнищанъ поставлены первыми гражданскими сте-

Въ этой то части южнаго славянства, а не въ иной, могло завязаться то преобразовательное бореніе, отъ котораго, по выраженію лѣтописца Нестора, „русская земля стала есть 104)“.

Варяжское (торгово-охранное) господство, вслѣдствіе ослабленія хозаръ междоусобіями, сдвинулось изъ Новгорода къ Кіеву и, убивъ правителей его, обманомъ 105) успѣли, чрезъ содѣйство сборной поляно-русской стихіи, жившей войною, какъ промысломъ, утвердить здѣсь, на торговомъ и военно-проходномъ пути, свое княжество. Чрезъ Толкованное же (заложническое, ама-

---

пенями. Исторіографъ Карамзинъ имя Тіуна производитъ отъ скандинавскаго, или древне-нѣмецкаго Thaegn, Thiangn, Diakn. мужъ честный vir probus. (И. Р. Г. т. II стр. 46—49 и примѣч. 69 и 70). Были Тіуны боярскіе и Тіуны сельскіе. Званіе это существовало до XVI вѣка и видно въ судебникѣ Іоанна Васильевича.

Вѣрное объясненіе значенія Тіуна очень важно и въ историческомъ и въ юридическомъ отношеніи по русской древности. Оно заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія. Здѣсь мы замѣтимъ только, что начало его столько же нѣмецкое сколько и славянское. Оно, какъ намъ кажется, принадлежитъ турано-славянскому міру. Тіунъ званіе или достоинство слѣдователя, старосты, судьи—человѣка, имѣющаго довѣріе и власть собирать дань, разбирать тяжбы и преступленія, наблюдать за правдивымъ вершеніемъ дѣлъ и заключить это вершеніе положеніемъ своего окончательнаго знака тау,—креста, какимъ обыкновенно, выражается подпись и донынѣ простыми неграмотными людьми, такъ тіуны, или правильнѣе тауны, раздѣлялись по сословіямъ народнымъ, т. е. были тіуны княжескіе, боярскіе, сельскіе и прочіе.

104) Лаврент. лѣт. стр. 1.

105) Тамъ же стр. 10. Слова Олега къ Аскольду и Диру: „яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Олега и отъ Игоря княжича“,... наводятъ на понятіе о значеніи торговъ-охраннаго господства въ названіи варяги, какое мы даемъ этой сословности при-Балтійскаго сѣвера.

натное 106) союзничество съ городецкими товариствами сосѣдственныхъ славянъ, сидѣвшихъ по Деснѣ и Припяти, по верховьямъ Днѣстра, Буга и Оки, которые, по сказанію лѣтописца „вси звахуться Великая Скуѳь 107), взяло оружіемъ (однако-жъ не менѣе какъ почти въ два вѣка), перевѣсъ надъ господствомъ хозарскимъ на всемъ юго-западѣ, даже за проливъ Босфорскій, до Тмутаракани (Тамани).

Такъ Варяжство, въ 170 лѣтъ, (отъ Олега до Ярослава) осуществило и распространило отъ Кіева до Новгорода, и отъ Днѣпра до Оки и части до Волги удѣльныя владѣнія, или ту средне-вѣковую, переходную государственную форму правленія, посредствомъ которой совершался переломъ древней жизни въ новую и въ христіанствѣ и въ исламизмѣ. Династія Рюрика поступила съ Русью такъ же, какъ династія Карла Великаго и Гарунъ-аль-Рашидъ съ своими монархіями, раздѣливъ ее для владычества, не только что между личностями своего потомства, но даже и между знатнѣйшими дружинниками.

---

106) Это непонятное слово, какъ разумѣемъ мы, имѣетъ корнемъ своимъ, означенное въ Несторовой же лѣтописи, подъ 6452 годомъ (стр. 19), названіе „Таль“ („и Тали у нихъ naz“), которое упоминается во многихъ мѣстахъ какъ этой, такъ и въ другихъ лѣтописяхъ. Названіе Таль значитъ заложникъ, аманатъ (слов. церк. слав. и Рус. языка. Акад. наук. т. IV. 269.) почему слово толковины, или тальковины, понимаемъ мы производнымъ отъ таль и выражающимъ значеніе союзниковъ, дававшихъ своихъ заложниковъ или аманатовъ.

107) Въ Лаврент. лет. Нестора (стр. 12) послѣ изчисленія названій разныхъ славянскихъ племенъ, составлявшихъ ополченіе Олегово на Византію, сказано: „я же суть толкованы: си вси движутся великая Скуѳь“ издатели лѣтописи, въ варіантахъ, замѣтили: „толкованы „непонятно во всѣхъ спискахъ, Строевъ, въ Соф. врем. I, 20, читаетъ: волыняне.

Удѣльное господство, развитіемъ дробленія власти, въ духѣ и значеніи вотчинечества, собственничества, испровергая въ южномъ и юго-восточномъ славянствѣ старый духъ царевщины коганской, а данями и укладами тяготѣя надъ волею и вѣчевымъ правомъ городскихъ и сельскихъ общинъ, должно было встрѣтить борьбу и впасть въ усобицу: иначе и быть не могло. Двигателями этого правленія были двѣ силы: княжеская „гридница“ съ ея „дружиною-отнею“ и коренная, войнородная подруга народнаго вѣче—дѣтище Таргитаево—Хозарская „бесѣда“ (коло) съ городецкими товариствами (артелями). Первая присвоила себѣ старшинство и преимущество предъ послѣднею: въ самыхъ начальныхъ вѣкахъ княженій, товариства бесѣдъ покрыты были именемъ „пасынковъ“, „войевъ“—молодью 108) въ уменьшеніе значенія ихъ противъ „отнихъ“ дружинъ княжескихъ. Двѣ эти вольныя силы, въ которыхъ каждый членъ, (какъ бояринъ, такъ и простой вой), имѣлъ право переходить отъ одного князя къ другому, гдѣ ему было лучше, естественно, не могли не завязывать вражды между собою, не могли не желать вражды и князя съ княземъ, потому что война была выгодою, благомъ ихъ быта 109) и вой-

---

108) Лавр. и Ипатіев. лѣт.

109) Корыстолюбіе Игоревой дружины вовлекаетъ его въ гибель. „Отроцы Свѣнельжи“—говоритъ она—изодѣлася суть оружіемъ и порты, а мы нози; пойди княже съ нами въ дань то и ты добудеши и мы, Игорь послушавъ: пошелъ брать дань съ древлянъ и за наглость погибъ тамъ. Лавр. лѣт. стр. 23.

Виновникомъ первой вражды между братьями князьями удѣльными Ярополкомъ и Олегомъ былъ воевода Свѣнельдъ. Онъ, „молвяше всегда Ярополку: „пойди на братъ свой и прими волость его.“ Тамъ же стр. 31 и 32. „Се дружина у тебя отня и вои; пойди, сяди Киевѣ на столѣ отни.“—Такъ дружина миролюбиваго князя Бориса возбуждала его возстать на брата князя Святополка. Борисъ отвѣчалъ; „не

ною стали жить удѣльныя князья съ своими отними дружинами и съ пасынковыми товариствами, а народъ (смердъ)—орачь, древоделя, торгашъ—сдѣлался жертвою княжескихъ и дружинныхъ усобицъ. Хозарская монархія пала не вдругъ: болѣе двухъ вѣковъ (съ половины IX до половины XII сокрушалась власть Когана, а народъ южныхъ, или при-кавказскихъ областей ея велся въ разрозненныхъ отрывкахъ, подъ именами Аланъ, Касоговъ, Хозаръ, Берендѣевъ и другими, не только что до нашествія на Русь монголовъ, но даже и до самаго паденія этой орды. И такъ около четырехъ вѣковъ, отрывки Хозарской монархіи, стекавшейеся съ юга въ сѣверныя земли, поджививляли въ удѣльномъ разъединеніи древній духъ царевщины. Впослѣдствіе скажемъ подробнѣе объ этомъ. Гридница, преуспѣвая идеею дробленія власти,—вотчиничества, собственичества, разширяла могущество вельможества, такъ сильно обнаружившееся претендиствомъ во времена удѣльности въ началѣ періода царей Московскихъ. А Бесѣда, ненавидѣвшая вельможеначаліе и, преобладавшая своею силою (количествомъ) давала невидимо федеративную (союзливую) связь городовымъ народнымъ вѣчамъ, глубокимъ чувствомъ о единствѣ русской природы, согрѣвавшемся Хозарскою идеею о царѣ, какъ о существѣ счастія народнаго. Самое имя царь, въ періодъ удѣльной жизни, сознавалось только стихіями хозарства, или казачества, что видимъ въ понятіяхъ Черныхъ Клобуковъ (Черкасовъ), 110) и отсюда конечно воплотилось оно въ чувство общенародное и превращено въ титло властителей Московскихъ, когда создалось единодер-

---

буди мнѣ въ зняти руки на брата своего старѣйшаго... И се слыша вои разыдошася отъ него.“ Тамъ же стр. 57.

Такія и подобныя причины двигали всею усобицею удѣльнаго періода: ими полны наши лѣтописи.

110) Ипат. лѣт. стр. 74 (подъ 1154 годомъ). Истор. Г. Р. Карам. т. II. стр. 266 и примѣч. 357.

жавіе 111). Лишь только исчезли удѣлы, бесѣда явилась вольными станицами казачества, и двинулась, не по идеѣ и уставамъ тогдашней государственной мысли, а силою собственнаго чувства изъ русской массы, для разширенія царства и огражденія его, какъ увидимъ при изложеніи исторіи Донцовъ.

Такъ, вся усобица удѣльнаго періода въ сущности есть борьба между двумя началами русскаго міра—хозарскою царевщиною (идеею монархіи, централизаціи) и варяжскимъ княжествомъ (идеею дробленія власти, федеративности) или между духомъ славянотуранскимъ (сколотскимъ) и духомъ славяно-огерманеннымъ (гардарикскимъ) борьба, развитая духомъ войнородной вольницы русскаго юга и сѣвера на вѣчевой почвѣ городовика и селянина.

Хотя же въ удѣльной системѣ имя князя великаго и представляло значеніе единовластія, но, при неудержимомъ, естественномъ разширеніи системы, чрезъ размноженіе господствующихъ родовъ и при наслѣдственномъ обычаѣ славянской языческой мести, неукращеннымъ еще тогда духомъ христіанскимъ, единовластіе не могло получить полной силы придержательной. Такіе же князья, которые могли возвеличивать эту силу надъ волею воинственной стихіи, какъ главной пружины государственнаго движенія, или успѣхами героическихъ предпріятій, или умомъ въ устройствѣ внутренняго гражданскаго порядка, каковы Святославъ, Владиміръ святой, Ярославъ и Владиміръ Мономахъ, не родились часто. Разъединеніе, возрастая болѣе и болѣе, довело Русь до безсилія въ единодушіи къ примиренію самой себя: нужна была внѣшняя, крѣпкая сила, чтобъ сберечь бытіе Востока Европы.

И насталъ XIII вѣкъ. Могучій западъ, въ началѣ этого вѣка, завоевавъ и ограбивъ крестоносцами своими Константинополь, ослабѣвшій отъ смутъ внутреннихъ, расчитывалъ умомъ римскихъ

---

111) Истор. Г. Р. Карамз. т. V стр. 407 и т. VI стр. 350 и 351 и примѣч. 595 и 596.

фанатиковъ, что въ это время, успѣетъ онъ сдѣлаться духовнымъ повелителемъ и въ боровшейся Руси; но увѣщанія Папы Инокентія III къ пастырямъ церкви Русской, о принятіи латинства, остались напрасны 112); а князь Романъ Галицкій, на обольщенія папскаго посла силою „меча Петрова", обнаживъ свой мечъ, рѣшилъ дѣло вопросомъ: такой ли мечъ у папы? 113). Только и успѣлъ Римъ въ эту пору, что въ русской языческой Ливоніи водворилъ проповѣдь латинства рыцарскимъ орденомъ меченосцевъ 114).

Но не Западу опредѣлило провидѣніе примирить внутреннюю распрю въ европейскомъ древнемъ Востокѣ, передовомъ становищѣ Турана, и утвердить въ немъ царя-патріарха и повелителя, а Востоку великой Азіи: тамъ колыбель туранской патріархіи, тамъ на краю материка, приготовлена была Темучиномъ сокрушительная сила для русской усобицы 115). Съ верховьевъ Амура, который теперь превратился въ рубежъ Руси съ Китаемъ, означаемый съ одной стороны его крестомъ Спасителя, съ другой курганами Будды, принеслись на Русь—безчисленныя толпы могольскихъ воиновъ, мощныхъ опекуновъ великаго переворота, создавшаго Московское самодержавіе: они избили въ династіи Рюриковой лишнихъ претендентовъ на престолъ Московской, укротили эгоизмъ и своеправіе вельможества.—Это былъ народъ достойный

112) Тамъ же т. III. 140.

113) Тамъ же (въ томъ же томѣ) стр. 110 и 111.

114) Тамъ же стр. 86, 87 и 141.

115) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній изд. Н. Калачевымъ 1850 г. кн. 1 по 1 отд. стат. о Могол. чинов. на Руси, стр. 100—здѣсь приведено извѣстіе изъ Могольской исторіи, которая, подъ 1235 годомъ, говоритъ, что ханъ послалъ князя Бату съ Кугокомъ и Муикомъ (пріемниками Тимучиновыми) для завоеванія западныхъ царствъ, въ числѣ которыхъ была и Россія (зап. омог. т. II 180).

своего разрушительнаго и таинственно-возсоздательнаго призванія, —,,народъ, чтившій Творца вселенной, хотя кланявшійся и идоламъ, славившійся терпимостью въ вѣрѣ и не навязывавшій своей никому; на побѣжденныхъ налогавшій дань десятинную, жестокій и воинственный духомъ; довольный малымъ, терпѣливый и веселый въ лишеніяхъ 116)". Онъ, какъ-бы для упроченія переворота на Руси, сначала разрушилъ многія, сильныя богатыя царства въ Бухаріи, Персіи и Кобулѣ такъ, что опустошенныя имъ земли отъ моря Аральскаго до Инда, и въ шесть послѣдовавшихъ вѣковъ не возстали до прежняго величія; а потомъ (въ 1237 г.) наложилъ иго свое и на Русь. Слѣдствія такого передоваго разрушенія были глубоко важны: во-первыхъ обезопасили Русь отъ силы за-Каспійскаго магометанства, потому, что хотя моголы послѣ и сами приняли ученіе Алкорана, но не имѣли азартной аравійской ревности къ его распространенію,—какъ бы во свидѣтельство того, что духъ ихъ призванъ на рубежъ Европы не для долговѣчнаго бытія, а лишь для урочнаго исполненія; во-вторыхъ, чрезъ это разрушеніе возродилась въ Коппадокіи (1292 года) изъ развалинъ державы Иконійскаго Султана новая монархія осмамановъ (Турокъ), съ содѣйствіемъ вольныхъ дружинъ Хозаріи, рынувшихся туда съ Волги, Дона и съ береговъ моря Азовскаго чрезъ Каспійскія Дербентскія ворота 117). Османы, ужасавшіе впослѣдствіе завоеваніями три части міра, составили собою великую урочную долю Исмаилова начала къ равновѣсному, окончательному рѣшенію средневѣковаго процесса о духовномъ разграниченіи міра новаго между тремя элементами таинственно-преобразовательной троичности. Вотъ поясненіе объ исходѣ изъ нашего „Поля" того главнаго историческаго движенія, о которомъ мы ска-

---

116) Ист. Г. Р. Карамз. т. IV стр. 54—59.

117) Истор.-критич. изслѣд. о Рус. и слав. Ѳ. Морошкина 1842 г. стр. 145 и 146 и 137—160.

зали выше 118) и которое не было понято историками. Втиснувшись въ Европу землями древней Ѳракіи, и убивъ суемудрую тогда Грецію, Османы заставили кичливость Рима приникнуть въ стремленіяхъ на Востокъ и открыли Москвѣ путь наслѣдовать государственное величіе Византіи.

Моголы, подъ владычествомъ Батыя, отабарившись вдаль „Поля", отъ низовьевъ Волги до низовьевъ Дуная—именемъ своимъ пронесли страхъ по всей Европѣ до Рима, а мечемъ и огнемъ стали судить Русь, которая раздѣлилась тогда на двѣ половины—на западную и восточную.

Этимъ раздѣленіемъ рѣшено: что не на Волховѣ—въ Варягорусской (Гардарикской) стихіи и не на Днѣпрѣ въ сборной Кіевской стихіи, а близъ Волги—въ Хозаро-русской стихіи—тамъ, на Алаунской высотѣ, въ землѣ Суздальской, гдѣ была Каппадокія Хозаріи (воротное по-рубежье) съ сѣвернымъ Славяно-Финскимъ и Чудскимъ міромъ и мѣсто Московъ, 119) лежавшее на Аустр-

---

118) См. выше примѣч. 43.

119) Это имя Москвы, которое въ первый разъ дѣлается извѣстнымъ изъ приглашенія къ себѣ въ гости княземъ Георгіемъ Суздальскимъ князя Святослава Черниговскаго по случаю пріобрѣтенія смежной земли Голядовъ; въ лѣтописи извѣстіе это выражено такъ: „и присла Георги и рѣчѣ: приди ко мнѣ брате въ Московъ." Ипат. Лѣт. стр. 29, подъ 1147 годомъ. Начало Москвы отуманено баснями, оно приписываетъ селамъ, принадлежащимъ какому то мифическому боярину Кучкѣ. Самое слово „Московъ" не понято; о немъ много было толковъ, которые собраны въ книгѣ: „Памятники Московской Древности." Ив. Снегирева 1842 г. въ глав. 1.—О словѣ этомъ говорили: Каменевичъ—Рвовенси, Татищевъ, Банеръ, Бюргеръ, Ходаковскій, Булгаринъ, Вельтманъ.

Мы сдѣлаемъ короткую замѣтку.—Обративъ вниманіе, что слово „Московъ" не есть единственное въ области Суздальской, а повто-

Вегирѣ—старомъ, по-Донскомъ караванномъ шляхѣ Алановъ, прежнихъ царскихъ Скиѳовъ, поклонниковъ меча,—тамъ долженъ былъ установиться тронъ царя—(бѣлаго, вольнаго) властителя славянъ востока Европы.

Отсюда и въ западной и въ восточной Руси возникъ особый ходъ событій.

Русь западная, съ разрушеніемъ Кіева, лишилась престола метрополіи, который перенесенъ въ Русь восточную. Хотя она лицемъ князей своихъ, не кланялась хану могольскому, какъ восточная Русь, но пала ниже послѣдней предъ властолюбіемъ папъ римскихъ, потрясшихъ въ ней основной завѣтъ жизни—православіе, вошло подъ господство Литвы и Польши и лило отъ нихъ и за нихъ, кровь свою, также, какъ-бы и отъ Моголовъ и еще продолжительнѣе.

ряющееся въ именахъ селъ, мѣстечекъ, пустошей и рѣкъ Псковской (изъ древности торговой) области, Польши, Силезіи и верхней Лузаніи, и что въ Суздальской землѣ названіе Московъ, какъ по соображенію понятно, лежало на караванной чертѣ шедшей изъ Хозаріи, мы видимъ въ этомъ словѣ значеніе пунктовъ мѣновыхъ, торговыхъ или привлекающихъ людей торговцевъ. Оно могло быть разнесено, отъ Кавказа по славянскому миру дѣйствіемъ хозарской торговли. Слово это, какъ видно, принадлежитъ къ сирскому и еврейскому языкамъ и вошло въ хозарской торговый кругъ отъ евреевъ: значеніе его привлекающей. Мы думаемъ, что оно находится въ родствѣ съ именемъ Мосиновъ или Мосиниковъ башне-обитателей кавказа (ист. критич. изслѣд. о руссахъ и слав. Г. Морошкина 1842 года стр. 131.) Самое то, что когда проявляется въ истор. Москва, нѣкоторые изъ находившихся на этомъ мѣстѣ селъ назывались городищами; дворами, городище Драчевское, Мыщекова гора съ городецкими дворами; Бабій городокъ, урочище Кіевазъ и проч. обнаруживаетъ бывшее нахожденіе здѣсь каппадокійскаго или дорожне—сторожевищнаго караванъ-сарайнаго и торгово-мѣнового пункта. Съ древности на востокѣ дороги назывались воротами.

Русь восточная лицемъ князей своихъ и великихъ и удѣльныхъ „била челомъ ханамъ“ орды Сарайской и тяжко страдала въ рабствѣ.

Какъ мощные опекуны, поставленные провидѣніемъ, ханы утверждали князей владѣтелями престоловъ, не трогая стариннаго порядка въ ихъ наслѣдіи, хотя имѣли неограниченное право назначать иногда младшаго князя мимо старшаго; судили ихъ распрю,—лишали жизни кого считали виновнымъ; никогда не давали княжеской власти сановникамъ могольскимъ, или не потомкамъ Рюрика; не принимали на себя заботъ внутренняго управленія въ княженіяхъ, а требовали только положенной дани.

Къ большой горечи униженія, Русь восточная, при самомъ покореніи, испытывалась еще новыми обольщеніями папъ, склонявшихъ ее подъ сѣнь церкви западной 120). Но, имѣя у себя духа утѣшителя въ первосвятителяхъ православія, и въ горькомъ народномъ паденіи, Русь не пала предъ латинствомъ. Силою этого духа, въ страданіяхъ, создала она, вмѣсто Кіева новую мать городамъ своимъ—Москву, и въ ней утвердила престолъ государственный. Три человѣка были орудіями великаго начинанія: Свят. Петръ митрополитъ, ханъ Узбекъ и князь великій Іоаннъ Калита. 121). Въ Сараѣ, столицѣ могольской, слово человѣка Божія ублажило хана дать православію ярлыкъ, въ такой силѣ: „Да ни-
„кто не обидитъ въ Руси церковь Соборную Петра Митрополита
„и людей его..... и ихъ грады и волости свободны отъ всякой
„дани и пошлины: ибо все то есть Божіе; ибо сіи люди молит-
„вою своею блюдутъ насъ и наше воинство укрѣпляютъ..... Кто
„дерзнетъ порицать вѣру русскую, кто обидитъ церковь, мона-
„стырь, часовню—да умретъ 122).“

---

120) Истор. Г. Р. Карамз. т. IV стр. 67 и 68 и примѣч. 85.

121) Тамъ же стр. 214—217.

122) Тамъ же стр. 291 и 192.

И это слово Узбека, и при немъ и во все послѣдующее время владычества Могольскаго, по завѣтному обычаю хановъ „не отмѣнять устава своихъ предковъ 123),“ стало для обвѣтшавшаго господства удѣльнаго тайною, разрушительною силою, а для возникавшаго на развалинахъ его единодержавія силою зиждительною. Первосвятитель, обладая уваженіемъ моголовъ, посреди хаоса междоусобій и порабощенія, сосредоточилъ въ лицѣ своемъ ублажительное начало государственнаго соединенія восточной Руси. Не безъ высшаго побужденія и предвидѣнія Св. Петръ избралъ для престола митрополіею, тогда ничтожный городокъ Московъ и сказалъ Іоанну: „Если ты успокоишь мою старость и воздвиг„нешь здѣсь храмъ достойный Богоматери, то будешъ славнѣе „всѣхъ иныхъ князей и родъ твой возвеличится; кости мои ос„танутся въ семъ градѣ; святители захотятъ обитать въ немъ, „и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ 124).“—Какъ прорекъ Св. старецъ, такъ все и совершилось! И не въ знаменованіе ли духовной связи этого начинанія съ міро-преобразовательнымъ началомъ Іаковлевымъ, самое прорѣченіе о государственномъ величіи Европейскаго Востока, первосвятитель сказалъ не инымъ а вѣчнымъ словомъ библейскимъ словомъ, патріарха прорѣкшаго величіе племени Іудина въ израилѣ древнемъ? Не въ соотвѣтствіе ли такому значенію этого начинанія, Московскій храмъ соборный (гдѣ почилъ и прозритель въ могилѣ самимъ приготовленной) построенъ Успѣнію Богоматери, соименно Собору Апостоловъ на Сіонѣ при Ея Успеніи? Наконецъ, самое имя прозрителя—Петръ (Кифа, камень), какъ бы въ соотвѣтствіе значенію своему, составило собою незыблемый камень основанія митрополіи Московской.

Такъ, на востокѣ Европы совершилось дѣло духа области вѣчной церкви и отъ него пошло рости дѣло народнаго разума

123) Тамъ же стр. 254 и 255.

124) Тамъ же стр. 216.

Руси – образованіе власти царя и сложеніе царства. Подъ сѣнію православія Калита, возведенный Узбекомъ (въ 1328 году) въ достоинство великаго князя, утвердилъ за Москвою идею преобладанія надъ прочими областями и унаслѣдилъ ее своему дому.

Пять князей Калитина рода, Семеонъ-Гордый, Іоаннъ, Димитрій Донской, Василій I и Василій II Темный, нося званіе великихъ, послѣдовательно, одинъ за другимъ, укрѣпляли владычество Москвы стѣсненіемъ правъ князей удѣльныхъ и противудѣйствіемъ завоевательнымъ стрѣмленіямъ Князей Литовскихъ; но шестой потомокъ Калиты, Іоаннъ III, проявилъ торжество единовластія и сталъ именоваться державнымъ государемъ Руси.

Моголы, лицемъ Узбека знаменитаго, совершили свое призваніе на Русь 125). По смерти его—при ханахъ Чанибекѣ, Бердибекѣ, Хидырѣ—они впали въ междоусобія: начало разрушенія Орды.

При Димитріи Донскомъ, ни Русь ни Моголы не знали, что въ Бухаріи готовъ уже былъ духъ, который, безсознательно, будетъ содѣйствовать освобожденію первой сокрушеніемъ силы послѣднихъ, готова была личность исполина—завоевателя—Темиръ Аксака (Тамерлана), въ началѣ (1352 года) ничтожнаго Князька Чагитайскихъ Моголовъ, а впослѣдствіе повелителя Самаркандскаго, бравшаго дань съ султана Мамелюковъ, Османовъ, Царя

---

125) Ханъ Узбекъ, славный отличнымъ умомъ и сильною волею, бывшій союзникомъ и пріятелемъ Римскаго папы Венедикта XII умеръ въ 1341 году. Онъ важенъ въ Русской исторіи содѣйствіемъ единовластію князя Московскаго. — Никто изъ хановъ не умѣрялъ столько русскихъ владѣтелей какъ онъ. Узбекъ не зналъ, что слабость Руси происходила отъ раздѣленія силъ ея, не предвидѣлъ, что, способствованіемъ единовластію, онъ готовитъ свободу Московскаго княженія и паденіе своей Золотой Орды. (Истор. Г. Р. Карамз. т. IV стр. 233, 234 и 254).

греческаго и властвовавшаго отъ моря Каспійскаго и Средиземнаго до Нила и Гангеса 126).

Но прежде прихода Тамерлана на Волгу, разслабленіе орды сарайской отъ внутреннихъ смятеній, осмѣлило народъ русскій, въ восточныхъ городахъ (въ стихіѣ хозарской) встрѣчать моголовъ не поклонами, а оружіемъ. Мамай умѣлъ возбудить всю орду къ мщенію—и славная битва куликовская (на Дону) рѣшилась побѣдою надъ нимъ князя Димитрія, возвысившаго значеніе Москвы въ умѣ народа. Мамай погибъ отъ Тахтамыша новаго претендента на сарайскій престолъ. Этотъ сподвижникъ повелителя чагитайскаго, сокрушивъ Мамая, устремился на Москву и разорилъ ее. Димитрій умеръ данникомъ Моголовъ, но создалъ въ народѣ идею о стремленіи къ свободѣ отъ ихъ ига.

Кичливость Тахтамышева скоро накликала на себя грозу Тамерлана; который, въ княженіе Василія I, пришелъ къ Волгѣ, разсѣялъ Моголовъ въ битвахъ, разрушилъ Астрахань и Сарай—предалъ державу Батыеву „губительному вѣтру истребленія 127).“ Хотя, въ преслѣдованіи Тахтамыша, онъ и навелъ ужасъ на Москву, но не тронулъ ее; а, напротивъ, удаленіемъ изъ Руси къ Азову и разрушеніемъ его, безсознательно, глубоко, содѣйствовалъ къ обезопасенію ее до возмужанія на югѣ отъ вторженій могучаго запада. Азовъ былъ тогда прозелитнымъ пунктомъ запада, куда чрезъ Крымъ пробрался онъ торговлею, неся съ нею и проповѣдь латинства 128). Купцы Азово-венеціанскіе, генуезскіе, каталонскіе и бискайскіе,—хотѣли поклонами и дарами побѣдить владыку Чагитайскаго; но онъ оковалъ богачей цѣпями, ограбилъ лавки, а городъ превратилъ въ кучу пепла (въ 1395 году). 129).

126) Истор. Г. Р. Карамз. т. V 137—144.

127) Тамъ же стр. 152 и 153.

128) Изслѣд. объ истор. и древн. города Херсониса Таврич. Кене стр. 241—244. Истор. Г. Р. Карамз. т. IV стр. 254.

129) Истор. Г. Р. Карамз. т. V стр. 152.

Лицомъ изгнанника Тахтамышъ нашелъ покровительство въ сильномъ Витовтѣ, королѣ Литовскомъ, который тогда стѣснялъ Москву, обладая многими землями Руси, какими литовцы никогда не владѣли. Но и отъ напора Литвы духъ Тамерлана помогъ Москвѣ. Въ ордѣ явился Эдигей—нѣкогда сановникъ владыки Чагитайскаго—воинъ опытный и сильный умомъ: онъ соединилъ остатки Волжскихъ моголовъ съ своими за-яицкими ордами и вошелъ въ столкновеніе съ Литвою. Могущество Витовта разбилось о силу орды; но скоро и орда, продолжая волноваться смутами, снова ослабѣла.

Московскій князь Василій I, до смерти своей, умѣлъ хитро ладить и съ Литвою и съ ордою и отклонить бѣды отъ своего княженія.

Василію II темному суждено заключить средне-вѣковую жизнь Востока Европы: при немъ окончательно сокрушились удѣльныя княженія и рѣшенъ великій процессъ о духовномъ разграниченіи міра новаго.

Изъ тридцати-семилѣтняго княженія Васильева, двадцать восемь лѣтъ протекли въ борьбѣ съ удѣлами. Никогда княжескія драки не были такъ свирѣпы и съ такими ужасными переворотами. Василій воевалъ съ дядею княземъ Юріемъ и съ двоюродными братьями: онъ ослѣпилъ брата князя Василія Косого; а другой братъ князь Димитрій Шемяка ослѣпилъ его Василія (отъ чего и прозванъ онъ Темнымъ); потомъ, Шемяка погибъ отравою. Съ смертію его умерли и удѣлы.

Когда шла эта борьба, Москва была безопасна извнѣ. Эдигей уже не жилъ: орда рѣшительно распадалась. Витовтъ умеръ: Литвою владѣли слабые наслѣдники героя.

Но важнѣйшій міровой подвигъ Темнаго былъ въ религіозномъ дѣлѣ. Монархія Османская, къ концу XIV вѣка, овладѣвъ всею малою Азіею и Ѳракіею, наложила дань и на Константинополь. Хотя удары Тамерлановы, нанесенные при Боязетѣ, и междоусобія сыновей этого Султана, остановили на время движеніе Османовъ;

но при султанѣ Амуратѣ II, они снова предались завоеваніямъ и заставили Константинополь трепетать за свое бытіе. Императоръ Іоаннъ Палеологъ (въ 1439 году), искалъ у западныхъ государей помощи чрезъ папу Римскаго. Честолюбивый старецъ Евгеній IV обѣщалъ Іоанну ополчить всю Европу на Османовъ, если греція согласится на соединеніе обѣихъ церквей и прекратитъ разномысліе о догматахъ. Положено: быть осьмому Вселенскому собору въ Италіи. Какъ Русь составляла тогда великую половину восточной церкви и престолъ митрополіи Московской сиротствовалъ по смерти Фотія, то Ѳесалоникійскій грекъ Исидоръ, тонкій богословъ и ловкій другъ Евгенія, способный содѣйствовать глубокимъ замысламъ Рима, успѣлъ въ Константинополѣ получить санъ Первосвятителя Руси, прежде пріѣзда туда Святителя Іонны, отправленнаго Василіемъ. По прибытіи въ Москву, Исидоръ убѣдилъ князя въ необходимости участвовать на Соборѣ, и отправился въ Италію. Въ Флорентійскихъ преніяхъ стороною папы одержанъ верхъ; союзъ церкви провозглашенъ на условіяхъ желанныхъ Римомъ; папа признанъ намѣстникомъ Іисуса Христа. Возвратившись въ Москву (въ 1440 году), Исидоръ привезъ дружелюбныя граматы отъ Евгенія къ Василію. Но Россіяне, при первомъ богослуженіи въ соборѣ Успѣнскомъ, когда увидѣли предъ Исидоромъ крестъ латинскій, услышали, что митрополитъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ, помянулъ Евгенія Папу, и что прочтенныя діакономъ дѣянія Собора не согласны съ древнимъ ученіемъ церкви православной, изумились и не знали что мыслить.... Тогда, среди общаго безмолвія, Василій торжественно вступилъ въ преніе съ Исидоромъ, обличилъ его въ измѣнѣ православію и гнѣвно назвалъ лжепастыремъ, губителемъ душъ, еретикомъ. Потомъ, отдалъ соборныя постановленія на судъ Совѣта епископовъ и бояръ: Совѣтъ отвергъ власть папы и догматы западные. 130). Исидоръ лишенъ престола и бѣжалъ изгнанникомъ въ Римъ.

---

130) Истор. Г. Р. Карамз. т. V стр. 275—295.

Такъ, лукавое мудрованіе, блиставшее могучею силою въ Флорентійскомъ сонмѣ, гдѣ ученая Грецiя состязалась съ ученымъ Римомъ, оказалось безсильнымъ въ Москвѣ. Изъ—начала и не возвратно продалъ Исавъ первородство свое Іакову 131).

Тогда только два владычные духа въ цѣлой вселенной торжествовали величіе православія—Марко-Эфесскій 132) и Василій Московскій (темный). Здѣсь выразился глубокій смыслъ исторіи; но не мѣсто объяснять его.

Обманутая Грецiя, болѣе двадцати лѣтъ, ожидала помощи отъ Запада, и не дождалась. Въ такомъ положеніи, при личныхъ обольщеніяхъ кардинала Исидора—сверженнаго митрополита Руси —лишилась она столицы, а съ нею и бытія Имперіи: Константинополь палъ въ 1462 году, предъ завоевателемъ Султаномъ Магометомъ, который тогда же водворилъ въ немъ монархію Османовъ, до нынѣ живущую. Лукавый Исидоръ и отсюда бѣжалъ въ Римъ.

Этимъ кончился великій, средне-вѣковой процессъ о духовномъ разграниченіи міра новаго; отсюда государственное храненіе свѣтильника вселенскаго православія вручено провидѣніемъ Москвѣ.

Паденіе Константинополя было для Руси и прискорбно по чувству единовѣрія и страшно по могуществу османовъ. Но изъ ея массы возстанетъ продолжатель древняго храненія востока Европы—казачество и удержитъ равновѣсіе въ духовномъ разграниченіи міра новаго, какъ увидимъ въ исторіи Дона.

Еще ближе Османовъ, въ странѣ древнихъ Тавро-Скиѳовъ, сѣло другое опасное для Руси сосѣдство—Крымская орда. Составленная Эдигеемъ изъ Могольскихъ Черноморскихъ улусовъ, послѣ сшибки его съ Витовтомъ, орда эта, во время Темнаго, яви-

---

131) Начерт. церк. ист. Иннокент. т. II стр. 356.

132) См. выше примѣч. 23.

лась самобытнымъ ханствомъ 133). Въ продолженіи многихъ вѣковъ, она тяготила Москву дикою силою своею.

При Темномъ же, изъ отрывковъ ордынскихъ, возникло (съ 1437 года) и другое отдѣльное владычество подъ именемъ Царства Казанскаго. Сарайскій изгнанникъ ханъ Магметъ умѣлъ соединить на Волгѣ, гдѣ были развалины древняго царства Болгарскаго, выходцевъ изъ Сарайской орды, Астрахани, Азова и Крыма, смѣшать ихъ съ туземцами болгарскими и составить одинъ народъ 134).

134 года, отъ Калиты до смерти Темнаго (1462 года), творилось образованіе владычества московскаго. Какъ въ послѣднемъ сокрушителѣ удѣльнаго варяжскаго господства, въ Темномъ дивно олицетворился духъ и нравъ древней Скиѳіи: онъ дѣйствовалъ даже ужаснымъ знаменіемъ народнаго обычая ея надъ рабами--ослѣпленіемъ 135) и самъ понесъ на себѣ это знаменіе лишь-бы закрѣпить державство за родомъ своимъ.

И сынъ Темнаго, Іоанъ III, дѣлается начинателемъ новаго періода въ государственной жизни востока Европы. Въ немъ осуществило провидѣніе властителя *„потребнаго“* по ходу времени; въ немъ могущественно сочетались отличительныя свойства обѣихъ владычныхъ началъ, вошедшихъ въ борьбу съ Олегова овладѣнія Кіевомъ,—эгоистическій (стяжательный) духъ Варяжскій и патріархальный (священно-властительный) духъ Хозарскій: забирая въ свою волю владѣтельныя права и достояніе родовъ свѣтскихъ, онъ готовъ былъ, къ ужасу вѣка, не пощадить и іерархію церковную, замышляя отнять у монастырей и духовенства села и деревни 136); держалъ предъ князьями и боярами имя свое *„честно*

133) Истор. Г. Р. Карамз. т. V 364 и 365.

134) Тамъ же стр. 271—274.

135) Герод. кн. IV гл. 2.

136) Ист. Г. Р. Кармз. т. VI стр. 361.

и грозно," установилъ для нихъ обрядъ цѣлованія монаршей руки, въ знакъ милости особенной 137); короче, это князь Варягъ и царь Хозаринъ—обладатель и монархъ—прототипъ царей русскихъ. Такой государственно-строительный духъ Іоанновъ имѣлъ силу утвердить рѣшительно, прочно отцовскую побѣду—единодержавіе и дать Руси новый образъ въ исторіи.

Сорока-трехъ-лѣтнее государствованіе Іоанново состояло въ борьбѣ внутренней съ упавшимъ духомъ разъединеннаго господства и внѣшней съ остатками моголовъ и съ Ягелонами.

Хитрая, глубокая политика была главнымъ его средствомъ. Сокрушенную удѣльную систему довелъ онъ до такого безсилія, что она сама собою предалась конечному изчезанію. Богатый другъ Ганзы—Новгородъ, склонившійся къ Западу—къ Литвѣ, сокрушенъ имъ силою;—также—сокрушена и другая народная держава Вятка и земля Арская, составлявшая область древней Болгаріи. Сильный внутри державы, Іоаннъ долго не рѣшался противиться Ахмату, послѣднему хану орды Батыевой, сбиваясь робкимъ шопотомъ тучныхъ своихъ вельможъ; но бывъ воодушевленъ словомъ іерарховъ церкви, возсталъ на хана и свергнулъ иго рабства 138). Отношенія Литвы опуталъ онъ связью родства и при этомъ успѣлъ преклонить къ Москвѣ южныя русскія области Сѣверіи. Отцовскою побѣдою надъ Флорентійскимъ соборомъ открылъ себѣ путь, при вдовствѣ, войти въ супружество съ царевною Софіею, послѣднею отраслію павшаго византійскаго дома Палеологовъ.

Вслѣдствіе такихъ преуспѣяній, дворъ Іоанна, сдѣлался блестящимъ, привлекавшимъ къ себѣ богатыхъ и родовитыхъ князей русскихъ, мурзъ и князей ордынскихъ, выходцевъ литовскихъ и знатнѣйшихъ грековъ; порядокъ гражданскаго и ратнаго устройства въ государствѣ измѣнился; и Москва, съ величіемъ достой-

137) Тамъ же т. VI стр. 347.

138) Тамъ же т. VI стр. 149—160.

ымъ охранительницы вселенскаго православія, вступила въ сноıенія и связи съ монархіями Европы и Азіи.

Здѣсь—черта въ главныхъ явленіяхъ нашего Востока, отъ оторой выникаютъ на сцену исторіи названія старыхъ славяноуранскихъ элементовъ—элементовъ Хозаріи, въ именахъ вольыхъ, войнородныхъ сословностей—*черкасовъ* и *казаковъ*. Приедемъ нѣсколько подробностей объ этомъ.

Въ періодъ удѣльныхъ княженій, отъ Владиміра Святого до ашествія моголовъ (втеченіе 250 лѣтъ), Русскій міръ почти епрерывно соприкасался и торговлею, и военными движеніями съ ри-Кавказскимъ или Хозарскимъ міромъ. Тамъ цвѣли еще тогда рѣпкою жизнію военно-патріархальнаго быта христіанскія части ревней Хозаріи, подъ именами Ясовъ (Асовъ, Алановъ) при-Донкихъ и при-Каспійскихъ, Косоговъ или Хасаховъ (Адиговъ, Чересовъ), козаръ Тмутараканскихъ (Таманьскихъ) съ своими горозами—Тетяковымъ, Маджаромъ, Бердежемъ, Ахасомъ и другими, съ караванными шляхами. Старое сильное Черниговское княжеіе — патріархъ Сѣверіи, охватывавшее на востокѣ области ятичей, Муромцевъ и Рязанцевъ, а на юго-западѣ землю мутараканскую 139), болѣе 120 лѣтъ (съ конца IX до начала II вѣка), служило связью Руси съ при-Кавказьемъ.—Тмутараань была тогда убѣжищемъ обиженныхъ князей: изъ ней, не азъ, хаживали они съ вольными дружинами хозарскими воевать ъ своей сѣверной отчизнѣ Руси. Болѣе 150-лѣтнее владычество оловцевъ (съ половины XI до начала XIII вѣка) 140) степями ри-Донскими и при-Днѣпровскими также не прерывало хода торэвли и военной вольницы между Кавказомъ и Русью. Сосѣди и эюзники Алановъ при-Донскихъ и Косоговъ, Половцы, любившіе

139) Ист. Г. Р. Карамз., т. II, стр. 69.

140) Записк. Одесскаго общест. ист. и древн., т. III, см. стат. I. Бѣляева о сѣверномъ берегѣ Чернаго моря, стр. 1—46.

и торговать, и воевать въ землѣ Русской и союзиться, и родниться съ князьями ея и наниматься у нихъ для службы въ междоусобіяхъ, и дѣлаться христіанами, представляли собою не преграду, а, напротивъ, живой проводникъ на Кавказъ и съ Кавказа въ Русь. Могольскій разгромъ Кавказа и Дона (въ началѣ XIII вѣка) потрясъ всѣ народы, сидѣвшіе между Каспійскимъ и Азовскимъ морями: часть половцевъ загнана въ Венгрію, а большая въ Русь, съ которою, вѣроятно, были и многіе союзники половцевъ Ясы (Аланы) при-Донскіе, а при-Каспійскіе Ясы (Аланы Лезги) Обезы, Косоги и другіе Кавказцы пристали къ войскамъ завоевателей. И при владычествѣ Моголовъ военныя и торговыя связи между вольницею Русскою и Кавказскою тоже не прерывались.

Движенія эти дѣлались, кромѣ двухъ большихъ путей Днѣпровскаго и Волжскаго, болѣе путемъ по-Донскимъ, чрезъ землю Рязанскую. Обширная, неопредѣленная въ старой Русской географіи Рязанская (Резанская) земля, лежавшая въ срединѣ „Поля" (между Днѣпромъ и Волгою), составляла нѣкогда самую воинственную людную область Хозаріи, кипѣвшую торговыми караванными движеніями, между Азіею и сѣверными обитателями Волги Финнами и Славянами (о чемъ выше замѣчено), область, обильнѣйшую хлѣбомъ, скотомъ, медомъ и другими произведеніями, какъ говорили о ней всѣ иноземцы путешественники даже XIV, XV и первой половины XVI вѣка 141). Отъ торговой сообщительности и обилія она, быть можетъ, получила и имя свое *Резанская*·страна (*кормилица* страна). Мы думаемъ, что имя это осталось за нею отъ арабскаго слова *резакъ* (кормилецъ), усвоеннаго ею въ цвѣтущія времена Хозаріи (съ VII до XI вѣка), когда здѣсь ходили караваны изъ владѣній князей и халифовъ, властвовавшихъ въ Афганистанѣ, Персіи, Сиріи и Арменіи. У старинныхъ Дон-

141) Жур. „Отечест. Зап." 1853 г., февраль, см. ст. Г. Соловьева географическ. извѣст. о древней Россіи;—стр. 87—127.

цовъ, между которыми находилось много выходцевъ рязанскихъ, любимое прои менованіе Дона было „кормилецъ нашъ". По Рязанской землѣ пролегалъ (какъ и выше замѣчено), самый бойный путь Алановъ, хранителей караванныхъ, переходившій Донъ у Саркельской Хозарской переправы и направлявшійся на „Московъ" области Суздальской 142).

Еще въ половинѣ XII вѣка, въ то время, когда, въ устьяхъ Волги и по западному берегу Каспійскаго моря, держалась въ послѣднемъ издыханіи власть баланrіарскаго коrана или восточныхъ хозаровъ 143), въ областяхъ Кіева, Чернигова и во всей Сѣверіи гражданствовала вольная, военная, сильная сословность, называемая тогда Черкасами: она слыла еще подъ прозвищемъ Черныхъ Клобуковъ 144). Изъ лѣтописей (Лаврентьевской и Ипатіевской) нельзя понять кого опредѣлительно разумѣли на Руси подъ прозвищемъ Черныхъ Клобуковъ; можно догадываться только, что этимъ именемъ покрывали разныя воинственныя отродья: изъ Торковъ (таврійцевъ, днѣпровскихъ конниковъ хозаріи, бывшихъ толковинными (союзниками) 145) еще Св. Владиміра 146), изъ печенѣговъ (обрусѣвшихъ) 147), изъ коуйевъ (кувичей)—горцевъ 148); и изъ берендеевъ городовыхъ витязей. Въ лѣтописи, торки

142) Объ Аланскомъ пути будетъ объяснено подробнѣе въ слѣдующей главѣ, заключающей географическій очеркъ Донской страны.

143) Ист. Г. Р. Карамз. т. II стр. 21.

144) Тамъ же примѣч. 347.

145) См. выше примѣч. 106.

146) Лаврент. лѣт. стр. 36 (подъ 985 годомъ).

147) Ярополкъ въ 978 году побѣдилъ печенѣговъ и наложилъ дань. Съ этого времени они стали сближаться съ Русью и въ 979 г. князь ихъ Илдей съ ордою вступилъ въ службу Ярополка и получилъ въ управленіе нѣсколько городовъ и волостей (Никон. лѣт. т. I стр. 61).

148) Коуи (Кувичи) выходцы Кавказа—горцы; отъ Куу гора по-Персидски (сравн. слов. част. II стр. 472).

нерѣдко показываются отдѣльно отъ берендеевъ, безъ прозвища Черныхъ Клобуковъ, во многихъ же мѣстахъ, вслѣдъ за обѣими именами, прибавляется и весь „Черный Клобукъ 149)“. Съ этою сословностію смѣшивались и водворившіяся, въ началѣ XII вѣка, (при Владимірѣ Мономахѣ), въ Черниговской области хозары Бѣловѣжцы (Саркельцы) 150).

Главнѣйшее мѣсто пребыванія Черныхъ Клобуковъ или Черкасовъ находилось на правой сторонѣ Днѣпра (кажется въ Скиѳскомъ Герросѣ) по рѣкѣ Роси. Земля эта называлась по-Росьемъ 151), а обладателей ея именовали иногда по-Росянами. Они какъ воины, любили жизнь подвижную, но семейства берегли въ городахъ, особенно отъ враговъ половцевъ 152). Торческъ (въ Кіевскомъ пятигорьѣ) 153) былъ главнымъ городомъ Торковъ 154). Всѣ Черные Клобуки или Черкасы безпрерывно служили въ составѣ „войскъ“, разныхъ князей удѣльныхъ, а преимущественно кіевскихъ: ихъ причисляли къ молодшей („младшей“) дружинѣ 155). Они участвовали какъ въ междоусобныхъ дракахъ княжескихъ, такъ и въ войнахъ Руси съ половцами, въ продолженіи болѣе 150 лѣтъ, до самаго нашествія моголовъ 156). Подъ управою своихъ „лѣпшихъ“ (лучшихъ) мужей 157), Черкасы составляли

149) Ист. Г. Р. Карамз. т. II примѣч. 218.

150) Лаврент. Лѣт. стр. 96 (подъ 1169 годомъ).

151) Ипатіев. Лѣт. стр. 8 (подъ 1117 годомъ) прибав. къ Ипат. Лѣт. стр. 291 (подъ 1117 г.).

152) Ипат. лѣт. 23, (подъ 1146 годомъ).

153) Тамъ же стр. 51, (подъ 1150 годомъ).

154) Ист. Г. Р. Карамз. т. II стр. 107 и 108 и примѣч. 165. Лаврент. лѣт. стр. 91, 94—96 (подъ 1093 годомъ).

155) Ипатіев. лѣт. стр. 47.

156). Тамъ же стр. 43 (подъ 1149 годомъ) стр. 55 (подъ 1150 годомъ) и стр. 87 (подъ 1160 годомъ).

157) Тамъ же стр. (подъ 1190 г.) стр. 174 (под. 1235 г.).

въ дружинахъ княжескихъ легкихъ, конныхъ стрѣлковъ 158) и передовыхъ соглядатаевъ 159), весьма грозныхъ своимъ казацкимъ вооруженіемъ, копьями и саблями 160) и сильныхъ многочисленностію: одни Берендеи (городовые—витязи—городовики) могли подниматься иногда въ числѣ 30,000 воиновъ 161). Вообще, въ государственномъ бытѣ юго-западной Руси, Черкасы, или Черные Клобуки виднѣются весьма важною сословностію: они участвовали въ народныхъ совѣтахъ и торжествахъ Кіева, сочувствовали его бѣдствіямъ 162), отличались глубокою преданностію къ князьямъ 163) и твердымъ обстаиваніемъ правъ своей вольной (благородной) народности 164).

Эти разноименныя военныя общины (боярскія дѣти) были, какъ разумѣемъ мы, отрывками западной или Меотійской части хозарской державы, разрушенной въ Тавридѣ въ началѣ XI вѣка. Они, какъ видно, состояли изъ смѣси азіатскихъ и славянскихъ отродій, жившихъ въ странахъ при-Кавказскихъ.—Въ нихъ зачатокъ послѣдней казацкой сословности юго-западной Руси. Потокъ разрушительныхъ событій, наставшихъ съ начала XIII вѣка, когда Кіевъ опустѣлъ, сдѣлался чуждымъ восточной Руси и впалъ во власть Литвы, смѣшалъ съ этою сословностію, расплодившіяся въ теченіи вѣковъ древнія поколѣнія военной вольницы Кіевской и Черниговской земли, и возсоздалъ могучій и храбрый народъ, наполнившій Малороссію, подъ именемъ Черкасовъ.

158) Тамъ же стр. 140 (подъ 1190 г.).

159) Лаврент. лѣт. стр. 154 (подъ 1169 г.).

160) Ипат. лѣт. стр. 90 (подъ 1162 г.).

161). Тамъ же стр. 24 (подъ 1146 г.).

162) Лаврент. лѣт. стр. 133 (подъ 1138 г.)

163) Ипатіев. лѣт. стр. 75 (подъ 1154 годомъ) стр. 77 (подъ 1155 г.) стр. 89 (подъ 1161 г.) стр. 109 (подъ 1174 г.).

164) Лаврент. лѣт. стр. 141 (подъ 1150 г.) стр. 153 и 154 (подъ 1169 г.).

Въ первой половинѣ XII же вѣка,—въ замѣчательную эпоху историческаго зачатія Москвы,—является по нашимъ лѣтописямъ и въ восточной части Руси, на Донскомъ по-рѣчьѣ, тоже вольный, воинственный народъ подъ именемъ „Бродниковъ“, съ своими „воеводами“. 165). Это были люди христіане.

Г. Морошкинъ, видя въ лѣтописяхъ (подъ 1216 годомъ), что въ дружинахъ нашихъ князей показываются воины „Муромцы и Брѳнницы“, находилъ, что должно допустить чтеніе не Бродники, а Бронники. Вотъ его соображеніе: „родные братья нашихъ Ре-„занскихъ, или Донскихъ казаковъ, кавказскіе Аланы-Кувечи, въ „Русскихъ лѣтописяхъ именуемые Горскими казаками, по-персид-„ски назывались Зиргеронъ, что (по изъясненію академика Фре-„на) значитъ панцырники, бронникъ. Именованіе Бронниками, или „панцырниками, въ Скиѳской землѣ ведетъ начало свое изъ глу-„бокой древности“. Геродотъ (кн. 1) говоритъ о Массачетахъ: они носятъ одежду скиѳскую, ведутъ образъ жизни подобно Скиѳамъ. Они сражаются на коняхъ и пѣшіе: искусные въ обоихъ родахъ сраженія. Они хорошо владѣютъ лукомъ и копьями и употребляютъ бердыши. Они на все употребляютъ золото и мѣдь... Головные уборы, пояса, ожерелья украшаютъ золотомъ. Равнымъ образомъ грудь коней своихъ покрываютъ мѣдными латами; поводья, узды, удила украшаютъ золотомъ. Желѣза и серебра вовсе неупотребляютъ. Этихъ металловъ нѣтъ въ ихъ странѣ. Мѣди, золота у нихъ несмѣтное число. По всѣмъ признакамъ (замѣчаетъ Морошкинъ эти Массачеты, жившіе по Араксу великой рѣкѣ, текущей на востокъ солнца, были нижне-Волжскіе и Уральскіе Скиѳы, описанные Стробономъ подъ именемъ Массачетовъ же изъ буквальнаго подражанія Геродоту), но точнѣе подъ именами многочисленныхъ Аорсовъ, у которыхъ было множество золота и другихъ драгоцѣнностей. Они то блистали золотой конской збруей въ войскѣ Атиллы на

165) Тамъ же стр. 148 (подъ 1155 г.).

Дунаѣ подъ именемъ Гунновъ, и послѣ Атиллы подъ именемъ Сабировъ. Этотъ обычай употреблять панцыри или брони, кажется исключительно принадлежалъ Мидійской цивилизаціи. Въ числѣ войскъ Антіоха, воевавшаго противъ Римлянъ, между вспомогательными войсками изъ Мидянъ, Эминеевъ и Кадашей, были панцырники 166), называемые катофрактами. Тацытъ о Сарматахъ Днѣпровскихъ, сражавшихся съ римскими легіонами, говоритъ, что князья этихъ Сарматовъ и вообще знатны, были бронники 167). Безъ всякаго сомнѣнія эти древнія котофракты, или лорикаты, сохранились въ Русской землѣ подъ именемъ бронниковъ и панцырныхъ бояръ, кои давно утратили свой военный бытъ въ казачье-однодворческомъ состояніи, хотя сохранили древнее почетное названіе бояръ. Панцырные бояре начинаютъ быть извѣстными въ XV столѣтіи въ Бѣлостокѣ и въ Бѣлоруссіи. Никакъ нельзя считать ихъ учрежденіемъ литовскаго владычества; безъ сомнѣнія они остатки военныхъ силъ Россіи 168).

Не въ противорѣчіе такому основательному соображенію, мы скажемъ однако-жъ, что наши лѣтописцы XII вѣка, указывая въ одномъ мѣстѣ на Муромцевъ и Бронниковъ и въ другомъ на Бродниковъ, говорили вѣрно, по современному имъ положенію юга: и Муромцы и Бронники могли быть Бродниками. Въ двухъ значеніяхъ понимаемъ мы это названіе—какъ военно-промышленной вольницы и какъ торгово-охраннаго бродового перевознаго проводничества каравановъ, ходившихъ чрезъ Хозарію.—По соображенію событій, при какихъ сложились въ началѣ борьбы потомковъ Олега Святославича и Мономаха сѣверо-восточныя княженія Муромское и Рязанское въ первой половинѣ XII вѣка 169), а въ слѣдъ за

---

166) Истор. Г. Р. Карамз. т. IV стр. 166, 205 и 206.

167) Ипатіев. лѣт. стр. 309 (подъ 1147 г.).

168) Ист. крит. изслѣд. Ѳ. Морошкнина 1842 г. стр. 151—154.

169) Ист. Г. Р. Карамз. т. II стр. 172.

тѣмъ и княженія Суздальское и Владимірское 170) и отношеній этихъ княженій къ половцамъ и бронникамъ и бродникамъ, мы понимаемъ, что время это было эпохою окончательнаго распаденія Коганства восточной или Волжско-Балангіарской Хозаріи (Бериліи), и что элементы ея, изъ по-Волжскихъ и по-Донскихъ Алановъ, имѣли тогда пищу въ наемномъ содѣйствіи сѣвернымъ княженіямъ, вмѣстѣ съ восточными, или по-Донскими половцами, знатнѣйшія князья которыхъ были ближайшими родственниками Святослава Олеговича Сѣверскаго.

Въ эпохѣ этой, думаемъ мы, коренится засилье сѣверо-восточной Руси—Суздальской и Рязанской—надъ Русью юго-западною-Кіевскою, и самые предержательные успѣхи князей Георгія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго. Историки должны были давно обратить на это особенное вниманіе. Могила державства Волго-Хозарскаго, была, какъ видно, зародышемъ державства по-рубежнаго рыночнаго его городка Московъ 171). (привлекателя торговцевъ) и сказка о Бояринѣ Кучкѣ, владѣльцѣ села, гдѣ возникла Москва, имѣетъ, можетъ быть, связь съ историческимъ переворотомъ Волжской хозарщины, на что намекаетъ нѣсколько духъ Совѣта князю Андрею шурьевъ его кучковичей—удалиться изъ Вышегорода въ землю Суздальскую 172). Тогда аланны конники и судовики (лодошники) сидѣвшіе городецкими селидьбами, особенно отъ Переволоки (гдѣ Волга сближается съ Дономъ) внизъ по Дону съ лѣвой стороны его до Азовскаго моря, и обладавшіе силою древняго порядка, бродами и переправами на великомъ военно-торговомъ шляхѣ (пути) Саркельскомъ и на другихъ шляхахъ Донскихъ, пришли, какъ видно, въ кипучее разрозненное своеправіе: одни союзили съ сосѣдями половцами для общихъ наѣздовъ; другіе

170) Тамъ же стр. 280—281.

171) См. выше прим. 119.

172) Истор. Г. Р. Карамз. стр. 216 и 217 и 280 и 281.

дѣйствовалии отдѣльными дружинами съ своими воеводами (атаманами); сидѣвшіе же при бродахъ и перевозахъ, какъ проводники каравановъ ходили съ своими воеводами. Почему, все пространство, лежавшее между Волгою и порѣчьями Дона, отъ низовьевъ этихъ рѣкъ до земли Рязанской, Муромской и Суздальской, превратилось въ ипподромъ вольнаго наѣздничества, въ которомъ, конечно, участвовала и русская военная вольница и касоги, хозары тмутораканскіе и другіе кавказцы. Вѣроятно, что по такому положенію этой страны, восточные половецкіе князья, во второй половинѣ XII вѣка, стали подаваться вежами своими отъ востока болѣе къ западу (къ Днѣпру) 173). Въ этихъ движеніяхъ юга, почетнѣйшіе и знатнѣйшіе наѣздники, особенно изъ остатковъ дружинъ (гвардейцевъ) коганскихъ (Аларесіевъ, Арсіевъ, Арсіеновъ) могли быть зиргеронами (панцырниками, бронниками).

Отсюда понятно, что въ народномъ языкѣ Руси употреблялось тогда и вошло въ лѣтописи названіе и бронниковъ (панцырниковъ) и бродниковъ, какъ вольно договорныхъ, ратныхъ воеводствъ и какъ караванныхъ проводниковъ, охранявшихъ броды и перевозы на рѣкахъ; въ послѣднемъ значеніи понималъ ихъ и Татищевъ 174). Но смотря на старое въ духѣ и понятіяхъ своего времени, всѣ эти люди были благородною вольницею, а не бродягами, какими считали ихъ нѣкоторые толкователи русской древности. Въ лѣтописи различаются и муромцы и бронники и бродники и городчаны и особо сила Суздальской земли 175). Кромѣ того видно, что въ началѣ XIII вѣка бродники раздѣлялись еще на старыхъ и новыхъ. Такъ при первомъ вторженіи моголовъ въ Русь чрезъ старыя Хозарскія селидьбы и половецкія ве-

173) Записк. Одесскаго общест. истор. и древн. т. III стр. 41. (ст. Бѣляева).

174) Его лексиконъ и исторія т. III примѣч. 62.

175) Троицк. лѣтоп. стр. 212 и 213 (подъ 1216 г.).

жи, въ войскахъ ихъ, являются авангардными дружинами и парламентерами къ князьямъ Кіевскимъ Бродники—христіане съ своими „воеводами“ и этихъ бродниковъ лѣтописецъ называетъ „старыми“ 176), слѣдовательно были бродники новые. Обычай существованія проводниковъ и бродниковъ, въ низовьяхъ по-Волжья и по-Донья, сосѣдившихъ съ степями при-Кавказскими, тянулся и во времена Моголовъ, какъ бытовая необходимость. Рубриквисъ, путешественникъ въ по-Донскихъ степяхъ (въ половинѣ XIII вѣка), говоритъ о дорожныхъ проводникахъ, о жившихъ здѣсь вольныхъ наѣздникахъ изъ россіянъ, алановъ и венгерцевъ и о цѣломъ селеніи, бродниковъ изъ людей русскихъ, стоявшемъ на восточной сторонѣ Дона 177). Селидьба эта была, какъ понимаемъ мы, при устьяхъ р. Хопра, гдѣ пересѣкалъ Донъ большой хозарскій путь сходившій сюда отъ Волги по Сурѣ и ниже и направлявшійся къ Азовскому морю и въ Тавриду 178). Въ половинѣ XIV вѣка, когда область Рязанская, по церковному раздѣленію съ областью Сарайскою, имѣла рубежемъ своимъ на Югѣ рѣку Великую Ворону (вѣроятно по древнему предѣлу Рязанской земли съ половцами), христіанскіе караулы (проводники, бродники) съ боярами и баскаками стояли по р. Хопру до устья его 179), гдѣ была вышеупомянутая переправа черезъ Донъ большого пути.

Лишь только осуществился зачатокъ единодержавія Москвы, лицомъ Василія Темнаго, то, по лѣтописямъ, вмѣсто изчезнувшаго имени бронниковъ и бродниковъ, является въ первый разъ (подъ

176) Тамъ же стр. 218 (подъ 1223 г.).

177) Путеш. Рубриквиса гл. XIII, XIV, XV и XVI (по рукописи) истор. Г. Р. Карамз. т. II примѣч. 302.

178) Путь этотъ объясненъ будетъ въ слѣдующей главѣ заключающей географическій очеркъ Донской страны.

179) Акты ист. Археограф. Ком. т. I №№ 1 и 3.

1444 годомъ) въ Рязанской землѣ имя казаковъ. Люди эти въ великокняжеской дружинѣ составляли легкое войско, вооруженное копьями и саблями 180), точно такъ же, какъ и черкасы. Лѣтописецъ ничего не сказалъ о происхожденіи ихъ, а написалъ какъ бы о давно извѣстной и былой на Руси сословности военной. Не въ другой, а въ Рязанской странѣ должно было откликнуться имя казаковъ: тутъ, какъ выше замѣтили мы, была исконная земля-кормилица аланскихъ таборовъ—Хозаріи, ходившихъ по порѣчьямъ Дона отъ Азовскаго и Каспійскаго поморьевъ; тутъ, изстари были „суровыи человѣцы, и свирѣпы людіе, высокоумне суще" 181), тутъ была „шляхта зѣло храбра и мужественна; мужіе сущіи, стародавніи въ родехъ русскихъ 182)".

Такъ явились имена черкасовъ и казаковъ. Эти два названія въ сущности выражаютъ одно и тоже, какъ ниже объяснится: черкасы назывались казаками, а казаки черкасами, а тѣ и другіе хозарами 183).

Много было толковъ объ имени казакъ (184); но всѣ они

---

180) Ист. Г. Р. Карамз. т. V стр. 207 и примѣч. 321.— Рязанскіе казаки были вооружены копьями и саблями какъ и черкасы по-Росьскіе (смотр. выше примѣч. 161).

181) Новгород. IV лѣт. стр. 67 (подъ 1371 годомъ) ист. Г. Р. Карамз. т. V стр. 29 и 30.

182) Истор. крит. изслѣд. о Рус. и славян. Ѳ. Морошкина стр. 157.

183) „Запорожскіе казаки въ древнія времена назывались козарами". Журн. Мин. нар. просв. 1838 г. іюнь стр. 192, см. ст. „Изустныя пред. о Новорос. краѣ А. Скольсковскаго". У старинныхъ донцовъ тоже употреблялось это названіе.

184) Сестренцевичъ Богунъ указывалъ происхожденіе казаковъ отъ сармато-козаровъ, народа славянскаго, сидѣвшаго по обѣимъ сторонамъ Днѣпровскаго лимана и по нагорной Тавріи. Византійскій

лишены обще,—историческаго смысла. Обойдемъ ихъ здѣсь какъ лишнее повтореніе: скажемъ сами, что можемъ. Понять это имя—

императоръ Константинъ, за услуги, сдѣланныя ему сармато-козарами въ войнѣ противъ сарацыновъ (около 750 года), наградилъ ихъ, переименовалъ изъ козаровъ казаками. Имя это распространено болѣе персами, которые, считая козаровъ давно извѣстными горными скиѳами, называли казаками; ибо *ку* значитъ гора; а *сокáми* персы именовали всѣхъ Азійскихъ скиѳовъ. Область же ихъ назвали Казакіею. (Истор. о Тавріи С. Ѣогуна т. II стр. 25, 26 и 27).

Въ Сибирской истор. Фишера, слово казакъ отнесено къ языку татарскому. Оно означало такого человѣка, у котораго нѣтъ семьи, или который не имѣлъ постояннаго жилища. Названіе это, по началу, приписывается собственно ордѣ казачьей, которая набѣгами и разъѣздами славилась предъ прочими народами. Отъ татаръ передалось россіянамъ и полякамъ. По мнѣнію Сталенберга, слово казакъ означаетъ вольныхъ людей, живущихъ на предѣлахъ и всегда готовыхъ служить за деньги (Сибир. ист. Фишера стр. 501).

Г. Болтинъ толкуетъ, что въ отдаленной древности, на югѣ Россіи, жили многія племена татарскія, сарматскія и славянскія, и что изъ нихъ отдѣлялись разныя толпы въ степи, разбойничали, или питались звѣроловствомъ. Татары называли ихъ казаками, т. е. сволочью, сбродомъ. Люди эти, увеличившись, стали быть извѣстны въ нашей исторіи подъ именемъ половцевъ, существовавшихъ до нашествія татаръ. Болтинъ въ примѣч. на исторію Леклерка т. I, стр. 339 и 361.

Исторіографъ Карамзинъ заключаетъ, что имя казаковъ въ Россіи древнѣе Батыева нашествія и принадлежало торкамъ и берендеямъ; что косоги (Нестора) и косахи Константина Богрянороднаго участвовали въ осуществленіи этого имени. Истор. Г. Р. Карамз. т. V. стр. 393—395 и примѣч. 416.

Г. Полевой говоритъ: „кажется нѣтъ уже сомнѣнія, что имя

тоже, что понять имя хозаринъ (Козаринъ). Хозары у всѣхъ современныхъ имъ чужеземныхъ писателей представлены народомъ

казаковъ есть азіатское названіе легкаго коннаго воина. Тутъ не нужно прибѣгать къ косогамъ и Косахіи Конст. Багрянород., ни къ косѣ, ни къ козѣ, ни къ козявкѣ, отъ чего выводили имя казаковъ: Гербинін, Пясецкіе, Заморовичи (см. Истор. Малор. Д. Н. Бантыша-Каменскаго, 2 изд. 1830 г. т. I. примѣч. 73). Въ Азіи до нынѣ цѣлая орда турецкая называется казаками (Киргисъ-Кайсаки). Татары и русскіе принимали въ XV вѣкѣ имя казака въ смыслѣ бездомовнаго, странствующаго удальца—воина. Такъ разумѣлъ Іоаннъ III въ отвѣтѣ Зинебеку въ 1477 году. Но то, чѣмъ порицали казаковъ непріятели, составляло славу ихъ, и имя казаковъ осталось именемъ собственнымъ цѣлаго народа казацкаго, ибо они гордились имъ. Азіатскій типъ могъ быть переданъ казакамъ и отъ смѣси съ ними Черныхъ Клобуковъ, торковъ, берендеевъ, часть коихъ была крещена, но соблюдала свои полукочевые нравы и обычаи. Нѣкоторое число сихъ народовъ, избѣгшее меча моголовъ и не хотѣвшее соединиться съ ними, сдѣлалось казаками". (Библіот. для чтенія 1834 г. т. I. отд. III. см. статью Полеваго взглядъ на исторію Россіи, отъ кончины Іоанна Калиты до кончины Іоанна III—стр. 94, въ примѣчаніи 11).

Кромѣ этого Полевой говорилъ о происхожденіи казаковъ, въ опроверженіе многихъ нелѣпныхъ мнѣній, въ Моск. Телегр. 1830 г. т XXXV. стр. 75 и послѣд.

Редакторъ журн. Библ. для чтен. 1834 г. ноябрь, въ стат. крит. говоритъ: ...„Мы не думаемъ, чтобы можно было разсуждать о происхожденіи слова казакъ безъ пособія оріентализма и его исторической критики... Слово казакъ есть собственное имя народа, который мы нынѣ называемъ Киргизами. Кажется, что это поколѣніе, издревле извѣстное въ Азіи отвагою, хищничествомъ и ловкостію всадниковъ, съ давняго времени придало имя свое отрядамъ легкой конницы,

„храбрѣйшимъ, свободнѣйшимъ, многочисленнѣйшимъ, не испытавшимъ надъ собою никакой чуждой власти, не знающимъ, что та-

---

употребляемой восточными властелинами для разныхъ воинскихъ назначеній, подобно тому, какъ народное имя швейцарцевъ превратилось въ Европѣ въ наименованіе извѣстнаго рода служителей. То вѣрно, что у моголовъ, завладѣвшихъ Россіею, оно означало, кромѣ киргизовъ, еще вооруженныхъ всадниковъ, не приписанныхъ ни къ какому улусу, не составляющихъ собственности никакого хана, ни бека, бѣжавшихъ отъ своихъ кочевыхъ владѣльцевъ, коротко сказать,— „вольныхъ" воиновъ изъ разныхъ поколѣній, соединяющихся въ летучіе отряды. Слово казакъ и вольный были какъ бы однозначущія, и поэтому первое изъ нихъ, соединяющее въ себѣ при томъ понятіе о войнѣ, такъ нравилось бѣглецамъ изъ Россіи и Литовской Руси, поселившимся при Днѣпрѣ и Донѣ. Вотъ все, что при нынѣшнемъ состояніи оріентальной исторической критики, можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностію о происхожденіи слова казакъ: оно, повидимому, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ косоговъ.

Не должно, однакожъ думать, чтобъ понятіе „казачества" не было извѣстно на сѣверѣ гораздо прежде слова казакъ. Оно кажется очень древнее и въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть названо кореннымъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ, проявлявшимся въ разныя времена подъ разными именами. Здѣсь мы позволимъ себѣ одно сближеніе. Хотя слово казакъ есть собственное имя огромнаго народа, но оно очень давно сдѣлалось уже нарицательнымъ и притомъ имѣетъ правильное производство отъ извѣстнаго корня. Какъ нарицательное, въ восточно-турецкихъ языкахъ оно значитъ — безпріютный, скитающійся, никому не подвластный, вольный. Баберъ часто употребляетъ въ своемъ джиготайскомъ нарѣчіи слова *казаклыкъ, казакламакъ* въ этомъ смыслѣ. Какъ производное оно происходитъ отъ козъ—гусь и значитъ— гусакъ,—„свободный, какъ дикій гусь" говорятъ турки. Нѣкоторые оріенталисты хотѣли вывести его отъ глагола касмакъ—копать, не при-

кое есть рабство“ 185). Въ исторіи явились они на Кавказѣ, отъ сѣвера (во II вѣкѣ по Р. Х.).—Древній сказатель о хозарахъ Кавказа армянинъ - историкъ Моисей Хоренскій—словомъ хозары (хосары) выражаетъ имя славянъ. Оно звучитъ не по-славянски: записано такъ чужеземцами, историками и географами, какъ переводное. По нашему понятію, слово это отзывается армяно-персидскимъ нарѣчіемъ и буквально значитъ „мужи слова“ 186) (бояры славяне), бояры въ смыслѣ торговопокровномъ, (госте-охранительномъ). Присвоеніе такого имени этой войнородной націи на Кавказскомъ перешейкѣ объясняется и глав-

---

мѣчая, что по грамматическому свойству восточно-турецкихъ нарѣчій оно тогда было бы *казпакъ*, а не *казакъ*. Названіе черкесовъ, которые сами себя именуютъ *адигами*, происходитъ отъ персидскаго слова серкешъ, испорченнаго грубыми устами горцевъ, и тоже значитъ неподвластный, бунтующій, вольный. Новгородцы, еще до нашествія моголовъ, славились своею вольницею. Присовокупите къ тому венгро-славянское *гуса, гусаръ* „свободный всадникъ, бродяга, разбойникъ“, происходящее также отъ слова гусъ (гусь) съ его производными —*гусарити*, т. е. разбойничать на морѣ, *гусарица*, т. е. разбойничья лодка и т. д., и вы получите четыре однозначущія названія, четыре разные перевода одной и той же идеи, и что примѣчательнѣе, дважды выраженные метафорно, заимствованнаго отъ одного физическаго предмета. Вотъ почему малороссійскіе и донскіе казаки назывались по-перемѣнно, то черкасами, то казаками, то вольницей, то даже, какъ напримѣръ, новосербскіе ихъ сосѣди и нерѣдко товарищи, гусарами.— (Стр. 7-я и послѣд.)

185) Истор. Критич. изслѣд. о Рус. и Славян. Ѳ. Морошкина стр. 139.

186) Имя Хозаръ (Хосаръ) состоитъ изъ двухъ словъ: хоскъ— слово по-армянски и аръ—мужъ, по-персидски: Сравн. слов. всѣхъ язык. и нарѣч., часть I и IV.

нымъ образомъ быта ея, какъ ниже увидимъ. Неизвѣстно, имя это было ли съ самаго начала общимъ именемъ всего хозарскаго народа. Позднѣе же, изъ показанія арабскаго географа Ибнъ-Гаукала, видно, что Хозарія, въ самомъ важнѣйшемъ пунктѣ своей царевщины—Усть-Волжскомъ, гдѣ была столица ея Атель (Итиль), а потомъ Балангіаръ, называлась различно: „землею Хозарскою, Русскою, или Сэр-иромъ" 187). Это показаніе весьма важно: вопервыхъ, оно обнаруживаетъ, что преобладающимъ элементомъ Хозаріи было славянство, хотя на Кавказѣ могли входить въ него разные народы, превращенные вѣками чрезъ смѣшенія въ неопредѣленныя племена, и особенно отродья мидійскія и персидскія; во-вторыхъ, именемъ Сер-иръ (Сар-иръ) или Русью объясняется, что оно разумѣлось землею „Главно-Городецкою (вольно-городецкою" 188), или такою торгово-охранною землею, въ которой караванные шляхи (тракты, пути) степные и рѣчные, отъ города до города, или отъ торга (торговца—эмпорія) до другаго торга, оберегались „мужами—головами" (шубашами, атаманами) путевой стражи, словомъ шляхи Сорскіе (бѣлые, вольные, безопасные, царскіе). Стороже-вощный быть первобытныхъ насельниковъ и обладателей Кавказа, какъ воротъ (капусовъ) между Европою и Азіею, заставлялъ ихъ, начиная съ мосховъ, или моссиновъ (башне-обитателей 189), или точнѣ привлекателей торговли), до позднѣйшихъ временъ Хозарской монархіи, огораживать жилища стѣнами съ башнями, изъ которыхъ голосъ сторожей передавался отъ одной башни до другой 190). „Такія башни, хотя и въ большомъ разстояніи одна отъ другой, разставлены были и по глав-

187) Смот. выше примѣч. 102.

188) Смот., тоже. 102 примѣч.

189) Истор. Крит. изслѣд. о Рус. и Слав. Ѳ. Морошкина стр. 131.

190) Тамъ же и та же страница.

нымъ (царскимъ), или бойнымъ шляхамъ, какъ пункты становъ, притоновъ, (приваловъ караванныхъ, проводниковъ и пріютовъ сторожевыхъ). Бащенная обстановка путей находилась не только что по Кавказу, но и по степямъ Задонскимъ (по Сарматіи, или землямъ богатыхъ аорсовъ и сираковъ (Сер-ировъ) 191) и по всей нынѣшней Донской землѣ, въ которой, на многихъ большихъ курганахъ, означавшихъ шляхи, и теперь еще примѣтны остатки башенныхъ подстроекъ изъ кирпича и камня; о чемъ въ своемъ мѣстѣ разскажу подробнѣе.—Отсюда мы заключаемъ, что слово хозары прямо выражаетъ имя славянъ въ глубокомъ его значеніи, въ значеніи первобытныхъ чтителей символа Тау, знака спасенія и зародыша письменъ „слово" имя бояръ—славянъ, покровителей сношеній между-народныхъ и торговли—на древнихъ караванныхъ путяхъ, пролегавшихъ чрезъ Кавказъ изъ Бактріаны, Индіи и Малой Азіи въ Европу. Существуя подъ верховною властію Великаго Когана, хозары при-Кавказскіе и по-Донскіе (Танаиты),—люди конники и лодошники въ военно-бытовыхъ формахъ, были, какъ видно, „сколоты"—славяне Кола (круга, вѣча), наслѣдіе Колоксаиса сына Таргитаева 192). Съ X вѣка, въ Кавказской Хозаріи, сталъ видѣнъ большой народъ, считаемый аборигеномъ своей страны, адиге, или адехе (братчики счастья,—царскіе проводники), который называли касахами (хасахами, косогами), какъ и выше сказано,—впослѣдствіе же покрыли его именемъ черкасовъ, а черкесовъ осетинцы именуютъ казаками. Касахи въ древности были народъ христіанствующій вольнобратченный. Съ теченіемъ времени, по паденіи Коганской царевщины, и по принятіи магометанства, они разбились на отдѣльныя роды и отъ княжеской управы перешли въ самосудную „Хасъ" 193).

---

191) Истор. Крит. изслѣд. о Рус. и Слав. Ѳ. Морошкина стр. 85 и 86.

192) Смотр. выше примѣч. 11.

193) Энцик. Лекс. т. I стр. 191 и 192.

Изъ такихъ соображеній понимаемъ мы, что имя казакъ, по началу, принадлежитъ армяно-персидскому языку и происходитъ отъ имени хозаринъ. Хотя въ окончательномъ слогѣ, „ахъ" (*ахъ*—братъ, вольный, бѣлый) оно измѣнено, но не утратило своего главнаго значенія и въ буквальномъ смыслѣ: вмѣсто славянинъ, мужъ (бояринъ) выражаетъ славянинъ бѣлый (вольный, братчикъ), а въ переносномъ—воинъ вольнаго союза (сборно-кругового совѣта). Другое имя казаковъ—черкасы (черкесы Кавказа) происходитъ отъ Сер-Хасъ или Чер-Хасъ 194) и значитъ головы слова—(мужи, атаманы вольнаго сбора). Имя же черкасовъ, берендеевъ, выражаетъ, какъ и выше сказано, городовыхъ витязей. У старинныхъ донцовъ было въ обычаѣ Малороссію, наполненную черкасами—остатками главно-городецкой страны Хозаріи, называть „городовицкою землею", а всѣхъ казаковъ ея „городовиками", даже и до сихъ поръ на Дону многіе называютъ приходящихъ на работы малороссіянъ „городовиками".

Имя казакъ русскому міру не чужое, а глубоко родное, это имя южныхъ сыновъ его—славянъ: явилось оно не изъ татаріи, а изъ Кавказской Славяніи старыми, бойными по-рѣчьями своими: Днѣпровскимъ, Донскимъ и Волжскимъ.

Такъ мы разумѣемъ имя казаковъ; впрочемъ, историческій скептицизмъ безконеченъ, какъ сама исторія.

Время послѣдней половины XV и первой XVI вѣка заключало эпоху размноженія казаковъ и въ восточной, и въ западной Руси, и даже въ улусахъ ордынцевъ. Это явленіе, какъ и прежде замѣчено, было не случайное, не напрасное: минувшее востока Европы произвело его какъ непреложный жребій будущаго, какъ мировую потребность въ духовной области исторіи.—Сущность и слѣдствія событій, проявленныхъ жизнію казачества

194) Смотр. выше примѣч. 101 и 186.

въ борьбѣ его съ латинствомъ и магометанствомъ, доказываютъ такое прозваніе ея. Видимыя же причины, начавшія эпоху казацкаго размноженія, были слѣдующія: въ восточной Руси—измѣненіе старыхъ правъ, отношенія сословностей и формъ управленія возникшимъ единодержавіемъ, и борьба съ остатками моголовъ; въ западной Руси—начало гоненія католичества на православіе и, тоже, борьба съ ордынцами; у ордынцевъ—мятежи и конечное распаденіе, или уничтоженіе единовластія.

Важнѣйшіе предметы преобразованія въ государственномъ порядкѣ восточной Руси, со временъ Іоанна III, заключались въ слѣдующемъ:

Въ лишеніи князей правъ владѣтельныхъ 195); въ прекращеніи воли у бояръ и дѣтей боярскихъ переходить отъ одного князя къ другому 196); въ уничтоженіи по городамъ вѣчевого права и воли избирать „тысячскихъ", которые, важностію и блескомъ своего народнаго сана, возбуждали зависть не только въ княжескихъ боярахъ и ихъ служилыхъ людяхъ, но и въ князьяхъ 197),—тысячскіе окружали себя многочисленными дружинами городовыхъ бояръ и дѣтей боярскихъ; въ замѣнѣ мѣстныхъ удѣльныхъ правъ, уставовъ и учрежденій однимъ общимъ (краткимъ) Іоанновымъ уставомъ, сосредоточивавшимъ порядокъ и судъ въ одной его волѣ 198); въ размноженіи сословія дьяковъ и подьячихъ, какъ граматнаго сословія, нужнаго въ новомъ гражданскомъ устройствѣ, для ниспроверженія старыхъ мѣстныхъ правъ и учрежденій 199); въ введеніи жестокихъ судныхъ пытокъ, 200),

195) Ист. Г. Р. Карамз. т. IV. стр. 128—131. Т. V. стр. 7, 16, 376—380. Т. VI. 342—344 и 346—348.

196) Тамъ же т. V. 373—376. Т. VI. 346—347.

197) Там. т. V. 373 и прим. 390.

198) Там. т. VI стр. 354 и примѣч. 609.

199) Там. т. IV примѣчан. 325 и т. V стр. 388.

200) Тамъ т. VII стр. 204.

тѣлесныхъ наказаній и смертной казни, неизбѣжной въ преступленіяхъ для самыхъ знатныхъ людей—свѣтскихъ и духовныхъ, при существованіи суднаго единоборства, называвшагося „судомъ Божіимъ" или „полемъ" 201); въ установленіи судной власти посредствомъ намѣстниковъ, окольничихъ, бояръ, такъ называемыхъ волостелей, и помѣстныхъ дѣтей боярскихъ, съ возмездіемъ за трудъ (имъ и дьякамъ) въ дѣлахъ тяжбъ—десятой доли иска съ виновнаго, въ уголовныхъ—всего имѣнія осужденнаго, которое дѣлилось между судьями и истцемъ 202), въ недостаткѣ правосудія, чрезъ что богачъ считался у судей виновнымъ рѣже бѣднаго 203); въ введеніи въ уничтожаемыхъ удѣлахъ новаго порядка по собиранію дани для умноженія государственныхъ доходовъ 204); въ раздачѣ земель или „помѣстій", для учрежденія войска, боярскимъ дѣтямъ съ обязательствомъ, въ случаѣ войны, приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей, или наемниковъ конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья 205); въ заведеніи пограничныхъ городовъ съ людьми ратными, „охочими" для сторожи; въ принятіи въ службу литовскихъ и нѣмецкихъ выходцевъ и плѣнниковъ и множества ордынцевъ—князей, улановъ и простыхъ воиновъ въ насильственномъ переселеніи многихъ тысячъ новгородскихъ бояръ, именитыхъ граждан и купцовъ въ разныя области и въ раздачѣ ихъ земель московскимъ служилымъ людямъ и гостямъ; въ такомъ же переселеніи изъ Вятки всѣхъ „нарочитыхъ" земскихъ людей, граждан и купцовъ въ разные города 206).

---

201) Тамъ т. V стр. 387, т. VI стр. 355 и 356. Т. VII стр. 204.

202) Тамъ т. VI стр. 354 и 355.

203) Тамъ т. VII стр. 203 и 204.

204) Тамъ т. VI стр. 351 и 352.

205) Тамъ т. VI стр. 344 и 345.

206) Тамъ т. VI стр. 140 и 191—193.

При такихъ важныхъ измѣненіяхъ, въ восточной Руси, которыя потрясли всю прежнюю систему вольныхъ, военныхъ силъ ея, двѣ старыя основы этихъ силъ духъ—гридницы (Дружинно-Удѣльный) и духъ бесѣды товариствъ царевщинныхъ не уничтожились, не прекратили борьбы между собою; но приняли иныя развитія и стали продолжать борьбу въ новомъ образѣ. Первая, замкнувшись въ кругѣ богатаго дворянства, титуловавшагося *дворянствомъ первой статьи* 207) и имѣвшаго въ главѣ своей вельможество изъ родовитаго княжества и знатнѣйшаго боярства, образовала главную аристократію. Къ древнему понятію своему, объ униженіи младшей воинской сословности значеніемъ пасынковымъ, аристократія эта прибавила еще грубую кичливость предъ нею въ духѣ своеправія. Вторая, составляя многочисленнѣйшій классъ дѣтей боярскихъ и разныхъ городецкихъ людей служилыхъ и младшаго боярства, образовала собою мелкую аристократію, подъ титуломъ *дворянства другой статьи*; 208) но аристократію сильнѣйшую первой своею массою и сближеніемъ съ вольными охочими людьми, не входившими въ разрядъ мирныхъ гражданъ, и вообще съ народомъ. Это меньшее дворянство, за прекращеніемъ служебныхъ отношеній своихъ къ родовитому княжеству и знатнѣйшему боярству, какія прежде были по духу и формамъ удѣльной системы, искало наградъ „*помѣстьями*" и милостей лишь отъ государя, а къ вельможному своеволію развило ненависть сильнѣе прежняго. Таковы были нравственныя отношенія между двумя главными элементами государственной силы. Тотъ и другой изъ этихъ элементовъ подвергался обузданію уставомъ единовластія; но тотъ и другой не могли безъ упорства разстаться съ своими вѣковыми обычаями и правами, имѣвшими значеніе закона. И тому и другому вмѣнялось въ долгъ повино-

207) Собр. Гос. Грам. и Даго. т. I. № 192.

208) Тамъ же.

веніе совершенное, оно и было; но въ томъ и другомъ не могло скоро созрѣть свѣтлое сознаніе въ благѣ требуемой покорности. Питая духъ володѣтельнаго властолюбія и родовитости, вельможество смотрѣло назадъ въ старину — съ любовью глубокою, съ жаждою возврата ея, какъ возврата власти, и между тѣмъ успѣло установить свои обряды, какъ законы, свои правила чести и почета, особенно мѣстничествомъ, и ими опутывали волю повелителя. Мелкой аристократіи взглядъ назадъ ограничивался, кажется, только сожалѣніемъ о волѣ въ служебной подвижности, съ лишеніемъ которой утратила она выгоду произвольнаго, или условнаго требованія вознагражденій за службу; почему, бывъ устремляема одною высшею волею повелителя, она безпрекословно повиновалась; но уже не соображала ни права повелѣвавшаго, ни пользъ собратій, ни народа. При такомъ положеніи главныхъ дѣятелей государственнаго движенія, между народомъ и государемъ не было ни союза, ни посредника. Высшая аристократія, покорствуя государю, придумала средства властвовать и надъ нимъ самымъ— заслугою, хитростію, крамолою. Она составила дворскія партіи, которыя реактивнымъ духомъ, особенно въ правленіе боярской думы, во время малолѣтства Іоанна IV, дошли до ужаснаго позорища необузданныхъ страстей и сдѣлали государство, какъ говорятъ лѣтописцы, „жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ 209)“. Въ лицахъ сочленовъ своихъ, подъ титлами намѣстниковъ, окольничихъ, бояръ—волостелей, вооруженныхъ грамотейными органами уряда, расправы и суда—дьяками и подьячими, напустила она на возраждавшееся государство безнаказанное своеправіе. Аристократы—правители и судьи, ужасными насиліями и неправосудіемъ, во многихъ областяхъ „свирѣпствовали какъ львы“ надъ жизнію, правомъ и достояніемъ беззащитныхъ гражданъ и заставляли ихъ разбѣгаться, куда глаза глядятъ; даже въ самыхъ свя-

---

209) Истор. Г. Р. Карамзина т. VIII стран. 52.

тыхъ обителяхъ искали они добычи съ лютостію могольскихъ хищниковъ 210).—Такъ было внутри государства. Въ то же время, извнѣ набѣги крымскихъ и волжскихъ ордынцевъ жгли города и села, обливали развалины кровью жителей и сдѣлали въ этомъ государствѣ то, что „за 200 верстъ отъ Москвы къ югу и сѣверо-востоку земля была усѣяна пепломъ и костями русскихъ 211)“.—Этого мало: десятками и сотнями стали гонять ордынцы людей изъ Руси, какъ стада безсловесныхъ, на рынки Астрахани, Азова и Кафы, для продажи тамъ „за море къ бусурманамъ“.

Въ эти-то печальныя годины государства, отъ правительственнаго хаоса и отъ внѣшнихъ золъ, казацкая станица (бесѣда, коло, кругъ), какъ древняя славяно-туранская основа общежительной защиты, превратилась въ народно-охранительное братство, согрѣтое любовью къ царю и отечеству, но охлажденное нелюбовью до ненависти къ вельможеству. Оно сдѣлалось убѣжищемъ людей всѣхъ сословій—и лучшихъ и середнихъ и черныхъ (т. е. и дворянъ—дѣтей боярскихъ, и простыхъ воиновъ), какъ обиженныхъ такъ и не мирившихся съ темнымъ правомъ, какое существовало при разладѣ стараго порядка съ новымъ, при владычествѣ силы надъ закономъ и правдой, жаждой корысти надъ беззащитностью, и явилась представительницею вольнаго праотеческаго самотверженія въ степной борьбѣ съ врагами татарами за своихъ братьевъ русаковъ.

Такое внутреннее бореніе, кончившееся, какъ увидимъ при изложеніи Исторіи донцовъ, ужасными потрясеніями и приговоромъ Великаго Земскаго Собора всей русской земли (13—28 февраля 1612 года), создало о себѣ два характеристическія выраженія—одно устами народа—„*лихіе бояре*“, а другое устами боярства „*баловни, лихіе люди—казаки*“.

---

210) Тамъ же стр. 51 и 52.

211) Тамъ же стр. 114.

Но имя казакъ, любезное народу, быстро разлилось тогда въ его массѣ и образовало въ ней особый войнородный міръ. Въ вѣкъ Іоанна IV, какъ представимъ впослѣдствіи, міръ этотъ неудержимо вынесся въ юговосточныя пустыни древней земли хозарской и составилъ стражбу царства и вѣры православной.

Вотъ главныя черты эпохи начальнаго размноженія казачества въ Московской Руси.

Подробности о начальномъ выходѣ на Донъ казаковъ изъ западной Руси будутъ приведены нами въ главѣ о зачаткахъ метрополій Днѣпровскаго и Донскаго казачества.

Объ ордынскомъ же казачествѣ можемъ сказать, по соображенію, только вотъ что. Лѣтописи молчатъ о немъ почти до самаго конечнаго распаденія могольской державы. Почему начало ордынской вольницы или казаковъ, вѣроятно, лежитъ въ наставшихъ со второй половины XIV вѣка мятежахъ орды, которые не разъ разбивали ее на разрозненные и враждовавшіе между собою улусы князей и мурзъ. Затѣмъ, сокрушительные удары Тамерлана разрознили и ослабили Сарайскую орду еще болѣе; а наконецъ, въ исходѣ XV вѣка, гибель Ахмата, послѣдняго хана этой орды, привела моголовъ къ совершенной потерѣ единства власти. Въ этихъ событіяхъ не могли не участвовать сосѣдившіе моголамъ кавказцы, ясы или аланы при-Каспійскіе, косахи или черкесы, буртасы и другіе,—одни какъ подданные, другіе какъ наемники или охотники, что было и при вооруженіи Мамая на Русь (въ 1379 году), который набиралъ войска не только изъ черкесовъ, но изъ охотниковъ половцевъ, армянъ и даже крымскихъ генуезцевъ 212). Такъ отъ кавказской вольницы могли проявиться формы казачества съ его именемъ къ междуусобной почвѣ моголовъ, у которыхъ, послѣ гибели владѣтельныхъ князьковъ и мурзъ, оставалось много всадниковъ, не принадлежавшихъ

212) Тамъ т. V стр. 61.

уже ни къ какому улусу и не имѣвшихъ владѣтельной зависимости никакого князька, или мурзы. Такіе остатки или смѣшивались сами съ другими подобными же остатками, или принимали къ себѣ разнородныхъ боевыхъ удальцовъ и составляли военные отряды наймитовъ, или вольныхъ условныхъ союзниковъ у разныхъ князей и мурзъ,—у кого было лучше. Послѣ гибели, на Донскихъ степяхъ, (въ самомъ началѣ XVI вѣка) дѣтей хана Ахмата отъ ударовъ Менгли-Гирея, хана крымскаго, улусники ихъ разсѣялись, и, приставая то къ Волжскимъ ногайцамъ, то къ за-Донскимъ Козыевцамъ, еще болѣе размножили собою отряды договорныхъ наѣздниковъ. — Вся эта моголо-татарская вольница была ордынскими казаками русскихъ лѣтописей. Надобно замѣтить, что въ лѣтописяхъ имя ордынскихъ казаковъ не рѣдко придавалось безразлично, какъ татарамъ, такъ и ясамъ и косохамъ, ходившимъ по донскимъ и волжскимъ степямъ.

Теперь скажемъ о разныхъ названіяхъ казаковъ.

По мѣстамъ нахожденія казаки принимали особыя названія. Въ восточной руси, самые старые по времени начала были Рязанскіе казаки,—извѣстные, какъ и выше сказано, съ 1444 г. Послѣ (съ 1468 года) находились казаки въ Москвѣ, или московскіе 213). Въ предѣлахъ древняго княженія Сѣверскаго, во всѣхъ главныхъ и въ пограничныхъ городахъ какъ-то: въ Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Стародубѣ, Путивлѣ, Рыльскѣ и другихъ были свои казаки, получившіе начало отъ черкасовъ: казаковъ этихъ вообще называли Украинскими, Сѣверскими или Сѣврѣскими 214). Съ 1491 года видны казаки въ Мещерѣ, подъ

213) Цар. лѣт. стр. 385.

214) Руск. Лѣт. по Никон. спис. VIII, 176 и 215 Акт. Моск. Госуд. Арх. Кол. иностр. дѣлъ. — Дѣл. Ногайск. Связ. № 3. Лист. 113 грам. кн. Юсуфа 1549.

названіемъ мещерскихъ и городецкихъ 215). Казаки, находившіеся (съ 1547 года) въ украинскихъ русскихъ городахъ, стоявшихъ по Волгѣ, назывались волжскими; съ половины XVI вѣка, вошло въ обычай на Руси учреждать казаковъ, для сторожевыхъ разъѣздовъ во всѣхъ пограничныхъ городахъ вмѣстѣ съ воротниками, затынщиками, пушкарями и другихъ званій служилыми людьми. Этихъ казаковъ вообще называли городовыми и помѣстными. Они имѣли своихъ головъ и атамановъ 215). Впослѣдствіи, головы казачьи и головы стрѣлецкіе признаваемы были въ одинаковой степени 217). Казачій приказъ управлялъ атаманами и всѣмъ казачьимъ войскомъ, — какъ кормовымъ, такъ и бѣлопомѣстнымъ (т. е, владѣвшимъ землями безъ платежа податей), которое служило въ Москвѣ и въ городахъ. Приказъ этотъ упоминается отъ 1628 до 1646 года 218).

Въ западной Руси были Днѣпровскіе и Запорожскіе казаки: это Черкасы. Объ этихъ казакахъ объяснимъ впослѣдствіи, сколько будетъ нужно, по связи историческихъ дѣлъ ихъ съ дѣлами донцовъ.

На Дону, въ Азовѣ, ранѣе завоеванія его турками 1471 г., были Азовскіе казаки.

Еще виднѣются казаки: у крымскихъ хановъ, съ 1474 г.; въ царствѣ Казанскомъ, съ 1491 г.; въ царствѣ Астраханскомъ, съ 1505 г.; въ Аккерманѣ или Бѣлгородѣ Бѣлгородскіе казаки, съ 1515 г.

О времени начала Донскихъ казаковъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

---

215) Собр. Гос. Грам. и Догов. т. I 235 и т. II 32. Прод. древ. Р. Вивл. VII. 247, 257 и 340. Посол. Дѣл. Двор. Кр. № 1 стр. 216.

216) Указат. Рос. зап. указ. 8 марта 1627 года, 26 октября 1652 г. и 29 сентября 1681 г.

217) Тамъ же Ук. 8 марта 1627 г.

218) Тамъ же стр. XXIV.

Сдѣланный нами взглядъ ведетъ къ такимъ пониманіямъ:

1) Что зачаткомъ русскаго міра было сколотское (скиѳское) царство Таргитаево—первобытное, геройческое господство востока Европы, поставленное здѣсь Провидѣніемъ для раздѣленія европейскаго человѣчества на Западное и Восточное.

2) Что раздѣленіе это есть законъ міровой исторіи для исполненія великаго, духовнаго процесса возведенія человѣчества въ христіанскій возрастъ,—процесса, совершаемаго работою европейской расы въ значеніи двухъ міро-обновительныхъ, близнятныхъ, духовныхъ началъ—брата преобладателя постиженіемъ мышленія и—брата преобладателя постиженіемъ вѣрованія, и бореніемъ этихъ началъ между собою о правѣ первородства, которое продано первымъ второму „за блюдо яства".

3) Что отсюда—осмысленность всѣхъ минувшихъ и, конечно, всѣхъ грядущихъ, историческихъ столкновеній запада съ востокомъ Европы;—осмысленность всѣхъ стремленій запада къ внесенію соблазновъ блестящей цивилизаціи своей въ бытовую область Востока, и всѣхъ противудѣйствій Востока этимъ стремленіямъ и невоспріимчивости имъ искусительной западной доктрины, какъ осуждаемой его присущнымъ духомъ: еще прапраотцы Руси, скифы или Таргитаевы сколоты, презирали ученіе о Ваковыхъ таинствахъ. Не—Венера, корень идеаловъ жизни Запада, есть сестра Аполлона, а Діана—корень идеаловъ жизни Востока Европы: жребій мышленія (раціонализма)—развивать царство реальнаго, эгоистическаго духа, а жребій вѣрованія—развивать царство духа этическаго (нравоучительнаго) — царство мира и любви: Исавъ работаетъ Іакову.

4) Что Сколотская Колоксаисова царевщина (прототипъ русской сословности служилой), изъ всей великой славянской природы своей, не безъ глубокой цѣли раскинутой волею исторіи отъ Кавказа до Адріатики, была хранительною силою монархической идеи на востокѣ Европы, т. е. силою сосредоточенія въ немъ

силы и передовымъ былевымъ дѣятелемъ въ строеніи здѣсь колоссальнаго міра. Ни древній Римъ, ни Византія, ни великая Азія, не могли подкопать корней этого славяно-туранскаго насажденія, осѣнявшаго европейскій востокъ для предуставленнаго наслѣдія царству вселенскаго православія,—не могли ни сломить, ни изсушить его.

5) Что первыя слова лѣтописи Нестора: „се повѣсти временныхъ лѣтъ...... откуда Русская земля стала есть" въ дѣйствительности указываютъ не начало Руси, а только начало прививки къ старому исполинскому насажденію Великой Скуѳи (Скифіи) новой поросли—элемента варяжскаго, съ идеею западнаго, эгоистическаго господства, средне-вѣковой дружинной формы. Отсюда періодъ удѣловъ съ его длиннымъ бореніемъ между двумя владычными началами—хозарскою царевщиною (идеею монархіи, централизаціи) и варяжскимъ княжествомъ (идеею дробленія власти, федеративности), или между духомъ славяно-туранскимъ (сколотскимъ) и духомъ славяно-огерманеннымъ (гардарикскимъ),—бореніемъ, которое начало развитіе землестяжательной установки въ подвижномъ геройчествѣ восточнаго славянства—(вотчинничество, собственничество) и развитіе соединенія въ одинъ общій союзъ южныхъ поколѣній его съ сѣверными, или при-Кавказскихъ съ при-Балтійскими, къ чему приспѣла тогда пора, по ходу временъ міровой исторіи.

6) Что варяжскій, эгоистическій духъ, котораго господскій послѣдъ кончился только на нашихъ глазахъ (19 февраля 1861 года), разрушивъ старый государственный образъ русскаго міра, не въ силахъ былъ, по преизбыточеству вотчинной, федеративной силы, самъ собою возсоздать, изъ началъ царя—хозарина и князя—варяга, новаго образа этому міру,—а только подъ жестокою опекою моголовъ, которые избили лишнихъ варяжскихъ претендентовъ на престолъ централизаціи.

7) Что царевщинный Колоксаисовъ элементъ, основавшій

подъ разными именами въ теченіи XX вѣковаго историческаго процесса, устойчивость нашего восточнаго міра отъ внѣшнихъ напоровъ и разобщавшійся едва не до изчезновенія въ усобицѣ удѣльныхъ княженій, выразился, наконецъ, казачествомъ и выразился мѣтко въ свою урочную пору.

8) Что при всѣхъ превратностяхъ дѣятель этотъ не утратилъ изъ своего духа значенія идеи царя, какъ идеи существа „счастія народнаго", и не смотря на многочисленную, сварливую, федеративную предержательность имени князя, успѣлъ имя царя воплотить въ чувство народное до такого глубокаго сознанія, что имя это сдѣлалось почетнымъ титломъ властителей Московскихъ, когда создалось единодержавіе въ восточной Руси,—въ старомъ порубежьѣ Волжской хозарщины.

9) Что по духу объясненныхъ элементовъ—варяжскаго федеративнаго и хозарскаго царевщиннаго, въ старой, вольной служилой сословности русской воплотилось нравственное раздвоеніе: сословность духа перваго элемента стремилась къ преуспѣянію въ идеѣ дробленія власти, — вотчинничества, собственничества, словомъ къ порабощенію сословности земской; сословность духа второго элемента жила въ чуствѣ обобщенія, сліянія съ сословностію земскою и, безотчетно, но неуклонно, развивала духъ монархіи, централизаціи. Здѣсь коренится начало той непріязни вольможества и вотчиннаго боярства къ казачеству, какая постоянно отражалась въ судьбахъ жизни послѣдняго, какъ видимъ въ исторіи донцовъ: старинные казаки Дона, въ службѣ своей отечеству и царю, называли себя, передъ боярами, „не лакомцами па свѣтѣ", бояре ненавидѣли ихъ за такое заявленіе своего сознанія.

10) Что славянство южное—при-Кавказское, или точнѣе усть-Волжское и по-Донское,—казаки-бронники (хозары)—было первымъ булатнымъ ковачомъ зародыша и засилья области „Московъ" (Москвы).

11) Что казачество, въ своемъ послѣднемъ образѣ, явилось въ область исторіи для великой, міровой цѣли: сдержанія на востокѣ Европы равновѣсія въ окончательномъ средневѣковомъ духовномъ разграниченіи человѣчества новаго по тремъ таинственно—прообразовательнымъ началамъ: православію, латинству и исламизму,—сдержанія, которое совершалось вольною двухъ-вѣковою борьбою казацкою за православіе съ латинствомъ и исламизмомъ. Кровавая исторія Днѣпровскихъ и Донскихъ казаковъ доказываетъ такое великое призваніе этой сословности.

12) Что казакъ—тоже, что царскій скиѳъ (сколотъ), аланъ, хозаръ—имя монументальное восточнаго славянскаго міра,—имя славянъ—братчиковъ (товаристовъ) вольнаго самопожертвованія, которое еще въ ветхомъ человѣчествѣ Туранской міровой половины таинственно руководилось идеею возсозданія всемірной державы подъ знаменемъ всемірнаго символа Тау-креста—знака спасенія, зародыша письменъ, изобразительной жизни слова и могущества расы; товаристовъ, предъ которыми средневѣковое рыцарство, порожденное на почвѣ иранской (пеласгійской) представляется только чопорною пародіею, какъ это пояснимъ болѣе впослѣдствіи. Мы думаемъ, что въ значеніи древняго принципа славянъ—братчиковъ, представляющихъ собою крайнее выраженіе славянской натуры, лежитъ изъясненіе самаго значенія имени и бытія на землѣ славянъ: скиѳъ (словникъ—покоя—Тау)—человѣкъ послушанія (отрицанія), поклонникъ смерти (молніи, грома и возрожденія).

13) Что такъ понимаемое значеніе казачества изъясняется во многомъ сущностію исторіи донцовъ, которые, какъ въ начальной, самобытной, Гомерической подвижности своей, такъ, и послѣ, въ сліяніи съ военными силами Руси, созданными Петромъ, стояли подъ древнимъ славяно-туранскимъ бунчугомъ своимъ съ царско-скиѳскимъ отрицаніемъ ими, какъ и пропраотцами ихъ скиѳами или аланами—„поклонниками меча“,—почти всегда „начи-

нался бой и кончалось пораженіе". Торжественное слово Императора нарѣкло ихъ „недремлющимъ окомъ" стратеговъ Руси.

14) Что доколѣ Западъ, расширяющій царство реальнаго, эгоистическаго духа, не раскуетъ мечей на рала и копій на серпы, не перестанетъ вымышлять оружія дальноцѣльной стрѣльбы, не мудро для востока Европы уловляться вѣрою въ силу только реальныхъ благъ. Тайнами исторіи ему,—представителю исполинскаго славянскаго міра, завѣщана борьба съ Западомъ въ великомъ процессѣ возсозданія „всемірной державы". Вся минувшая устойчивость его противъ напора Западнаго основалась не на лукавствѣ политики, не на блестящихъ преуспѣяніяхъ цивилизаціи, но на нравственномъ могуществѣ народности, которая создавала людей, умѣвшихъ побѣждать самихъ себя. Отсюда для разума Востока есть своя, особенная, присуще-историческая вѣра, вѣра въ силу союза между званіемъ и народностью.

15) Что пора русскому научному уму образовать, по духу своего присущаго начала, вѣрованія,—иную историческую критику, согласную съ преданіемъ, отмѣнитую отъ критики западнаго духа и по ней возсоздать исторію достойную народа русскаго, имѣющаго и въ минувшемъ и въ будущемъ великое значеніе для всей семьи человѣчества.

16) Что совершавшееся на нашихъ глазахъ тысячелѣтіе Россіи есть не первое, но второе тысячелѣтіе ея и не сага о Рюрикѣ, а сага о Колоксаисѣ, сынѣ Таргитаевѣ, царѣ руссовъ (чубоносцевъ, оселедниковъ) должна быть началомъ бытія Руси.

ГЛАВА II.

Природа Донской страны и ея вліяніе на казацкую исторію.— Хроника явленій древнихъ народовъ въ нынѣшней области донцовъ. — Курганы, слѣды древнихъ городовъ, укрѣпленій, главныхъ военныхъ и торговыхъ шляховъ (путей) и переправъ черезъ Донъ.

Всякая страна владычно налагаетъ вліяніе свое на плоть и духъ насельниковъ своихъ. Отсюда въ исторіи многое изъясняетъ и разрѣшаетъ географія. Поэтому сначала взглянемъ на физическое устройство и силы страны, развившей и воспитавшей станицы донцовъ. Низовья Дона (Танаиса) болѣе двадцати вѣковъ были на памяти исторіи, прежде нежели поставили тутъ городки свои родоначальники нынѣшнихъ Донцовъ. Много племенъ и жило, и проходило здѣсь, какъ въ воротной странѣ между Азіею и Европою. Но аборигены и проходники вели образъ жизни, какой указывала имъ природа и шляховое (путевое положеніе этой страны): они и воевали и торговали. Здѣсь, между воинственными лагерями располагались и постоянныя городовыя торжища (эмпоріи) и временные базары—ярмарки: на нихъ свозились произведенія земледѣлія и звѣроловныхъ, и рыболовныхъ промысловъ сѣверной Скиѳіи, и Сибири, и товары Иверіи, Арменіи, Персіи, Индіи, всей Малой Азіи и Греціи. Сколько въ теченіи вѣковъ не смѣняли на Донской чертѣ проходныя племена одни другихъ, но *славяно-туранцы* (царскіе скиѳы и савроматы Геродотовы, впослѣдствіи хозары) почти непрерывно держались на этой чертѣ до послѣд-

няго проявленія своего въ образѣ казачества, что объяснили мы въ предшествовавшей главѣ. Когда не существовали еще ни Парижъ, ни Лондонъ, ни Москва, въ Хозаріи, какъ въ благоустроенной монархіи, между Каспійскимъ и Чернымъ морями стояли города, кипѣвшіе торговою суетою, къ которымъ сухопутно и водою ходили караваны подъ защитою хозарскаго конника Алана *(Асса)* и хозарскаго лодошника *Руса* 1). Но, съ начала XIII вѣка, послѣ могольскаго разгрома, въ низовьяхъ Волги, Дона и Донца, виднѣлись однѣ только развалины былого, заросшія высокою травою,— развалины жилищъ и безчисленныя группы и линіи кургановъ, краснорѣчиво именуемыхъ могилами. Унылымъ и грустнымъ лицомъ необъятнаго кладбища представлялась тогда эта пустыня, достойная историческаго величія, которое донынѣ еще не сознано наукою.—Погребенная въ ней жизнь была, въ свою очередь, благотворной для грубаго и суроваго сѣвера Руси: въ теченіи вѣковъ, она внесла въ него много знаній, художествъ, ремеслъ и обычаевъ общежительныхъ изъ стараго міра Азіи и Индіи.

Главное урочище нашего географическаго очерка—низовье Дона,—со всѣхъ сторонъ открыто: ни одинъ горный хребетъ не ограживаетъ его. Здѣсь смѣльчака—насельника могъ хранить только духъ его. Въ послѣдней половинѣ XV вѣка, когда началось движеніе казачества на Руси, степи Донского низовья къ сѣверу сливались съ обширными степями при-Волжскими и при-Днѣпровскими и были кочевою татарскою пустынею до самыхъ предѣловъ Московской и Литовской Руси, которые прочерчивались тогда немногими, небольшими городами и селами не далѣе 54° сѣверной широты: Рязань, Тула, Путивль были украйными городами. Къ югу степь Донского низовья, раскидывалась необозримыми равнинами до степей усть-Волжскихъ, Яикскихъ (Уральскихъ), Манычскихъ, Кумскихъ, Калаузскихъ и Кубанскихъ, ко-

1) Истор. Россіи Соловьев. Т. I. Стр. 118 и 119.

торыя очерчивались на востокѣ берегами моря Каспійскаго, а на западѣ Азовскаго и Чернаго и сбѣгались съ сѣвернымъ скатомъ Кавказскихъ горъ. На краяхъ этой кочевой пустыни два примор-морскіе пункта (Астрахань—наслѣдница Балангіара и Азовъ—наслѣдникъ Танаиса) составляли тогда привѣтные пристанища для купцовъ; но это былъ только жалкій послѣдъ нѣкогда огромнаго торговаго движенія между Азіею и Европою.

Самое начало явленія казачества въ низовьяхъ Дона ускользаетъ отъ исторической опредѣлительности. Изъ объясненій, сдѣланныхъ въ предшествовавшей главѣ, понятно, что *Русь-казаки*—могли ходить по Донскимъ степямъ изъ областей Литвы и Москвы гораздо прежде гибельной войны здѣсь дѣтей Ахматовыхъ, послѣдняго хана Золотой орды, съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, продолжавшейся 17 лѣтъ въ исходѣ XV и въ самомъ началѣ XVI вѣка. Эти первые выходы казачества были мелкими, разрозненными набѣгами на татарскіе улусы. Подвижные станы свои оно располагало въ мѣстахъ скрытныхъ и могло нападать на враговъ нечаянно, а потомъ уходило во свояси, какъ отъ превышавшей силы. Но въ первой половинѣ XVI вѣка, когда погибли на Донскомъ по-рѣчьѣ улусы дѣтей Ахматовыхъ, *Русь-казаки* осѣлись въ низовьяхъ Дона уже устойчиво и крѣпко, такъ, что къ исходу этого вѣка донскіе станы и городки образовали собою метрополію всего юго-восточнаго казачества, отбросивши колоніи свои на Яикъ (Уралъ) и Терекъ. Въ это время гомерическій разгулъ донцовъ былъ изумительно широкимъ: отъ метропольныхъ городковъ они обхватывали наѣздами своими земли на востокъ—до Иртыша, на западъ—до степей Тавриды, на югъ—до Терека, на сѣверъ—до степей воронежскихъ, рязанскихъ, и путивльскихъ, а на стругахъ стали плавать по морямъ Каспійскому, Азовскому и Черному, какъ истые продолжатели скиѳо-руссовъ. Въ послѣдствіи (около половины XVII вѣка), когда Донскіе *станы и городки* приняли характеръ болѣе осѣдлаго, *войсковаго*

сосредоточенія, земельное обладаніе ихъ вверхъ по Дону простиралось верстъ за 50 далѣе древняго *Аланскаго перевоза* черезъ Донъ, называемаго тогда (по актамъ) „*Казанскимъ перевозомъ*“, гдѣ теперь сидитъ донская станица Казанская. А по Сѣверскому Донцу, до Изюма—или до „*Святыхъ Горъ*“, ниже которыхъ находились переправы черезъ Донецъ большаго Крымскаго шляха. Въ началѣ XVIII вѣка, предѣлы обладанія донцовъ съ сѣверной стороны значительно уменьшились раздвигавшимся населеніемъ Россіи, а съ южной стороны оставались въ прежнемъ безпредѣльномъ и боевомъ положеніи. Наконецъ въ исходѣ этого вѣка земля донцовъ, какъ достояніе ихъ, добытое вѣковыми жертвами и силою оружія, разграничена положительными знаками съ сосѣдственными губерніями и заключалась между 46° и 51° сѣверной широты и 55° и 62° восточной долготы *).

Въ этихъ послѣднихъ предѣлахъ представимъ донскую природу и ея вліяніе на казацкую исторію, какъ бывшую постоянно „*матерью кормилицею казаковъ*“.

Первобытные донцы, окружаясь со всѣхъ сторонъ воинственными улусниками—магометанами, управляемыми мелкими князьками и мурзами (о которыхъ скажемъ подробно въ своемъ мѣстѣ), должны были вести безпрерывную борьбу; не менѣе боролись они и съ природою, хотя не совсѣмъ суровою и жесткою, но все же не дозволявшею жить нараспашку, какъ въ Сиріи.

Общее склоненіе всей поверхности Донской земли идетъ отъ сѣвера къ югу. Она состоитъ изъ возвышенныхъ пространствъ, называемыхъ здѣсь гористыми мѣстами, и изъ низменныхъ равнинъ. Главная черта, раздѣляющая возвышенныя части съ низменными, есть рѣка Донъ.

---

*) Граничная черта, отдѣляющая ее отъ сосѣднихъ губерній, утверждена 1786 г. на картѣ, а въ 1795 и 1796 годахъ проведена въ натурѣ.

Правая сторона этой рѣки вся возвышенная, начиная отъ *казанскаго перевоза* до истоковъ ея въ Азовское море и далѣе по сѣверной сторонѣ—морской, за р. Калміусъ. Возвышенія выходятъ изъ предѣловъ нынѣшнихъ губерній Воронежской, Харьковской и Екатеринославской. Въ этой части, отъ устья р. Калитвы и правой стороны р. Сѣверскаго Донца, лежатъ на западъ каменистыя горы, замѣчательныя параллельными грядами своими; они перерѣзываютъ весь Міусскій округъ чрезъ верховья рр. Міуса, Крынки и Калміуса. Это — рѣзко выдавшійся здѣсь отпрыскъ, или отрогъ Карпата, слѣдъ котораго обозначился впереди Днѣпровскими порогами. Многія изъ этихъ горъ имѣютъ прекрасныя, холмистыя вершины и скалы и раздѣляются лѣсистыми долинами и оврагами. Самая же возвышенная и лѣсная мѣстность находится на сѣверѣ Донской области, съ лѣвой стороны Дона, по р. Хопру и до правой стороны р. Медвѣдицы. Отъ лѣвой стороны Медвѣдицы, или точнѣе отъ р. Иловлы, и по всей лѣвой сторонѣ Дона--внизъ до Азовскаго моря, къ предѣламъ нынѣшнихъ губерній: Саратовской, Астраханской, Кавказской и земли Черноморскихъ казаковъ,—разстилаются низменныя, открытыя равнины, сбѣгающіяся съ равнинами степей Сарпинскихъ, Кумскихъ, Калаузскихъ и Кубанскихъ.

Одѣвающая эти возвышенности и равнины почва Донской области, въ общей массѣ, можетъ быть отнесена къ плодороднѣйшимъ; но въ ней замѣтны три разныя полосы. Самая сѣверная часть, до лѣваго берега Дона и р. Иловлы, менѣе плодородна, нежели лежащая далѣе на югъ, отъ того что здѣсь воздухъ холоднѣе, почва тоще и тверже. Земли по правой сторонѣ Дона, до истоковъ его и по сѣверной сторонѣ Азовскаго моря до Калміуса, какъ болѣе мягкія, обильнѣйшія водами и имѣющія воздухъ теплѣе, самыя плодороднѣйшія. Остальныя земли, по лѣвой сторонѣ Дона, отъ р. Иловлы, внизъ до истоковъ его, и по лѣвой сторонѣ Азовскаго моря, какъ во многихъ мѣстахъ безводныя и почти

повсемѣстно содержащія въ большой мѣрѣ растворенную соль, менѣе всѣхъ прочихъ плодородны.

Воды орошаютъ донскую почву по всѣмъ направленіямъ. Главный пріемникъ и хранилище ихъ — заливъ Азовскаго моря, прилегающій къ казацкой землѣ на юго-западѣ.

Общій видъ здѣшней водяной системы слѣдующій:

1) Рѣки, текущія въ Азовское море: съ сѣвера: Донъ, Міусъ, Мокрый Еланчикъ, Грузской Еланчикъ и Калміусъ; съ юга—Кагальникъ и Ея.

2) Рѣки, впадающія въ Донъ: а) *съ правой стороны*: Аксай, Донецъ, Кумшакъ, Цымла, Чиръ и еще 8 меньшихъ; и б) *съ лѣвой стороны*: Хоперъ, Медвѣдица, Иловла, Есауловскій Аксай, Салъ, Манычъ и еще 14 меньшихъ.

3) Рѣки, впадающія въ Донецъ: а) *съ правой стороны*: Большая Каменка, Лихая и Кундрючья; и б) *съ лѣвой стороны*: Деркулъ, Митякинка, Глубокая, Калитва, Быстрая и еще 6 меньшихъ.

Въ Хоперъ и Медвѣдицу впадаютъ съ обѣихъ сторонъ много рѣкъ, но мы ихъ не именуемъ.

Всѣхъ рѣкъ въ Донской области до 200; кромѣ того, озеръ и лимановъ до 1242.

Опишемъ главныя рѣки.

Донъ (Танаисъ Скиѳіи)—важнѣйшая рѣка казацкой области. Начинаясь изъ Ивановскаго озера, Тульской губерніи (въ странѣ Ѳесагетовъ), она проходитъ до *Казанскаго перевоза* (о которомъ выше замѣчено) чрезъ Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую губерніи. Отъ Казанскаго же перевоза рѣка эта протекаетъ чрезъ всю казацкую область дугообразною чертою, извиваясь такъ: сначала стремится къ востоку до того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее р. Медвѣдица; а отсюда, постепенно, склоняется она на юго-востокъ и, образовавъ крутое колѣно (которымъ сближается съ Волгою), принимаетъ направленіе прямо на югъ и идетъ такъ до

впаденія въ нее р. Курмоярскаго Аксая; отсюда поворачиваетъ къ западу, и постепенно склоняясь къ юго-западу, вливается въ заливъ Азовскаго моря. 1600 верстъ содержится въ ея теченіи. Правый берегъ Дона весь обставленъ горами и имѣетъ много величавыхъ, плѣнительныхъ мѣстоположеній; лѣвый же состоитъ изъ низменныхъ, луговыхъ и песчаныхъ долинъ. Самые большіе пески разсыпаются между рр. Песковаткою и Еланью, между Медвѣдицею и Иловлою, между Чиромъ и Цымлою.

Широкое донское ложе или *займище*, по которому извивается рѣка, рисуясь то крутыми колѣнами, то островами, то *ериками* (ручьями) и *затонами* (заливами), испещряется и песчаными косами, и лѣсными рощами, и тальникомъ, и густыми, высокими камышами. При весеннихъ разливахъ воды ложе это превращается въ исполинскую хрустально-голубую и чрезвычайно узорчатую полосу, представляющуюся какъ-бы праздничною повязкою „*матери кормилицы*" казачества.

По всему Донскому ложу, при началѣ казацкой старины, были безчисленныя стаи дикихъ птицъ, различныхъ звѣрей и рыбъ. Здѣсь то родоначальники донцовъ пріютили первую жизнь свою: въ глуши камышей и тальника, на бугристыхъ островахъ разставляли они *городки, курени* и *сторожевища* свои съ легкими стругами и рѣзвыми аргамаками.

Изъ всѣхъ острововъ Дона самый знаменитый есть *островъ Аксайскій*, какъ урочище, бывшее постояннымъ пріютомъ *Главнаго Войска*. За 140 верстъ, выше устья Дона, выходитъ изъ него рукавъ, называемый Аксаемъ и, пройдя 79 верстъ, съ отдаленіемъ отъ своей рѣки, къ горамъ на 20 верстъ, опять впадаетъ въ Донъ. На всемъ пространствѣ, между Аксаемъ и Дономъ, разстилается займище, покрываемое, кромѣ бугристыхъ мѣстъ, весенними наводненіями; оно пересѣчено множествомъ извилистыхъ *ериковъ* (ручьевъ или небольшихъ рѣчекъ), испещрено озерами, поросло въ впадинахъ густыми, высокими камышами, а на буг-

рахъ—тальникомъ и вербою. Островъ этотъ—живая лѣтопись донцовъ, колыбель ихъ знатныхъ праотцевъ—людей начальныхъ, или атамановъ и лучшихъ витязей конныхъ и лодошныхъ. Здѣсь у берега Дона стояли главные городки войска — *Монастырскій и Черкасскій*. Здѣсь собирались занимавшіе политику Москвы, Стамбула, Бахчисарая, Кракова, Варшавы, Испагани, *Войсковые круги совѣтовъ, суда и торжествъ посольскихъ пріемовъ*. Здѣсь, на этой боевой землѣ, не осталась ни одна сажень, которая не была бы полита кровью или казацкихъ предковъ, или вражескою; здѣсь донцы цѣлымъ войскомъ и радовались о побѣдахъ, и плакали и молились о павшихъ собратахъ!...

Донъ, при впаденіи въ море, развѣтвляется на 30 рукавовъ, или протоковъ. Казаки называютъ ихъ *„гирлами"*. Три главные изъ рукавовъ судоходны: а) Мертвый Донецъ, б) Мокрая Каланча и в) собственно Донъ или Донское гирло. При лѣвомъ берегѣ этого гирла, въ 8 верстахъ отъ моря, стоялъ недремлющій сторожъ Турецкой имперіи—Азовъ, кровавый врагъ донцовъ въ продолженіи двухъ столѣтій. Мокрою Каланчею и Мертвымъ Донцомъ минуя Азовъ, проплывали казаки на стругахъ своихъ въ море для наѣздовъ на Крымъ и Турцію. Все пространство между Дономъ и Мертвымъ Донцомъ, имѣющее видъ Нильской дельты, и заключающее въ длину около 30 верстъ, а въ ширину, по берегу моря, около 20 верстъ, состоитъ изъ займища, поросшаго густою высокою травою и камышомъ. Это займище, или вся дельта, и послѣ весеннихъ разливовъ, покрывается иногда на короткое время водою, когда дуетъ сильный *„низовый"* (западный) вѣтеръ: море бурно вливается сюда рукавами Дона и затопляетъ низменныя мѣста, кромѣ бугристыхъ, которыя представляются тогда островами.

Послѣ Дона, весьма важная рѣка казацкой земли, есть Сѣверскій Донецъ (Сергизъ или Гиргизъ Скиѳіи). Начинаясь въ предѣлахъ древней Сѣверіи — въ нынѣшней Харьковской губерніи,— рѣка эта протекаетъ по Донской землѣ только 280 верстъ, имѣя

направленіе на юго-востокъ. Прежде донцы владѣли ею до Изюма или до *„Святыхъ Горъ"*. Правый берегъ Донца гористъ; лѣвый же состоитъ изъ песчаныхъ, лѣсистыхъ равнинъ; но въ нижней части рѣка эта пробирается чрезъ отрогъ или отпрыскъ Карпатскій (о которомъ сказано выше) между скалистыхъ горъ, представляющихъ красивые виды. Въ Донъ впадаетъ Донецъ двумя рукавами: однимъ, подъ именемъ *Донца*, на 7 верстъ выше станицы Кочетовской; другимъ, подъ именемъ *Сухаго-Донца*, отдаляющимся отъ перваго къ горамъ на 11 верстъ раньше, и впадающимъ на 36 верстъ ниже его. Между Дономъ и рукавами Донца образуется островъ изъ низменной равнины, прорѣзанной ручьями и испещренной песками, камышными займищами и лѣсомъ. На этомъ островѣ былъ городокъ *Роздоры*—Ладога Донцовъ, мѣсто самаго первоначальнаго пребыванія *главнаго войска*.

Устья Донца весьма замѣчательны въ отношеніи исторіи Понтійско-Борисѳенской скиѳіи и Воспорскихъ колоній: здѣсь на нагорной сторонѣ, при сухомъ Донцѣ, находилось Греко-скиѳское торжище *Кремны*, какъ и въ первой главѣ упомянуто 2).

Къ числу главныхъ и судоходныхъ рѣкъ относятся еще двѣ — Хоперъ и Медвѣдица, находящіяся на лѣвой сторонѣ Дона. Обѣ эти рѣки, выходя изъ степей древней по-Волжской украины (нынѣ Саратовской губерніи), текутъ съ сѣвера на югъ и впадаютъ въ Донъ въ 24-хъ верстномъ разстояніи одна отъ другой. Для отважныхъ звѣриныхъ охотниковъ и Волжскихъ казаковъ онѣ были привѣтными и пріютными проводниками въ Донскую область. По Хопру проходилъ съ Суры древній торговый Волжскій путь. Въ Донской области Хоперъ течетъ на 320 верстъ, а Медвѣдица на 235 верстъ. Обѣ эти рѣки опушены были густыми лѣсами; правыя стороны ихъ имѣютъ крутыя возвышенности, а на лѣвыхъ раскинуты покатыя равнины. Еще двѣ лѣсистыя рѣки—

2) Герод. Кн. IV. 20.

Бузулукъ (впадающая въ Хоперъ) и Иловла (текущая въ Донъ) прорѣзываютъ вмѣстѣ съ первыми двумя рѣками всю сѣверную часть Донской области; почему встарину часть эта представлялась огромною лѣсною рощею—глухимъ пріютомъ звѣрей и богатымъ запасомъ дѣловыхъ лѣсовъ для боевыхъ *струговъ* казачьихъ и рыбачьихъ *каюковъ* ихъ.

Изъ остальныхъ рѣкъ, впадающихъ въ Донъ съ лѣвой стороны, замѣчательнѣе другихъ Салъ, по тучнымъ лугамъ своимъ, и Манычь, по соленымъ озерамъ, которыми съ начала XVI вѣка, въ эпоху казацкаго окошеванія, хозяйничали азовцы, черкесы Пяти-горскіе и татары улуса Козыева 3).

Наконецъ скажемъ о рѣкѣ Міусѣ, впадающемъ въ Азовское море, съ сѣверной стороны. Рѣка эта выходитъ изъ предѣловъ Екатеринославской губерніи и протекаетъ по Донской землѣ 180 верстъ. Она гориста и въ верховьяхъ своихъ имѣетъ лѣсъ. Міусъ особенно замѣчателенъ въ казацкой исторіи большимъ лиманомъ своимъ, при впаденіи въ море, имѣющимъ въ длину болѣе 31 версты, а въ ширину до 2 и болѣе верстъ. Лиманъ этотъ служилъ гаванью казацкимъ стругамъ во время морскихъ наѣздовъ.

Въ заключеніе рѣчной системы объяснимъ о ежегодныхъ, періодическихъ наводненіяхъ, имѣющихъ ощутительное вліяніе на атмосферу, на произрастенія, на здоровье и на самый бытъ казаковъ. Явленіе наводненій особенно замѣчательно и важно въ нижнихъ частяхъ Дона. Ихъ бываетъ два; по-казацки называются онѣ первое—„*холодною водою*“ (съ конца марта мѣсяца до половины мая); второе—„*теплою водою*“ (съ половины мая до половины іюля). Главныя рѣки Донъ, Донецъ, Хоперъ, Медвѣдица и Бузулукъ, съ ихъ притоками, производятъ эти наводненія отъ растаявшаго весною снѣга. Съ разрывомъ льда вода быстро несется по рѣкамъ „*коловертями*“ и, не вмѣстившись въ бере-

---

3) Кн. Больш. Черт. стр. 52.

гахъ, разливается по окрестностямъ. Широкія ложа Дона и другихъ большихъ рѣкъ утопаютъ въ ней и образуютъ по протяженіямъ своимъ безчисленные острова съ рощами. Это холодная вода. Къ концу мая первая вода начинаетъ нѣсколько сбывать; но какъ въ сѣверныхъ областяхъ (въ Тульской, Тамбовской и Воронежской) весна вскрывается позже донской, то растаявшій тамъ снѣгъ дѣлаетъ на Дону съ начала іюня второе наводненіе—теплую воду. Чѣмъ ближе къ устьямъ Дона, тѣмъ разливы обширнѣе, такъ что на разстояніи болѣе 100 верстъ отъ моря они представляются необозримыми въ ширину и мѣстами бываютъ до 30 верстъ, отъ чего Донъ, въ то время, кажется „*пазушьемъ*“ (продолженіемъ) морскаго Азовскаго залива до самаго устья р. Сѣверскаго Донца. Здѣсь же береговыя возвышенія съ обѣихъ сторонъ Дона сближаются къ нему и дѣлаютъ ложе его весьма суженнымъ и разливъ какъ-бы прерваннымъ въ сравненіи съ нижнею частію. Этимъ географическимъ явленіемъ, какъ намъ кажется, можетъ рѣшаться трудная задача въ отысканіи мѣстоположенія древнѣйшаго Греко-скиѳскаго торжища Геродотовыхъ *Кремнъ*. Не при устьѣ рѣки *Бердъ*, какъ полагалъ одинъ изъ ученыхъ объяснителей Геродотовой скиѳіи 4), было это торжище, а при устьѣ Сѣверскаго Донца, на правой или нагорной (скиѳской) сторонѣ Дона. Пониманіе о нахожденіи Кремнъ въ этомъ мѣстѣ (кромѣ признаковъ античныхъ построекъ) точно согласуется съ указаніемъ Геродота, что „Кремны прилежатъ къ Танаису“. 5). Весь широкій разливъ Дона, отъ моря и до устья Донца, въ весняномъ и лѣтнемъ состояніи водъ своихъ, для эллинскихъ торговыхъ пловцовъ, ѣздившихъ изъ рынковъ Воспора и Танаиса, естественно могъ представляться продолженіемъ, или соскомъ Меотиды—пазушьемъ моря. А этимъ и объясняется понятіе древнихъ,

---

4) Зап. Одесск. Общ. Истор. и древ. Т. I, стр. 67, ст. Надежд.

5) Гер. Кн. IV. 20.

что урочище *Кремны* было береговымъ пристанищемъ на Меотидѣ. О самомъ пунктѣ *Кремнъ* сдѣлаемъ поясненіе ниже.

Климатъ Донской, вообще, умѣренный. Зимы легкія, непродолжительныя: морозы въ 30° (по Реомюру) рѣдки, обыкновенные же отъ 5° до 10°. Лѣтніе жары восходятъ до 30°; но вечера часто бываютъ свѣжіе, особенно когда стоятъ разливы рѣкъ. Впрочемъ, какъ Донская область по географической широтѣ не мала, занимая отъ юга къ сѣверу до 5°, то, естественно, что климатъ ея не можетъ быть одинаковъ при различномъ вліяніи на него возвышенностей и наклонностей земли, недостатка или изобилія водъ и лѣсовъ. Вообще, въ ней выказывается четыре климатическія полосы, имѣющія дѣленіе свое отъ сѣвера къ югу; о нихъ скажемъ ниже. Замѣтимъ, особенно, о низовой части Дона, какъ о главной. Здѣсь наибольшіе жары бываютъ въ іюлѣ и августѣ, наибольшія стужи въ январѣ; утренники и легкіе морозы начинаются въ октябрѣ, а оканчиваются въ мартѣ и апрѣлѣ. Въ апрѣлѣ, маѣ, сентябрѣ и октябрѣ погода становится самая умѣренная и благопріятная; въ ноябрѣ, декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ, число пасмурныхъ и сырыхъ дней бываетъ болѣе, нежели ясныхъ.

Вѣтры здѣсь дуютъ болѣе половины года. По годовымъ временамъ, они бываютъ въ такомъ порядкѣ: *зимою*—въ декабрѣ, январѣ и февралѣ, преимущественно, дуютъ восточные и юго-восточные; *весною*—въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ—восточные и западные; въ мартѣ бываютъ еще и сѣверо-восточные; *лѣтомъ*—въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ—западные; но вообще въ это время вѣтровъ бываетъ менѣе, нежели въ два предыдущія времени года; въ августѣ часто дуютъ и сѣверо-восточные вѣтры; *осенью*—въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ—попеременно дуютъ восточные и западные. Осенью бываетъ вѣтровъ менѣе, нежели весною и зимою.

Во всемъ казачьемъ по-Доньѣ замѣчаются четыре климатическія полосы.

Первая полоса, въ сѣверной части, по рѣкамъ Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ до лѣвой стороны Дона, какъ возвышенная противъ прочихъ мѣстъ, имѣетъ климатъ холоднѣе, постояннѣе. Зимы тутъ начинаются ранѣе, стоятъ продолжительнѣе и не подвержены быстрымъ перемѣнамъ. Воздухъ чистъ, легокъ, здоровъ: изобиліе рѣкъ и лѣсовъ способствуетъ благорастворенію.

Вторая полоса, отъ правой стороны Дона къ югу, до рр. Есауловскаго Аксая, Аксенца, вершинъ Цымлы и до вершинъ р. Глубокой, впадающей въ Донецъ, хотя состояніемъ атмосферы мало разнится отъ первой, но въ ней зимы начинаются позже, не столь жестоки и не столь постоянны. Воздухъ чистый и здоровый. Лѣтніе жары иногда бываютъ сильные.

Третья полоса, слѣдомъ за второю, къ югу до правой стороны Дона, по-устья его и по всему сѣверному Азовскому поморью. Здѣсь зимы бываютъ короче, теплѣе, перемѣнчивѣе и вообще такъ непостоянны, что отъ большихъ морозовъ и заметей вдругъ переходятъ къ осеннему ненастью и туманамъ. Послѣдняя половина осени и начало весны бываютъ дождливы, пасмурны и суровы, по причинѣ сильныхъ вѣтровъ. Лѣтніе жары тяжки. Нерѣдко здѣсь случаются бури и вихри. Въ началѣ весны и осенью бываютъ сильные туманы, особенно въ мѣстахъ приближенныхъ къ морю.

Четвертая полоса, на лѣвой сторонѣ Дона, занимаетъ всю южную (Сарматскую) часть казацкой земли по степямъ Сальскимъ, Манычскимъ и Ейскимъ. Здѣсь лѣтніе жары тягостны; а гніющая по озерамъ и ручьямъ вода, во многихъ мѣстахъ, наполняетъ воздухъ вредными испареніями. Зимы короче, нежели въ прочихъ полосахъ; по рѣкѣ Манычу снѣгъ лежитъ не болѣе мѣсяца; но въ жестокія зимы—продолжительнѣе.

Произведенія природы весьма разнообразны. Въ отношеніи царства ископаемыхъ горы рр. Калміуса, Міуса, Крынки и низовьевъ рр. Калитвы и Быстрой особенно замѣчательны; царство

растеній богато разнообразіемъ на всемъ пространствѣ области: царство животныхъ—тоже.

1) Изъ царства ископаемыхъ особенно интересны черный карандашъ (мѣловка), затвердѣлый, глинистый шиферъ, или аспидъ разныхъ видовъ, графитъ, известковый камень, мѣлъ, поваренная соль, желѣзныя и свинцовыя руды, купоросъ и каменный уголь (антрацитъ)—предметъ соблазна для нашего современнаго стремленія къ отысканію промышленнаго блаженства или западнаго рая.

2) Изъ царства прозябаемыхъ:

Высокоствольныя деревья: дубъ, караичъ, вязъ, кленъ, ясень, грабъ, ольха, береза, тополь, дикая яблонь, груша и другія.

Кустарники: тернъ, калина, бузина, боярышникъ, крушина, черемуха, бересклетъ, сирень, (азовскій цвѣтокъ), барбарисъ и многія другіе.

Изъ огородныхъ растеній и кореньевъ здѣсь могутъ водится всѣ роды, но казаки не прихотливы. Они знаютъ: лукъ, чеснокъ, перецъ стручковый, щавель, свеклу, морковь, рѣдьку, хрѣнъ, клубнику и ежевику, огурцы, арбузы, дыни, тыкву.

Здѣсь могутъ разводиться всѣ хлѣбныя растенія.

Изъ грибовъ: сморчокъ кухонный, бѣлянка, шампиньоны или печерица, груздь.

Мѣста низменныя и покрываемыя водою, какъ и выше сказано, обильны камышами и чаканомъ.

Травы и цвѣты, одѣвающія здѣшнія степи и луга, богаты различными родами и видами: есть много мануфактурныхъ и медицинскихъ.

Сабля, лукъ и пуля татарина и турка не давали времени стариннымъ донцамъ научиться выжимать красильный сокъ изъ своихъ травъ; но та же сабля и пуля заставляла ихъ умѣть выжимать изъ травъ своихъ сокъ цѣлебный. Изстари донцы знали многія полезныя травы отъ ранъ и болѣзней: отъ ранъ осо-

бенно употребляли они дикій Авранъ, шалфей, булдырякъ, пырей, свербежницу полевую, живокость и другія.

3) Изъ царства животныхъ:

Встарину глухія степи и лѣса Дона представляли привѣтное жилище звѣрямъ. Здѣсь были: медвѣди, олени, бобры, вепри, дикія козы, сайгаки, тарпаны (дикія лошади), выдры, норки, лисицы, шакалы (чекалки), волки, зайцы, сурки, бѣлки (вѣкши), кролики, ласки, хорьки, водяныя землеройки (выхохоль), кроты, слѣпцы, хомяки (корбыши), ежи, суслики и другіе.

Изъ домашнихъ животныхъ: лошади, верблюды, буйволы, быки, коровы, овцы, козы.

Птицы. Однѣ изъ птицъ—постоянные обитатели здѣшнихъ мѣстъ, другія—прилетные только на лѣто. Съ марта и первыхъ дней апрѣля многія птицы налетаютъ сюда изъ теплыхъ странъ, выводятъ здѣсь дѣтей, теряютъ перья и осенью улетаютъ отсюда.

Хищныя: орелъ (беркутъ), рыбный орелъ, сова, сычъ, филинъ (пугачъ), скона, соколъ, ястребъ, копецъ (копчикъ), лунь, пустельга, дятелъ и многія другія.

Соровыя: воронъ, черная ворона, галка, сорока, грачъ и другія.

Пѣвчія: снигирь, овсянка, щегленокъ, травникъ, воробей, синичка, жаворонокъ, скворецъ, дроздъ, чижикъ, соловей, коноплянка, малиновка и многія другія.

Водяныя: колпикъ, черный аистъ, цапля, баба, бакланъ и другія.

Употребляемыя въ пищу: голубь (разныхъ видовъ), вяхиръ (ветютень), полевая куропатка, тетеревъ, драфа (дудакъ), горлица, перепелка, стрепетъ, лебедь, журавль, дикій гусь (разныхъ видовъ), дикая утка (многихъ видовъ), куликъ и другія.

Земноводныя: жаба (разныхъ видовъ), черепаха, ящерица, ужъ, желтобрюхъ, сѣрая змѣя, мѣдяница и другія.

Рыбы: Всѣ здѣшнія рѣки и озера обильны разнаго рода ры-

бою; но заливъ Азовскаго моря есть главное жилище ея. Отсюда рыба входитъ въ Донъ, а изъ него расплывается по всѣмъ казачьимъ рѣкамъ.

Красная рыба: осетръ, бѣлуга, севрюга, стерлядь, шипъ. Всѣ эти пять родовъ рыбъ выходятъ изъ Азовскаго моря: бѣлуга самая большая изъ нихъ.

Изъ трехъ первыхъ рыбьихъ породъ, въ здѣшнихъ рѣкахъ, не много. Шипъ всегда уходитъ обратно въ море, стерляди расплаживаются какъ въ Дону, такъ и въ другихъ большихъ рѣкахъ: Донцѣ, Хопрѣ и Медвѣдицѣ.

Бѣлая рыба: Салпа (по Донски тарань), и лещъ (чабакъ), судакъ (сула), сомъ, сеньга, рыбецъ, чахонь, селява, оселедецъ, мелкая сельдь (похожая на анчаузъ), салокуша или салакушка, сазанъ (карпъ), карась, линь, круглякъ, подлещъ, бѣлезнь, виризубъ, ясь, головль, щука, секреть (изъ рода судаковъ), ершъ, пискарь, ласкырь и другія мелкія рыбы.

Приведемъ имена народовъ, по географіямъ греческихъ, римскихъ, западныхъ и русскихъ лѣтописцевъ, смѣнявшіе, послѣдовательно, одни другихъ на Донской землѣ, въ продолженіе XX столѣтій.

Въ темной области вѣковъ героическихъ, торговые руссы ходили на судахъ: въ Болгарію, въ Грецію, въ Хозарію или Тавриду. Современно съ Киммерійскимъ могуществомъ, возникло могущество и понтійскихъ, или *бористенскихъ* (днѣпровскихъ) скиѳовъ *(сколотовъ)*, потомковъ Таргитаевыхъ. Столѣтій за VI до Р. Х. (по Геродоту) *самое благороднѣйшее и многочисленнѣйшее поколѣніе* сколотовъ—*Базилиды (Вашлиды)*, или *скиѳы царскіе*, поклонники богини дѣвы Тавити и священнаго меча *(Акинона)*, занимали земли отъ страны Герроса (на Днѣпрѣ) къ Азовскому морю и по правой сторонѣ Дона, до торжища „*Кремнъ*“ 6), бывшаго, какъ полагаемъ мы, у устьевъ Сѣверскаго Донца,

6) Герод. Кн. IV. 20.

который назывался тогда Сергизомъ (Гиргизомъ): здѣсь былъ конецъ земли скиѳовъ царскихъ 7). Донецъ и самый Донъ вытекали изъ страны, занимаемой *Ѳиссагетами*, народомъ многочисленнымъ, жившимъ звѣроловствомъ 8).

На лѣвой сторонѣ Дона, начиная отъ пазушья (залива) Азовскаго моря, вверхъ рѣки, по степямъ задонскимъ, была область *Савроматовъ* 9).

Греческіе торгаши Воспорскихъ колоній, платившіе дань скиѳамъ, повелителямъ страны и заправлявшіе распространеніемъ эмпорій (торжищъ) вѣковъ за V до Р. Х., пробрались съ своими винами и тканями и до устьевъ Дона: здѣсь, на правой сторонѣ р. Мертваго Донца, устроили они городъ *Танаисъ* съ акрополемъ 10). Это было важное торжище: оно служило пунктомъ соединенія купцовъ разныхъ племенъ, отправлявшихъ товары водою. Когда изъ народнаго правленія Археанактидами 11). Воспорскіе колонисты подчинились (въ 438 г. до Р. Х.) власти *династовъ* (царей), возникшихъ изъ скиѳо-меотской аристократіи 12), тогда (въ Митридатово время) и Танаисъ подпалъ подъ вліяніе царей Воспорскихъ. Въ 14 году до Р. Х., торжище это претерпѣло отъ Полемона 1-го опустошеніе за непокорность 13); послѣ, вскорѣ, на старомъ мѣстѣ поставленъ былъ новый Танаисъ.

Еще были на Дону рынки Танаисскихъ колонистовъ: *Эксополисъ* и *Новарисъ*. Мѣсто перваго полагаютъ въ ближайшемъ пунктѣ къ Волгѣ, у переволоки 14), мѣсто втораго не означаютъ.

7) Герод. Кн. IV. 21.
8) Герод. Кн. IV. 22. 123.
9) Герод. Кн. IV. 21.
10) Розыск. Монета въ 1853 году.
11) Воспор. Цар. Ч. I. Стр. 17.
12) Тамъ же стр. 18 и 44.
13) Тамъ же стр. 10 и 71.
14) Воспор. Цар. стр. 11.

Мы думаемъ, что торжища эти были въ тѣхъ пунктахъ на Дону, гдѣ впослѣдствіи стояли города козарскіе, о именахъ и признакахъ которыхъ скажемъ ниже.

Около времени Рождества Христова, между Днѣпромъ и Дономъ, по правой сторонѣ послѣдняго, жили (по Страбону), „*Роксоланы—народъ военный*“, ближе къ устью Днѣпра „*Лагайскіе сарматы*“, называемые „*базилеи*“ (вашлиды). Роксоланы кочевали: зимою ютились у береговъ Меотиды, въ болотахъ, а лѣтомъ—въ поляхъ.

Съ лѣвой стороны Дона сидѣли *Аорсы* и *Сираки*, простираясь до горъ Кавказскихъ и до Азовскаго моря: иные кочевали, иные жили въ палаткахъ, а иные занимались земледѣліемъ. Аорсы прилежали къ Дону и владѣли большимъ количествомъ земли по берегамъ Каспійскаго моря, а сираки жили по Ахардію (Кубани). И тѣ и другіе любили войну и торговлю, „*ходили въ золотѣ*“: отъ мидянъ и армянъ получали товары на верблюдахъ.

Въ *первомъ вѣкѣ по Р. Х.* около Киммерійскаго пролива, при Азовскомъ морѣ жили (по Плинію), *меотійцы, вали, сербы, зинги и псевіи*; а по всему Дону „*аксаматы—мидійское отродье*“, и они раздѣлялись на многіе народы: первые—*сарматы* (гинекократумены), потомъ *евази* и прочіе ... Между которыми именуются *тусагеты и турци.*—Донъ назывался „*Силинумъ*“, а Азовское море „*Тамериндою*“ (матерью моря). При устьѣ Дона былъ „*городокъ*“; но Плиній не написалъ его имя.

Во *второмъ вѣкѣ по Р. Х.* по всему Дону, отъ истоковъ его до устья и во всю ширину Меотиса *(Азовскаго моря)* до Босфора, лежитъ (по Птоломею), Сарматія (Азіятская). По всему берегу Меотиса—*язиги, роксоланы и амоксобіи*; внутри ихъ *алауны-скиѳы*...... Между алаунами и амоксобіями — *каріоты* и *соргаты*, при поворотѣ же Дона —*офлоны и танаиты*, за ними—*озилы* къ самымъ роксоланамъ. При устьѣ Дона островъ

„*Алопекія*", который и Танаисомъ именовался. Объ Алопекіи мы скажемъ наше соображеніе ниже.

Въ исходѣ *четвертаго вѣка* по Р. Х., когда роковыя силы Скиѳіи созрѣли уже для переобразовательнаго потрясенія Европы и ожидали лишь явленія двигателя своего Атиллы, Донъ, какъ и прежде, составлялъ *(по Аммiану Марцелину)* черту дѣленія Скиѳіи на Европейскую и Азіятскую (на по-Донскую и за-Донскую). За Дономъ, въ широту, простирались *сарматы* (за-Донскіе скиѳы). Меотійскіе и Понтійскіе народы, различествовавшіе языкомъ и обычаями, выказывались подъ слѣдующими именами: *яксаматы, меоты, язиги, роксоланы, и аланы и меланхлены, и съ геланами агатиросы*. Надъ всѣми ими преобладало имя алановъ, какъ господствовавшаго племени сѣвера: съ этимъ именемъ соединяли они титло благородства, подобно персамъ. Возникшіе въ это время гунны подъ владычествомъ Баломира, перешедши Донъ (изъ задонской земли), на „*безмѣрномъ пространствѣ лѣсовъ Скиѳіи*" находили алановъ. Аланы простирались къ азійскимъ путямъ, даже до р. Гангеса, разсѣянные въ обѣихъ частяхъ свѣта. Юношество ихъ съ раннихъ лѣтъ привыкало къ верховой ѣздѣ; ходить пѣшкомъ считалось низкимъ: всѣ искусны въ военномъ дѣлѣ. Почти всѣ аланы *высокорослы* и собой *красивы*, нѣсколько *бѣлокуры*, имѣли *грозныя очи*; легко вооружены и быстры въ движеніяхъ. Во всемъ похожи на гунновъ, но кротче и образованнѣе ихъ; занимаясь охотою, они доѣзжали до Меотійскаго моря и до Босфора Киммерійскаго, прорывались въ Арменію и Мидію. Любили войну и опасности: у нихъ блаженъ тотъ, кто палъ въ битвѣ. Вмѣсто статуй поклонялись мечу (Марса). Они не знали рабства: всѣ рождены отъ благородной крови, въ судьи избирали опытныхъ воиновъ. Ихъ называли и танаитами (донцами). Замѣтимъ здѣсь, что въ исходѣ IV вѣка, какъ полагаютъ, Танаисъ разрушенъ Гуннами 15).

15) Энцеклоп. лек. Т. 1. стр. 286.

Въ шестомъ вѣкѣ по Р. Х. на Дону сидѣли (по Іорнанду) аланы подъ (прежнимъ) именемъ роксолановъ, представленные многочисленнѣйшимъ племенемъ Алаунской Скиѳіи. На югѣ (Руси) было храбрѣйшее племя агазировъ (хозаровъ), а дальше ихъ— при Понтѣ, племя *Болгировъ*. Вообще сказано, что на обширныхъ равнинахъ *Великой Скиѳіи* была *Хозарія;* много рѣкъ протекало чрезъ нее, замѣчательнѣйшая Кубань.

Въ то же время земля задонская, прежняя Сарматія, именуется (по Прокопію) *Улусіей* (Eulisia). Но при Меотійскомъ морѣ на Дону (вмѣсто именъ аорсовъ и роксолановъ) является имя народа *утургуровъ*, воротившихся сюда изъ войскъ Атиллы— изъ за Дуная, покинувъ тамъ братьевъ своихъ *кутургуровъ*. Утургуры называются иначе *витигорами* (вятичи); отъ Меотійскаго моря они простираются къ сѣверу, а далѣе ихъ,—живутъ безчисленные народы *антовъ*.

Вошедшіе въ историческую извѣстность еще съ III вѣка, хозары или козары (агазиры), жившіе между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, сдѣлались сильнѣе съ V вѣка, по смерти Атиллы. Въ VII вѣкѣ, Козарія явилась могущественною монархіею, распространившеюся между Дономъ и Бугомъ и по Тавридѣ, и вошедшею въ родственныя связи съ имперіею Византійскою; а въ VIII вѣкѣ, владычество ея раскинулось глубоко на сѣверъ, надъ славянами, сидѣвшими по Днѣпру, Сожѣ и Окѣ. Козары раздѣлились на множество племенъ, повиновавшихся своимъ владѣтелямъ; но всѣ они подчинялись власти *Когана*. Вообще земля называлась *козарскою, русскою*, или *Серигомъ*. Главная страна Козаріи находилась въ устьяхъ Волги, подъ именемъ *Бериліи, Верзаліи, Барзиліи, Беразіи*; тамъ былъ городъ *Балангіаръ*, или Атель—богатая столица Когановъ. Козарія скрѣплялась терпимостію всѣхъ вѣрованій: идолопоклонство, іудейство, магометанство и христіанство пользовались гражданскимъ равенствомъ. Коганъ и большая часть его знатныхъ подданныхъ, въ концѣ

VIII вѣка, оставя язычество, приняли вѣру іудейскую, а въ половинѣ IX—христіанскую. Кромѣ *Ателя,* въ Козаріи находились другіе города: Асмидъ, Куранъ, Годранъ, Сегесонъ, Самандаръ, Альболда, Садилъ, Ферузъ—Конадъ, поименованные восточными писателями, но мѣста ихъ не объяснены. На Дону былъ городъ ихъ *Саркелъ* или *Бѣлая Вежа,* о мѣстѣ котораго мы объяснимъ ниже.

Разрушенный гуннами Танаисъ, какъ полагаютъ, возобновленъ въ VIII вѣкѣ козарами 16). Думаемъ, что козары построили его уже не на прежнемъ мѣстѣ, а на лѣвой сторонѣ Дона, гдѣ до нашихъ временъ находится городъ Азовъ; и что древнее имя его было замѣнено другимъ, хотя греки и послѣ долго именовали его Танаисомъ. Дорога изъ Дербента къ Сериру вся была въ садахъ. Козары торговали по Волгѣ товарами Ховарезиса; дорогіе мѣха посылали къ франкамъ и испанцамъ; необходимыя для себя вещи получали изъ Грузіи, Арменіи, Адербидугана и Греціи 17). Съ конца IX вѣка предѣлы Козаріи чрезъ междоусобія и наѣзды воинственныхъ сосѣдей печенѣговъ (пацинаковъ), узовъ и славянскихъ руссовъ, начали стѣсняться. Съ половины X вѣка, великіе князья кіевскіе, распространяя завоеванія свои на югъ, лишили козаръ многихъ областей, а въ началѣ XI вѣка, соединясь съ Византійскимъ императоромъ, разрушили Козарію. Монархія кончилась; но народъ велся долго, показываясь съ своимъ именемъ въ исторіи странъ, гдѣ жилъ; всего же болѣе въ русскомъ княженіи Тмутараканскомъ, на Дону, въ городѣ Ормѣ (такъ называли Азовъ). Моголы (въ 1221 г.) нашли многихъ христіанскихъ козаръ а также и въ Крыму.

Въ концѣ *девятаго вѣка* (по византійскимъ и русскимъ лѣтописямъ) *печенѣги,* одноплеменники туркомановъ, притѣсненные

---

16) Энцекл. лекс. Т I. стр. 286.

17) Эвер. стр. 170.

сосѣдями своими—узами, двинулись съ саратовскихъ степей на западъ, перешли Донъ и стали владычествовать на земляхъ, лежащихъ между Дономъ и Алутою. Въ началѣ X вѣка владѣнія ихъ состояли изъ 8 областей; 4 изъ нихъ лежали на западной сторонѣ Днѣпра, а 4—на восточной, между славяно-руссами и казаро-руссами. По-Донье, гдѣ былъ Саркелъ и Танаисъ, а также и Таврида, принадлежала козарамъ. — Печенѣги славились войной, набѣгами и вели кочевую жизнь.

Въ половинѣ *девятаго вѣка* (по русскимъ лѣтописямъ) Кіевскій великій князь Святославъ, проникнувъ чрезъ кочевья печенѣговъ въ Козарію, завоевалъ на Дону *Бѣлую-Вежу* или Саркелъ (въ 963 году), а за онымъ побѣдилъ *Ясовъ* и *Косоговъ*. Тогда же, какъ думалъ Карамзинъ, завоевали россіяне *Таматарху*, или Фанагорію, и всѣ владѣнія козаръ на восточномъ берегу Азовскаго моря. Почему на Таманьскомъ полуостровѣ, въ древней Киммеріи, со временъ Владиміра, основалось Русское княжество *Тмутараканское*, которымъ россіяне владѣли до 1094 г., въ теченіи 130 лѣтъ.

Въ половинѣ *одиннадцатаго вѣка*, единоплеменные съ печенѣгами половцы, или куманы, называвшіеся *кипчаками*, оставивъ азіятскія, при-Каспійскія степи, пришли въ предѣлы Козаріи. Прогнавъ узовъ (торковъ) къ Дунаю и печенѣговъ, они (съ 1055 года) усѣлись на Донскомъ порѣчьѣ и заняли сѣверныя берега Азовскаго и Чернаго морей по Днѣстръ. Половцы народъ языческій, кочевой, жившій войною и набѣгами, уважалъ лишь торговлю. До нашествія моголовъ на Русь, въ продолженіи 180 лѣтъ, они были то врагами, то союзниками великихъ и удѣльныхъ князей: въ то время какъ на одно княженіе дѣлали набѣгъ губительный, съ другимъ—мирились, и къ нему нанимались помогать въ междоусобіяхъ; даже нѣкоторыя князья русскіе вступали въ родство съ князьями половецкими; было же, что, русскіе князья соединялись для отмщенія и наносили половцамъ большія пора-

женія на полѣ, даже ходили на Донъ, въ ихъ „*вежи*"; брали значительный плѣнъ, разоряли города. Лѣтописи именуютъ слѣдующіе города на Дону, бывшіе у половцевъ: *Рукомъ*, *Суборъ*, *Осеньевъ*, (онъ же Рукань и Шарукань), „*Шароканъ*" въ пѣсни о Полку Игоревѣ—это *Саркелъ*, Сугровъ, Балинъ и Чевшлюевъ, не объясняя мѣстъ, гдѣ они стояли. Кромѣ этихъ городовъ во власти половцевъ находился и Танаисъ, который, какъ полагаютъ, названъ былъ Азовомъ, по имени одного половецкаго князя Азуна, или Азуфа, покорившаго его въ 1067 г. 18). Хитрые генуезцы пробрались сюда съ своею торговлею около 1103 г. они, сначала, признавали надъ собою власть половцевъ, но, укрѣпивъ городъ каменными стѣнами и башнями, сдѣлались независимыми; городъ называли—*Тана*. Конечно, отъ оставшихся на Дону козаръ и ясовъ (Асовъ), половцы приняли наклонность къ осѣдлой жизни, и всѣ упомянутые города были остаткомъ Козаріи, хотя и переименованы новыми владѣтелями. Это понятно при соображеніи, что половцы язычники любили называться славянскими именами и охотно крестились 19), что, при родственныхъ связяхъ половецкихъ князей съ князьями русскими, многіе изъ степняковъ живали въ городахъ русскихъ; что въ XII вѣкѣ, среди половецкихъ вежъ, по донскимъ землямъ, находилось множество русскихъ воинственныхъ христіанъ, называемыхъ въ лѣтописяхъ (подъ 1147 годомъ) *бродниками* 20), которые, думаемъ мы, составляли стражбу, или проводниковъ русскихъ торговыхъ каравановъ.

Въ началѣ *тринадцатаго вѣка*, пришедшіе въ Русь моголы уничтожили половцевъ, вогнавъ множество ихъ въ Русь, заняли весь югъ отъ Волги до Дуная, а такъ же и донскую землю. Основавъ въ низовьяхъ Волги новое царство, извѣстное подъ име-

18) Энцик. Лекс. Т. I. Стр. 286.

19) Кар. Т. 3. Стр. 199.

20) Кар. Т. 2. Стр. 217. Прим. 302 и Т. 3. Прим. 164 и 304.

немъ *Золотой Орды*, эти кочевники—разрушители превратили всѣ селитьбы юга, а также и города донскіе въ кучи развалинъ, пощадивъ только въ Тавридѣ и на берегахъ моря Чернаго торговые пріюты, а въ числѣ ихъ и донской Азовъ, бывшій тогда въ рукахъ генуезцевъ, подъ именемъ *Тана*. Хитрые европейскіе торгаши умѣли и среди могольской управы сохранить власть свою въ Танѣ болѣе двухъ вѣковъ, и быть посредниками торговыхъ движеній между Россіею и Италіею: чрезъ Тану Москва получала самыя драгоцѣнныя ткани, бархаты и парчи венеціанскихъ фабрикъ, до завоеванія ея турками въ 1471 году, не смотря на то, что въ 1395 году городъ этотъ опустошенъ былъ Тамерланомъ. Турки назвали Тану—*Адзакъ*, измѣняя имя это въ *ассакъ*, *казакъ*, *Казова*. Съ турецкаго владычества прежнее имя Танаисъ, или сокращенное Тана, изчезло навсегда. У русскихъ остался онъ извѣстенъ подъ именемъ Азова. Въ XIII вѣкѣ назывался еще *Орнисъ*.

Во все продолженіе владычества моголовъ донскою землею къ Азову стекались купцы русскіе, аланскіе, козарскіе и другіе. До XVI вѣка къ этому городу былъ „вольный доступъ всѣмъ „народамъ, свобода каждому покупать и продавать все, что хо„четъ, а вышедши изъ города, всякій можетъ безнаказанно по„ступать, какъ ему угодно". Въ эти времена отъ Тавриды, на востокъ въ побережьяхъ Азовскаго моря и въ понизовьяхъ Дона, размѣщались народы христіане подъ именами: готовъ, аланъ, козаръ, черкесовъ. Черкесія и Аланія, или *Асъ*, лежала отъ сѣвернаго ската горъ кавказскихъ, простираясь по степямъ до Дона.

По пути изъ Тавриды къ низовьямъ Волги, построена была Батыемъ и Сартакомъ на восточномъ берегу Дона слобода, населенная русскими, которые обязаны были перевозить чрезъ рѣку пословъ и купцовъ.

Въ первой половинѣ XVI вѣка находился при рѣкѣ Донѣ, на четыре дня пути выше Азова, городъ *Ахазъ*: онъ славился необыкновеннымъ обиліемъ рыбы и пріятностью мѣстоположенія.

Всѣ признаки бытія поименованныхъ и отжившихъ на Дону народовъ состоятъ только въ *курганахъ, городищахъ* и *шляхахъ* (дорогахъ).

Курганы, разсѣянные по Донской землѣ, составляютъ часть той необъятной, безчисленной массы этихъ простыхъ, но долговѣчныхъ памятниковъ древности, которые раскидываются на всемъ пространствѣ Сибири, почти до 55° широты, по долготѣ же, на востокъ—до Охотскаго моря, а на западъ—до самой оконечности Сибири, затѣмъ по Уралу, Камѣ, Волгѣ и до морей Азовскаго и Чернаго, равно какъ и по степямъ днѣпровскимъ 21).

И скиѳы, и сарматы, и греки, и аланы, и козары, и руссы (язычники), и половцы, и моголы, и, конечно, прочіе народы, являвшіеся на Дону въ теченіе XX вѣковъ, насыпали курганы.— Думаютъ, что курганные памятники дѣлались съ различными цѣлями: для погребенія умершихъ, для капищъ, какъ подзорныя башни и какъ порубежные знаки 22). Такое раздѣленіе основано не на дѣйствительности, за неимѣніемъ свидѣтельствъ историческихъ, а только на соображеніи; не противорѣчимъ, но дополняемъ, что многіе курганы (особенно большіе) сооружались для означенія караванно-торговыхъ шляховъ; о чемъ выскажемъ наши замѣчанія ниже.

При общемъ взглядѣ на курганы донскихъ степей видимъ, что большее число ихъ насыпано на правой, нагорной (скиѳской) сторонѣ Дона, на лѣвой же (сарматской) менѣе.

Что самое многочисленнѣйшее скопленіе кургановъ находится на пространствѣ древняго владычества базилидовъ (царскихъ скиѳовъ), очерченномъ сѣвернымъ берегомъ Азовскаго моря, правою стороною Дона и правою же--Донца, по рѣкамъ: Калміусу, Еланчикамъ, Крынкѣ, Міусу, Тузлову и Кундрючьей.

21) Зап. Одесск. Общ. Истор. и древн. Т. III, стр. 328.

22) Зап. Одесск. Общ.

Почти столь же многочисленны курганы и между правою стороною Дона и лѣвою Донца, по верховьямъ рѣкъ: Деркула, Полной, Глубокой, по всей Калитвѣ и впадающимъ въ нее рр. Лазовой, Ольховой, Большой и Березовой, также по Быстрой и Чиру.

Меньшее число кургановъ видно въ самой сѣверной части Донской земли по рр. Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ.

Съ лѣвой стороны Дона, отъ „переволоки" внизъ его до Азовскаго моря, число кургановъ опять увеличивается, но тутъ они уже слѣдуютъ не сплошь, а сосредоточиваются мѣстами по рр. Карповкѣ, Донской Царицѣ, Мишковой, Есауловскому Аксаю, по Салу, Манычу, верховьямъ Кагальника, Эльбузды и по Кугай-Ей.

Скажемъ, что замѣчательно въ наружномъ устройствѣ здѣшнихъ кургановъ.

Тѣ, которые отличаются большею величиною, насыпаны почти всѣ на возвышеннѣйшихъ мѣстахъ, какъ казаки говорятъ, по *спорамъ*, или по хребтамъ горъ, раздѣляющимъ теченіе рѣчекъ; съ нихъ открываются пространства, большею частію, во всѣ стороны на значительныя разстоянія, верстъ на 30, 40 и далѣе; во многихъ мѣстахъ они образуютъ собою очевидно путевыя (шляховыя) линіи, изгибающіяся, соотвѣтственно направленію горныхъ возвышенностей. При такихъ курганахъ находятся по нѣскольку малыхъ, но многіе изъ нихъ одиноки 23); формы большихъ кургановъ различны: нѣкоторые—продолговаты, въ видѣ шатровъ, съ ровными вершинами, другіе съ дву-горбыми вершинами; есть и съ отлогими, въ одну сторону, длинными спусками; иные изогнуты, на подобіе подковы; есть, какъ пирамиды, четырехъ-сторонніе, есть коническіе съ нѣсколькими уступами для ходовъ вокругъ нихъ, но большею частью обыкновенно коническіе съ гладкими боками. При многихъ изъ нихъ находятся, въ родѣ небольшихъ полевыхъ укрѣпленій, такъ называемыя здѣсь го-

23) Замѣчанія князя Кострова.

родища изъ земляныхъ валовъ со рвами, имѣющіе правильную квадратную или параллелограмную форму, саженей по 30, по 50 и по 150, не болѣе, въ сторонахъ. При нѣкоторыхъ есть остатки каменныхъ и кирпичныхъ построекъ, какъ видно башенъ, имѣвшихъ въ однихъ мѣстахъ круглыя, въ другихъ четырехъ-угольныя фигуры; во многихъ же курганахъ на самыхъ верхахъ ихъ замѣтны слѣды какихъ-то подстроекъ или фундаментовъ изъ камня, или изъ жженаго кирпича, кладенныхъ на извези. Такіе остатки башенъ казаки называютъ *мечетями*, а курганы съ подстройками—*мечетными*.

Хотя древніе восточные народы, даже греки и евреи, имѣли обычай погребать людей знаменитыхъ, особенно князей, героевъ, на горахъ или мѣстахъ возвышенныхъ; но, судя по положенію и устройству здѣшнихъ большихъ нагорныхъ кургановъ, нельзя заключать, чтобы они всѣ вообще составляли могилы; а можно, и съ вѣроятностію, отнести многіе изъ нихъ къ государственнымъ или народнымъ сооруженіямъ, составлявшимъ или *старожевища* или пункты *ставокъ* и „*вежъ*" владавческихъ во время лѣтнихъ кочеваній народа, или преимущественно указателей караванныхъ шляховъ; особенно же тѣ, какіе имѣютъ при себѣ признаки укрѣпленій и башенъ, и стоятъ на чертахъ древнихъ шляховъ, о которыхъ скажемъ послѣ.

По направленію такихъ кургановъ караваны, кромѣ возчиковъ, вѣроятно, провожаемы бывали отъ одной области до другой, или отъ одного караванъ-сарая до другаго, особою „*стражею*" (Сара-Камани), подъ управленіемъ *начальника каравана главы* (*караванъ-Баши*), подобно тому, какъ донынѣ ведется это въ Аму-дарьинскомъ Туранѣ, при движеніи торговли изъ Бухары въ Россію чрезъ Киргизскія степи и въ другихъ мѣстахъ Азіи.

Къ шляховымъ курганамъ, вѣроятно, принадлежатъ и тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ на себѣ каменные изваянія людей,

называемые на Руси „*бабами*". Хотя и догадываются, что какъ изваянія представляютъ болѣе женщинъ, нежели мущинъ, то поэтому они и названы безъ различія бабами, но мы находимъ для этого другое основаніе историческаго значенія, о которомъ скажемъ ниже. Въ книгѣ Большому чертежу (XVI вѣка) нерѣдко упоминается о каменныхъ изваяніяхъ, какъ о признакахъ путей, однакожъ съ различіемъ—„*каменный человѣкъ*" или „*каменная дѣвка*",—„*каменные люди-болваны*" 24). Съ правой стороны Дона на нѣкоторыхъ курганахъ уцѣлѣли еще истуканы, съ лѣвой же ихъ теперь почти незамѣтно: вѣроятно, что тутъ и поставлено было ихъ менѣе.

Смотря на размѣщеніе кургановъ вообще весьма замѣтно, что строительство ихъ усилено при рѣкахъ: тутъ, на самыхъ ближайшихъ къ берегамъ возвышенностяхъ, курганы уставлены въ однихъ мѣстахъ кучами, въ другихъ рядами, съ цѣлью порядка, величина же ихъ очень разнообразна, но малыхъ болѣе, нежели большихъ.—Это очевидно кладбища племенъ, бывшія при постоянныхъ мѣстахъ владавческихъ вежъ, или при зимовищахъ.

Устройство здѣшнихъ истуканныхъ кургановъ относятъ къ племенамъ могольскимъ, соображая, что съ такими же изваяніями находятся курганы и въ южной Сибири, особенно въ окрестностяхъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ, по верховьямъ Оби и Енисея; что, по мѣрѣ удаленія оттуда, изваянія рѣдѣютъ и начинаютъ показываться, даже въ большемъ числѣ, не прежде, какъ у Азовскаго моря, какъ бы поясняя этимъ, что народъ, сооружавшій ихъ, ближайшія мѣста къ Сибири прошелъ лишь мимоходомъ, а на удаленныхъ отъ нея держался долгое время и былъ осѣдлымъ. При томъ замѣчаютъ, что самыя изваянія здѣсь отличаются отъ сибирскихъ болѣе тщательною отдѣлкою, яснѣе выражающею могольскій типъ народа, одежду и украшенія 25). Рубрик-

24) Кн. Больш. черт. Изд. 1838 г. стр. 13 и 53.

25) Зап. Одесск. Общ. древ. т. III стр. 528 и 529.

висъ приписываетъ строеніе такихъ кургановъ команамъ (Половцамъ) 26).

Курганы съ изваяніями, полагаемъ мы, означали царскіе (владѣльческіе), или точнѣе государственные пути (шляхи), по которымъ устраивались стражи для обезопасенія каравановъ, состоявшія, конечно, въ проводникахъ. Подъ такимъ названіемъ и значеніемъ, т. е. „царскихъ", существовали пути и въ Сиріи, Аравіи и Палистинѣ еще во времена библейскія. Древній путь разумѣли и называли *воротами*; въ Адербеджанѣ назывались они „*Бабъ*": не могло-ли отъ этого перейти со временъ козарскихъ названіе курганныхъ истукановъ *бабами*?

По величинѣ и высотѣ своихъ пунктовъ замѣчательны слѣдуюшіе курганы: а) въ нагорной сторонѣ, между правымъ бокомъ Донца и Дона и сѣвернымъ берегомъ Азовскаго моря—*Сауръ-Могила, Грибоваха, Мечеть-Сагунъ, Большой* (два вмѣстѣ); и между лѣвымъ бокомъ Донца и правымъ Дона—*Синій Мамай*, или *Бакренъ, Воровской, Большая Мечеть*; б) въ задонской сторонѣ, въ самой сѣверной части, *Шпиль* и *Антоновъ*, ниже переволоки—*Мечетные* (два вмѣстѣ). Есть и еще много большихъ кургановъ на высокихъ пунктахъ; но мы ихъ не именуемъ.

Разобрать, какіе курганы послѣ какого народа остались, по наружному ихъ виду, невозможно: судя по вышеприведенной хроникѣ явленія народовъ можно понимать лишь, что между первоначальными курганами скиѳовъ и сарматовъ и послѣдними—моголовъ вмѣщаются курганы алановъ, козаръ, печенѣговъ и половцевъ; что тѣ изъ кургановъ, въ которыхъ видны признаки каменныхъ построеній, принадлежатъ народамъ козарской монархіи, знавшей градостроительство лучше всѣхъ тогдашнихъ народовъ сѣвера, также и аланамъ; изъ камней вышесказанныхъ построеній христіане дѣлали на курганахъ каменныя настилки, для установленія каменныхъ крестовъ.

26) Зап. Одесск. Общ. т. I стр. 593.

Заключимъ: разстилающіяся, какъ море, зеленыя степи Дона, по безчисленности своихъ кургановъ, представляютъ *„многогробищное поле гоговъ“*, гдѣ кости всадниковъ лежатъ вмѣстѣ съ костями коней ихъ, а мечи и стрѣлы у изголовья. Это необозримое кладбище заключаетъ великую, хотя темную и безмолвную лѣтопись племенъ героическихъ, двигавшихъ нѣкогда судьбами царствъ Востока и Запада и развалившихъ въ конецъ ветхій міръ съ его мудрою крѣпостью. Только на вопросы *заступа и научнаго глаза* быть можетъ нѣсколько откликнулась бы ея вѣчная непробудность; но грустно человѣку за человѣка, когда онъ пытаетъ время о своемъ минувшемъ, ковыряя заступомъ кости почившихъ собратовъ. Пріятно быть потомкомъ праотцевъ, которые были людьми, а не куклами людскими; преклонявшихъ колѣно только предъ жертвенникомъ изъ убѣжденій сердца и топтавшихъ въ грязь бархатъ и камку, выдѣлываемые лукавымъ соблазномъ стяжанія, чадомъ Каина братоубійцы.

Перейдемъ къ признакамъ городищъ.

Начнемъ отъ низовьевъ Дона. Древній Танаисъ находился, какъ послѣдними изслѣдованіями *несомнѣнно опредѣлено*, на правой сторонѣ р. Мертваго Донца, въ 9 верстахъ отъ устья (о чемъ выше замѣчено). Здѣсь между селеніями Недвиговки и Синявки открыты слѣды воротъ, или пропилеевъ танаисскаго окрополя, ведущихъ къ рѣкѣ; часть мостовой и часть стѣны принадлежавшей храму 27).

Въ Донской дельтѣ, между рукавами Дона и Мертваго Донца, гдѣ Елисаветовская казачья станица, есть слѣды еще какого-то другаго городища съ признаками греческаго жилья, судя по находимымъ обломкамъ древнихъ амфоръ съ греческимъ клеймомъ 28). Не здѣсь-ли была Алопекія Птоломеевой географіи, означенная островомъ?

---

27) Изслѣд. Леонтьева.

28) Изслѣд. Леонтьева.

Балка *Кобяковка,* впадающая въ Донъ, на западной сторонѣ Аксайской станицы, имѣетъ при устьѣ своемъ, надъ самымъ Дономъ, Кобяково городище, состоящее изъ высокого бугра. Быть можетъ это было главное мѣсто вежи половецкаго князя Кобяка 29).—Въ верховьяхъ балки Кобяковой—большой курганъ, *Гирева могила.*

Городъ Ахасъ считаютъ существовавшимъ тамъ, гдѣ былъ Черкаскъ (нынѣ Старочеркасская станица 30); но объ этомъ въ древнихъ донскихъ актахъ ничего не упоминается; и были-ли слѣды прежняго города, когда утвердилось тутъ пребываніе *главнаго войска,* неизвѣстно. По сказанію, что Ахасъ стоялъ на Дону выше Азова на четыре дня пути, мѣсто его должно быть гораздо далѣе Черкаска. Отъ Азова до Черкаска не болѣе 50 верстъ, а полагая сухопутный ходъ на день въ 30 верстъ, какъ принимали древніе, на 4 дня приходится до 120 верстъ, такое разстояніе сближается съ мѣстомъ городка *Раздоровъ* (нынѣшняя станица Раздорская). Противъ этой станицы, съ лѣвой стороοы Дона, находится городище, о которомъ скажемъ ниже.

По рѣкѣ Манычу, впадающему въ Донъ выше Черкаска на 15 верстъ, на всемъ протяженіи его, отъ соляныхъ озеръ до устья, находится, особенно по правой сторонѣ, много большихъ кургановъ, съ признаками кирпичныхъ построекъ: кирпичъ кладенъ былъ на извести. Между такими курганами, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, замѣтны небольшія городища; изъ нихъ особенно значительно то, которое лежитъ близъ вершинъ р. Большаго. Гашуна на хребтѣ, составляющаго конецъ горы *Улки,* извѣстной по русской географіи XVI вѣка 31), и раздѣляющаго скаты между рр. Манычью и Саломъ. Пунктъ этого городища весьма высокъ: съ

29) Кар. Т. 3. Стр. 17.

30) Карамз.

31) Книг. Большему Чертежу стр. 52 и 65.

него открывается мѣстность во всѣ стороны на далекое разстояніе: противъ другихъ оно гораздо больше обнесено значительнымъ валомъ; во многихъ мѣстахъ замѣтны основанія башенъ. Внутри вала множество бугровъ, показывающихъ мѣста зданій; есть родники съ прѣсною водою 32).

На рѣкѣ Салу, не далеко отъ впаденія его въ Донъ, есть слѣды городища, о которомъ мы замѣтили выше. Оно находится на правой сторонѣ рѣки у самаго берега. Съ юга и запада изгибистыя колѣна Сала, а съ сѣвера Донъ, образуютъ значительный *кутъ* *), ограждавшій нѣкогда существовавшій тутъ городъ; съ востока же лежитъ открытая низменная равнина. Городище расположено на плоской возвышенности *(на грядинѣ,* какъ называютъ казаки подобныя мѣста), имѣющей крутой спускъ къ Салу. Планъ его составляетъ фигуру пятистороннаго полигона, образуемаго большимъ валомъ, три бока, саженей по 100 въ длину, а четвертый составленъ изъ двухъ меньшихъ линій. Съ сѣверной, южной и западной сторонъ замѣтны слѣды воротъ. На валу въ трехъ мѣстахъ видны основанія башенъ изъ кирпича. На сторонѣ же, обращенной къ рѣкѣ, при самомъ валѣ, находится весьма большой курганъ съ признаками кирпичной постройки. Въ срединѣ этой ограды есть слѣды замка четырехъ-угольной, почти квадратной, фигуры съ башнями; въ замкѣ примѣтны остатки фундамента большаго зданія, составлявшаго или дворецъ, или храмъ. Не далеко отъ замка, въ оградѣ вала колодезь. Внѣ вала, съ сѣверной стороны, еще придѣлокъ укрѣпленія четырехъ-угольной фигуры. Противъ городища, на обоихъ берегахъ рѣки, въ водѣ находятся тесаные большіе камни, показывающіе мѣсто существовавшаго тутъ моста. Вокругъ городища земля перемѣшана съ черепками глиняной посуды и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ золою.

---

32) Записки Мартынова.

(*) Заливной лугъ.

Не это ли былъ Ахасъ XVI вѣка, переименованный изъ какого либо прежняго хозарскаго города, о которыхъ упоминаютъ восточные географы? Городъ „Усть-Сальскій" могъ быть видѣнъ съ той высокой горы, находящейся на правой сторонѣ Дона, при рукавѣ Донца, называемомъ сухимъ Донцомъ, гдѣ, полагаемъ мы, было древнѣйшее греко-скиѳское торжище *Кремны*. Мѣстность между этими пунктами низменная, состоитъ изъ займищъ Дона и Донца 33). Признаки торжища Кремнъ оказываются, гдѣ теперь казачій хуторъ Крымской. Здѣсь, при постройкахъ жилищъ, находили въ землѣ тесаные камни известковой породы, составлявшіе, судя по широтѣ кладки, въ однихъ мѣстахъ античную мостовую, а въ другихъ—стѣны зданій; много вырывали черепковъ большихъ глиняныхъ сосудовъ, употреблявшихся въ древности для храненія вина. Тутъ въ балкѣ (оврагѣ) широкой проросталъ мѣстами дикій виноградъ, какъ слѣдъ древнихъ садовъ 34).

Въ близи Крымскаго торжища, ниже по рѣкѣ и въ сосѣдствѣ Усть-Сальскаго города, былъ поставленъ и донцами въ займищѣ первый метропольный городокъ ихъ Раздоры, не далеко отъ того мѣста, гдѣ теперь станица Раздорская.

До городища Крымскаго, или до устьевъ Донца, весенніе разливы Дона весьма широки, такъ что онъ представляется пазушьемъ моря, какъ и прежде замѣтили мы, при описаніи этой рѣки; но выше Донца, верстахъ въ 10, между нынѣшними станицами Бабскою и Ведерниковскою, разливъ Дона по возвышенности береговъ весьма суживается и представляетъ совершенно удобную переправу, которая существуетъ съ древнихъ временъ и называется „*Бабскою*". Посредствомъ этого мѣста сальскій городокъ могъ находится въ постоянномъ сообщеніи съ нагорнымъ торжищемъ. Смотря на множество кургановъ, раскинутыхъ на

33) Записки Мартынова.

34) Записки Мартынова.

донскомъ побережьѣ, между устьями Маныча и Сала, можно заключать, что мѣсто это было весьма прибойнымъ для народовъ сарматской стороны, какъ по удобству зимовищъ, такъ и торговыхъ сходбищъ. То же самое представляется и на нагорной, или скиѳской сторонѣ у Кремновъ: здѣсь конецъ р. Донца, составлявшаго живой, привѣтный путь народамъ звѣроловамъ, ходившимъ сюда съ товарами изъ глубины скиѳской Сѣверіи.

Отъ Усть-Сальскаго городища, разстояніемъ около 70 верстъ, было на Салу другое, тоже съ правой стороны; но оно уничтожено при построеніи здѣсь Мартыновыми слободы, которая и называлась въ народѣ городищенскою 35).

По р. Донцу, выше Крымскаго городища верстъ 90, находится, при балкѣ Рыгиной, мѣсто жилья съ полевымъ укрѣпленіемъ. Ограда его состоитъ изъ вала неправильной фигуры, образующейся прямыми линіями въ видѣ эллипсиса. Въ оградѣ множество бугровъ и ямъ съ золою и черепками глиняной посуды. Не далеко отъ этого укрѣпленія есть особый длинный дугообразный валъ, какъ видно прикрывавшій съ юга описанное жилье. Простота устройства показываетъ, что это становище позднѣйшихъ кочевниковъ—половцевъ, или моголовъ.

Изъ всѣхъ донскихъ городищъ, послѣ танаисскаго, самыя замѣчательнѣйшія находятся близъ нынѣшней Цымлянской станицы. Здѣсь два городища: одно на лѣвой сторонѣ Дона, а другое противъ перваго на правой.

Первое лежитъ на низменномъ мѣстѣ, при поемныхъ лугахъ. Это, какъ видно, былъ городъ съ замкомъ (крѣпости). Онъ стоялъ при самомъ Донѣ, который въ древности протекалъ тутъ; теперь остался слабый слѣдъ его подъ именемъ стараго Дона, или *чигонацкаго ерика*; новый Донъ проходитъ ближе къ горамъ, отстоящимъ отсюда версты на 4. Крѣпость расположена на плоскомъ

35) Записки Мартынова.

бугрѣ, фигура ея четырехъ-сторонняя: величину, по срытымъ слѣдамъ стѣнъ, опредѣлить нельзя, но по мѣстности можно полагать, что въ длину она была не менѣе 100, а въ ширину 50 саж. Стѣны изъ кирпича, толщиною болѣе сажени: съ южной части замѣтны слѣды жилыхъ зданій. Съ сѣверной стороны большая насыпь, въ видѣ кургана, изъ обломковъ кирпича означаетъ, кажется, мѣсто огромной башни, или храма. Все пространство крѣпости изрыто расхитителями кирпичей. Съ западной стороны замѣтна канава вдоль всей крѣпостной ограды. Кромѣ этой канавы, съ западной же стороны, въ отдаленіи отъ крѣпости около 150 сажень, проведенъ широкій каналъ дугообразною чертою,—восточный конецъ которой упирался въ старый Донъ, имѣя ширины 40 сажень, а сѣверный—въ займище—шириною въ 18 сажень, вода входила въ него изъ Дона. Отъ стороны города каналъ огражденъ высокимъ валомъ, сдѣланнымъ изъ земли, смѣшанной съ мелкимъ известковымъ камнемъ. На другой сторонѣ канала, вдоль его, 27 кургановъ; земля въ нихъ смѣшана съ битымъ кирпичемъ: быть можетъ это щебень разрушенныхъ зданій, вывезенный сюда при возобновленіи города.—Все пространство между крѣпостью и большою канавою имѣетъ слѣды жилыхъ строеній города, но оно изрыто такъ, что ничего различить нельзя.

Второе городище находится на высокой крутой горѣ, у самаго берега Дона, между двумя глубокими оврагами, которые дѣлаютъ ее почти неприступною съ трехъ сторонъ; гора эта выше всѣхъ окружающихъ здѣсь Донъ: съ ней, во всѣ стороны, особенно на задонскую, открывается пространство на чрезвычайно далекое разстояніе; вышеописанный городъ представлялся отсюда какъ на *ладони*. На горѣ былъ не городъ, а замокъ (кастронъ-кремль), въ немъ нѣтъ слѣдовъ зданій семейной жизни, хотя очень много находится черепковъ глиняной посуды. Планъ его сообразенъ съ очеркомъ небольшой мѣстности, въ немъ восемь сторонъ сомкнутыхъ пятью углами выходящими и тремя входя-

щими: линіи и углы весьма правильны. Вообще въ планѣ ясно высказывается византійская манера укрѣпленій среднихъ вѣковъ имперіи, сходная со многими таврическими укрѣпленіями греческаго искусства.—Величина такая: съ сѣверной стороны вся линія бока 26 саж., съ восточной 48, съ южной 56, съ западной 51 саж. Основаніе стѣнъ было изъ бѣлаго известковаго камня, какъ видно по слѣдамъ ихъ и немногимъ остаткамъ. На обоихъ углахъ сѣверной стороны замѣтны мѣста башенъ; также и по линіи съ западной стороны есть признаки основанія двухъ башенъ; кромѣ того были еще двѣ башни, несравненно больше прочихъ, одна почти на срединѣ южной—внѣшней линіи, лицомъ къ Дону, а другая въ западной сторонѣ, на внутренней стѣнной линіи, проходившей вдоль замка. Весь замокъ при самыхъ стѣнахъ окруженъ рвомъ. Кромѣ того съ сѣверной стороны, впереди укрѣпленія саженей на 20, былъ особый ровъ, прорытый отъ одного оврага до другаго на 85 саж. Въ такомъ видѣ замокъ, ограждаясь сильною крутизною горы съ трехъ сторонъ (отъ Дона и обоихъ овраговъ), а съ четвертой рвомъ, дѣлался неприступнымъ для нападающихъ.

Вотъ это, какъ полагаемъ мы, былъ *Саркелъ* козаровъ, построенный ими во время византійскаго императора Ѳеофила, около 835 года, чрезъ посредство грека Петрона, перваго *„стратега“* въ Тавридѣ, по усмиренію ея войсками Византіи. Имя Саркелъ, по изъясненію императора Константина — *„бѣлый постоялый дворъ“*, другаго византійца Леонтія—*„бѣлый домъ“*, Байера—*„бѣлый городъ“* 36). Въ русской лѣтописи названъ—*„Бѣловежею“*. Много толковъ было объ имени Саркела. Оно, какъ полагаемъ мы, значитъ *главная,* или *царская крѣпость“*.—Саркелъ стоялъ на древнемъ торговомъ и военномъ шляхѣ кавказскихъ народовъ, о чемъ скажемъ послѣ, и въ хозарской монар-

36) Бѣловѣж. Нест. стр. 27.

хіи; при переходѣ каравановъ чрезъ Донъ, вѣроятно, составлялъ мѣсто сбора пошлинъ (таможенную заставу), а при томъ и главную управу караванно-охранительной стражи по владѣніямъ Хозаріи. Имя Саркела въ русской лѣтописи „*Бѣловежа*" весьма точно выражаетъ вышесказанное сборное (таможенное) его значеніе: здѣсь, въ этой дозорной *башнѣ*—(вежа), какъ понимать можно, брались также ходячія „*бѣлки, бѣлы*" (деньги), какими хозары облагали днѣпровскихъ и другихъ славянъ данниковъ, отъ чего славяно-руссы и могли называть ее—*Бѣловежа* 37), и, конечно, не отъ цвѣта; судя по остаткамъ камня и кирпича она показывалась желтосѣрою и красносинею.

Упоминаемое въ русскихъ лѣтописяхъ во время половцевъ имя Донскаго города „*Осеневъ*", или *Руканъ*, *Шаруканъ*, также и въ пѣсни о полку Игоревомъ *Шароканъ*, указываетъ тоже на Саркелъ и выражаетъ приводимое нами значеніе. Мы понимаемъ, что Саркелъ, во время хозарскаго владычества, находился въ правительственной связи съ городомъ, стоявшимъ противъ его на задонской сторонѣ. Хотя не знаемъ, какъ назывался онъ хозарами, но при половцахъ имя его, вѣроятно, было *Сугровъ*.

На рѣчкѣ Котлобанѣ, впадающей въ Донъ съ правой стороны, выше Саркела верстахъ въ 8-ми, находятся два городища, одно выше другого по рѣчкѣ въ 2½ верстахъ.

Нижнее городище на лѣвой сторонѣ Котлобани. Оно состоитъ изъ рва и землянаго вала. Пригорожено къ большому *куту* рѣчки. Фигура его составляетъ неправильный семи-сторонникъ, въ линіяхъ котораго заключается около 600 саженъ длины. Ровъ и валъ были значительны, и хотя временемъ разрушены, но еще очень замѣтны. Внутри укрѣпленія 4 небольшихъ кургана. На рединѣ длины вала къ полю находятся ворота.

Верхнее городище лежитъ на правой сторонѣ Котлобани: то-

37) Энц. Лекс. т. VIII ст. 529.

же состоитъ изъ рва и вала; пригорожено къ рѣчкѣ. Фигура его составляетъ неправильный пяти-сторонникъ, въ линіяхъ котораго заключается около 500 саженъ. Въ немъ находится пять воротъ. Внутри укрѣпленія насыпано четыре кургана—два продолговатыхъ большихъ и два круглыхъ, изъ которыхъ одинъ высокій у самаго вала, какъ видно дозорный. Въ курганахъ замѣтны битые камни и кирпичи.

Оба эти укрѣпленія похожи на временныя, но очевидно, что онѣ весьма древнія. Въ нихъ жители ближнихъ селеній находили у берега рѣчки много *кибирей* со стрѣлъ. По соображенію съ мѣстностію, понятно, что становища эти принадлежали къ Саркелу.

Съ лѣвой стороны Дона, на рѣчкѣ Есауловскомъ Аксаѣ, верстахъ въ 45 отъ устьевъ ея, есть городище. Оно устроено съ правой стороны Есауловскаго Аксая, въ 200 саженяхъ отъ берега рѣчки, на скатѣ горы. Планъ его имѣетъ эллиптическій очеркъ, состоящій изъ 14 линій, въ которыхъ содержится по 396 саженъ. Стѣны были изъ песчанаго камня, толщиною въ сажень. На восточной сторонѣ его замѣтны основанія двухъ башенъ: одна, сѣверная, полукруглая, примкнута къ стѣнѣ, а другая, южная, круглая отставлена отъ стѣны. Внутри ограды, въ самой возвышенной части, при сѣверной стѣнѣ, находится два источника отличной воды, которые замѣчательны тѣмъ, что, вытекая быстро изъ горы, проходятъ саженей 30 и опять теряются въ землѣ.

Городище это, какъ понимать можно, по соображенію о древнихъ шляхахъ, лежавшихъ между Волгою и Дономъ, было Караванъ-Сараемъ; о чемъ ниже объяснимъ подробнѣе.

Съ правой стороны Дона, по рр. Чиру, Сускану, Куртлаку и Царицѣ, во многихъ мѣстахъ есть признаки жилищъ кочевниковъ, состоящіе въ небольшихъ ямахъ съ рыхлою землею, въ которыхъ множество черепковъ глиняныхъ сосудовъ; но слѣдовъ значительныхъ городищъ незамѣтно.

У *„переволоки“*, Донской Пантикапеи, близъ нынѣшней Качалинской станицы, на островѣ, между лѣвымъ берегомъ Дона и его протокою, находится городище называемое *„Паншинское“* (Пантикапейское). Оно состоитъ изъ множества бугровъ и кургановъ, нарытыхъ безъ порядка: земля перемѣшена частію съ битымъ кирпичемъ и черепками глиняной посуды. Съ сѣвера и юга окружено продольными заливами изъ донской протоки, изъ которыхъ сѣверный называется *Большимъ затономъ—Паншинскимъ*, а южный -*сухимъ затономъ Паншинскимъ*. Городище занимаетъ мѣсто длиною болѣе 350 саженъ, шириною 120 саженъ.

По рѣчкѣ Иловлѣ, кромѣ *мечетныхъ* кургановъ, въ двухъ мѣстахъ есть остатки такихъ зданій кирпичныхъ, у которыхъ внутреннія стѣны были украшены разноцвѣтными кафлями.

На степяхъ медвѣдицкихъ находится множество признаковъ жилища кочевниковъ, подобныхъ жилищамъ степей чирскихъ, состоящихъ изъ ямъ съ рыхлою землею и черепками глиняныхъ сосудовъ; есть въ нѣсколькихъ мѣстахъ развалины кирпичныхъ башенъ, именуемыхъ здѣсь *мечетями*. Близь нынѣшней Глазуновской станицы замѣтны слѣды какого-то кирпичнаго зданія, въ которыхъ внутреннія стѣны были изъ разноцвѣтныхъ поливанныхъ кафель.

Подобныя же слѣды жилищъ и башенъ находятся и по степямъ хоперскимъ; особенно замѣтны остатки кирпичныхъ построекъ по р. Тишанкѣ.

Заключимъ: всѣ старобытные памятники на Дону рѣзко обнаруживаютъ два противоположные образа жизни—людей городовиковъ и людей кочевниковъ: первые, предаваясь выгодамъ торговли и удобствамъ осѣдлости, держались болѣе береговъ главной рѣки Дона, а вторые, любя жизнь подвижную, ютились по рѣкамъ степнымъ, гдѣ было болѣе сытныхъ настбищъ для стадъ.

Наконецъ, обратимся къ шляхамъ. Чрезъ Донскую землю было два главныхъ направленія въ движеніяхъ военной колоні-

альной и торговой (караванной) предпріимчивости,—одно съ юга на сѣверъ и обратно, а другое съ востока на западъ и обратно; оба они пересѣкали Донъ и перекрещивались между собою. Такъ какъ весенніе и лѣтніе разливы Дона производили невозможность переправы чрезъ него, гдѣ бы вздумалось, безъ разбора мѣстности; то шляховые переѣзды съ глубокой древности утвердились тамъ, гдѣ разливы были не широки, или гдѣ Донъ, по возвышенности береговъ, не выливался изъ нихъ.

Самый старый и живой шляхъ по множеству движеній былъ тотъ, который пролегалъ съ юга на сѣверъ отъ Арменіи, *Аллородень*, или Иверіи въ Ѳисагетскую звѣроловную Скиѳію (въ область Рязанскую, Суздальскую и Муромскую). Это караванный шляхъ сарматскій или сирокскій, но преимущественно аланскій (асскій) военный шляхъ, до нынѣ сохраняющій имя свое въ имени *еланскій* шляхъ. Пройдя Дарьельское ущелье, и спустившись по сѣверному склону Кавказа въ Сарматію, шляхъ этотъ тянулся вдоль по Кумѣ чрезъ Маджары, по Буйволѣ, а съ ней—по Калаусу, затѣмъ перейдя р. Манычъ на правую сторону, ниже устья Калауса, пролегалъ онъ по настоящимъ за-донскимъ казачьимъ степямъ мимо соленыхъ озеръ Манычскихъ 38), на городъ, стоявшій противъ вершинъ р. Большаго Гашуна, на горѣ Улкѣ (о признакахъ котораго выше замѣчено); далѣе же шелъ чрезъ р. Салъ къ городу, находившемуся у Дона и называемому при половцахъ, какъ замѣтили мы, *Сугровымъ*. Здѣсь противъ замка Саркела, по узкости разлива, была переправа черезъ Донъ. Отъ Саркела шляхъ продолжался нагорною степью между Дономъ и Донцомъ до древняго „*Казанскаго перевоза*“. Слѣдъ его обнару-

---

38) Изъ этихъ озеръ въ XVI вѣкѣ брали соль азовцы и черкасы Пятигорскіе и Казыева улуса татары (Кн. бол. черт. стр. 52). Противъ этихъ озеръ, на другой сторонѣ манычи стояли *каменные люди балваны* (той же кн. стр. 53).

живается большими курганами, (изъ которыхъ во многихъ замѣтны кирпичныя подстройки), расположенными по *спорамъ* (хребтамъ), раздѣляющимъ рѣчки Цымлу и Чиръ съ рѣчками Быстрою, Березовою, Большою, Ольховою и Калитвою: курганы разставлены такъ, что видны одинъ отъ другаго; на рѣчкѣ Березовой, при переходѣ чрезъ нее этого шляха (близъ нынѣшней слободы *Маньковки*), есть слѣды какого-то значительнаго кирпичнаго зданія, вѣроятно караванъ-сарая. Недалеко отъ р. *Вежи*, на Чирскомъ хребтѣ, шляхъ этотъ пересѣкался другимъ древнимъ большимъ шляхомъ Гетманскимъ, о которомъ скажемъ послѣ; потомъ выходилъ онъ на казанскій перевозъ, откуда направлялся уже въ глубину сѣвера чрезъ воронежскія степи.

До Саркела или Саркельской переправы аланскій шляхъ оживлялся еще караваннымъ движеніемъ, входившимъ на него изъ другаго древняго шляха дербентскаго, который назывался авабъбабъ „*ворота-воротъ*“; тѣ Индійскіе и Мидійскіе караваны, которые, пройдя Темиръ-Копы (желѣзные ворота), слѣдовали къ царскимъ скиѳамъ, или, впослѣдствіи, въ Сериръ (Козарію), прямо къ главному размѣнному пункту—Танаису, не заходили въ Балангіаръ на устье Волги, а, дойдя до Терека, сворачивали на Куму и пробирались на аланскій шляхъ, который и приводилъ ихъ къ саркельской переправѣ.

На протяженіи между Манычскими соляными озерами и Саркельскою переправою аланскій шляхъ имѣлъ двѣ значительныя отрасли, направлявшія путниковъ къ усть-Сальскому городу (позднѣйшее имя котораго было, какъ думаемъ мы, Ахасъ) или точнѣе къ „*Бабской*“ переправѣ чрезъ Донъ, гдѣ, какъ и выше замѣчено, рѣка имѣетъ весьма небольшой разливъ. Одна изъ этихъ отраслей шла, какъ видно, по курганамъ съ кирпичными подстройками, внизъ по р. Манычу, а другая внизъ по р. Салу, чрезъ городокъ, гдѣ слобода Мартыновыхъ. Бабская же переправа была не вдалекѣ отъ древняго Кремнскаго торжища (что выше ска-

зано), имѣвшаго до Танаиса, кромѣ широкаго водянаго пути, еще удобный и сухопутный шляхъ по нагорной сторонѣ, при томъ она ниже саркельской по Дону на 90 верстъ. Самое имя—„*Бабская*“ переправа, перенесенное преданіемъ и на станицу, обличаетъ существованіе тутъ значительныхъ „*воротъ*“ или шляха.

Къ саркельской переправѣ приходилъ и нижній восточный караванный шляхъ отъ устьевъ Волги, тянувшійся чрезъ берильскія (Балангіарскія) или астраханскія песчаныя степи. На теперешнюю Донскую землю входилъ онъ у р. Есауловскаго Аксая, къ тому караванъ-сараю, о признакахъ котораго мы сказали выше. Отъ этого пункта, большіе дозорные курганы, разставленные не далеко отъ Дона по высотамъ, между рѣчками Есауловскимъ Аксаемъ и Курмоярскимъ Аксаемъ, и между этою рѣчкою и городомъ Сугровымъ, ясно обнаруживаютъ направленіе шляха.

Важность саркельской переправы, какъ военно-торговой, укрѣпленной искусствомъ Петрона, поясняется еще и обстановкою ее и дозорными курганами на нагорной сторонѣ, сдѣланною, конечно, въ козарское же владычество. Два огромные кургана насыпаны въ одинаковомъ разстояніи отъ Саркела, верстахъ въ 30-ти, одинъ на сѣверъ, на самомъ аланскомъ шляхѣ, другой на западъ, по шляху, къ устью Донца, или къ Кремнамъ. Первой (воровской) между рѣками Россошью и Котлобанью на высокомъ пунктѣ: фигура его въ видѣ дуги, еще съ двумя малыми курганами на верху; второй (синій-Мамай или Бакрень)—при балкѣ Вербовой, тоже на высокомъ пунктѣ, фигура его четырехъ-сторонняя въ видѣ срѣзанной пирамиды; при немъ особое укрѣпленіе. Оба эти кургана открываются на большомъ разстояніи со всѣхъ сторонъ; и съ нихъ глазъ сторожа-степняка, конечно, могъ видѣть башни Саркела, какъ и изъ саркельскихъ башенъ. Кочевники имѣли удивительную смѣтливость избирать эти курганы дозорными пунктами.

Къ устьямъ Дона, между р. Манычемъ и Азовскимъ моремъ,

проходило два шляха; одинъ съ Кавказа, другой изъ Тамани, извѣстные нынѣ, первый подъ названіемъ *Кабардинскаго*, а второй *Приморскаго*. Шляхи эти сходились у Донской дельты, и здѣсь, караваны привалами своими образовали особое базарное и военно-проводническое сборище сарматской стороны, получившее, какъ думаемъ мы, извѣстность подъ именемъ острова *Алопекіи*—птоломеевской географіи. Привалы располагались, вѣроятно, на обоихъ берегахъ Дона, гдѣ теперь станица Елисаветовская и гдѣ, какъ выше замѣчено, есть слѣды городища. Здѣсь съѣздъ рыболововъ, рыбный торгъ и судовой притонъ дѣлался и на правой сторонѣ Дона, въ предѣлахъ дельты, какъ на бугристомъ мѣстѣ, непотопляемомъ разливами воды, а сухопутный привалъ противъ—на лѣвомъ берегу. По сбытіи воды, базаръ этотъ удобно сообщался по займищамъ съ скиѳскимъ торжищемъ Танаискимъ. Алопекія, конечно, послужила началомъ и Азову, который впослѣдствіи, при козарахъ, построился ниже по рѣкѣ, на сарматской сторонѣ и замѣнилъ собою древній Танаисъ.

Изъ-заволжья пролегалъ чрезъ Донскую землю большой верхній восточный *гетманскій* шляхъ, до нынѣ удерживающій здѣсь свое древнее названіе. Шляхъ этотъ изъ саратовскихъ степей приходилъ къ Дону двумя чертами: одною тамъ, гдѣ *„переволока“*, а другою выше, между рр. Иловлою и Медвѣдицею, по хребту, раздѣляющему эти рѣки, какъ показываютъ большіе курганы. Первое направленіе переходило черезъ Донъ, близъ Паншинскаго городища, а второе нѣсколько выше нынѣшней станицы Новогригорьевской; сходились они вмѣстѣ у вершинъ р. Куртлака на высокомъ хребтѣ, раздѣляющемъ правую сторону Дона и верховья рѣкъ—Лиски, Куртлака и Чира. Слѣдъ шляха весьма ясно обозначенъ большими курганами, расположенными по хребту, изъ которыхъ на многихъ есть признаки кирпичныхъ построекъ. До вышеупомянутаго перекрестка его съ аланскимъ шляхомъ, шелъ онъ, чрезъ всю ширину Донской земли, параллельно теченію Дона,

а съ перекрестка, направлялся вдоль р. Тихой на вершины Калитвы; далѣе же (за предѣлами нынѣшней Донской земли) тянулся къ р. Донцу на „*Коганскій*“ (царскій) перевозъ, упоминаемый и въ русской географіи XVI вѣка 39). Перейдя Донецъ, и пересѣкши *Муравскій* шляхъ, направлялся онъ къ Днѣпру—въ древнія области царскихъ скиѳовъ.

Выше этого шляха, чрезъ самую сѣверную часть Донской земли, пролегалъ еще большой шляхъ изъ Бериліи, или отъ Балангіара въ *по-Окскія* земли, извѣстный и донынѣ подъ именемъ стараго астраханскаго. Шляхъ этотъ пересѣкая у переволоки Гетманскій шляхъ, пролегалъ на сѣверо-западъ, чрезъ рѣки Иловлу, Медвѣдицу, Бузулукъ и Хоперъ, по возвышеннымъ мѣстамъ, какъ обнаруживаютъ слѣдъ его большіе курганы, разставленные на хребтахъ, раздѣляющихъ поименованныя рѣки.

Кромѣ вышеописанныхъ шляховъ на Донской землѣ, были извѣстныя въ русской географіи XVI вѣка 40) дороги татарскія и *военно-дозорныя*, по которымъ разъѣзжали отъ украйныхъ городовъ русскіе люди „*станичники съ доѣздными памятями*“ 41).

Одна изъ дозорныхъ дорогъ лежала по лѣвой (ногайской) сторонѣ Донца отъ *Бѣла-города* до „*сокольихъ горъ*“, находящихся въ Донской землѣ, ниже р. Калитвы, въ 15 верстахъ. Направленіе этой дороги было такое: спустившись отъ Бѣло-города за р. Явсюгу, входила она въ нынѣшнюю казачью землю выше р. Деркула; перейдя Деркулъ, и миновавъ „*Сизыя горы*“, находящіяся у Донца на правой (*Крымской*) сторонѣ, продолжалась чрезъ „*Митякинъ колодезъ*“ (рѣка Митякинка); затѣмъ переходила рр. „*Вишневецкій колодезъ*“, Глубокую, Калитвенецъ, „*Дядинъ колодезъ*“, и, миновавъ находящіяся на правой сторонѣ Дон-

---

39) Книг. Больш. Черт, стр. 9 и 28.

40) Книг. Больш. Черт.

41) Книг. Больш. Черт. стр. 13.

ца „*хорошія*“ „(нынѣ *Хорошевскія*) *горы*“, шла чрезъ р. Бѣлую-Калитву (противъ которой на правой сторонѣ Донца стоятъ „*Гребенныя горы*“), наконецъ приходила къ „*Сокольимъ горамъ*“, гдѣ „*Бѣло-городскіе станичники клали свои доѣздныя памяти*“ 42). Отъ Сокольихъ горъ, чрезъ рѣчку Быструю, дорога эта доходила до казачьяго городка *Роздоровъ* 43).

Эту дорогу пересѣкалъ большой татарскій путь изъ Крыма. Отъ Перекопа лежалъ онъ вдоль морскихъ береговъ по „*Калміусской дорогѣ*“ 44) и, дойдя по ней до р. Калміуса, сворачивалъ къ „*Лихому колодезю*“ (нынѣ р. Лихая), впадающему въ Донецъ: здѣсь, между устьями Лихаго колодезя и вышеупомянутыми *Гребенными горами*, былъ черезъ Донецъ „*перевозъ татарскій въ Русь*“ 45). Отсюда путь принималъ два направленія: одно на „*Казанскій перевозъ*“ на Дону, а другое на устье р. Хопра, гдѣ, тоже, черезъ Донъ былъ „*перевозъ—бродъ татарскій*“ 46); также переправлялись чрезъ Донъ и противъ устья р. Медвѣдицы на „*Кондаускомъ песку*“ 47). Думаемъ, что въ какомъ либо изъ этихъ мѣстъ, во времена владычества моголовъ, находилась та слобода русскихъ людей, которая устроена была Батыемъ и Сартакомъ для перевоза пословъ и купцовъ, ѣхавшихъ въ столицу хановъ—Сарай, потому что эти пункты лежатъ прямо на пути изъ Крыма въ царскіе улусы орды.

Много было еще малыхъ татарскихъ *дорогъ*, „*перевозовъ и перелазовъ*“ (черезъ рѣки), но о нихъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ при изложеніи событій казачьей жизни.

---

42) Кн. Больш. Черт. стр. 38 и 39.
43) Тоже стр. 39.
44) Тоже стр. 19.
45) Тоже стр. 37.
46) Кн. Больш. Черт. стр. 48.
47) Дѣла Крымск. Кн. подъ № 2, 1501 г., стр. 823 и 824.

ГЛАВА III.

Происшествія въ Донскомъ краѣ, съ послѣдней половины XV до половины XVI вѣка, или до перваго упоминанія въ дипломатическихъ актахъ Москвы о казацкихъ городкахъ на Дону.

Въ послѣдней половинѣ XV вѣка, какъ и прежде говорили мы, противуположно украинамъ Московской (восточной) и Литовской (западной) Руси, весь югъ у Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго морей занимали остатки царства Батыева, разрозненные между собою по родамъ князьковъ и мурзъ своихъ: за Волгою, по Яику (Уралу) кочевала орда шибанская (Ногайская)—большая 1); въ Астрахани и въ низовьяхъ Волги—три брата, цари, племянники Ахмата, послѣдняго хана *Золотой орды* 2); по Дону дѣти Ахматовы, носившіе также имя царей 3); за Дономъ, по р. Кубѣ (Кубани) до Чернаго и Азовскаго морей и къ верховьямъ р. Манычa—малая орда ногайская-Казыева 4); въ Азовѣ и Темрюкѣ (Тмутаракани) властвовали турки надъ старыми насельниками этихъ городовъ; въ Тавридѣ—орда Гиреевъ. При такомъ размѣщеніи ордынцевъ, все обширное степное пространство, раскидывавшееся между ихъ улусами и украиною Московской и Литовской Руси, оставалось „*Полемъ*“ въ древнемъ значеніи его:

1) Ист. Кар. т. XI. 161 и 190.

2) Кар. (Т. XI. 242.) Т. VI. 94.

3) Кар. т. XI 172.

4) Кн. Больш. черт. стр. 56.

было, по прежнему, Ирканскою и Меотійскою *Сиріею*, пріютомъ вольныхъ наѣздовъ для всѣхъ окружавшихъ его воинственныхъ племенъ, землею „*страха*", мѣстомъ послѣдняго средне-вѣковаго единоборческаго суда Азіи съ Европою.

Эта пустыня была тогда чужою и Московской и Литовской Руси. Съ могольскаго потрясенія, и та и другая Русь не имѣла еще видовъ на обладаніе ею, были не въ силахъ раздвигать свое градожительство, а только смотрѣли на нее изъ украйныхъ *острожковъ, засѣкъ* и *карауловъ* глазами *заставныхъ головъ своихъ* 5), осторожно, боязненно, какъ по враждѣ между собою, такъ и съ кочевниками сосѣдями. Татары, по спѣси минувшаго величія, считали себя господами „*Поля*" и дѣлили его русломъ Дона на двѣ половины: лѣвую сторону по-Донья—до Яика называли „*Ногайскою стороною*", а правую, до Днѣпра „*Крымскою стороною*": такъ различала его тогда и Русь 6).

Въ самомъ исходѣ XV и въ началѣ XVI вѣка, важнѣйшее движеніе между улусниками на Дону составляла война Крымскаго хана Менгли-Гирея съ дѣтьми Ахмата: Муртозою и Шигъ-Ахметомъ; она тревожила и украину Московской Руси. Ахматъ погибъ на Дону, близъ Азова (1480 г.), отъ руки Ивака, князя татаръ шибанскихъ и тюменскихъ, сдѣлавшаго на него набѣгъ съ ногайцами и съ 16/т. казаковъ 7); но сыновья его, нося имя царей, долго скитались съ улусами своими по степямъ волжскимъ и донскимъ, переходили иногда за Днѣпръ, дѣлали набѣги въ Тавриду 8), хватали въ плѣнъ людей на украинахъ Руси и на „*Полѣ*" 9), иногда кочевали къ предѣламъ страны черкеской,

---

5) См. кн. Больш. Черт.

6) Соображеніе по кн. Больш. Черт.

7) Кар. Т. VI 160.

8) Тоже 172.

9) Кар. Т. VI 186.

къ берегамъ Кумы 10). Донъ переходили они, большею частью, на древнихъ „*перевозахъ*“ и „*бродахъ*“—въ устьяхъ Хопра и въ устьяхъ Медвѣдицы на *Кондаузскомъ* песку 11). Менгли-Гирей, непримиримый врагъ дѣтей Ахматовыхъ, за бывшее изгнаніе его отцомъ ихъ съ ханства Тавриды 12), дружилъ искренно съ Іоанномъ III, который искалъ конечнаго уничтоженія этихъ остатковъ *Золотой орды*. Казимиръ Литовскій, а по немъ и сынъ его Александръ, враждовали съ Іоанномъ, союзили съ дѣтьми Ахмата, возбуждали ихъ противъ Москвы и Крыма 13). Іоаннъ, не упуская случаевъ вооружать Менгли-Гирея въ нападенія на Литву 14), содѣйствовалъ ему въ набѣгахъ на дѣтей Ахматовыхъ и „*дозоромъ*“ и войскомъ, посылая на нихъ степями конниковъ своихъ *служилыхъ ордынцевъ улановъ и князей* и казаковъ 15), и по Дону, судами воеводъ съ москвитянами и рязанцами 16). Такъ семнадцать лѣтъ (съ 1485—1502 г.) одна орда гонялась за другою по обширнымъ степямъ донскаго порѣчья, истребляла одна у другой людей, отбивала табуны, выжигала пастбища для истощенія стадъ 17). Наконецъ, когда Шигъ-Ахметъ, обнадеженный Литвою въ содѣйствіяхъ войскомъ, двинулся къ предѣламъ Руси по Дону до устья Тихой Сосны, гдѣ *Дѣвичьи*

10) Тоже 234.

11) Дѣла Крым. кн. № 2, стр. 823 и 824 смот. Грам. Хана Крым. 1501 г.—Той же кн. стр. 1026 и 1027 смот. Грам. Хана Крым. 1503 г.

12) Кар. Т. VI 90.

13) Тоже 244.

14) Тоже 235.

15) Дѣл. Крым. Хана № 1 стр. 109, 139 и 149. Кар. Т. VI стр. 185, 186 и 234.

16) Кар. Т. VI стр. 309.

17) Дѣл. Крым. кн. № 1, стр. 216. Грам. Менгли-Гирея къ царю.

горы, и тамъ, обманутый ожиданіемъ помощи, пришелъ въ истощеніе силъ и бѣгствомъ отъ него князей и улановъ и голодомъ, тогда Менгли-Гирей, (весною 1502 г.) внезапно напалъ на него, разсѣялъ орду, и самаго Шигъ-Ахмета съ небольшими, изнуренными толпами загналъ въ отдаленныя ногайскія степи 18). Несчастный царь-скиталецъ прошелъ въ Литву искать помощи; но она вѣроломно заставила его умереть у себя невольникомъ 19). Такой былъ конецъ царства Батыева, когда исполнилась имъ на землѣ тайна судебъ надъ жизнью востока Европы!—но, тѣмъ не менѣе, его горькая могила осталась глубокимъ предметомъ науки.

Въ нижней части Дона, среди кочевниковъ, стояли только два города—Азовъ и Ахасъ, ветхіе остатки нѣкогда славной геройствомъ и градожительствомъ Козаро-русской монархіи, привлекавшіе еще къ себѣ смѣльчаковъ „*гостей*" или людей торговыхъ, и русскихъ и азіятскихъ, послѣднимъ ослабленіемъ, своей торговли. Въ Азовѣ, и при началѣ господства турокъ (съ 1471 г.), держалось нѣсколько времени, хотя уже и весьма слабо, торговое достоинство генуезской Таны, по сношеніямъ его съ Кафою и Царьградомъ: въ немъ, какъ и прежде при Сарайскихъ моголахъ, „былъ свободный доступъ всѣмъ народамъ; свобода „каждому продавать все, что хочетъ, а вышедши изъ города, всякій могъ безнаказанно поступать, какъ ему угодно".

Но въ Ахасѣ (который стоялъ при устьѣ р. Сала), составлявшемъ сѣверное торжище старой Черкесіи, Аланіи (области Асовъ, Ясовъ), торговое движеніе, со второй половины XV вѣка, совсѣмъ затихло. Можно съ вѣроятностію заключить, что сначала бурныя движенія и кочевка здѣсь ордынцевъ Ахматовыхъ, враждовавшихъ съ черкесами и союзниками ихъ Тюменьскими татарами 20), а послѣ, за уничтоженіемъ ордынцевъ, открывшійся

18) Кар. Т. VI 308—310.

19) Тоже 313.

20) Кар. Т. VII ст. 128. Ногаи Черк. и Тюмень.

въ близкомъ сосѣдствѣ Ахаса, на устьяхъ р. Донца, прибой казацкихъ товариствъ или *станицъ* изъ Руси (о чемъ скажемъ впослѣдствіи), заставили городъ этотъ опустѣть навсегда и превратиться въ развалины, слѣды котораго донынѣ замѣтны.

Турки, завоеватели Азова, застали въ этомъ городѣ старую „*управу вольнаго товариства*", которая въ русскихъ актахъ видна подъ именемъ „*Азовскихъ казаковъ*" 21). Это былъ, думаемъ мы, одинъ изъ остатковъ военно-патріархальныхъ артельщинъ Козаріи, жившій въ духѣ и обычаяхъ грозныхъ алановъ—поклонниковъ меча, составлявшихъ нѣкогда вольныя благородныя товариства Руси древней. Азовскіе казаки были особымъ сословіемъ города, отдѣльнымъ отъ другихъ военныхъ людей его, не подвластнымъ даже Туркамъ. У нихъ находился свой начальникъ, называемый „*Шубашъ*" (мужъ-голова, атаманъ), имѣвшій и въ городѣ власть и силу охранять права своего товариства 22). Война и наѣзды на „*Полѣ*" были ихъ промысломъ, составлявшимъ, по духу времени, занятіе благородное. Они, конечно, служивали и военно-наемными проводниками торговымъ людямъ, они нападали на караваны торговцевъ, охраняемые проводниками ордынцами. Плѣнниковъ продавали на азовскомъ базарѣ. Такая торговля была тогда дѣломъ обыкновеннымъ не только у ордынцевъ, но и на Руси. Самъ ханъ Менгли-Гирей, другъ Іоанна III, бралъ отъ своихъ ордынцевъ половину изъ числа русскихъ плѣнныхъ и продавалъ ихъ туркамъ „*за море*". Князь Звенецъ, посолъ Іоанновъ, въ 1496 г., подавалъ хану „списокъ" о такихъ обидахъ 23). Что

---

21) Кар. Т. VI примѣч. 495 о каз. азов.

22) Дѣла Крым. Книг. № 2, стр. 679 и 680, смот. наказъ послу Кутузову и списокъ обидамъ 1499 года.

23) Дѣла Крым. книг. № 1. Наказъ послу въ Крымъ князю В. Ромадоновскому октября 29, 1490 г. Посольскія снош. Іоанна III съ Менгли-Гиреемъ и Ногаем. съ 1473 г.

старые Азовскіе казаки происходили не отъ ордынцевъ, или моголовъ, то обнаруживается изъ показанія самыхъ турокъ и крымцевъ, которые дѣлали ясное различіе между этими Азовскими казаками и другими военными людьми Азова, называя послѣднихъ *нашими* казаками, или нашими людьми; а также отличали старыхъ Азовскихъ казаковъ и отъ ордынцевъ, соединявшихся иногда съ ними для наѣздовъ на Полѣ; послѣднихъ турки называли *волжскими татарами* 24). Сверхъ того, старыхъ азовцевъ отличали они и отъ черкесовъ 25).

Важнѣйшимъ доказательствомъ особенности старыхъ Азовскихъ казаковъ служитъ то разсѣяніе, какому подвергло ихъ Турецкое правительство крутою мѣрою, о которой скажемъ ниже. Это дѣйствіе турокъ даетъ основаніе заключать, что разогнанные азовцы были не магометане, но, можетъ быть, христіанствовавшая община, конечно, потерявшая уже чистоту своей вѣры отъ жизни среди нехристіанъ. Съ магометанами турки такъ-бы не поступали. По донесеніямъ русскихъ пословъ, видимъ мы прозванія нѣкоторыхъ азовскихъ казацкихъ *шубашей*: въ 1500 г. былъ *Караманъ*, на котораго Менгли-Гирей жаловался турецкому султану за нападеніе Караманомъ въ *Полѣ* на русскаго посла князя Кубенскаго и на ѣхавшаго съ нимъ вмѣстѣ крымскаго посла, убитаго въ этомъ нападеніи 26). Въ 1502 году находились шубаши Аузъ-Черкасъ и Карабай, которые въ томъ же году и побиты черкесами, подбѣгавшими подъ Азовъ для отгона скота 27). По-

24) Дѣла Крым. книг. 2 стр. 740—742 и 762. Смот. Дон. посла Кубенскаго 1500 г. и стр. 1071 смот. грам. прил. послу Заболоцкому 1503 г.

25) Дѣла Крым. книг. № 2, стр. 885. Грам. Каф. Султан. Махмета-Шахсоди 1502 г.

26) Дѣла Крым. кн. № 2 стр. 740—742. Донесеніе Кубенскаго 1500 г.

27) Дѣла крым. кн. 2. 361. Донесеніе посла Мамонова 1502.

слѣ этого, скоро, въ судьбѣ Азовскихъ казаковъ произошла важная перемѣна.

Іоаннъ III, чрезъ пословъ своихъ въ Крыму и Турціи, дѣлалъ многія настоятельства объ унятіи азовцевъ отъ нападеній въ *Полѣ* на посольства и на гостей русскихъ. Начальники Кафы и Азова, хотя долго оправдывали Азовскихъ казаковъ, доказывая, что набѣги дѣлаютъ на гостей не они, а казаки ордынскіе и *Гачитарханскіе* и *Харачеркесы*, но, наконецъ, въ 1503 г. султанъ Баязетъ далъ повелѣніе Менгли-Гирею и сыну своему, тогдашнему кафинскому султану, Магмету Шахсодѣ, всѣхъ *лихихъ* пашей, казаковъ азовскихъ и другихъ казаковъ, сколько ихъ найдется въ городѣ, схватить и привести въ Царьградъ. А для охраненія пословъ и гостей поставить въ Азовѣ другихъ военныхъ людей изъ крымцевъ и кафинцевъ. Почему, Менгли-Гирей отправилъ въ Азовъ сына своего Бурнаша съ двумя тысячами крымцевъ, къ которымъ кафинскій султанъ присоединилъ своихъ людей,—*турокъ* и черкесовъ, изъ числа служившихъ въ Кафѣ; съ этимъ отрядомъ поѣхалъ и особо уполномоченный отъ Баязета для розыска чиновникъ Магметъ. По прибытіи въ Азовъ, Бурнашъ забралъ „*большихъ*" людей и нѣсколько казаковъ и отослалъ ихъ въ Крымъ, гдѣ они посажены въ тюрьмы; всѣ же прочіе казаки азовскіе убѣжали и разсѣялись. Цѣлое лѣто стоялъ Бурнашъ въ Азовѣ для розыска „*лихихъ казаковъ*"; потомъ, изъ отряда оставлено было, какъ приказалъ Баязетъ, до шести сотъ человѣкъ для охраненія посольствъ и торговли. „Нынѣ добро учинилось въ Азовѣ"—писалъ Менгли-Гирей къ Іоанну—„послы и гости будутъ провожаемы и Полемъ и Дономъ въ добромъ здоровьи" 28).

---

28) Дѣла Крым. кн. № 2 стр. 1018, 1023, 1026, и 1027. Грам. Менгли-Гирея 1503 г. Донесеніе Русск. посла Заболоцкаго къ царю, того же года и другая грам. Менгли-Гирея того же года Іюля 9 дня.

Но эта новая стража скоро стала жить въ духѣ прежнихъ азовскихъ наѣздниковъ и *„ходить добываться“* на *Поль* и по украинамъ Руси; и скоро, снова, по прежнему, стали продолжаться жалобы Москвы въ Крымъ и Царьградъ на Азовекихъ казаковъ, безъ различія на новыхъ или на прежнихъ, какъ-бы и не было описанной мѣры. Разсѣяніе же старыхъ Азовскихъ казаковъ было важнымъ содѣйствіемъ къ зародышу на Дону сильнаго противудѣйствія завоевательнымъ замысламъ Порты и вообще исламизму на востокѣ Европы: увидимъ слѣдствія.

Пролегавшій рѣкою Дономъ, изъ московской Руси до Азова, старый торговый путь „Суржанскій“ 29) и теперь не совсѣмъ заглохъ: по немъ „ходили многіе русскіе люди судовики“ 30), особенно рязанцы, съ товарами, посылаемыми въ Азовъ и Кафу, не смотря на тревоги и опасности отъ происходившей по Дону войны крымцевъ съ ордою дѣтей Ахматовыхъ, не смотря на набѣги азовскихъ казаковъ и на притѣсненія въ Азовѣ и Кафѣ отъ пашей, которые отнимали товары за полцѣны, въ случаѣ болѣзни одного изъ гостей клали печати на имѣніе всѣхъ; въ Азовѣ паша принуждалъ русскихъ даже копать ровъ и носить каменья 31). Іоаннъ III, съ самаго начала посольскихъ сношеній съ Менгли-Гиреемъ (1473 г.) и съ Баязетомъ (1492 г.), въ особенности заботился объ охраненіи русской торговли въ Крыму и Турціи. Важнымъ предметомъ переговоровъ, въ этомъ отношеніи, былъ донской путь, который при Іоаннѣ изъ торговаго превратился еще и въ *„посольскій“*, не только съ Турціею, но и съ Крымомъ; потому что степной путь въ Крымъ, на Перекопъ становился опаснѣе донскаго для пословъ какъ турецкихъ, такъ крымскихъ

---

29) Кар, т. V стр. 32 и 417 и т. II стр. 419.

30) Дѣл. Крым. кн. № 1. Наказъ послу въ Крымъ князю В. Ромадоновскому Октября 28 д. 1490 г.

31) Кар. т. VI стр. 233.

и русскихъ, отъ усиливавшихся казацкихъ наѣздовъ литовской Руси—„*Черкасовъ и Кіяновъ*“. Хотя же, по завоеваніи (въ 1500 г.) Путивля отъ Литвы 32), крымская посольская дорога установилась изъ этого города, какъ изъ „*пограничнаго*“; но она такъ же была не надежна, какъ и прежде 33). Для обезопасенія въ пути посольства отправлялись, въ особенности по Дону, съ большими охранными стражами, составляемыми изъ дѣтей боярскихъ и московскихъ казаковъ и пищальниковъ, съ пищалями и даже съ пушками, всего человѣкъ изъ 150 и до 200 34).

При посольствахъ ѣздили и „*лучшіе гости*“ съ богатыми товарами. Но и при такихъ стражахъ отправленіе пословъ изъ Москвы и Крыма задерживалось иногда на нѣсколько времени до совершеннаго убѣжденія развѣдываніями въ безопасности проѣзда. До принятія султаномъ выше описанной мѣры о разогнаніи азовскихъ казаковъ, Іоаннъ, видя неуспѣшность въ своихъ настоятельствахъ, хотѣлъ даже прекратить богатую торговлю съ Турціею. Въ 1502 г., когда возвращался изъ Москвы донскимъ путемъ Алакоза, посолъ кафинскаго султана Магмета-Шахсодѣ, то, по желанію его, Іоаннъ дозволилъ ему нанять въ провожатые десять рязанскихъ казаковъ, знающихъ дорогу; но при этомъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы рязанская княгиня Агриппина, пользовавшаяся тогда еще нѣкоторою независимостью княженія, запретила „*лучшимъ людямъ*“ ходить въ провожатые, потому что бояры и дѣти боярскіе, и *сельскіе люди служилые*, должны быть въ его службѣ; а *торговымъ людямъ* какъ *лучшимъ*, такъ *се-*

32) Кар. т. VI стр. 297.

33) Дѣла Крым. кн. № 2. Наказ. Россійск. послу Ивану Коссарову 1505 г. Февраля 2.

34) Дѣла Крым. кн. № 2 стр. 740—742 отп. князя Кубенскаго 1500 г. Дѣла Тур. кн. № 1 стр. 66 и 69, отп. посла Коробова 1515 г.

роднимъ и *чернымъ* отнюдь не дозволяла бы отправляться съ посольствомъ. Сверхъ того, всѣмъ подтвердила бы *накрѣпко*, чтобы *„на Донъ не ходили“*; ослушниковъ возвращать и казнить; а если у отлучившагося останутся *на подворьѣ жена и дѣти*, и ихъ казнить.—Когда же она, княгиня, этого дѣлать не будетъ, то велѣла бы ему *„казнить и продавать“* 35).

Но не одни азовцы и крымцы, а и астраханскіе цари и царевичи ходили въ наѣзды не только по Волгѣ, по *Полю*, но и на донской путь, брали въ плѣнъ русскихъ и продавали ихъ. На возвращавшагося Алакоза и на ѣхавшаго съ нимъ русскаго посла напали на Дону астраханскіе наѣздники, много людей русскихъ и турокъ Алакозиныхъ побили и нѣсколько забрали въ плѣнъ 36). Самый большой прибой на Дону астраханцы имѣли у *переволоки* 37), гдѣ нынѣ Качалинская станица донцовъ.

По смерти Іоанна III и Менгли-Гирея, наѣздническіе выходы къ донскому пути отъ всѣхъ ордынцевъ, крымцевъ, астраханцевъ, ногайцевъ съ каждымъ годомъ стали увеличиваться болѣе и болѣе. При Василіи Іоанновичѣ Москва не стала имѣть такого искуснаго вліянія на Тавриду, какъ прежде, а на Тавриду весь улусный ордынскій міръ смотрѣлъ тогда, какъ на представительницу его. Съ самаго начала царствованія Василія стали дѣлать нападенія на донскомъ пути и по украинамъ Руси и новые азовцы, которымъ придали прежнее имя азовскихъ казаковъ: наѣзды эти скоро превратили они въ обычай. Когда, ѣхавшій, въ 1515 г., въ Царьградъ, съ турецкимъ посломъ Камаломъ, возвращавшимся изъ Москвы, русскій посланникъ Коробовъ сталъ въ Азовѣ просить городскихъ начальниковъ о дачѣ проводниковъ до украинъ

35) Дѣла Крым. кн. № 2 стр. 918—921.

36) Дѣла Крым. кн. № 2 стр. 1007, наказъ послу Беклемишеву 1532 г.

37) Дѣла турец. кн. № 1 третьяку Губину 1521.

къ возвращаемой въ Москву посольской стражѣ, то они ему и Камалѣ проводниковъ не дали, отвѣчая, что „какіе есть въ городѣ *„наши азовскіе казаки“* и тѣ *„пошли добываться“*, а потому проводить некому“. Коробовъ остановилъ на время отправленіе стражи, чтобы разузнать—*„какъ бы далъ Богъ Дономъ до Москвы по здорову и безстрашно дойти“* 38). Коробовъ успѣлъ согласить Селима на утвержденіе правилъ о свободной торговлѣ русскимъ гостямъ въ Азовѣ и Кафѣ 39); но безпокойное положеніе донскаго пути ставило Москву въ необходимость продолжать переговоры съ Царьградомъ о безопасности на немъ. Въ 1521 г., отправленному къ султану Солиману посломъ Третьяку Губину поручено было договориться: „какъ посламъ и гостямъ отъ обѣихъ сторонъ по Дону *„безстрашно ходить“*. Онъ обязанъ былъ возбудить объ этомъ разсмотрѣніе, если сами турки не начнутъ.

Ему поручено предложить: „устроить Россіи и Турціи суда на Дону съ военными людьми въ нужномъ числѣ, съ тѣмъ, чтобы турецкіе суда плавали отъ Азова, а русскіе отъ украинъ до назначенной *заставы* на Дону, гдѣ посольства должны пересаживаться для дальнѣйшаго пути. Сплавъ дѣлать весною, когда, въ полую воду, Донъ бываетъ шире и представляетъ болѣе безопасности проѣзжающимъ. Передаточную заставу устроить на срединѣ всего путеваго разстоянія отъ Азова до русскихъ украинъ. А какъ средина приходится почти у *переволоки*, а тутъ всегда большой прибой астраханскихъ ордынцевъ, могущихъ нападать на посольства, то заставу устроить выше по Дону, въ устьяхъ Медвѣдицы, или въ устьяхъ Хопра, а лучше у Хопра, потому, что тутъ мѣсто *„крѣпко“* для защиты. Если скажутъ, что однимъ водянымъ перевозомъ обойтиться нельзя, то согласиться устроить и

38) Дѣла турец. смот. 3 отписку посла Коробова.

39) Кар. т. VII 73 и прим. 136.

конныхъ провожатыхъ съ обѣихъ сторонъ съ тѣмъ, чтобы они сходились также у заставы 40). „Но слѣдствія этого предложенія неизвѣстны. Замѣчательно, однако же, что пріѣзжавшій вмѣстѣ съ Губинымъ въ Москву посолъ Солимановъ князь Скиндеръ, при возвратѣ, не пущенъ Доломъ, а направленъ въ Крымъ чрезъ Путивль потому, что „пронеслось слово" отъ Скиндеровыхъ посольскихъ людей, будто бы онъ посланъ высмотрѣть мѣсто на Дону, гдѣ бы поставить городъ" 41). Москва, какъ видно, поняла ошибку свою въ предположеніи о допущеніи постояннаго пребыванія турокъ на Дону выше Азова. Донской же путь остался, по прежнему, тревожнымъ и опаснымъ для посольствъ и людей торговыхъ.

Менгли-Гирей умеръ въ 1515 году. Новый ханъ Тавриды Магметъ-Гирей—пылкій ордынецъ, человѣкъ съ гигантскими помыслами, задумавшій соединить три остатка царства Батыева—Казань, Астрахань и Тавриду въ одну державу, вѣроломствовалъ и противъ Москвы и противъ Литвы, тогда непріязненныхъ одна другой, приводилъ и ту и другую въ замѣшательство и потрясеніе. Бралъ золото у Сигизмунда и разорялъ Литву до Кракова; хитрилъ съ Василіемъ въ переговорахъ и разорялъ до Москвы Русь, довелъ ее до унизительнаго договора, который уничтожило только мужество рязанскаго окольничаго Хабара Симскаго, завладѣлъ Казанью и Астраханью, хотя и не надолго. Подъ Астраханью же и погибъ Магметъ-Гирей коварствомъ сподвижника своего Мамая, князя Ногайскаго, а полки его потоплены въ Дону. Все это совершилось въ восемь лѣтъ (съ 1515—1523 г.) 42). И во все это время крымцы и ногайцы носились по степямъ во-

40) Дѣла Турец. кн. № 1, наказъ послу третьяку Губину 1521 г.

41) Дѣла Турец. лист. 302, замѣтка при отпискѣ посла въ 1524 г.

42) Кар. т. VII 74—80, 99, 106—116, 125 и 128.

ронежскимъ и донскимъ и прерывали торговое сношеніе Москвы съ Азовомъ.

Между тѣмъ и казаки Азова не переставали дѣлать набѣги на Украину, не переставали хватать на *Полѣ* людей, посылаемыхъ изъ острожковъ, засѣкъ и карауловъ для развѣдыванія о крымцахъ и ногаяхъ: плѣнныхъ продавали въ Азовѣ. Въ 1522 году московскій посолъ Морозовъ говорилъ объ этомъ въ Царьградѣ султану Солиману и настаивалъ, чтобы онъ унялъ азовцевъ отъ набѣговъ и приказалъ плѣнниковъ отпускать безъ задержки и *окуповъ* съ нихъ не брать 43). Но султанъ, довольствуясь учтивостью Василія, присылалъ своихъ пословъ въ Москву тоже съ учтивостями, единственно для покупки кречетовъ и мѣховъ собольихъ 44); а своеволіе азовцевъ оставалось въ своемъ обычномъ ходѣ до конца царствованія Васильева (до 1533 г.).

Ногайцы, съ 1533 года, войдя въ посольскія сношенія съ Москвою и, исходатайствовавъ себѣ дозволеніе на свободную торговлю лошадьми и скотомъ, которыми они обогащали Россію 45), увеличили собою хищныхъ наѣздниковъ на порѣчьяхъ Дона, гдѣ были многіе табунные пути ихъ въ Русь. Князьки и мурзы клялись Москвѣ *шертными записями* быть союзниками, не дѣлать вреда 46); но послы и гости ихъ, на возвратномъ пути изъ Москвы, Рязани и другихъ городовъ, гдѣ были *торги*, своевольствомъ дѣлали по селамъ и деревнямъ разоренія, нападали на „*сторожевища*“, разставленныя по Дону на украинахъ, хватали

43) Кар. т. VII.—115 и дѣла турец. кн. № 1, лист. 233, наказ. дворянину Ивану Морозову 1522 г.

44) Кар. т. VII 116, 148 и 149.

45) Кар. т. VII 160 т. VIII 20.

46) Дѣла Ногайск. кн. № 2 листъ 25 истор. запис. князя Шейдяка 1534 тамъ лист. 123 истор. записка Кудеяра князя Ногайск. 1538 г. Дѣла Ногайск. № 3 листъ 54. Шертн. запис. князя Шахмата Юсуфа 1549 г.

людей въ плѣнъ 47). Чрезъ донскія и воронежскія степи носились они для набѣговъ и на Крымъ 48).

Правленіе *Боярской Думы*, въ малолѣтство Іоанна IV, гибельными смутами властолюбцевъ, беззаконіемъ и жестокостями, едва не довело Русь до безначалія, а слабостью политики, сдѣлало ее *„жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ"*—какъ говорятъ лѣтописцы 49). Врагами Москвы были Таврида, Литва и Казань. Ханъ Саипъ-Гирей, тотъ, который еще при Василіи, разоряя княженіе Рязанское, писалъ, что дѣлаетъ это не онъ, а князья, говорившіе ему, *„что дастъ намъ дружба съ Москвою? по соболю въ годъ, а рать—тысячи"*, и требовалъ отъ Москвы даровъ, по крайней мѣрѣ въ цѣну трехъ или четырехъ сотъ плѣнниковъ, тотъ самый ханъ, въ теченіи тринадцати лѣтъ правленія думы, до вѣнчанія Іоанна на царство (1533—1547 г.), подкупаемый Сигизмундомъ, врывался пять разъ въ области Сѣверскую и Рязанскую: пламя селъ и деревень, трупы убитыхъ и плѣнъ живыхъ были слѣдами его набѣговъ 50). Тогда-же и казанцы, два года, безпрерывно злодѣйствовали во многихъ сѣверовосточныхъ областяхъ, неистовѣе самаго Батыя 51). Во все это время низовья Дона превратились въ сборное мѣсто нагайскихъ, астраханскихъ и азовскихъ наѣздниковъ, ходившихъ отсюда на соединеніе съ полчищами крымцевъ 52). Тогда торговое движеніе на Донскомъ пути совсѣмъ затихло. Но за то явилось тутъ иное, праотеческое туранское движеніе Руси.

---

47) Дѣла Ногайск. кн. № 2 листъ 49 и 50. Донесен. посла Репн. 1534 г. Грам. Царя князю Шейдяку листъ 1491—1616, 1534.

48) Кар. т. VIII 38.

49) Тоже—52.

50) Кар. т. VIII 22, 29, 54, 60, 61 и 74.

51) Кар. т. VIII 53 и 54.

52) Кар. т. VIII, 22 и 60.

Еще съ самого уничтоженія Ахматовой орды и разсѣянія старыхъ азовскихъ казаковъ, стали усиливаться выходы казацкіе изъ украинъ Литовской и Московской Руси на порѣчья Дона; что, конечно, заставило Іоанна III дѣлать строгое запрещеніе рязанцамъ не ходить на Донъ, какъ сказали выше. Уже въ 1505 г. *„отъ казака"* былъ *„страхъ на Полѣ"*: Хотя это выраженіе въ грамотѣ Іоанновой къ Менгли-Гирею написано безразлично—отъ казака-ли татарина, или отъ казака русскаго; но какъ дѣло шло объ охраненіи отъ опасности жены Менгли-Гиреевой, ѣхавшей чрезъ Путивль въ Крымъ, то оно относилось, конечно, болѣе къ казакамъ черкасамъ: татары не взяли-бы въ плѣнъ татарку на крымскомъ пути. Съ каждымъ годомъ выходы на Полѣ казацкихъ товариствъ или станицъ усиливались болѣе и болѣе. Но въ годы *правленія боярской думы*, правленія холоднаго къ жертвамъ младшихъ сословій отечества, казачество, само собою, возстало на невѣрныхъ сердцемъ праотеческаго самопожертвованія. Сознаніе такого чувства быстро и неудержимо разбудилось во всей южной украинѣ, отъ Волги до Днѣпра, и изъ Московской и изъ Литовской Руси казацкія товариства понеслись на *Полѣ*, и засновали его по всѣмъ направленіямъ. Это была чреда на проявленіе того *„гарцоватаго"* христіанскаго самопожертвованія, которое изъ вѣковъ, непрерывно, разцвѣтало и въ языческой массѣ русскаго міра.

Вотъ почему при самой кончинѣ бытія думы боярской, или при вѣнчаніи Іоанна IV на царство, въ 1546 году, видимъ мы такое донесеніе путивльскаго воеводы князя Троекурова, какое дѣлалъ Іоанну:—„а нынѣ, государь, казаковъ на *Полѣ* много и „черкасцевъ и кіянъ и твоихъ государевыхъ—вышли на Полѣ изъ всѣхъ украинъ" 53).

53) Дѣла Крымск. кн. № 9. Донесеніе князя Троекурова 18 февраля 1546 г.

Ногайцы, какъ болѣе другихъ ордынцевъ ходившіе съ своими торговыми караванами и табунами по донскимъ и волжскимъ степямъ изъ улусовъ въ области Московской Руси и обратно, первые на этихъ степяхъ встрѣтили на себѣ мщеніе за русскую кровь наѣздническою расправою отъ казацкой вольницы: отъ нихъ первыхъ и возникли въ Москву жалобы на казаковъ— на *русь разбойниковъ*, какъ они называли ихъ. Въ 1538 г. мурза приволжской орды Кель-магметъ писалъ въ Москву объ обидахъ отъ „*городецкихъ, мещерскихъ* и *другихъ*" русскихъ казаковъ. *Боярская дума*, именемъ царя, отвѣчала ему: „на *По-„лѣ* ходятъ казаки многіе — казанцы, азовцы, крымцы и иные „*баловни* казаки, а и *нашихъ украинъ* казаки, съ ними смѣ-„шавшись, ходятъ. И тѣ люди, какъ вамъ, такъ и намъ, тати и „разбойники; а *на лихо* ихъ никто не учитъ; сдѣлавъ какое ли-„хо, разъѣзжаются по своимъ землямъ" 54). Нельзя не видѣть въ этихъ словахъ языкъ политики,—языкъ дочери лукавства международнаго, не рѣдко придающій вещамъ и дѣйствіямъ значеніе или противное имъ, или скрывающее ихъ сущность. Отвѣтъ мурзѣ былъ сообразенъ съ тогдашнимъ положеніемъ Московской Руси подъ правленіемъ боярской думы и съ отношеніями ея къ татарамъ, которые ее разоряли. Думный дьякъ не могъ изложить его иначе. Если-бы Москва была въ силѣ, то не написала-бы дума такого отвѣта къ ордынскимъ владѣтелямъ, которыхъ послы и гости, возвращаясь изъ Москвы съ русскимъ золотомъ и дорогими мѣхами, грабили селенія и хватали въ плѣнъ людей. Отсюда отвѣтъ о юго-восточномъ казачествѣ на всѣ жалобы ногайцевъ, а впослѣдствіи крымцевъ и турокъ, продолжался политикою Москвы цѣлый вѣкъ до царствованія Алексѣя Михайловича, по смыслу первоначальнаго отвѣта.

Но казачество — сословіе всемірной исторіи и значеніе перво-

---

54) Дѣла Ногайск. кн. № 2, листъ 230.

начальнаго явленія его на Дону должно рѣшится судомъ исторіи, а не словами актовъ политическихъ.

Приведемъ послѣдующія жалобы ногайцевъ. Въ 1549 г. князь Юсуфъ, властитель сильный, котораго султанъ турецкій величалъ въ грамотахъ княземъ князей 55), прислалъ къ Іоанну двѣ жалобы, одну за другою. Въ первой говорилъ, что на возвращавшихся въ томъ году изъ Москвы гостей ногайскихъ напали казаки русскіе *севрюки*, которые на Дону стоятъ: иныхъ побили, а одиннадцать человѣкъ отвели плѣнными въ Русь 56). Во второй объяснялъ, что по союзу его съ Іоанномъ, онъ думалъ, что путь торговый и посольскій изъ улусовъ въ Москву и обратно будетъ свободнымъ, а вышло напротивъ: *„которые на Дону стоятъ русь,* нашихъ гостей, въ Москву ѣдущихъ и возвращающихся оттоль забираютъ. Если ты тѣхъ *разбойниковъ,* что *на Дону живутъ,* къ намъ пришлешь, или изведешь, то будетъ знакомъ дружбы; а нѣтъ, то не будешь союзникъ" 57). Іоаннъ отвѣчалъ Юсуфу: „тѣ разбойники, что гостей вашихъ забираютъ, *живутъ на Дону безъ нашего вѣдома,* отъ насъ бѣгаютъ. Мы не одинъ разъ посылали, чтобы ихъ переловить, да наши люди добыть ихъ не могутъ. Вы бы сами велѣли ихъ переловить и къ намъ прислали, а мы приказали бы ихъ показнить. Гостей вашихъ въ своей землѣ мы бережемъ, а дорогою береглися бы они сами. Тебѣ извѣстно, что на *Полѣ* всегда лихихъ людей много *разныхъ государствъ,* и тѣхъ людей кому можно знать; намъ гостей вашихъ беречь на *Полѣ* нельзя, а бережемъ и жалуемъ ихъ въ своемъ государствѣ" 58). Въ слѣдующемъ 1550 г., тотъ же Юсуфъ, упрекая Іоанна

55) Кар. Т. VIII. 121.

56) Дѣла Ногайск. кн. № 3, листъ 113. Грамота княз. Юсуф. іюня 18 дня 1549 г.

57) Дѣла Ногайск. кн. № 3, листъ 114. 1549 г.

58) Дѣла Ногайск. кн. № 3, листъ 118 и 119.

въ недружбѣ, писалъ: „*холопи твои*, нѣхто *Сарыазманъ словетъ* на Дону, *въ трехъ и въ четырехъ мѣстахъ городыподѣлали*, да нашихъ пословъ и людей нашихъ, которые ходятъ къ тебѣ и назадъ, стерегутъ, да разбиваютъ, иныхъ до смерти бьютъ, а иныхъ отпускаютъ: какая же твоя тружба? Если хочешь имѣть съ нами дружбу, то тѣхъ своихъ холоповъ оттолѣ сведи". На этой же грамотѣ Юсуфъ прибавилъ: „этого же году, люди наши, исторговавъ въ Руси, назадъ шли, и на Воронежѣ, твои люди *Сарыазманомъ зовутъ*—разбойникъ твой пришелъ и взялъ ихъ". Въ слѣдъ за этимъ Юсуфъ новою грамотою упрекалъ Іоанна: „дружба ли то, что на Дону твои холопи, *Сарыазманомъ зовутъ*, нашихъ пословъ и гостей разбиваютъ и грабятъ"?

Іоаннъ въ томъ же 1550 г., склоняя Юсуфа дѣйствовать вмѣстѣ противъ казанцевъ, на жалобы его за нападенія казаковъ, отвѣчалъ: „тѣ холопи наши *Сарыазманъ* и въ нашей землѣ многое лихо сдѣлали и убѣжали на полѣ. Мы посылаемъ ихъ добывать, а вы-бъ отъ себя велѣли ихъ добывати-жъ, и которыхъ добудете, къ намъ бы прислали".

Здѣсь остановимъ наше обозрѣніе. Изложенный ходъ происшествій и приведенное сношеніе ногайскаго князя съ Іоанномъ IV рѣшаютъ время начала казацкихъ городковъ на Дону: ясно, что они основались въ самой половинѣ XVI вѣка. Но что такое *Сарыазманова казацкая Русь*, и какъ она сложилась въ общину, образовавшую родоначаліе Донскаго войска, изложимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Зачатки метрополій казацкаго міра—Днѣпровской и Донской.—Сарыазманская Русь на Дону, какъ родоначаліе Донского войска.—Главныя черты этой казацкой общины, ея духъ, идея или принципъ, политическое значеніе и отношеніе къ Московскому Государству.—Взглядъ на Днѣпровское и Донское казачество, какъ на соотвѣтствіе западному рыцарству и какъ на продолженіе древняго скиѳо-славянскаго міра.

Хотя Московская Русь и Литовская Русь съ могольскаго прихода образовали два различные народные характера двухъ отдѣльныхъ государствъ и жили какъ чужія между собою; но имя, вѣра и языкъ не разлучали ихъ съ мыслью о единствѣ. Москва не могла не любить Кіева, какъ, „*мать городовъ русскихъ*", а Кіевъ не могъ не чтить Москву, какъ *дочь—героиню*, выстрадавшую *вѣнецъ царицы*. Самымъ горячимъ осуществителемъ мысли стараго народнаго единства было и въ той и въ другой Руси казачество: оно, когда настала пора, минуя государственныя отношенія Москвы и Кракова, само возстановило его между своею сословностью прежде всѣхъ другихъ сословій, ему нечего было дѣлить.

Вольныя казацкія товариства Литовской и Московской Руси, съ половины XV вѣка, какъ и въ предшествовавшей главѣ сказали мы, выходя изъ украинъ на степи *Поля* съ одинаковою цѣлью—мщенія ордынцамъ за набѣги, братались тутъ, какъ дѣти одной вѣры и одной матери русской земли. До XVI вѣка выходы

эти были мелкіе, частные; ими не могло развиться той общей сословной связи между западнымъ и восточнымъ казачествомъ, къ какой судьба готовила его, какъ передового и героическаго дѣятеля, необходимаго къ окончанію средневѣковой борьбы на востокѣ Европы.—Но съ началомъ XVI вѣка, открылась и развилась лежавшая въ тайнѣ глубокая чреда къ туранскому развитію христіанскаго казацкаго міра. Если бы цѣль этого развитія была не міровая, то, въ зачаткѣ его, конечно, не имѣли-бы такого участія, какое имѣли всѣ три духовныя элемента таинственно-переобразовательной троичности — латинство, исламизмъ и православіе, хотя и безсознательно для тогдашняго ихъ государственнаго разума. Вотъ какъ было:

Ханъ Тавриды — отчизны тавро-скиѳовъ,—Менгли-Гирей, другъ Іоанна III, истребленіемъ остатковъ Золотой орды очистилъ *Полѣ* для простора суднаго единоборства послѣднимъ представителямъ Тавро-скиѳской Руси—казакамъ христіанамъ съ казаками магометанами.

Александръ король Литовскій, зять и врагъ Іоанновъ, увлеченный фанатизмомъ Рима, открылъ въ 1492 году 1) гоненіе на православіе—(зародышъ кровавой драмы, развитой послѣ уніею)— и этимъ разорвалъ узы любви и вѣрности, соединявшія съ нимъ подданную Русь; далъ причину: многимъ князьямъ и боярамъ вѣры православной бѣжать изъ Литвы въ Москву; Іоанну занять безъ кровопролитія всю Литовскую Россію отъ нынѣшней Калужской и Тульской до Кіевской губерніи 2); а вольному православному казачеству еще къ большой свободѣ не радѣть ему совѣстью, какъ католику и служить тамъ, гдѣ захочется.

Султанъ Баязетъ, разсѣяніемъ старыхъ Азовскихъ казаковъ по прельщенію дорогими мѣхами Московской торговли и настоя-

---

1) Кар. т. VI. 292.

2) Тоже 297.

тельству Іоанна III, завелъ своему Азову ближайшихъ, непримиримыхъ враговъ, заставя ихъ скитаться по донскимъ пріютнымъ пустынямъ.

Замѣтимъ, что все это случилось почти въ одно время, въ самыхъ послѣднихъ годахъ XV и первыхъ XVI вѣка.

А въ слѣдъ затѣмъ, непрерывно происходившія по подкупамъ Литвы губительныя нападенія всѣхъ ордынцевъ—крымцевъ, казанцевъ, ногаевъ на Московскую Русь, свирѣпость которыхъ сдѣлала то, что „за 200 верстъ отъ Москвы къ югу и сѣверо-востоку земля была усѣяна пепломъ и костями россіянъ“ 3), и наконецъ мятежное и жестокое беззаконеніемъ правленіе боярской думы, превратившееся въ посмѣшище невѣрнымъ,—привели казачество и восточной Руси въ сильное, самопожертвовательное (туранское) движеніе за отечество.

Всѣ эти событія совершились какъ-бы условно и послѣдовательно, такъ что должны были положить зачатки двумъ казацкимъ метрополіямъ—Днѣпровской и Донской.

Въ Литовской Руси, казачество, взволнованное религіознымъ гоненіемъ, гнушаясь соблазна латинскаго, со всѣхъ угловъ королевства сбѣгалось въ заднѣпровское поросье—въ колыбель исконную, казацкую отчизну—жилище торковъ и берендеевъ или черныхъ клобуковъ. Тамъ, старый городокъ Черкасы сдѣлался метрополіею всего казацкаго міра западной Руси. Міръ этотъ разросся быстро такъ, что еще до 1515 г. уже сдѣлался силенъ преграждать пути крымцамъ въ набѣгахъ на Литовскую Русь, а подъ рукою вождя своего и образователя-бѣглеца изъ Литвы въ Московскую Русь и потомъ изъ Руси въ Литву,—Евстафія Дашковича, выводить значительныя ополченія храбрыхъ наѣздниковъ 4). Этотъ-то міръ черкасовъ сталъ разводить свои отважныя казацкія то-

3) Кар. т. VIII. 114.

4) Кар. т. VII. 73 Истор. Малой рос. т. I. 108—113.

варства по *Полю* въ подъ-Азовныя низовья Дона и осоюзивать ихъ тамъ съ изгнанниками Азова, какъ ниже объяснится. Такъ, дивными путями судьбы это стремленіе Рима къ обладанію православіемъ Руси само заложило теперь начатокъ того непобѣдимаго противуборства своему литовскому и польскому латинству, какое впослѣдствіи явилось въ днѣпровскомъ казачествѣ и какое представляетъ кровавая славная его исторія.

Изъ предшествовавшей главы видѣли мы, что съ самаго начала XVI вѣка *„отъ казака былъ страхъ на Полѣ“* не только для торговыхъ каравановъ, но и для посольствъ Москвы, Крыма и Турціи; что ѣздившіе донскимъ путемъ изъ Москвы въ Азовъ и обратно даже съ большими вооруженными стражами говаривали: „какъ-бы далъ Богъ Дономъ по здорову и безстрашно пройти“; что въ 1521 году важность этого страха озаботила Москву войти въ совѣщаніе съ Царьградомъ объ устройствѣ постоянной охранительной стражи отъ Турціи въ Азовѣ и отъ Россіи въ городахъ украйныхъ для провожанія пословъ по Дону; что на *Полѣ* ходили казаки и азовскіе, и крымскіе, и ногайскіе, и астраханскіе, и казанскіе, и мещерскіе, и рязанскіе, и черкасы, и кіяны и севрюки, что эти казаки и враждовали и *„смѣшивались“* (союзили) между собою; что, наконецъ, въ годы правленія Московской боярской думы (съ 1533—1547 г.) выходы казацкіе на *Полѣ* изъ всѣхъ украинъ Московской Руси и изъ Черкасіи необычайно усилились; что послѣ такихъ выходовъ, скоро, въ 1550 г. явилось на Дону казачество, покрытое именемъ Сарыазманской Руси, съ городками своими „въ трехъ, или въ четырехъ мѣстахъ“; что эту Сарыазманскую Русь ногайскій князь считалъ подданною Іоанну IV, а Іоаннъ отрицался отъ ней.

Это важное событіе, служащее основаніемъ исторіи и славы казаковъ Донскихъ, заслуживаетъ вниманія особеннаго и разсмотрѣнія, сколько можно, подробнаго.

Въ началѣ надобно рѣшить: въ какомъ значеніи слѣдуетъ

принимать слово *Сарыазманъ*—какъ имя собственное, или какъ нарицательное? Приведенныя нами, въ предшествовавшей главѣ мѣста изъ грамотъ ногайскаго князя къ Іоанну IV: *„холопи твои нѣхто Сарыазманъ словетъ на Дону* въ трехъ, или въ четырехъ мѣстахъ городы подѣлали", или (въ другой грамотѣ) *„люди твои Сарыазманомъ зовутъ"*, а также и въ грамотѣ самаго Іоанна *„холопи наши Сарыазманъ* и въ нашей землѣ многое лихо дѣлали" показываютъ, что татарскій князь и русскій царь принимали слово Сарыазманъ не собственнымъ именемъ одного лица, а нарицательнымъ, отнесеннымъ ко многимъ лицамъ извѣстнаго занятія, какъ проименованіе. Видно, что въ грамотѣ Юсуфа слово это вставлено какъ чужеязычное, но извѣстное татарамъ по значенію своему; видно, также, что оно было извѣстно тогда и русскимъ и потому написано въ отвѣтной грамотѣ безъ особаго объясненія.—Выраженіе Сарыазманъ, какъ видимъ мы, отзывается поговоркою изъ языка старой Персіи и, по составу трехъ словъ, *Сары-азъ (асъ) манъ* означаетъ *„удальцы (головы удалые есть мы")*. Въ древности, можетъ быть, оно составляло похвальбу караванныхъ проводниковъ—людей царскихъ, какъ тогда и торговые караванные дороги назывались царскими воротами—путями. Значеніе выраженія Сарыазманъ соотвѣтствуетъ поговоркѣ волжскихъ казацкихъ лодошныхъ наѣздниковъ: „мы не воры, не разбойники, *а удалы добры молодцы*". Замѣтимъ, что послѣ 1552 г. въ актахъ не упоминается уже о Сарыазманѣ. Карамзинъ, сочтя слово Сарыазманъ именемъ собственнымъ, сдѣлалъ изъ него вождя донскихъ казаковъ 1549 г. Броневскій, послѣдовалъ Карамзину, сказавъ при томъ, что Сарыазманъ былъ послѣднимъ вождемъ ордынскихъ казаковъ; но въ актахъ совсѣмъ не говорится о такомъ вождѣ на Дону.

Теперь обратимся къ соображенію, куда могли дѣваться разогнанные турками въ 1503 г., старые *казаки Азовскіе*. Число ихъ было не малое, какъ должно понимать изъ сильнаго вооружен-

женія, какое поднялъ на нихъ султанъ и дозорнаго наблюденія за ними въ Азовѣ цѣлый годъ. По жизни, Азовскіе казаки были *городовики*, а не кочевники, особенно тѣ, которые составляли общину наѣздниковъ, хотя имѣли они и кочевое хозяйство, какъ видно изъ дракъ ихъ съ черкесами, ходившими къ Азову для отгона табуновъ. Къ крымцамъ и туркамъ, какъ къ гонителямъ, они не пошли; къ ногайцамъ и астраханцамъ, бывшимъ подъ сильнымъ вліяніемъ хана крымскаго и султана, тоже не могли пойти цѣлою массою своей общины; на Кавказъ не отправились, какъ можно думать по безмолвью объ этомъ всѣхъ извѣстныхъ историческихъ свѣдѣній и правительственныхъ актовъ того времени. Пріютомъ для нихъ могли быть два урочища: донскія затишныя займища и порѣчья южныхъ украинъ Литовской Руси. О послѣднемъ заключаемъ мы изъ того сильнаго ходатайства, какое дѣлалъ, въ 1519 г., у московскаго князя Василія, крымскій князь Аппакъ, любимецъ хана Мегметъ-Гирея, но тайный доброжелатель Москвы, о какихъ то скитавшихся *Азовскихъ казакахъ*, которые, на одинъ годъ, просились дозволить имъ жить съ семействами у Путивля, обѣщаясь служить противъ Литвы; гдѣ часть ихъ, какъ видно, и пріютилась. На Дону могли расположиться самые отважные изгнанники Азова, какъ мстители туркамъ, что въ духѣ тогдашнихъ нравовъ было обычаемъ священнымъ: поймемъ безъ доводовъ, вспомнивъ, что большая часть дракъ нашего удѣльнаго господства имѣла основаніемъ мщеніе. По этой причинѣ и для сподручности поживы отъ каравановъ торговыхъ, ходившихъ въ Русь съ Кавказа и отъ ногаевъ, и обратно, старые азовцы, послѣ розыска, могли усѣсться въ займищахъ Дона, выше Азова, верстъ за 100, начиная отъ устья р. Сала, гдѣ стоялъ развалившійся тогда городъ Ахасъ, вверхъ за Саркельскую переправу черезъ Донъ (выше нынѣшней станицы Цымлянской).—Тутъ захватывали они два пункта главныхъ древнихъ прибоевъ караваннаго проводничества отъ *Поля* (отъ Скиѳіи) и отъ степей задон-

скихъ (отъ Сарматіи), одинъ въ устьяхъ Сѣверскаго Донца, гдѣ были Кремны (Геродота), другой у саркельскихъ развалинъ, на древнемъ военно-колоніальномъ и караванномъ шляхѣ *сарматскомъ*—шляхѣ алановъ (асовъ), донынѣ извѣстномъ у донцовъ подъ именемъ шляха *еланскаго*. На этомъ протяженіи широкое ложе Дона, пересѣченное многими *ериками* (протоками), образующими острова, испещренное озерами, усѣянное густыми камышами, травами, а мѣстами тальникомъ и лѣсными рощами, обильное рыбами, птицами и звѣрями, было защитнымъ пристанищемъ и *кормильцемъ* казачества, было привольемъ и для ихъ конныхъ табуновъ и стадъ: здѣсь то они могли обезпечить свои подвижные дворы, юрты и зимовища, не терять изъ виду врага своего—Азова и имѣть около него торговую поживу. Что эта, а не другая часть Дона, была сначала занята казаками Азовскими, къ которымъ послѣ привалили сюда черкасы и казаки московской Руси, то замѣтно отражается въ породѣ ея насельниковъ. Казаки нынѣшнихъ донскихъ станицъ, отъ Бабской, вверхъ по Дону до Цымлянской, отличаются отъ прочихъ верховыхъ и низовыхъ болѣе черными, не рѣдко кудрявыми волосами, смугловатымъ цвѣтомъ лица, съ замѣтнымъ присутствіемъ въ нихъ азійскаго начала. Любовь ихъ къ черному цвѣту въ домашней одеждѣ, донынѣ сохраняющаяся, намекаетъ на какую то особенность и въ коренныхъ обычаяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оставшіеся на Дону азовскіе изгнанники, въ первыхъ годахъ участвовали въ наѣздахъ на русскіе украины съ ордынскими толпами, до того времени, когда усѣвшееся здѣсь русское казачество взяло надъ ними преобладаніе, а волею своею и массою дало дѣламъ общины другое направленіе (съ 1538 года).

Днѣпровскимъ черкасамъ, кіянамъ и севрюкамъ, изстари знакомы были пути донецкими степями и рѣкою Донцомъ къ низовьямъ Дона; вольныя товариства ихъ, большими и малыми „*кошами*“, человѣкъ по 50, по 100 и 200 хаживали подъ Азовъ

для боевыхъ промысловъ 5). Казачеству украйныхъ городовъ московской Руси, особенно рязанцамъ, тоже были хорошо извѣстны пути Дономъ къ Азову, куда отправлялись они малыми и большими *приборами,* или *станицами,* и какъ проводники торговыхъ судовыхъ каравановъ, и какъ боевые мстители ордынцамъ за набѣги. Со времени гоненія латинства на православіе, въ западной Руси товариства черкасовъ, кіянъ и севрюковъ, выходившія въ *Полѣ* и пробиравшіяся къ низовьямъ Дона, найдя тамъ враговъ Азова, старыхъ казаковъ Азовскихъ, могли постепенно осоюзиваться съ ними и *„прикошевыватъ"* къ ихъ юртамъ и зимовищамъ, или усаживаться кошами въ сосѣдствѣ особо, какъ пріятели, на широкомъ, привольномъ ложѣ Дона. Такъ основалась подъ Азовомъ точка опоры для *войнородной* колонизаціи вольнаго міра по-росьскихъ черкасовъ. Движеніе сюда товариствъ по духу казачества превратилось въ обычай: одни приходили и уходили, частію гибли здѣсь, а на мѣсто ихъ являлись другіе и община быстро росла болѣе и болѣе. Походы черкасовъ на Донъ дѣлались рѣкою—Сѣверскимъ Донцомъ.

Чтобы укрыться на *Полѣ* отъ набѣга крымцевъ, они перетягивались отъ Днѣпра къ лѣсамъ Донца степями, вдоль украинъ западной Руси, и на Донцѣ, у Святыхъ горъ, и выше и ниже ихъ, заводили въ лѣсахъ *притоны* и *зимовища* для своихъ кошей. Тутъ строили казаки и струги; и весною, судами и конные, проходили отсюда рѣкою Донцомъ, укрываясь горами правой стороны ея къ Дону, въ урочища Геродотовыхъ *Кремнъ.* Годъ отъ года, путь этотъ дѣлался болѣе и болѣе торнымъ для казачества. Черкасы и севрюки стали разставлять по Сѣверскому Донцу зимовища своихъ товариствъ, и такимъ образомъ завели въ поперегъ страшнаго *Поля* дозорную цѣпь отъ крымцевъ и ногаевъ.

Въ первой половинѣ XVI вѣка становища донецкія сдѣлались

5) Дѣла Кр. кн. № 2 стр. 861. 1502 г.

уже устойчивыми. Спустя двадцать лѣтъ, въ 1570 г., они могли служить уже путемъ московскаго посланника Новосильцева, ѣхавшаго въ Константинополь на Азовъ. Прибывъ въ Рыльскъ, а изъ него, на провеснѣ, пробравшись къ Донцу въ *„зимовище Мишки Черкашенина“*, посланникъ перевезенъ былъ отсюда казаками на стругахъ въ Азовъ 6). Въ этомъ же году, крымскій ханъ, на походѣ къ Астрахани, разорилъ на Донцѣ городокъ атамана Ивана Мотякина, заставъ въ немъ только 40 казаковъ; но до того считалъ это важпымъ, что хвалился турецкому султану, говоря будто бы побилъ тутъ тысячъ съ пять казаковъ 7).

Приваливая къ Дону, черкасы и севрюки спущались по немъ все ниже и ниже, располагаясь кошами едва не до самыхъ воротъ Азова 8).

Въ послѣднихъ годахъ первой половины XVI вѣка (съ 1538 г.), станы и зимовища черкасовъ на Дону уже основались твердо: они были самыми нижними и доходили до Кобякова городища, 9) гдѣ нынѣ Аксайская станица, спущаясь даже до выхода изъ Дона и Мертваго Донца. Самыя горы, лежащія здѣсь по правому берегу Дона и вдоль Мертваго Донца, до Азовскаго моря, назывались тогда—*Черкаскими* 10). Въ этихъ низовьяхъ остались незабвенными памятниками первыхъ приваловъ казаковъ-черкасовъ два имени—*Монастырскій островъ* и *городъ Черкаскъ*, какъ завѣтное тождество ихъ днѣпровскаго города Черкасовъ и какъ Мо-

6) Дѣла Тур. кн. № 2, листъ 2—38.

7) Дѣла Турец. кн. № 2, листъ 103.

8) Дѣла Турец. кн. № 2, листъ 329. 1585 г. Дон. Благ.

9) Дѣла Турец. кн. № 2, листъ 40, отп Новосил. 1570 г. тѣхъ же дѣлъ ст. сп. Нов. лист. 134, тѣхъ же дѣл. № 2 Наказ. посл. Благову луст. 288—299.

10) Дѣл. Ногайск. 1586 г. 20 Сентября тетрад. № 10 отъ Ѳедора Лобанова-Ростовскаго.

настырскаго острова на Днѣпрѣ 11). Вслѣдъ за утвержденіемъ становъ Днѣпровскихъ казаковъ, въ теченіи 14 лѣтъ правленія боярской думы (съ 1533—1547 г.), происходили безпрестанные и большіе на Донъ привалы, какъ и выше сказали мы, казацкихъ станицъ изъ Московской Руси, особенно изъ области Рязанской. Смѣльчаки приходили и рѣкою на стругахъ и степями конные,— размѣщались вольно, гдѣ кому нравилось: одни мѣшались съ черкасами и севрюками, какъ видно по велико-русскимъ прозваніямъ многихъ атамановъ низовыхъ становищъ въ половинѣ XVI вѣка 12); другіе съ азовцами, иные, особенно станицы большихъ *приборовъ* усаживались особо.

Этотъ второй приходъ былъ такъ замѣтенъ въ общинѣ, что вслѣдствіи второго большаго прихода произошло раздѣленіе казаковъ на „*старыхъ* и *новыхъ*“, какое видно даже и въ царскихъ къ нимъ грамотахъ, писанныхъ въ 1584 году 13). До 1552 года, какъ видно изъ актовъ, казачьи станы вверхъ по Дону раскидывались не очень далеко за саркельскую переправу. Въ это время ногайцы улуса мурзы Исмаила имѣли еще по лѣвой сторонѣ Дона зимовища свои, но, по теченію его, однако-жъ не ниже рѣки Медвѣдицы 14). Тутъ, на пескахъ, между Хопромъ и Медвѣдицею, ногайскіе наѣздники не только могли свободно ходить, но при возвратѣ изъ набѣговъ на русскія украины, по устали коней, располагались даже для зимовки 15). Ясно, что въ это время ни станы Донскіе, ни сторожевые разъѣзды отъ становъ въ зимнее время сюда еще не проникали.

---

11) Крым. дѣл. стат. спис. кн. № 15. листъ 37—1571 г. о монастыр. островѣ Кар. т. VIII. Примѣч. 554 и примѣч. 561.

12) Дѣл. Тур. кн. № 2, лист. 221.

13) Дѣл. (Ногайск.) Донск. грам. царя Θеодора.

14) Дѣл. Ногайск. кн. № 4, лист. 125.

15) Дѣл. Ногайск. кн. № 4, лист. 3.

Но какъ назывались и гдѣ стояли тѣ первые *„четыре городка“* Донскихъ казаковъ, о которыхъ, въ 1550 г., писалъ къ Іоанну IV Юсуфъ, въ актахъ того времени нѣтъ извѣстія. Позднѣе, чрезъ 20 лѣтъ, видны по актамъ городки въ четырехъ пунктахъ (1571—1593 г.): два изъ нихъ главные, называемые *Раздоры*: одинъ стоялъ подъ Кобяковымъ городищемъ и для отличія отъ другаго именовался *„Нижніе Раздоры“* или *„первая станица атаманская“* (разумѣя по пути отъ Азова); другой былъ въ устьяхъ одного изъ рукавовъ сѣверскаго Донца (сухого), близъ нынѣшней станицы Раздорской и именовался *„Верхніе Раздоры“* или Донецкіе Раздоры 16). Въ это же время видны по актамъ еще два городка—на Манычѣ да въ Черкаской (1592 г. становище Черкаское) 17).

Оба эти городки, конечно заключались въ числѣ тѣхъ четырехъ, о которыхъ писалъ Юсуфъ: какіе же были еще два изъ первоначальныхъ, нѣтъ возможности указать. Нижніе и верхніе Раздоры съ самаго начала составляли старѣйшинство въ союзѣ всѣхъ казачьихъ становищъ, возникавшихъ какъ по Дону, такъ и по Донцу; эти городки положили въ казачествѣ дѣленіе на *низовыхъ* и *верховыхъ*, или на *нижніе юрты* и *верхніе юрты*, имѣвшіе важное значеніе, какъ впослѣдствіи увидимъ; отъ верхнихъ Раздоровъ, внизъ по Дону, казаки назывались низовыми и удерживали

16) Дѣла Турец. кн. № 2 лист. 37 и 134—1570 г. Новосильц. отп. кн. № 3 лист. 89—98, отп. посл. Нащок. 1592 г. Дѣл. турецк. книга № 2 лист. 208 и 221—1571 г. наказ. посл. Ищеин.-Кузмин. и Кобякову кн. № 3, лист. 19. 1592 г. наказ. пос. Нащок. той кн. друг. отъ Нащок. листъ 89—98. Дѣла Ногайск. столб. 1587 г. грам. царя Ѳеодор. Іон. къ Ногайск. кн. Урусу. Дѣла Дон. въ столб. Гр. царя Ѳеодор. Іоан. 1584 Августа 31 и его-же гр. 1593 лист. 20.

17) Дѣл. Тур. кн. № 3 лист. 239 смотр. стат. спис. посла Нащокина 1593 г.

за собою старѣйшинство; а вверхъ по Дону—верховыми и считались младшими въ союзѣ донской общины. Мѣстопребываніе *главнаго войска*, или общаго сбора донскихъ казаковъ, никогда не дѣлалось выше верхнихъ Раздоровъ. Всѣ эти городки, какъ видно, основаны черкасами при первомъ союзѣ ихъ съ Азовскими казаками 18). Городокъ же Черкаскъ сдѣлался впослѣдствіи главнымъ; всѣ городки—Манычскій, Черкаскъ и Раздоры—крымскій ханъ въ 1592 г. называлъ новыми (смотр. отп. Нащок.). Замѣчательно только, что казаки въ первоначальную старину свою при пріемѣ русскихъ и турецкихъ пословъ, ѣхавшихъ въ Константинополь и въ Москву, дѣлали общій сборъ свой на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Черкаскъ, а пословъ ставили въ трехъ верстахъ выше по Дону на „*Гостинномъ островѣ*" 19).

Вотъ Сарыазманская казацкая Русь 1550 года съ ея городками—родоначаліе Донскаго войска.

Теперь скажемъ, что представляло собою это родоначаліе. Въ эту пору, а не въ другое время, въ этотъ вѣкъ переобразованія и увлеченія обаятельнаго матеріальнаго направленія, нужно явленіе исторіи казаковъ — людей искупателей всѣхъ благъ земныхъ народа русскаго. Души, глубоко проникающія сущность сѣверо-восточнаго стража на славу земли человѣчества, взглянувъ на кровавыя страницы лѣтописей славной жизни донцовъ, быть можетъ, поймутъ въ нихъ исконную Кіевскую Русь, и пощадятъ въ мысляхъ ея старые завѣты для блага будущаго Руси.

Изъ предшествовавшихъ обозрѣній нельзя не понять, что казачество сошлось въ низовья Дона по влеченію роковой чреды исторіи для борьбы съ врагами Руси за церковь и государство, а не безсмысленнаго удальства и *охотничества*, о какомъ твердили нѣкоторые писатели. Одинаковое чувство жертвы за *„вѣру*

18) Поясненіе въ примѣчаніи означеніи имени Раздоровъ.

19) Дѣла Тур. кн. № 3 лист. 89—98 отп. пос. Нащок.

Православную" и мести *невѣрнымъ* соединяло здѣсь вольныхъ выходцевъ изъ Литовской и изъ Московской Руси, съ самаго начала приваловъ ихъ, въ одно войнородное общество, въ которое вошли и остатки старыхъ азовцевъ—мстителей гонителямъ своимъ туркамъ. Люди, основатели этого общества, были прямыми представителями великаго, скиѳо-русскаго духа; наслѣдіемъ исконной *стражбы* востока Европы: они, въ восторженномъ героизмѣ своемъ, предавались такому самопожертвованію и отрицанію плотоугодливаго покоя, которое недоступно духу, годному лишь для ежедневнаго обихода, и представляли собою поэтическій цвѣтъ русскаго народнаго мужества въ отечественной современности, мужества изумительнаго въ лѣтописи человѣчества, умѣвшаго собственною волею и смысломъ, съ неотразимою силою, менѣе нежели въ тридцать лѣтъ, какъ разскажемъ послѣ, раскинуть завоеванія свои во имя владычества Руси, на безмѣрное пространство—отъ устья Дона и береговъ Терека, чрезъ Волгу и Яикъ, и за хребетъ Уральскій—до полунощныхъ странъ Китая и за Иртышъ—къ морю Ледовитому,—пространство, обширнѣйшее всего тогдашняго царства Московскаго. Это-то высокое чувство служенія Христу и царству православія, какъ духовное воззрѣніе, и было душою всѣхъ практическихъ дѣйствій зачатка донскаго общества и его разумнаго стремленія къ развитію. Сами донцы, впослѣдствіи, высказали такую основу войскового существованія своего, высказали просто, искренно, „за православную вѣру, Государь",—писали они не одинъ разъ: „стоимъ мы противъ „недруговъ твоихъ крѣпко и неподвижно до конца живота своего; „за тебя, государь, умираемъ, вся любимая свѣта сего отставя, „и тѣлеса своя презрѣвъ" 20). Начальные дѣятели этого общества были лица различныхъ званій стараго порядка русской государственной жизни изъ людей „*лучшихъ, середнихъ и черныхъ*",

20) Дѣл. Тур. въ столб. № 5 отп. Дон. казаков. 1630 года.

были городовые бояры, дѣти боярскіе 21) и всякіе люди *служилые* городовые и сельскіе. Черкасы, кіяны, севрюки составляли большинство въ зачаткѣ общества и стояли во главѣ его. Не одни тѣ приходили на Донъ казаковать, которымъ нечего было терять на родинѣ (бобыли, байгуши), или тѣ, для которыхъ не оставалось въ жизни ничего больше, какъ только, по казацкой поговоркѣ, „*идти, куда очи несутъ*“, но и люди, имѣвшіе свои *подворья, женъ и дѣтей*“. Человѣкъ, глубоко впечатлительный, къ Христовымъ словамъ, надѣленный чувствомъ или сознаніемъ человѣческаго достоинства, человѣкъ съ сердцемъ, лихой конникъ, отважный лодошникъ, мѣткій стрѣлокъ, шли сюда, окружаясь бѣдами своей отчизны, извнѣ отъ враговъ ордынцевъ, а внутри (на западѣ) отъ латинскаго соблазна и (на востокѣ) отъ ужаснаго неправосудія и насилія бояръ и намѣстниковъ, которые (въ правленіе боярской думы) во многихъ областяхъ, по выраженію современника, „*свирѣпствовали какъ львы*“ надъ правомъ и достояніемъ гражданъ беззащитныхъ, заставляли ихъ разбѣгаться, куда глаза глядятъ, даже въ самыхъ святыхъ обителяхъ искали добычи съ лютостью могольскихъ хищниковъ 22). Человѣкъ налагалъ на свою душу какъ-бы оброкъ принести ее въ жертву за собратій христіанъ и шелъ въ низовья Дона, чтобы загородить собою пути „*нехристямъ*“, гонявшимъ изъ Руси на азовскій базаръ плѣнниковъ, какъ стада безсловесныхъ, десятками и сотнями, съ женами и дѣтьми, связывая ихъ веревками. „Человѣкъ самый нечувствительный,—говоритъ современникъ Бопланъ, не могъ-бы равнодушно смотрѣть (при дѣлежѣ татарами плѣнниковъ) на разлученіе мужа съ женою, матери съ дочерью, лишающихся надежды когда-либо свидѣться, поступающихъ въ тягостное рабство невѣрныхъ,

21) Дѣл. Крым. кн. № 4—1572 г. лист. 24 (на оборот.) спис. Севрюка Клависова.

22) Кар. Т. VIII. стр. 51 и 52.

которые, по варварству своему, дѣлаютъ надъ ними всякія неистовства, насилуя дѣвицъ, женъ, въ присутствіи отцевъ, мужей; обрѣзывая дѣтей для введенія ихъ въ магометанство. Словомъ, самое холодное сердце содрогнулось-бы, слыша радостный крикъ, пѣніе, среди вопля и стона злосчастныхъ русскихъ, отправляемыхъ въ Константинополь, въ Крымъ, въ Анатолію и проч.“ 23).

Все общество Донского казачества сначала состояло изъ „*товариствъ*“ или „*станицъ*“ разныхъ „*приборовъ*“—*большого* и *малаго*, какъ тогда говорили, съ своими атаманами, сначала независившими одинъ отъ другаго, не связанныхъ общимъ союзомъ. Отторгнувшись отъ среды отечествъ, далеко за предѣлы ихъ, и усѣвшись въ пустынѣ, славной двадцати вѣковыми кладбищами племенъ героическихъ и развалинами городовъ, нѣкогда богатой и могучей козаро-русской монархіи, въ пустынѣ, обильной дарами природы, одаренной умѣреннымъ климатомъ, но окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, донскія станицы, отъ основной геройческой идеи, естественно, скоро пришли къ другой идеѣ—общаго всѣмъ имъ интереса—устойчивости „*окошевинной*“, или занятой земли. Отсюда, казачество всѣхъ станицъ слилось въ одну сословность, въ одинъ общій союзъ, и скрѣпилось духомъ взаимнаго братства,—братства суроваго, но тѣмъ не менѣе горячаго, сильнаго; стало повиноваться, во имя этого братства, собственному уставу простому, неписанному, но твердому, могущественно подчинявшему себѣ всѣхъ безъ различія старшинства, уставу мудрому, который недремлемо охранялъ цѣлость и силу общества и при этомъ не стѣснялъ смысла и воли каждаго къ полному разгулу. Такъ, съ самаго начала, общество донцовъ стало жить отдѣльною, своеобразною жизнью. По наружности, жизнь эта представлялась буйными ставками воиновъ, безъ порядка,

23) Бопланъ, стр. 48, истор. малорос. Т. I стр. 339.

безъ власти; но кажущаяся нестройность, проникаясь единствомъ мысли и стремленія, имѣла и въ этой мысли предержащую власть свою, уставлявшую, когда было нужно, общимъ *„казацкимъ присудомъ“* живого, неписаннаго слова, строгій порядокъ, съ страшною, жестокою карою ослушниковъ и измѣнниковъ: короче, въ этой жизни ясно былъ видѣнъ могучій зародышъ славнаго народа. Находясь въ борьбѣ съ нуждами и лишеніями, съ дикою природою, съ врагами ненавистными, общество это, силою воплощенной въ немъ великой идеи, превозмогало всѣ препятствія, быстро крѣпло, росло и развивалось. Въ два вѣка самобытной исторіи своей, оно, какъ разскажемъ впослѣдствіи, имѣло нѣсколько эпохъ своей жизни, изъ которыхъ каждая проявила въ себѣ отличительный характеръ, а всѣ представляютъ стройное цѣлое, полную жизнь народа. Самый бытъ родоначальниковъ донцовъ представлялъ ихъ людьми особыми, непонятными до страха современникамъ, не выходившимъ изъ обыкновеннаго круга гражданскаго: одинокіе, безбрачные, или безсемейные, встрѣчая и провожая каждый день въ бранной осторожности, тревогѣ, битвѣ, они пріобрѣли отвагу до безбоязненности смерти, или точнѣе, до любви къ смерти, развили ту высокую свободу души, которая презирала обыденныя, пошлые побужденія—стяжаніе, малодушіе, себялюбіе.— Двѣ казацкія поговорки — одна въ духовномъ отношеніи—*„день мой, вѣкъ мой!“*—другая въ бытовомъ—*„хоть жизнь собачья, такъ слава казачья“*,—выразительно объясняютъ высокій, скиѳорусскій духъ и характеръ донскихъ витязей, и то восторженіе ихъ *„своею атаманскою и молодецкою славою“* и жизнью, о которой они говорили, что *„всѣ земли нашему казачьему житью завидуютъ“* 24). Имъ надлежало быть такими; иначе, они не совершили бы своего призванія на землѣ.

Важнымъ содѣйствіемъ къ укрѣпленію донскихъ станицъ въ

24) Дѣл. Донск. въ столб. 1637—1638.

въ одномъ общемъ союзѣ было вліяніе на нихъ московскаго правительства.—Въ первыхъ годахъ появленія донцовъ Москва весьма мало знала о нихъ, однакожъ, хотя не ясно, не положительно, поняла глубокое стремленіе этихъ витязей и не мѣшала развитію ихъ порыва. Но, по тогдашнему государственному положенію своему, она должна была принять, какъ и въ предшествовавшей главѣ замѣтили мы, такую мѣру въ политикѣ, чтобы при сношеніяхъ съ сильными сосѣдями магометанами налагать на казаковъ нареканіе за завладѣніе Дономъ и отрицаться отъ нихъ, говоря хану Крымскому и князьямъ и мурзамъ ногайскимъ, и султану турецкому: „нашихъ казаковъ на Дону нѣтъ; а живутъ тамъ бѣглые люди нашего государства и литовской земли“ 25); а на самыхъ казаковъ дѣйствовать ласкою и покровительствомъ. Увидимъ, при изложеніи послѣдующихъ событій, что въ дипломатиматическихъ сношеніяхъ Москвы съ Турціею и Крымомъ, въ одно и тоже время одними и тѣми же послами и гонцами посылались казакамъ грамоты, которыми поощрялись они къ нападеніямъ на крымцевъ и азовцевъ, посылались *зелье* и свинецъ, а султана и хана велѣно увѣрять, что казаки люди воры *„безгосударные“* 26). Такъ, московскій дворъ, съ первыхъ годовъ появленія станицъ на Дону, обратилъ на нихъ вниманіе, и началъ вліяніе свое осторожно, благоразумно. Отправляемымъ въ Крымъ и Турцію, чрезъ Азовъ, посламъ и гонцамъ, дѣлались наказы, чтобы ѣхали на *Полѣ* и по Дону *«бережно и остороживо»* 27) и какихъ «атамановъ и казаковъ наѣдутъ на Дону», то *государевымъ словомъ говорить* имъ, чтобы *послужили государю* 28); когда нужно будетъ—посылали бы къ нимъ впередъ людей

25) Дѣл. Крымск. кн. № 14, лист. 419—1578 г.

26) Дѣл. Тур. кн. № 2, лист. 384.

27) Турец. дѣл. кн. № 3, лист. 19.

28) Дѣл. Тур. кн. № 2—1569 г., лист. 34.

своихъ договариваться, «*чтобы пропустили и проводили безъ всякой зацѣпки*» 29); оказывать имъ ласки и «*выбравъ лучшихъ атамановъ и казаковъ, которые вольнѣе во всемъ Дону*», давать такимъ лучшіе подарки—сукна на кафтаны, а прочимъ сукна середніе и *рославскіе*, а всѣмъ раздавать *зелье и свинецъ въ раздѣлъ*; убѣждать, чтобы подстерегали крымцевъ и азовцевъ въ набѣгахъ на русскія украины и, когда объ этомъ развѣдають, то присылали-бы вѣсти къ государю, а сами промышляли надъ ними на Дону и на Донцѣ 30)· увѣрять казаковъ, что за службу ихъ и «*радѣнье*» государь пришлетъ къ нимъ свое жалованье 31). Этимъ же лицамъ поручаемо было замѣчать, въ какихъ мѣстахъ «*найдутъ казаковъ*», узнавать сколько ихъ, гдѣ находятся и кто у нихъ начальные люди. Болѣе десяти лѣтъ дворъ московскій имѣлъ съ родоначальниками донцовъ только въ такомъ видѣ сношенія; но слѣдствія ихъ были весьма важны. Сношенія эти снабдили дипломатовъ московскихъ нужными свѣдѣніями о донцахъ; скрѣпили связь казаковъ съ отечествомъ; утвердили ихъ въ стремленіи противъ враговъ—ордынцевъ и турокъ; усилили между станицами и ихъ людьми начальными общій союзъ, составлявшій имъ путь къ войсковому единству и метрополіи, по распространеніи казачества на юго-востокѣ.

Когда же Іоаннъ IV съ 1570 г., сколько извѣстно по сохранившимся въ актахъ указаніямъ, сталъ писать къ донцамъ грамоты отъ своего царскаго имени, оканчивавшіяся выраженіемъ (которое обратилось въ форму): „*и вы бъ атаманы и казаки о*

29) Тоже, лист. 329. Дѣл. Крым. стат. спис. № 17—1589 года. Выпис. изъ наказ. гонцу, послан. въ Крымъ Петр. Зеновьеву, лист. 239—243.

30) Дѣл. Тур. кн. № 3, (1592 г.) лист. 19.

31) Дѣл. Крым. стат. спис. Наказ. гонцу Петру Зеновьеву 1589 года.

нашихъ дѣлахъ промышляли; а какъ намъ послужите и мы васъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ" 32): тогда союзъ донскихъ станицъ облекся въ войсковое (корпоративное) достоинство политическаго значенія, величаво ласкавшаго геройческій духъ его витязей; получилъ новую могучую силу привлеченія къ себѣ новыхъ дѣятелей, которые изъ всѣхъ областей Руси устремлялись сюда какъ на служеніе отечеству. Убитые, потонувшіе, пропавшіе, искалеченные замѣняемы были съ избыткомъ свѣжими находниками, свычными съ боевымъ ремесломъ и преданными отвагѣ: тутъ принимались всѣ безъ различія, откуда кто пришелъ. Съ этой поры, въ жизни донскаго общества, яснѣе и положительнѣе потекло сознаніе тѣхъ трехъ основныхъ элементовъ, на которыхъ построилась самобытность его исторіи, и которые такъ замѣтно чувствовались донцами и въ ихъ быту и въ политическихъ дѣйствіяхъ: „*мы живемъ милостію Божіею, государевымъ счастіемъ и своимъ казацкимъ молодечествомъ*" 33); такъ обыкновенно отзывались казаки, когда нужно было, и въ своихъ „*бесѣдахъ*" и въ войсковыхъ отпискахъ. Ясно, что это выраженіе тѣхъ же самыхъ трехъ элементовъ—вѣры, монархіи и народности, которыхъ недавно доискались наши мыслители въ исторіи русскаго народа. Къ чести казачества скажемъ, что оно чистымъ сердечнымъ смысломъ своимъ, болѣе нежели за два вѣка, предупредило въ этомъ открытіи научное вѣдѣніе.

Войдя такъ благородно въ область политики, донское общество стало рости быстрѣе и быстрѣе, раздвигать поле своихъ дѣйствій шире и далѣе. Каждый годъ оно или разоряло улусы крымцевъ и ногаевъ, или, засадивъ удальцовъ своихъ по „*сакмамъ*", на „*перевозахъ*" и „*бродахъ*", внезапно губило татарскихъ хищниковъ, возвращавшихся изъ набѣговъ на Русь и отнимало у нихъ

32) Собр. Госуд. гр. 11, 62 и Кар. Т. IX, стр. 348.

33) Такіе отзывы старинныхъ донцовъ встрѣчаются во многихъ отпискахъ ихъ, и грамотахъ XVII вѣка.

плѣнныхъ христіанъ; или стѣсняло нападеніями Азовъ до того, что *„брало съ него оброкъ и не давало врагамъ пить воды изъ Дона“* 34). Такія губительныя движенія мало что заставили крымцевъ и ногайцевъ всѣ дипломатическія сношенія свои съ Іоанномъ наполнять жалобами на казаковъ; но даже вынудили хана сильно настаивать объ удаленіи ихъ съ Дона. Іоаннъ отрицался отъ донцовъ по принятой политикою его формулѣ.

Завладѣвъ такимъ угломъ древняго *Поля*, гдѣ смыкались предѣлы всѣхъ владычествъ тогдашняго магометанскаго юго-востока, гдѣ Азовъ былъ воротами ихъ для прибѣжища къ покрову турецкаго могущества, родоначальники донцовъ недовольно того, что загородили собой эти ворота, но не замедлили двинуть станичныя дружины свои съ разумными и отважными атаманами на востокъ къ другимъ важнымъ пунктамъ *„невѣрныхъ“*, по направленію древнихъ *шляховъ* уральскаго (Гетманскаго) и дербентскаго (Мидійскаго), туда, гдѣ гнѣздились еще знатные владыки ордынскихъ улусниковъ. Разрушительнымъ ураганомъ пронеслись казацкія дружины въ странахъ при-Каспійскихъ. Одна, разгромивъ заволжскихъ ногаевъ и размѣтавъ столицу ихъ *Сарайчикъ*, стала на Яикѣ (Уралѣ) и сдѣлалось зародышемъ *Яикскаго казачьяго войска*, образовавшаго *„стражбу“* противъ ордъ, которыя бродили за Яикомъ и моремъ Каспійскимъ. Другая, сокрушая татаръ въ предгорьяхъ Кавказа и по западному берегу Каспійскаго моря, усѣлась на Терекѣ и стало зародышемъ *Терскаго казачьяго войска*, образовавшаго препону магометанамъ въ движеніяхъ ихъ отъ Константинополя къ Дербенту и отъ Кавказа къ Руси. Такъ, еще въ юности донское общество сдѣлалось метрополіею этихъ двухъ войнородныхъ колоній. Обѣ они, около полутора вѣка, существовали самобытно, въ непрестанной дракѣ съ врагами; обѣ покорствовали своей метрополіи и зависѣли отъ ней. Еще не все. Не-

34) Дѣла Ногайск., кн. № 4, лист. 39—41, 1551 г.

много ранѣе, третья станичная дружина—*Ермаковская* понеслась далѣе въ глубь востока, въ бураны Сибири, покорила царство *„людей невѣдомыхъ“* и этимъ царствомъ *„била челомъ Іоанну IV“*:

Всѣ эти безпрестанныя битвы, вся эта отважная разстановка христіанскихъ станицъ между улусами воинственныхъ ордынцевъ, всѣ эти подвиги завоеваній, совершенные казацкими дружинами, одна отъ другой отдѣльно, независимо, безъ громоздскихъ снабженій, съ однимъ ломтемъ хлѣба, или горстью *толокна въ сумахъ перемѣтныхъ*, какъ-бы только для *„гарцовитой“* потѣхи наѣздничества, сливались въ одну общую великую мысль—разширенія или возстановленія предѣловъ Руси до рубежей прародительницы ея Казаро-русской монархіи, мысль, конечно, несознательно, не исторически, но какъ-бы инстинктивно, или, вѣрнѣе, духовно возникавшую въ человѣкѣ русской натуры и упорно имъ выполненную.

Спросили бы тогдашняго казака, для чего онъ всю жизнь свою воевалъ, лилъ кровь, для чего устарѣвшій, искалѣченный или заключался въ монастырь, или налагалъ на себя обѣтъ идти на поклоненіе пѣшкомъ тысячи верстъ отъ своихъ Раздоровъ и Черкаска до *„Соловковъ“* (Соловецкаго монастыря), онъ съ сердечнымъ самоотверженіемъ сказалъ бы, какъ говорило и все войско: *„чтобъ бусарманская вѣра надъ нами не посмѣялась* 35); *чтобъ государевой вотчины пяди не поступиться“* 36). Всякой клочекъ земли, гдѣ донецъ становилъ твердо свою ногу, приносилъ онъ въ даръ царю православному и называлъ эту землю

35) Дѣл. Дон. въ столб. 1637 и 1638 г.

36) Дѣла Донск. въ столб. 1637—1638 г. смот. вышеприведенныя распросныя рѣчи войсковаго атамана Михаила Татарина и есаула Петра Шадѣева 4 апрѣля 1638 г. Дѣла Донск. въ столб. 1639 г. см. вышеприведен. распросныя рѣчи Ливенца Кожухова въ Москвѣ 14 апрѣля 1641 г.

его *„вотчиной"*. Такъ вся эта разстановка казацкихъ станицъ провела собой отъ Тавриды до Азова, до предгорій Кавказа, а оттоль чрезъ устья Волги, Яика, до снѣжныхъ порѣчьевъ Сибири, живую, вѣчно дѣйствовавшую чреду провозвѣстниковъ и поборниковъ Христа въ степяхъ магометовыхъ, чреду *„стражбы"* царства православія, стражбы предпріимчивой, отважной, неукротимой, являвшейся какъ вихрь, гдѣ былъ татаринъ, сокрушавшій татарина, и изчезавшей съ поля въ овраги, камыши, лѣсъ, или въ свои городки до новаго поиска. Эта чудная, войнородная, мыслящая чреда, сама собою, прирѣзала къ московскому государству древнее, искони *страшное* Поле, и, заслонивъ собою отъ враговъ всю южную украину тогдашней Руси, доставила ей возможность вздохнуть отъ губительныхъ набѣговъ, оживиться тишиной, укрѣпить себя для безопасности; и начать раздвиженіе градожительства далѣе къ югу; прирѣзала въ то время, когда, какъ замѣтилъ исторіографъ нашъ—„Іоаннъ, имѣя триста тысячъ доб„рыхъ воиновъ, терялъ наши западныя владѣнія, уступая ихъ „двадцати тысячамъ полумертвыхъ ляховъ и нѣмцевъ 37)"...

Мы сказали, что правительство московское, съ самаго появленія станицъ на Дону, начало сознавать государственную услугу казаковъ, хотя осторожно и скрытно отъ сосѣдей—ордынцевъ; но современники вообще совсѣмъ не понимали ни значенія, ни звязи, ни цѣли этого явленія. Болѣе тысячи верстъ отъ Москвы удалены были станицы донцовъ, и что, сначала, мыслили казаки въ своихъ *„бесѣдахъ"* и *„кругахъ"*, что дѣлали въ своихъ *„присудахъ"* и наѣздахъ, въ Россіи ничего не знали. Укоренившееся изстари, отъ временъ половецкихъ, а еще глубже страшное мнѣніе о *Полѣ* и ходило въ народѣ неизмѣннымъ, какъ вѣрованіе. Объ этой пустынѣ распущались въ Руси вѣсти отъ промышленниковъ и купцовъ, которые говорили только о грабежахъ на ней:

37) Кар. Т. IX. 370.

перепуганные, они, какую бы вооруженную ватагу не увидѣли на порѣчьяхъ Дона, безъ разбора, называли казаками, а казаковъ представляли ворами и свирѣпыми разбойниками. Любопытные, грамотные современники (первой половины XVI вѣка), когда еще сильно наѣздничали на Полѣ крымцы и азовцы, по духу такихъ извѣстій и молвы, вносили въ свои лѣтописныя сказанія случаи изъ дѣлъ казачьихъ, не иначе какъ въ тонѣ нареканія на ихъ сословность: тамъ-то и тогда-то *„воры казаки“* ограбили купцовъ, пословъ, разорили улусы крымцевъ, ногайцевъ и проч. и все съ одинаковымъ проименованіемъ *„воры казаки“*.—Это грубое невѣдѣніе, этотъ неразсудительный, неразборчивый взглядъ на казачество сдѣлался проченъ у грамотѣевъ до того, что они прежніе упреки свои продолжали еще слѣдовавшіе полвѣка, не обращая вниманія, что Москва, при извѣстіи о казацкомъ покореніи Сибири, съ живѣйшею радостью пѣла молебны благодарственные, звонила въ колокола, восклицая и во дворцѣ и на Красной площади *„новое царство послалъ Богъ Россіи“*; что послы, не только русскіе, но и турецкіе были уже провожаемы и охраняемы казаками по Дону; что *„судовики“*—торговые люди и промышленники изъ украйныхъ областей, каждое лѣто, большими караванами плавали по всему Дону, какъ въ Руси; что чрезъ раздвиженіе казачества до предгорій Кавказа князья черкескіе стали пріѣзжать на службу къ Іоанну IV со многолюдными конными дружинами 38); что вся южная украина, закрытая разъѣздами казаковъ по Полю, стала отдыхать отъ пожаровъ, плѣна, крови, слезъ. Такое заблужденіе грамотѣевъ превратилось какъ бы въ общественное наслѣдіе, которое, отъ одного поколѣнія къ другому, перешло даже до насъ. Не отвергаемъ, что въ тогдашнее время и позже отъ нѣкоторыхъ казацкихъ сборищъ *„шаткой“* воли, особенно отъ волжскихъ, подвергались ограбленіямъ и русскіе

38) Кар. Т. VIII. стр. 262.

купцы и промышленники; но это — частностныя уклоненія, по которымъ неразумно покрывать тѣнью нареканія цѣлую сословность. Гдѣ и въ какомъ государствѣ находится такая сословность, которая не имѣла бы своихъ воровъ и грабителей? — людей не спасаютъ отъ пороковъ государственныя различія, или классы.

Были и писатели, которые пустили въ ходъ историческое вѣрованіе: что происхожденіе донцовъ „*не весьма благородно*"; что значеніе казачества есть значеніе „*христіанской орды*"; и есть писатели, считающіе казачество „врагомъ единодержавія, видя въ немъ новый образъ стараго удѣльно-вѣчеваго начала Руси" 39). Исторія—судъ истины. — Великъ грѣхъ историковъ, разводящихъ хотя и неумышленно несправедливыя осудительныя взгляды на великія явленія отечественной народности, какъ явленіе казачества: по ихъ писаніямъ устанавливаетъ свои мнѣнія и вѣрованія масса отечественныхъ современниковъ и потомства: *великъ грѣхъ ихъ!*

Послѣ всего изложеннаго въ предшествовавшихъ I и II главахъ и въ этой, мы позволяемъ себѣ сказать:

1) Что происхожденіе донцовъ самое благороднѣйшее.

2) Что несообразно съ здравымъ смысломъ значеніе вольныхъ казацкихъ дружинъ, выходившихъ на жертву за праотеческую вѣру и царство и прирѣзавшихъ къ отечеству болѣе половины его пространства, ставить въ уровень съ значеніемъ орды.

3) Что у казачества, особенно у донскаго, царелюбивый духъ былъ душею всѣхъ его движеній; оно ненавидѣло вельможначаліе и боярство. Въ продолженіе всей самобытной жизни донцовъ, какъ увидимъ изъ послѣдующаго изложенія исторіи, никогда не возникала въ ней мысль отдѣлиться отъ своего отечества и составить особый народъ. Въ удѣльно-вѣчевой же Руси двигателями были два начала, не сходившіяся между собою—*гри-*

39) Отеч. зап. 1858 г. Ноября. Стр. 290 и 291.

ничное пришлое вельможно-боярское, стремившееся къ дробленію власти, къ особой вотчинѣ и *бесѣдное*-коренное, считавшее одного вотчинника когана (царя) „*существомъ счастія народнаго*“: это послѣднее начало и превратилось въ образъ казачества, какъ и прежде объяснено было.

Обратимъ еще вниманіе на соотвѣтствіе казачества западно-европейскому рыцарству. Въ главной идеѣ они тождественны: у обоихъ одна и таже святая возвышенная цѣль—борьба христіанства съ магометанствомъ. Самое существованіе казацкихъ обществъ (особенно Сѣчи запорожской) основалось на тѣхъ же понятіяхъ, на какихъ построились и рыцарскіе ордена: казачество, также какъ и рыцарство, связано было узами „*общины, вѣры и призванія или цѣли*“; каждый въ немъ обрекался обѣту *послушанія*. У донцовъ, какъ и у запорожцевъ, никто не составлялъ *лица* отдѣльнаго отъ всего общества (міра), т. е. у донцовъ отъ „*станицы или войска*“, у запорожцевъ—отъ *громады, или товариства*. Всѣ безъ исключенія атаманы, старѣйшины (старики), есаулы и простые казаки, или *молодцы*, пока считались въ казачествѣ, дѣйствовали непремѣнно міромъ, цѣлымъ обществомъ отъ имени своего казацкаго войска. Безбрачіе въ Сѣчи запорожской было строгимъ, положительнымъ правиломъ; у донцовъ, сначала, составляло оно только обычай, а впослѣдствіи, измѣнилось. Всѣ должности у донцовъ *въ войскѣ* и у запорожцевъ въ *кошѣ*, какъ и въ западныхъ орденахъ рыцарскихъ, были избирательными *вольными* голосами. Запорожцы нерѣдко назывались *лыцарями* (рыцарями); какъ и грамоты польскія и церковныя титуловали ихъ рыцарскимъ сословіемъ; донцы тоже любили величатся этимъ названіемъ.

Рыцарство и казачество существовали въ различныхъ сферахъ духовной и бытовой образованности. Преобладаніе въ западной, или римско-христіанской сферѣ духа начала Исавова и въ восточной, или византійско-христіанской духа начала Іаковлева

дало обоимъ поборникамъ Христа—рыцарству и казачеству—различные характеры, ясно отразившие въ себѣ отношенія разума ихъ къ вѣрѣ и направленіе къ бытовой нравственности, по кореннымъ своимъ началамъ. Въ рыцарствѣ геройческое служеніе святой идеѣ,—ни въ классической странѣ его Франціи, ни въ Германіи,—не возвысилось до того твердаго отрицанія благъ обыденной жизни и самопожертвованія, какими хотѣли они идти къ своему идеалу. Какъ въ самомъ разцвѣтѣ, въ XV вѣкѣ, такъ, впослѣдствіи, и въ полномъ развитіи, рыцарство запутывалось жаждою стяжанія, прелестью благъ земныхъ, плотоугодіемъ, въ самыя низкія побужденія, въ злодѣйства между собою, и въ грубый разбой: въ Германіи, какъ замѣчаетъ современникъ Адамъ Бременсковъ, „отъ золота, серебра, гордыхъ коней, бобровыхъ и куньихъ шубъ почти сходили съ ума". Необузданность, слабость нравовъ своихъ и чопорное разбойничество рыцари ухищрялись прикрывать только изобрѣтеніемъ утонченныхъ формъ вѣжливости и церемонности. Думаютъ, что идеалъ рыцарства былъ слишкомъ высокъ для современнаго человѣка; намъ кажется, что западный человѣкъ былъ тогда низокъ для этого идеала не по мужеству своему, а только по раціональному отношенію разума его къ вѣрѣ. Въ казачествѣ геройческое служеніе святой идеѣ возвышалось до величайшаго отрицанія бытовыхъ благъ и самопожертвованія. Оно, какъ увидимъ въ изложеніи событій исторіи донцовъ, и при разцвѣтѣ, и въ эпоху полнаго развитія самобытной жизни, не подавляло чистой сердечной вѣры въ свое призваніе ни стяжаніемъ, ни прелестью плотоугодія, впрочемъ не подвергая себя строгимъ правиламъ отшельнической жизни: сегодня отнимало золото у враговъ магометанъ и латинцевъ, завтра тратило его на выкупъ братьевъ плѣнныхъ православныхъ христіанъ, на пропитаніе и отправленіе ихъ въ Русь, или, въ часы веселаго самодовольствія, сорило имъ, какъ прахомъ; сегодня наряжалось въ бархатъ и камку, завтра топтало свои наряды, какъ вещь недостойную при-

вязанности; сердечно предано было благочестію, безъ утонченныхъ формъ соблюдало въ общежитіи братское дружелюбіе, чистоту въ семейныхъ нравахъ.

Наконецъ скажемъ наше соображеніе о Днѣпровскомъ и Донскомъ казачествѣ, какъ о послѣднемъ преемничествѣ и представительствѣ Геродотовыхъ царскихъ скиѳовъ (вашлидовъ)—прапраотцевъ геройческой Руси. Длинный двадцати вѣковой процессъ жизни востока Европы—отъ Геродота до XVI столѣтія—не уничтожилъ въ ней присущнаго бытія туранской *„стражбы“*, какая заключалась въ царскихъ скиѳахъ и какая отразилась въ преемникахъ ихъ казакахъ. Дивнымъ ходомъ событій новый скиѳо-русскій міръ—міръ черкасовъ—проявилъ начально цареваніе свое не въ другой части Руси, а въ той же самой, какая обхватывалась Геродотовыми вашлидами и даже въ тѣхъ же предѣлахъ, а именно—отъ Днѣпровскаго *Поросья*, гдѣ былъ священный Герросъ скиѳовъ съ ихъ державнымъ „Кампо-Санто“.—Уэст...кампо... кладбищемъ царей, на востокъ чрезъ *Поле* къ морю Азовскому и Дону до устья Сѣверскаго Донца (Сиргиза), гдѣ находилось грекоскиѳское *„торжище Кремны“*. И міръ черкасовъ, какъ и царскихъ скиѳовъ, раздѣлялся на двѣ части: на западную—Днѣпровскую, имѣвшую свою столицу на Поросьѣ—въ городкѣ Черкасахъ, и на восточную—Донскую, съ своею столицею—городкомъ Раздорами, не далеко отъ урочищъ Кремнъ, а послѣ (ниже по Дону)—городкомъ Черкасскимъ. Такъ, Провидѣніе, для охраненія перенесеннаго на сѣверо-востокъ Европы царства православія поставило двѣ стражбы не изъ духа находниковъ заморскихъ (варяговъ), денежниковъ добычи въ вотчину, но изъ духа людей туранцевъ, возрожденныхъ первобытнымъ, кореннымъ хранительнымъ геніемъ востока Европы,—одну для защиты и удержанія Исавовскаго напора съ запада, а другую для Измаильскаго съ востока. Замѣтимъ нѣкоторыя черты казацкихъ обычаевъ, какъ живое указаніе на ихъ скиѳское наслѣдіе. Верховное скиѳское боготво-

реніе *„Дѣвы“* замѣнено у казачества христіанствомъ; но въ его обычаѣ безбрачія виднѣется соотвѣтствіе языческому *дѣвочтительству*. *„Казанъ“ (котелъ)*, составлявшій у скиѳовъ завѣтную святыню ихъ братчинной народности, и у казацкой братчины былъ предметомъ завѣтнымъ, важнымъ: *по казанамъ (по кошамъ)* опредѣлялись частныя, бытовыя дѣленія казацкихъ станичныхъ общинъ. Вино, какъ у скиѳовъ, такъ и у казаковъ заключало самый жизненный, поэтическій символъ общиннаго союза 40) *„Руси есть веселіе—пити, не можетъ безъ того быти“*, сказалъ Владиміръ 41): скиѳы и казаки почитали важнымъ дѣйствіемъ распивать общинное (войсковое) вино 42). Скиѳское винолюбіе было пословицей древности: у спартанцевъ, кто хотѣлъ напиться по пьянѣе, говорилъ: *„налей по-скиѳски“* 43); казаки тоже любили этимъ похвалиться, говоря: *„налей по-казацки“*. Что иное могла представлять первоначальная *„Войсковая печать“* донцовъ, изображавшая *„еленя* (оленя) *со стрѣлою“*, если не знаменованіе священнаго языческо-геройческаго преданія, указывающаго на скиѳское служеніе Діанѣ, Артемидѣ (Таврійской), символомъ которой былъ олень, или лань.

Два царственныя лица—Стефанъ Баторій и Петръ Великій—безъ исторіи и единственно сочувственнымъ наведеніемъ славянскаго генія своего, угадали въ казачествѣ образъ коренной славяно-туранской Руси и эту мысль осуществили особыми регаліями, обозначившими въ казачествѣ его геройческую честь и гетманскую, или атаманскую власть. Вмѣстѣ съ знаменемъ креста Стефанъ далъ Днѣпровской *Радѣ* 44), а Петръ—Донскому *„Кру-*

---

40) Герод. IV—66.

41) Лавр. Лѣтопись Нестора стр. 36.

42) Герод. IV—66.

43) Герод. VI—84.

44) Истор. Малорос. Т. I. стр. 139.

гу“—*булаву* и *бунчукъ*—знамя древняго туранскаго владычества. Такъ и *Рада* и *Кругъ* своими клейнодами и регаліями представили въ себѣ два геройческихъ образа Руси—древней до—христіанскій и новый христіанскій. Петръ глубоко постигалъ минувшее и провидѣлъ будущее существо Донскаго Круга—какъ прототипа священно-братчинной и царево-любивой стражбы, прототипа тѣхъ аргусовъ русскаго воинства, которые берегутъ его *покой* и служатъ *„недремлющимъ окомъ его вождей“* 45), которые начинаютъ бой и кончаютъ бой, какъ прапраотцы ихъ—аланы, поклонники меча. Преобразуя всю Россію, онъ не тронулъ обычаевъ казачества. Донцы поняли мысль и любовь государя и отвѣчали на это разумною, благодарною рѣчью русскаго сердца: „мы взысканы, государь, твоею милостью паче всѣхъ подданныхъ:—до насъ не коснулся твой указъ о платьѣ и бородахъ. Одѣваемся мы въ платье русское и разное; *но нѣмецкаго* никто изъ насъ не носитъ и охоты къ тому не имѣемъ, развѣ будетъ твое изволеніе“. Какъ искренно и благородно въ этихъ словахъ отражается духъ и смыслъ прапраотцевъ—скиѳовъ Геродотовыхъ, ненавидѣвшихъ пеласгійство (миѳическую цивилизацію запада) и охранявшихъ отъ него отеческіе обычаи и вѣру сильно и жестоко 46).

По такому взгляду Великаго Петра на обычаи и служеніе донцовъ, и Екатерина II, и Александръ I, и Николай I торжественными грамотами *„утвердили ИМПЕРАТОРСКИМЪ словомъ* своимъ особность“ *всѣхъ правъ* и *преимуществъ* Донского войска и ненарушимость *настоящаго образа его служенія, покрытаго славою,* свидѣтельствуя, что все это пріобрѣтено трудами, заслугами и кровью отцевъ 47).

45) Торжеств. Грам. Александра 30 Августа 1711 г.

46) Герод. кн. IV. 76, 77, 78 и 79.

47) Грам. Войску: Екатерины 28 Іюня 1775 г., Александра, 30 Августа 1811 г. и 19 Ноября 1817 г. и Николая I, 23 февраля 1832 г.

Скиөы строили храмы одному только Арею, котораго кумиромъ былъ священный мечъ. Храмы не имѣли ни стѣнъ, ни покрова 48). Скажемъ что регальный кругъ донцовъ, въ нынѣшнемъ возрастѣ его, представляетъ величественный, единственный въ цѣломъ мірѣ храмъ христіанскаго Арея. Онъ какъ и Ареевы храмы скиөовъ, сложенъ не изъ камней, хитро сплоченныхъ въ столбы и стѣны, а изъ жертвъ казацкихъ поколѣній за вѣру, царей и отечество. Чуденъ этотъ храмъ въ землѣ русской! Въ немъ болѣе шестидесяти великолѣпныхъ знаменъ, пожалованныхъ восемью государями, съ изображеніями креста животворящаго и ликовъ св. угодниковъ и мучениковъ и орловъ двухъ-главыхъ; въ немъ и *бунчуки, и булавы, и насѣки*, и пергаментныя хартіи государей, и среди ихъ, какъ и въ Ареевомъ храмѣ скиөовъ, священный желѣзный мечъ Александра Благословеннаго—мечъ успокоитель всей Европы, сокрушившій гиганта царства разума. Этотъ священный мечъ Руси положенъ сюда *императоромъ* Николаемъ I *„въ награду непоколебимой вѣрности Донского войска“* и въ воспоминаніе того, что тѣлохранителями Александра I, до послѣдней минуты его жизни, были донскіе воины 49). „Есть тайны въ событіяхъ исторіи, которыя, не довѣдомо мысли и независимо воли людей, пролагаютъ дивныя знаменованія, разъясняющія минувшее и дающія залоги будущему:—они напечатлѣваются въ духовной области исторіи перстомъ Провидѣнія. Успокоитель всей Европы умираетъ (въ 1825 году) въ южномъ краю своего царства, въ Меотидѣ—странѣ патріархіи скиөо-русской,—среди послѣднихъ представителей Скиөіи, и отсюда тѣло его провозится чрезъ всю Россію въ сѣверную столицу ея, въ сопровожденіи донцовъ, подобно тому, какъ возимы были тѣла царей скиөскихъ по всему царству для почтенія сокрушеніямъ народ-

48) Герод. IV. 59 и 62.

49) Грам. Импер. Николая Донск. Войску, 19 Марта 1826 г.

нымъ 50). Это событіе важное, конечно, совершилось не случайно, когда и волосъ не падаетъ съ главы безъ воли создавшаго 51). Не случайно и мечъ Государя Благословеннаго положенъ въ регальномъ храмѣ донцовъ священнымъ свидѣтельствомъ непоколебимой вѣрности. Чуденъ этотъ храмъ въ землѣ Русской! „*Родъ преходитъ и родъ приходитъ*" 52). Кто знаетъ, что будетъ?

Но дотолѣ, пока западъ, утопающій въ духѣ Исавовскаго начала, не перестанетъ лить пушки, вымышлять ружья дальноцѣльной стрѣльбы, не раскуетъ мечей на серпы, люди, заслужившіе имя недремлющаго ока вождей русскаго воинства, не могутъ быть лишними въ землѣ Русской.

50) Герод. IV. 71 и 72.

51) Евангеліе Луки глав. 21 ст. 18.

52) Экклезіаста глав. I ст. 4.

ГЛАВА V.

События въ исторіи Донцовъ въ XVI вѣкѣ. Драки ихъ съ татарами и турками, участіе ихъ въ завоеваніи Московскимъ государствомъ двухъ главныхъ областей Козаро-Русской монархіи—Казанской и Астраханской. Казачество Днѣпра, Дона и Волги въ эту эпоху сливается духомъ въ одинъ союзъ общаго служенія Московскому государству и составляетъ собою оплотъ его. Грамота отъ царя Іоанна IV-го, привезенная на Донъ атаманомъ Маминымъ.

Мы сказали, какъ осуществилось общество донцовъ, представили главныя черты его образа и характера, показали его благородное вступленіе въ область политики, его истинно-рыцарское достоинство по идеѣ и самопожертвованію, теперь начнемъ изложеніе событій исторіи этого общества.

Большая скудость лѣтописныхъ и актовыхъ свѣдѣній лишаетъ возможности сказать подробно, гдѣ и какія были драки казаковъ съ татарами до 1550 года, или до утвержденія сарыазманскихъ городковъ на Дону. Но съ этого времени—именно предъ началомъ славной эпохи завоеванія Московскимъ государствомъ двухъ древнихъ областей, прародительницы его Козаро-русской монархіи, булгарской (казанской) и балонгіарской (астраханской), величаво открывается исторіи безпредѣльная арена кровавыхъ подвиговъ Донскаго казачества. Кромѣ поисковъ за татарами на степяхъ *Поля*, они стали дѣлать такія сильныя стѣсненія Азову и

нападенія на Астрахань и на Перекопъ, что привели въ сильнѣйшее безпокойство не только крымскаго хана, но и султана турецкаго—верховнаго властителя Тавриды и покровителя всего тогдашняго при-каспійскаго и волжскаго исламизма. Этимъ начинается великая религіозная драма юго-востока Европы въ половинѣ XVI вѣка. Донцы глубоко затрогиваютъ вниманіе исламской политики Бахчисарая и Константинополя, и приносятъ глубокую услугу Московскому государству, хотя совершенно не сознанную и можетъ быть даже не замѣченную современниками.

Эти дѣйствія донцовъ весьма сильно затронули вниманіе политики и были очень полезны государству Московскому, хотя и безъ сознанія о томъ современностью.

Іоаннъ IV, озабоченный подчиненіемъ своей власти злой Казани, видѣлъ въ нечаянной смерти царя ея Сафи-Гирея (1549 году) благопріятный къ тому случай и располагалъ: или покорить ее силою или дать ей властителя по своему вліянію, смотря на ходатайство о томъ союзника своего—знатнаго ногайскаго князя Юсуфа, отца Сююнбеки, вдовы царя Сафи-Гирея. Но вышло напротивъ: личный походъ Іоанна на Казань (1550 года) не удался; а какъ война съ Казанью должна быть и войною съ крымскимъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ, который считалъ себя покровителемъ казанцевъ, то Іоаннъ ожидалъ еще и ханскаго набѣга на Русь; однакожъ Саипъ, не смотря на тревожныя вѣсти о немъ въ Москвѣ, не приходилъ въ этомъ году 1), конечно потому только, что въ это же время затронутъ былъ донцами отъ степей у Перекопа. Дипломаты же и законники султана Солимана, по этимъ обстоятельствамъ, увидѣли въ новыхъ обладателяхъ Дона обширное значеніе. Слѣдствіемъ чего было, что Солиманъ, въ духѣ предчувствія о паденіи волжскаго и при-каспійскаго исламизма, возбуждалъ ногайцевъ дѣйствовать противъ казаковъ и

1) Кар. т. VIII. 116—122.

помочь Азову и Казани. Онъ въ 1551 году, чрезъ нарочнаго посла своего, писалъ и говорилъ мурзѣ Исмаилу: „въ нашихъ магоме-„танскихъ книгахъ пишется, что *пришли времена Русскаго ца-„ря Ивана*: рука его надъ правовѣрными высока. Ужъ и мнѣ „отъ него обида великая: *Поле* все и рѣки у меня поотымалъ, „да и Донъ у меня отнялъ, даже и Азовъ городъ *доспѣлъ* до „*пустоты*—поотымалъ всю волю въ Азовѣ. Казаки его съ „Азова оброкъ берутъ и не даютъ ему пить воды изъ Дона. „Крымскому же хану казаки Ивановы дѣлаютъ обиду великую, „и какую *срамоту* нанесли! — пришли, Перекопъ воевали. Да „его же казаки еще какую грубость сдѣлали—Астрахань взяли; „и у васъ оба берега Волги отняли и ваши улусы воюютъ.—И „то вамъ не *срамота-ли*?—какъ за себя стать не умѣете? Казань „нынѣ тоже воюютъ.—Вѣдь это все наша вѣра магометанская: ста-„немъ же отъ Ивана оборонятся за-одинъ. Вы вѣдаете, что те-„перь въ Крыму мой посаженъ ханъ,—какъ ему велю такъ и „сдѣлаетъ. По просьбѣ Астрахани, тоже пошлю царя; да и ка-„занцы ко мнѣ присылали же просить царя; и я изъ Крыма не-„премѣнно посылаю его. Ты бъ, Ислаимъ мурза, большую мнѣ „дружбу свою показалъ: помогъ-бы Казани людьми своими, и по-„собилъ-бы моему городу Азову отъ царя Ивана казаковъ. Ста-„нешь пособлять,—и я тебя въ Азовѣ царемъ поставлю, мнѣ же „помочь городу неудобно, находится далече“ 2).

Помогалъ-ли Исмаилъ Азову отъ донцовъ, неизвѣстно.

Іоаннъ узналъ о враждебномъ возбужденіи ногайцевъ Солиманомъ, по донесенію своего посла Тургенева, бывшаго тогда въ ногаяхъ 3), и съ началомъ 1552 года увидѣлъ уже новыя измѣны злой Казани 4), безъ сомнѣнія какъ плоды этого возбужденія.

2) Дѣл. Ногайск. Книг. № 4, лист. 39—41. 1551 г.

3) Тамъ-же.

4) Кар. т. VIII. 129—135.

Вольное казачество Дона и Волги, умѣвшее проникать въ совѣты *„невѣрныхъ“*, также не могло не знать о готовящейся для него бѣдѣ.

И Московскій царь и казаки стали противудѣйствовать ногайцамъ.

Но главное надлежало спѣшить сокрушеніемъ Казани. „Богъ видитъ мое сердце“, говорилъ Іоаннъ своей думѣ, объявляя ей о новомъ походѣ казанскомъ, „хочу не земной славы, а покоя христіанъ“ 5) и немедленно приступилъ къ дѣлу.

Исмаилъ, Юсуфъ и другіе знатные князьки ногайскіе, находя выгоды въ торговлѣ съ Россіею, не хотѣли войны; но многіе мелкіе мурзы слѣдовали призванію Солимана. Въ Астрахани, важной для купечества западной Азіи, властвовалъ Ямгурчей, который въ это время вызвался быть слугою Іоанновымъ, и въ 1552 году вошелъ съ нимъ въ договоръ 6). И такъ, вооруженіе Солиманово ограничилось только Крымомъ, гдѣ, вмѣсто Саипа, господствовалъ уже новый ханъ Девлетъ-Гирей, съ мелкими мурзами ногайцевъ.

Іоаннъ, для удержанія враждебныхъ мурзъ отъ покушеній на набѣги, послалъ на Волгу своихъ многихъ *казаковъ*. Когда же Исмаилъ Мурза остался недовольнымъ этимъ, то его увѣряли, что казакамъ велѣно *„дѣлать недружбу“* тѣмъ только мурзамъ, которые намъ *„лихо мыслять“* 7). Вмѣстѣ съ тѣмъ, раннею весною 1552 года, поспѣшно открыто рѣшительное вооруженіе на Казань. Хотя движеніе войска на время задержалось сильнымъ вторженіемъ въ русскія украйны хана Девлетъ-Гирея; но онъ, разбитый

---

5) Кар. т. VIII. 135—136.

6) Кар. т. VIII. 139—140 и дѣл. Ногайск. книг. № 4 лист. 70. 1552 года.

7) Дѣл. Ногайск. книга № 4 листъ 52. 1551 год. и той же книги лист. 70 и на обор., 1552 г.

подъ Тулою, бѣжалъ изъ Россіи 8). И въ этомъ же году Казань, послѣ многихъ, сильныхъ приступовъ, завоевана окончательно 9).

Въ то время какъ происходилъ походъ къ Казани и война съ нею, вольное казачество Дона и Волги конными и судовыми дружинами нападало на ногайцевъ и на *„Полѣ“* и при рѣкахъ, вездѣ, гдѣ встрѣчало ихъ военныхъ людей, или звѣролововъ и рыболововъ, нападало и на улусы, отгоняя скотъ и лошадей. И такимъ образомъ удерживало враждебныхъ Россіи мурзъ отъ помощи казанцамъ и, хотя безъ связи, сильно содѣйствовало успѣхамъ царскихъ войскъ. Нападенія свои казаки продолжали и по завоеваніи Казани. Ногайскіе князья жаловались на казаковъ и на царскихъ и на вольныхъ, стоявшихъ по Волгѣ между ихъ улусами и нерѣдко переходившихъ и съ Волги на Донъ, и съ Дона на Волгу, и просили или унять ихъ отъ нападеній, или свести съ Волги. Іоаннъ, для отклоненія большаго негодованія ногайцевъ, особенно за грабежи ихъ пословъ и гостей 10), приказалъ свести своихъ казаковъ съ Волги и на непослушныхъ два раза посылалъ туда боярскихъ дѣтей съ военными людьми: въ первый разъ, въ 1554 году, Жолобова 11), а второй, въ 1557 году, Кобылева и Филимонова, изъ которыхъ первый долженъ былъ простоять цѣлое лѣто у Самарскаго устья, а второй у переволоки 12). При этомъ Исмаила Мурзу хотя и увѣряли, что вмѣсто прежнихъ поставлены будутъ на Волгѣ *казаки добрые,* ему на береженье, *въ которыхъ воровства нѣтъ* 13); но нападенія на ногайцевъ шли по прежнему.

---

8) Кар. т. VIII. 144—148.

9) Тамъ же 182,

10) Дѣл. Ногайск. книг. № 4 лист. 159, 161, 199 и 209.

11) Дѣл. Ногайск. книг. 4, стран. 269 и на обор. 1554 г.

12) Тамъ же книг. 5 лист. 7.

13) Дѣл. тѣ же книг. 4 лист. 325 и на обор.

Паденіе Казани приготовило слѣдствія къ паденію и Астраханскаго царства. Князь Юсуфъ, оскорбленный неудачнымъ ходатайствомъ у Іоанна за дочь свою Сююнбеку, возненавидѣлъ Россію, присталъ къ хану Девлетъ-Гирею и въ свой союзъ увлекъ астраханскаго царя Ямгурчея, обольщавшагося покровительствомъ султана Солимана. Ямгурчей разрушилъ договоръ данника Москвы и обезчестилъ въ Астрахани посла ея. Это обстоятельство и просьбы ногайскихъ мурзъ Исмаила и другихъ непріятелей Юсуфовыхъ, о возвращеніи Астрахани прежняго царя—изгнанника Дербыша, утвердили Іоанна въ намѣреніи покорить Астраханцевъ оружіемъ. Весною 1554 года послана туда сильная рать, подъ начальствомъ князя Пронскаго-Шемякина и постельничьяго Вешнякова. Прежде нежели войско это дошло до *переволоки*, донцы, узнавъ о его движеніи и желая доказать усердіе къ царю, явились тамъ къ царю въ значительной дружинѣ, съ походнымъ атаманомъ Ѳедоромъ Павловымъ. У переволоки присоединились они къ отряду, отправленному впередъ Шемякинымъ подъ начальствомъ князя Вяземскаго. — Близъ Чернаго острова, Вяземскій, встрѣтивъ толпу астраханцевъ, высланныхъ для развѣданія, побилъ ихъ и разогналъ. Узнавъ, что Ямгурчей стоитъ на пять верстъ ниже города, Вяземскій проникъ до его стана; но царь, страшась пораженія, укрылся бѣгствомъ. Въ станѣ найдены кинутыя пушки и пищали. Отсюда, для преслѣдованія бѣгущихъ, посланы сухимъ путемъ и водою отряды, въ которыхъ участвовали и казаки. Атаманъ Павловъ настигъ на пути сначала дочерей, а послѣ и женъ царскихъ у *Базцыжъ-Могака*, забралъ ихъ въ плѣнъ, а проводниковъ побилъ. Самъ Ямгурчей ускакалъ въ Азовъ только съ 20 воинами 14).

Князь Шемякинъ вступилъ въ Астрахань безлюдную. Дербышъ возведенъ въ ней на царство. Новый царь и народъ при-

14) Кар. Т. VIII. стр. 221—224 и примѣч. 408.

сягнули Іоанну, какъ верховному властителю и обязались вносить ежегодную дань. Для учрежденія порядка въ завоеванной землѣ назначенъ дворянинъ Тургеневъ съ казаками 15).

Но не долго Астрахань оставалась царствомъ особеннымъ; Ямгурчей, вспомоществуемый крымцами и ногайцами, въ 1555 году хотѣлъ завладѣть потерянною властью. Его снова прогнали казаки, находившіеся въ Астрахани. Въ слѣдъ за этимъ, самъ Дербышъ сдѣлался измѣнникомъ при содѣйствіи крымцевъ и дѣтей Юсуфовыхъ.—Провѣдавъ объ астраханской измѣнѣ, донской атаманъ Ляпунъ, прежде нежели пришло туда царское войско, явился (въ 1556 г.) съ храбрыми дружинами подъ городомъ. Измѣнники пришли въ ужасъ, бросили Астрахань и укрывались по улусамъ. Донцы вездѣ преслѣдовали бѣгущихъ, разгромили улусы, забрали много татаръ въ плѣнъ 16) и очистили путь пришедшему къ Астрахани стрѣлецкому головѣ Черемысинову, для довершенія завоеванія. Дербышъ, какъ и Ямгурчей, бѣжалъ (въ 1557 г.) въ Азовъ. Черемысиновъ привелъ къ присягѣ на вѣрность Россіи собравшихся въ городѣ жителей и улусы 17). Такъ, скоро послѣ Казани, пало и другое владычное гнѣздо остатковъ Батыевыхъ. Дивный порядокъ судьбы! Астрахань—древнѣйшая колыбель войны и торговли, патріархія южно-славянской образованности, знаменитая еще до основанія державы Россійской именемъ Козарской Атели или Балангіара, вошла во владѣніе государства Московскаго, не иначе какъ при участіи послѣднихъ представителей военныхъ силъ Козаріи.

Примкнувшись владѣніями къ Каспійскому морю, государство Московское пріобрѣло для себя новые источники богатства и силы: его торговля и политическое вліяніе расширились; его вольная пе-

15) Кар. Т. VIII. стр. 223.

16) Карамз. Т. VIII. стр. 224 и примѣч. 412.

17) Тамъ же стр. 225 и примѣч. 412.

редовая стража, казачество Волги и Дона, получила большую связь съ отечествомъ, большую возможность къ укрѣпленію. Купцы изъ Сарайчика, Хивы, Тюменя, Шавкала, Дербента и изъ Шемахи, стали пріѣзжать въ Астрахань: они платили пошлину Москвѣ 18). Движеніе же каравановъ ихъ по улусамъ ногайцевъ составляло *поживную* приманку и для казаковъ: они нападали иногда на караваны въ землѣ „ненавистныхъ имъ „*бусурмановъ*", не разбирая кому принадлежатъ товары, что было въ порядкѣ вещей тогдашняго времени. Древнѣйшее насажденіе между Каспійскимъ и Чернымъ морями вѣры Спасителевой, сохранявшееся еще тогда въ темныхъ преданіяхъ и нѣкоторыхъ обрядахъ 19), разбудилось новою любовью къ Нему, и у многихъ кавказцевъ проявило сочувствіе къ Руси: они ѣздили въ Москву креститься. Князья черкесовъ Пятигорскихъ *Мадшукъ* и другіе присягнули государю московскому и просили помочь имъ воевать владѣнія султанскія и Тавриду 20). Въ самомъ Днѣпровскомъ казачествѣ русское чуство его подогрѣвалось новою теплотою влеченія къ Москвѣ при новой славѣ ея: знатный польскій вождь днѣпровцевъ князь Вишневецкій, скучая военнымъ бездѣйствіемъ, по миролюбивому нраву польскаго короля Сигизмунда Августа, вызвался Іоанну быть слугою его съ казацкими дружинами своими 21).

Такъ въ эту эпоху казачество Днѣпра, Дона и Волги сливается духомъ въ одинъ союзъ общаго служенія государству Московскому и составляетъ собою оплотъ его. Въ это время (съ 1555—1565 г.), Донъ сталъ центромъ всего казачества.

Крымцы, паденіемъ Казани и Астрахани, приведены были въ ужасъ. Но ханъ Девлетъ-Гирей, въ надеждѣ на свои силы и

18) Кар. Т. VIII. стр. 227.

19) Кар. Т. VIII. стр. 417.

20) Тамъ же стр. 227 и прилож. 416.

21) Истор. Малорос. Т. I. стр. 127.

на помощь султана Солимана, хотя непрерывавшаго уваженія къ Іоанну, но таившаго глубокую непріязнь къ нему 22), злобно устремился отмстить Москвѣ за низверженіе царствъ единовѣрныхъ. Но между Тавридою и Москвою царевали наѣздами своими казаки—неукротимые враги исламизма. Еще въ то время какъ одни изъ донцовъ ратовали подъ Астраханью, другіе, особенно располагавшіеся по Донцу, непрестанно наблюдали (1553—1555 г.) за движеніями крымцевъ. Такъ о всякой попыткѣ хана сдѣлать набѣгъ въ русскія украины Москва предварялась казацкими сторожевищами и онъ, при каждомъ набѣгѣ, встрѣчалъ царское войско, готовое къ отраженію, терялъ лучшихъ людей своихъ и *„коши“* (обозы) 23). Не смотря на неудачи, (въ 1556 г.) Девлетъ-Гирей снова ополчился на Москву.

Казаки, стоявшіе между низовьями Днѣпра и Дона, извѣстили государя (въ Москву), что ханъ *отабарился* у конскихъ водъ и замышляетъ набѣгъ на Тулу, или Козельскъ: царь, изготовивъ войско, намѣревался встрѣтить татаръ за Тулою 24). Но прежде этого, черниговскій намѣстникъ, дьякъ Ржевскій, высланный изъ Путивля на рѣлу Пселъ, построилъ тамъ суда и отправился къ Днѣпровскимъ порогамъ. Согласивъ съ собою литовскихъ казаковъ (черкасовъ) съ атаманами Млынскимъ и Есновичемъ, напалъ на Исламъ-Кирмень и Очаковъ: жителей разогналъ, а табуны захватилъ. Паши, очаковскій и тянгинскій, собрали татаръ и преслѣдовали Ржевскаго; но онъ, наведя враговъ на засаду, разбилъ ихъ на голову. Ханскій Калга, вооруживъ весь Крымъ, поспѣшилъ къ Исламъ-Кирменю на помощь. Ржевскій бился тутъ съ Калгою шесть дней, умертвивъ много крымцевъ и турокъ, за-

---

22) Кар. Т. VIII. 240.

23) Кар. Т. VIII. 239. Прим. 438 и стр. 241—243 и примѣч. 443 и 251 стр. примѣч. 466.

24) Кар. Т. VIII. 251 и примѣч. 467.

хватилъ у нихъ стада и съ добычею отошелъ въ верхъ Днѣпра по лѣвой сторонѣ. Калга чрезъ посыльнаго умолялъ хана спасти Тавриду; ханъ же, узнавъ прежде о готовности войска Іоаннова на Окѣ, направился тогда не на Тулу, а на *Донскихъ и Міусскихъ черкасовъ*; но по призыву Калги поспѣшилъ въ Тавриду—для защиты ея 25).

Въ слѣдъ за Ржевскимъ, князь Вишневецкій, вызвавшійся служить Іоанну, вышелъ изъ Литвы съ храбрыми казаками (въ 1556 году), занялъ островъ Хортицу, близъ устья Днѣпровскаго, противъ Конскихъ водъ и сдѣлалъ тутъ крѣпость. Отсюда извѣстилъ Іоанна, что запретъ хана въ Тавридѣ. Потомъ скоро сжегъ Исламъ-Кирмень, вывезъ изъ него пушки въ свою Хортицу и заставилъ (въ 1557 году) хана воевать ее.

Девлетъ-Гирей 24 дня приступалъ къ острову Хортицкому безъ успѣха. Вишневецкій отразилъ всѣ нападенія татаръ 26). Въ это же время, со стороны Кавказа, князья Черкесскіе, именемъ Россіи овладѣли двумя городками, находившимися подъ покровительствомъ Азова и Тавриды—Темрюкомъ и Таманомъ, мѣстами древняго княженія Тмутараканскаго 27). Снося удары Ржевскаго, Вишневецкаго, князей Черкесскихъ, и ожидая еще большихъ отъ Іоанна, ханъ въ отчаяніи писалъ къ султану, что все погибло, если онъ не спасетъ Крыма. Жестокая зима 1557 года, истребившая много людей и скота у ногайцевъ, голодъ и язва, истребившіе также много людей и скота въ Тавридѣ, а затѣмъ междоусобія и въ ногаяхъ, и въ Тавридѣ, поставили татаръ въ чрезвычайное ослабленіе: „никогда — замѣчаетъ современный историкъ,—не бывало для Россіи удобнѣйшаго случая истребить остатки моголовъ; но мы не слѣдовали указанію перста Божія, и дали оправиться невѣрнымъ 28).

25) Кар. Т. VIII. 251—252. Примѣч. 468 и 469.
26) Кар. Т. VIII. 252—253. Примѣч. 470.
27) Тамъ же 253 и примѣч. 471.
28) Кар. Т. VIII. 253—254.

Султанъ прислалъ къ Девлетъ-Гирею на помощь многочисленное войско изъ турокъ и волоховъ: не могъ Вишневецкій противъ этого войска удержаться на Хортицѣ: истощивъ запасы и силы, онъ оставилъ свою крѣпость и занялъ городки—Черкасы и Каневъ 29).

Ханъ отдохнулъ. Гордо предлагалъ онъ Іоанну условія дружбы и требовалъ *„дани“*. Царь съ боярами рѣшилъ: противудѣйствовать хану. Снова посланъ (въ 1558 г.) Вишневецкій на Днѣпръ съ 5000 воиновъ: дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ: ему велѣно воевать Тавриду соединенно съ черкесами Пятигорскими, которые должны были идти къ Днѣпру, мимо Азова и чрезъ станицы донцовъ 30). Вишневецкій доходилъ до устья Днѣпра, но не встрѣчалъ враговъ: ханъ сидѣлъ внутри Крыма, ожидая туда наѣзда. Оставя на Хортицкомъ островѣ дьяка Ржевскаго съ казаками, Вишневецкій уѣхалъ въ Москву 31).

Долго Девлетъ-Гирей не осмѣливался предпринимать ничего важнаго, но обманувшись ложною вѣстью, что все войско русское занято войною въ Ливоніи, ополчился на Москву, сманивъ съ собой многихъ ногаевъ: до ста тысячъ всадниковъ двинулось зимою 1558 года (въ Декабрѣ мѣсяцѣ) изъ Крыма въ Россію, подъ начальствомъ царевича Мегметъ-Гирея. Крымцы не успѣли приблизиться къ украинымъ городамъ, какъ донскіе казаки, неупускавшіе изъ виду ни малѣйшихъ враждебныхъ движеній татарскихъ, принеслись къ Тавридѣ и близъ Перекопа напали на улусы ногаевъ, ушедшихъ туда отъ князя своего Ислама, разграбили ихъ и взяли 15.000 коней. Мегметъ-Гирей, услышавъ какъ о набѣгѣ казацкомъ, такъ и о томъ, что русское войско

---

29) Кар. Т. VIII. 254.

30) Кар. Т. VIII. 225 и примѣч. 477 и Дѣл. Ногайск. кн. № 5 лист. 59 и на обор. 1558 году.

31) Кар. Т. VIII. стр. 293.

ждетъ его впереди, на рубежахъ украины, бѣжалъ назадъ въ страхѣ и безпорядкѣ, бросая по пути и усталыхъ всадниковъ, и обозы 32).

Но чтобы не дать покоя Девлетъ-Гирею и въ Крыму, Іоаннъ устроилъ на него тревогу (въ 1559 г.) съ двухъ сторонъ: съ восточной—князь Вишневецкій, прибывъ въ казацкія низовья Дона съ 5000 легкихъ воиновъ и подѣлавъ суда, плавалъ тутъ въ соединеніи съ донцами для того, чтобы угрожать Тавридѣ отъ предѣловъ Азовскихъ. Въ это же время Вишневецкій и донцы истребили на степяхъ нѣсколько сотъ крымцевъ, хотѣвшихъ снова пробраться къ Казани 33). На Дону были тогда, какъ видно, частью и пятигорскіе черкесы, дѣйствовавшіе съ казаками 34). Съ западной—окольничій Данило Адашевъ, прибывъ къ Днѣпру съ 8000 дѣтей боярскихъ, казаковъ и стрѣльцовъ, поплылъ въ море на построенныхъ имъ близъ Кременчуга лодкахъ, взялъ на пути два корабля и *„причалилъ“* къ Тавридѣ. Болѣе двухъ недѣль свободно громилъ онъ западную сторону полуострова, жегъ юрты, хваталъ людей: ханъ былъ въ ужасѣ. Наполнивъ суда добычею, поплылъ обратно въ верхъ по Днѣпру и, миновавъ пороги, у *Монастырскаго острова*, кончилъ водный походъ 35). Вишневецкій и Адашевъ скоро отозваны были въ Москву: опять начиналась война Ливонская.—Но Адашевъ погибъ казнію за мнимое участіе чародѣйствомъ извѣсть царя 36).

Дальнѣйшая тревога Девлетъ-Гирея предоставлена была казакамъ и ногайцамъ: тѣмъ и другимъ хорошо были знакомы наѣздническіе пути въ Тавриду. Многіе мурзы и князья ногайскіе,

32) Кар. т. VIII.—294.

33) Кар. т. VIII. стр. 294—295 и прим. 559.

34) Тоже примѣч. 566.

35) Кар. т. VIII. 293 и примѣч. 561.

36) Кар. т. IX. 21.

особенно Исмаилъ, дружившіе Іоанну и недовольные Девлетъ-Гиреемъ за привлеченіе имъ къ себѣ нѣкоторыхъ мелкихъ улусниковъ ногайскихъ, вызвались вредить хану и просили у Іоанна помощи. Донскимъ казакамъ внушено было дѣйствовать съ ними за одно. Кромѣ того, на Днѣпръ посланъ извѣстный наѣздами дьякъ Ржевскій съ *„многими людьми“*; на Донъ отправленъ Истома Извольскій съ боярскими дѣтьми Чулковымъ и Булгаковымъ и съ многими ратниками, для охраненія ногайцевъ и содѣйствія имъ, особенно, при переправѣ чрезъ Донъ у устьевъ рѣки Медвѣдицы; къ черкесамъ Пятигорскимъ, согласно съ ихъ желаніемъ, посланъ для предводительства ими князь Вишневецкій угрожать Тавридѣ съ Кавказской стороны 37). Весною 1560 года, донскіе казаки, соединясь съ ногайцами, ходили на Крымъ. До Перекопа они не встрѣчали ни одного улуса: послѣдніе наѣзды русскихъ загнали татаръ—однихъ во внутренность полуострова, а другихъ за Днѣпръ, къ сторонѣ Литвы. Испуганные жители Перекопа затворились: казаки и ногайцы не остановились тутъ, прошли далѣе по владѣніямъ хана. На пути, по рѣкамъ Бугу и Ингулу, напали они на нѣсколько улусовъ и разорили ихъ; потомъ подходили подъ Бѣлгородъ и Очаковъ, встрѣчая вездѣ не защитниковъ храбрыхъ, но робкихъ бѣглецовъ. Съ добычею и плѣномъ возвращались они мимо Перекопа, въ виду испуганныхъ враговъ, которые не показывались и просидѣли всю зиму, какъ осажденные. Ногайцы посылали избранныхъ мурзъ, а донцы атамановъ и лучшихъ казаковъ въ Москву съ извѣстіемъ о своихъ наѣздахъ и съ плѣнными. Іоаннъ ласково принялъ и мурзъ, и атамановъ; отпуская ихъ, внушалъ дѣйствовать противъ общихъ враговъ соединенными силами. Казакамъ въ награду пре-

---

37) Дѣл. Ногайск. кн. № 5 лист. 137 и на обор. до 140. 1560 г. тамъ же лист. 141. 144, 148 и 174 и Кар. т. VIII примѣч. 566.

доставилъ свободную торговлю во всѣхъ россійскихъ городахъ, а ногайцамъ, согласно съ ихъ просьбою, дозволилъ кочевать между Дономъ и Волгою 38). Что сдѣлали тогда Ржевскій и Вишневецкій—неизвѣстно. Это была послѣдняя служба Вишневецкаго Іоанну: онъ въ 1564 г. бѣжалъ къ Сигизмунду королю польскому *).

Борьба донцовъ съ азовцами была главною, постоянною: она занимала большее число совѣтовъ въ войсковомъ кругу и лучшія дружины казацкія въ полевомъ дѣлѣ. Мы прежде сказали, что Азовъ платилъ (въ 1550 году) *„оброкъ“* казакамъ; но долго ли тянулось такое униженіе его, не знаемъ положительно. Въ нѣсколькихъ актахъ, съ 1500 до 1565 года, упоминается о размирьяхъ и враждебныхъ отношеніяхъ донцовъ къ азовцамъ 39), слѣдовательно Азовъ уже не былъ данникомъ казацкимъ. Лишась господства надъ этимъ городомъ, казаки не оставляли его въ покоѣ,—тѣснили безпрестанно, давали перемиріе только изъ снисхожденія, если находили въ томъ свою пользу, и привели его въ такое состояніе, что, въ случаѣ надобности, онъ безъ затрудненія могъ быть покоренъ и открывалъ путь въ Тавриду. Могущественный Солиманъ, неравнодушно смотрѣвшій на успѣхи Іоаннова величія и на гибель царствъ магометанскихъ, замыслилъ, въ 1563 году, обезопасить азовскія владѣнія свои, какъ восточныя ворота его имперіи. Мысль эта выражалась предпріятіемъ соединить Волгу съ Дономъ посредствомъ прокопа у переволоки и имѣла цѣлью, вопервыхъ, согнать казаковъ съ Дона, на покой Азову, а послѣ завоевать Астрахань и Казань—стѣснить, ослабить Рос-

---

38) Кар. т. VIII. примѣч. 564. Дѣл. Ногайс. кн. № 5 лист. 137, 140 и 144.

(*) Карамз. т. IX стр. 58.

39) Дѣла Ногайс. кн. № 5 лист. 144 на оборот. и наказ. пос. Без. 1563 г. Дѣл. Крымск. № 10 лист. 53, 125 и 168. Донск. пос. Ногаю. 1563 г.

сію. Исполненіе предпріятія поручалось хану Девлетъ-Гирею, который, страшась господства турокъ болѣе нежели русскихъ, старался доказать султану невозможность успѣха: такъ оно и оставалось безъ начинанія. Хотя въ это время ханъ, около двухъ лѣтъ, не тревожилъ Москву, велъ мирные переговоры съ Іоанномъ и даже, въ знакъ доброжелательства, передалъ тайну о Солимановомъ предпріятіи 40); но Іоаннъ не полагался на такія отношенія по вѣроломному нраву хана и бралъ предосторожности. Въ украинныхъ городахъ стояло войско, въ степяхъ донскихъ разъѣзжали казаки, наблюдавшіе за всѣми полевыми движеніями крымцевъ. Осторожность была не напрасна. Подкупленный польскимъ королемъ Сигизмундомъ, ханъ двинулся на Русь и въ сентябрѣ 1565 года перешелъ Донецъ.—Царь, заблаговременно извѣщенный казаками о движеніи татаръ, устроилъ сильный отпоръ хану, такъ что онъ, послѣ безполезныхъ приступовъ къ Болхову, бѣжалъ ночью отъ украинъ 41).

Нѣкоторые ногайскіе князья, хивинцы и бухарцы, говорили новому турецкому султану Селиму, что московскій царь истребляетъ вѣру магометанскую, прерываетъ для нихъ сообщеніе съ Меккою, — что Астрахань, какъ главная каспійская пристань всѣхъ народовъ азіатскихъ, даетъ царю дохода ежедневно до 1000 золотыхъ монетъ,—склоняли его (султана) возстановить царство мусульманское на берегахъ Ахтубы. Послы литовскіе, враги Руси, подтверждали то же. Девлетъ-Гирей по прежнему доказывалъ невозможность исполненія войны. Но возраженій его Селимъ не послушалъ и рѣшился осуществить мысль отца своего Солимана - соединить Донъ съ Волгою, на обѣихъ рѣкахъ

---

40) Дѣл. Крымс. (переп.) книг. № 10 листъ. 321—322 и книг. № 11 лист. 33 и Кар. т. IX. 43 и 44.

41) Кар. т. IX.—112, тамъ же стран. III и тамъ же страниц. 136.

Θеодорѣ 6), вошло въ руки властолюбиваго и рѣшительнаго Бориса Годунова, тогда правительство московское, пославъ въ Сибирь воеводъ Мансурова и Сукина и головъ Мяснаго и Чулкова съ людьми ратными, одного вслѣдъ за другимъ, для уничтоженія возстаній князя Сейдяка и царя Кучума и строенія крѣпостей и городковъ, 7) велѣло, съ 1585 года, ставить города и на югѣ въ четырехъ мѣстахъ по рр. Уфѣ, Самарѣ, Бѣлой Волошкѣ и Увѣкѣ 8), очевидно, въ связь съ вольными казацкими городками яикскими и съ цѣлью удержанія по-волжскихъ и заволжскихъ ногайцевъ отъ содѣйствія сибирскимъ враждебнымъ движеніямъ.

Не смотря на то, что, по воцареніи Θеодора, всѣ князья и мурзы ногайскіе, бывъ извѣщены объ этомъ чрезъ особыхъ посланниковъ—дворянъ Колтовскаго, Третьяка-Стремухова и Бунды-Языкова, дали шертныя записи въ вѣрной дружбѣ ему 9), когда узнали о построеніи городковъ въ упомянутыхъ мѣстахъ, то пришли, въ 1586 году, въ сильное неудовольствіе, конечно понявъ цѣль этого распоряженія; особенно оскорблялся Урусъ. „Пріѣхалъ отъ тебя", писалъ онъ къ Θеодору, „толмачъ Бахтіаръ „съ *досадными словами*: такихъ словъ отъ отца твоего мой отецъ „Исмаилъ и я самъ не слыхалъ: ты велѣлъ въ четырехъ мѣстахъ „города дѣлать, что будто бы тѣми мѣстами твои дѣды и отцы „владѣли; а эти города ставишь ты только для лиха и недруж„бы. Да писалъ, чтобы я съ башкиръ и остяковъ дани никакой

6) Кар. Т. X. стр. 6.

7) Кар. Т. X. стр. 22—26. Изслѣдов. Неболс. стр. 101—110.

8) Дѣл. Ногайск. связ. 1586 г. тетр. № 10. Наказъ послу Θедору Гурьеву 1586 г. сентябр. 20, и память Иван. Θедор. Страхову, тѣхъ же дѣлъ въ столб. № 4. 1587 г. Грам. царя князю Урусу іюля 1587 г. и грам. Уруса царю 1587 г.

9) Дѣл. Ногайск. связк. № 1 1585 г. Смотри отпис. двор. Колтовскаго, Стремоухова и Языкова.

„не бралъ; если же я своихъ даньщиковъ пошлю, то ты велишь „побить ихъ:—отецъ твой такъ ли дѣлалъ?—а съ тѣхъ остя-„ковъ, еще отъ Едигера князя, не токмо что отецъ мой бралъ „дань,—но и по это время она доставляется. Кромѣ того, пи-„салъ, что будто я, сложась съ Кучумомъ царемъ, твоихъ людей „побилъ и въ Сибирь ихъ не пропустилъ; и это несправедливо: „друзей такъ не клеплютъ“ 10). И какъ среди этихъ непріязненныхъ отношеній еще и яикскіе казаки изъ Большаго городка сдѣлали сильное нападеніе на Урусовы улусы, при бытности тамъ русскаго посла Хлопова, то Урусъ окончилъ свой отзывъ такъ: „мы чаемъ въ тебѣ недружбу; почему и задержали до сихъ поръ Хлопова“ 11).

Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, для объясненія, особенно о новостроемыхъ городахъ, отправленъ былъ (1587 г.) изъ Москвы къ ногайцамъ посолъ Гурьевъ. Урусу отвѣчалъ царь, что города велѣлъ онъ поставить для укрѣпленія государства и обереганія ногайскихъ улусовъ отъ набѣга *воровскихъ* казаковъ, при кочеваніи по Волгѣ до Астрахани и противъ Узбека, также и по Самарѣ, что отъ новыхъ городовъ никакого убытка ногайцамъ, кромѣ защиты и прибытка быть не можетъ, потому что въ нихъ могутъ свободно ѣздить они съ своими торгами. При этомъ писано Урусу: что въ уваженіе его „прежняго“ расположенія, велѣно всѣхъ плѣнниковъ, бѣгающихъ отъ ногайцевъ въ Астрахань людей „*литовскихъ, нѣмецкихъ* и *волжскихъ, кромѣ русскихъ*“, разыскивать и возвращать въ улусы; что пойманные воеводами самарскаго города *воры-казаки*, изъ числа набѣгавшихъ въ прошедшую осень на улусы, казнены при личной бытности пословъ ногайскихъ, что воеводамъ самарскимъ велѣно и впередъ такъ

10) Дѣл. Ногайск. связк. № 1, 1587 г. грам. княз. Уруса.

11) Тѣхъ же дѣл. Ногайск. связ. № 1, 1587 г. та же грам. княз. Уруса.

Путивля и другихъ), усилили разъѣзды свои, зорко „смотрѣли по *сакмамъ*“ за всѣми движеніями крымцевъ, провѣдывали ихъ намѣренія и о всемъ извѣщали царя и воеводъ 45); но Іоаннъ былъ уже не прежнимъ царемъ-героемъ, а тираномъ малодушнымъ и не спасалъ столицу. Весною 1571 года царь бѣжалъ отъ Москвы, которая осталась беззащитною и Девлетъ-Гирей превратилъ ее въ пепелъ: въ пожарѣ московскомъ погибло около восьми сотъ тысячъ людей. „Кто видѣлъ это зрѣлище“—пишутъ очевидцы—„тотъ вспоминаетъ объ немъ всегда съ новымъ ужасомъ и молитъ Бога не видѣть онаго вторично“ 46). Кромѣ столицы, ханъ разорилъ еще значительную часть юго-восточныхъ областей московскихъ и увелъ въ Тавриду болѣе 100 000 плѣнниковъ 47). Такъ совершилъ Девлетъ-Гирей подвигъ мщенія!—Дивны вѣсы Провидѣнія!

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по сожженіи Москвы, когда еще посланникъ Ищеинъ-Кузминскій не возвратился отъ султана съ отправленнымъ для развѣданія о немъ казачьимъ атаманомъ Никитою Маминымъ, была къ донскимъ казакамъ царская грамота (отъ 17 августа 1571 года). Въ ней писалъ государь: „послали „мы для своего дѣла подъ Азовъ казачьяго атамана Мамина. И „какъ онъ на Донъ пріѣдетъ и станетъ говорить вамъ о нашемъ „дѣлѣ, то вы промышляли бы съ нимъ за одно. Когда же намъ „послужите, и мы васъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ“ 48).—Эта грамота, между нынѣ извѣстными памятниками древности, представляется первою, писанною на Донъ отъ царей. Но она не первая: изъ посольскихъ бумагъ Новосильцева, бывшаго на Дону прежде Мамина, видно, что и съ нимъ была послана грамота къ

45) Дѣл. Крим. стат. списки книги № 14 лист. 24. 1571 г. Дѣл. тур. книга № 2 лист. 50, 210, 212 и 221. Кар. т. IX примѣч. 351.

46) Кар. т. IX. 180—183.

47) Кар. т. IX. 185.

48) Дѣл. Донск. книг. № 1.

донскимъ казакамъ 49). Въ чемъ состояло порученіе Мамину, и что сдѣлано донцами по тому дѣлу—неизвѣстно. Съ вѣроятностью заключать можно, что опасаясь новаго сильнаго удара отъ двухъ могучихъ владыкъ мусульманскихъ,—Іоаннъ поощрялъ казаковъ принять какія либо сильнѣйшія мѣры для удержанія или для отклоненія татаръ отъ вторженій въ Россію. Мы видимъ, что съ этого времени донцы не ограничивались уже одними разъѣздами по степямъ между Крымомъ и Россіею, но очень часто дѣлали вторженія во внутренность Тавриды, опустошали улусы ея, брали въ плѣнъ людей, исчезали въ одномъ мѣстѣ и являлись снова въ мѣстахъ другихъ, гдѣ ихъ не ожидали, содержали хана во всегдашней тревогѣ и безпокойствѣ; также, безпрестанно стали нападать и на Азовъ. Соображеніе это не безъ основанія: не упрекалъ бы крымскій ханъ Іоанна такъ дерзко и прямо за повелѣніе казакамъ нападать на Азовъ, какъ упрекалъ онъ его (въ 1575 году): „не хорошо ты сдѣлалъ, что руку свою протянулъ на землю „султанскаго величества и велѣлъ казакамъ воевать и жечь „Азовъ: если ты до сихъ поръ не умѣешь стоять противъ меня, „то противъ султана какъ тебѣ устоять?“ 50).

Черезъ годъ послѣ полученія грамоты съ Маминымъ, донцы сдѣлали (въ 1572 году) отважное нападеніе на Азовъ, взяли его, но не удержавшись въ немъ, увели въ плѣнъ *„двадцать человѣкъ лучшихъ людей“* (кромѣ черныхъ) и въ томъ числѣ султанскаго *„шурина Сеина“*.—Гордый Селимъ изумленъ былъ смѣлостью казаковъ и глубоко оскорбленъ ея слѣдствіями. Онъ упрекалъ и обвинялъ въ этомъ хана, говоря ему въ своей грамотѣ: „что донцы сдѣлали бѣду Азову въ отмщенье за взятаго въ „плѣнъ сына атамана Михаила Черкашенина (который управлялъ „станицею на Донцѣ) и казненнаго ханомъ; что казаки приводи-

49) Дѣл. Турецк. книг. № 2 лист. 34, 35 и 50.

50) Дѣл. Крым. стат. списки кн. № 14 лист. 305 и на обор.

„ли всѣхъ знатныхъ плѣнниковъ къ Азову для обмѣна и готовы „были отдать ихъ за Михаилова сына, но что онъ, ханъ, между „казаками и Азовомъ, положилъ причину къ великой крови, по „которой городу и нельзя будетъ находиться въ покоѣ. Азовъ же „казаками жилъ, а казаки Азовомъ жили: у нихъ до этого все „было мирно“ 51). Цѣль упрека, конечно, была та, чтобы ханъ озаботился унять донцовъ отъ дальнѣйшихъ нападеній. По этому Девлетъ-Гирей и сынъ его Калга обратились къ Іоанну съ жалобами и угрозами за азовское казацкое дѣло, на которыя онъ (въ 1576 году) отвѣчалъ: „казаки живутъ на Дону по своей волѣ, „бѣгая туда изъ нашего государства. Много лѣтъ ведется у нихъ „то, что они иногда бываютъ въ мирѣ съ Азовомъ, и иногда не „въ мирѣ: только все это дѣлается между ними безъ нашего вѣ„дома. Мы слышали и про нынѣшнія ихъ драки. Но къ Азову мы „своихъ людей не посылали, и впередъ посылать не хотимъ. Уз„навъ объ этомъ набѣгѣ на Азовъ, мы сдѣлали по украинымъ „городамъ заказъ, когда кто изъ казаковъ, бывшихъ подъ Азо„вомъ, проявится въ городѣ, того хватать и казнить. Такъ и „впередъ хотимъ унимать тѣхъ казаковъ, которые сдѣлаютъ лихо „султановымъ людямъ или твоимъ людямъ“ 52).

Понятно, что это былъ только разговоръ политики: попреки и жалобы султана и хана оставались безъ всякихъ послѣдствій, и не могли ограничить казаковъ въ ихъ отважныхъ предпріятіяхъ. Царь, называя донцовъ бѣглецами, хотѣлъ только оправдывать себя передъ ханомъ; но, на самомъ дѣлѣ, въ людяхъ этихъ видѣлъ онъ вольныхъ воиновъ за вѣру и Россію и самъ поощрялъ ихъ къ новымъ подвигамъ. Азовъ, оставаясь во власти турокъ,

---

51) Дѣл. Крым. стат. списк. кн. № 14 лист. 236 и на оборот. и лист. 269 и на обор. (1574 г.)

52) Дѣл. Крымск. книг. № 14 лист. 338 и 340 и лист. 349—350 и Кар. т. IX примѣч. 407.

образовалъ у донцовъ обычай драться и мириться съ нимъ почти ежегодно, а нерѣдко и по нѣскольку разъ въ годъ начинать драку и миръ.

Польша, соединившаяся (1569 г.) съ Литвою въ одно королевство, избрала себѣ въ 1576 году короля седмиградскаго князя Стефана Баторія. Этотъ король былъ постояннымъ, сильнымъ врагомъ Іоанна.

Съ этого времени отношенія днѣпровскаго казачества къ Московскому царю и къ донскому казачеству стали измѣняться—не были уже такъ общи и безразличны, какъ прежде. Разумный, воинственный Баторій, не медля (въ 1576 году), далъ своему казачеству войсковое учрежденіе 53) и этимъ приковалъ службу ихъ къ его королевству на ясныхъ и положительныхъ условіяхъ.

Не смотря однакожъ на это, и впослѣдствіи небольшія днѣпровскія дружины нерѣдко соединялись съ донскими для нанесенія удара *„невѣрнымъ"*. Девлетъ-Гирей, видя начало вражды Іоанна съ Баторіемъ, и боясь бездѣйствіемъ дожить до презрѣнія отъ Россіянъ, вышелъ (въ 1576 году) въ поле съ 50.000 всадниковъ, намѣреваясь пробраться къ московскимъ украинамъ; но въ это время донскіе казаки, соединясь съ частью черкесовъ, сдѣлали смѣлый набѣгъ на Исламъ-Кермень и взяли его: узнавъ о такой бѣдѣ, ханъ ушелъ назадъ въ Тавриду 54).

Іоаннъ, готовясь начать войну съ Баторіемъ, заботился обезопасить юго-восточные и западные предѣлы государства: для этого онъ умножилъ войско въ крѣпостяхъ, учредилъ на Волгѣ, для обузданія мятежной Черемисы, Астрахани и ногаевъ, особую *„судовую рать"*, въ которой, по его велѣнію, были донскіе казаки въ двухъ полкахъ *большомъ* и *передовомъ*. Прочимъ же донскимъ казакамъ указано дѣйствовать противъ самой Тавриды,

53) Ист. Малор. часть 1 стр. 139.

54) Кар. т. IX. 250 и примѣч. 451.

съ пособіями въ нужныхъ случаяхъ отъ судовой рати 55). Желая, сколько можно, тверже успокоить себя отъ Крыма, Іоаннъ искалъ мира съ ханомъ. Не успѣвъ кончить переговоровъ съ Девлетъ-Гиреемъ (умершимъ въ 1577 году), онъ настоятельнѣе сталъ вести ихъ съ сыномъ и преемникомъ его—Мегметъ-Гиреемъ; но этотъ былъ непреклоннѣе отца: за дружбу свою требовалъ онъ не только Астрахани, а еще и перевода или удаленія казаковъ съ Дона. „Султанова земля—наша, а наша земля—„султанова,—писалъ ханъ, а твои казаки донскіе, ежегодно наносятъ докуку султанову городу Азову. И если ты хочешь съ „нами въ любви и мирѣ быть, то съ Дону вели казаковъ свести" 56). Такое новое требованіе, въ первый разъ возникшее, (которое послѣ скоро и сама Порта стала включать въ число главныхъ условій при переговорахъ съ дворомъ московскимъ), подъ благовидными предлогами отклонено. Бывшему въ Москвѣ, въ 1578 году, ханскому послу Араслану сказано: что нашихъ казаковъ на Дону нѣтъ; живутъ тамъ всякихъ земель люди бѣглые—изъ Россіи и изъ Литвы, что ихъ велѣно казнить, гдѣ явятся въ городѣ 57). Касательно же Астрахани объявлено, что завоеваніе и христіанское населеніе въ ней утвердили ее на вѣки за Россіею. Видя требованія свои отвергнутыми, Мегметъ-Гирей выказалъ желаніе о замѣнѣ ихъ золотомъ; но въ этомъ Баторій предупредилъ Іоанна: онъ купилъ дружбу хана, для противодѣйствія Россіи 58).

55) Тамъ-же стр. 250 и примѣч. 452.

56) Дѣл. Крым. стат. списов. № 15 лист. 368—369 и 382 и 404 (1578 г.)

57) Дѣл. Кримс. № 15 лист. 419.

58) Кар. т. IX. 281.

ГЛАВА VII.

Начало Яикскихъ (уральскихъ) казаковъ.—Тайныя поощренія къ усиленію ихъ.—Построеніе новыхъ городовъ.—Неудовольствіе ногайцевъ.—Разореніе Урусовыхъ улусовъ казаками.—Приступъ Уруса къ казачьему городку.—Начало Терскихъ казаковъ.—Политическое значеніе ихъ.—Посольство Благово.—Грамата на Донъ.—Наказъ Благову.—Случайности посольства.—Посолъ султана Ибрагимъ.—Возвратный путь Благово.—Первый походъ донцовъ на Черное море.—Непріятные слухи въ Азовѣ.—Слѣдствія турецкаго посольства.—Волненія въ Крыму.—Набѣгъ Крымцевъ на украину.—Изгнанники—Крымскіе царевичи на Дону.—Вспоможеніе царя изгнанникамъ.—Сверженіе хана съ престола.—Новое изгнаніе Крымскихъ царевичей.—Покровительство имъ Россіи.—Важность перваго морскаго казацкаго похода.—Забойка устьевъ трехъ рукавовъ Дона.—Грозные слухи.—Разъѣзды донцовъ.—Иверія-данница Россіи и возобновленіе терской крѣпости.—Набѣгъ крымцевъ на украину.—Разореніе улусовъ Якшисата.—Вооруженія на Крымъ.—Новый ханъ Казы—Гирей.—Отвѣтъ его гонцамъ съ Москвы.

Съ 1585 – 1588 г.

Въ предшествовавшей главѣ упоминали мы о завладѣніи Донскими и Волжскими казаками, съ 1581 года, рѣкою Яикомъ (Ураломъ), по истребленіи на ней Сарайчика—столицы за-волжскихъ ногайцевъ и прибойнаго пункта торговыхъ каравановъ Си-

бири и Бухаріи. Съ этого времени находники - казаки, неудержимо умножаясь здѣсь, въ теченіи пяти лѣтъ, успѣли поставить „*многіе городки*“ не только по Яику, но и за этою рѣкой успѣли сдѣлать ихъ страшилищемъ для ногайцевъ по всему заВолжью. Въ 1586 году, является у казаковъ *большой* (главный) городокъ, укрѣпленный землянымъ валомъ на одномъ изъ острововъ Яика; въ немъ съ самаго начала сѣло до 700 человѣкъ лодошниковъ и конниковъ 1). Имя и мѣсто этого городка точно неизвѣстно, хотя исторіографъ, какъ видно, и полагаетъ его началомъ нынѣшняго Уральска 2). Всѣ вообще Яикскіе городки образовались изъ отдѣльныхъ станицъ (товариствъ, артелей, ватагъ), которые при самомъ началѣ входили въ одинъ союзъ и составили собой вольную войнородную колонію Дона и Волги, принявшую имя яикскихъ, а въ послѣдствіи Уральскихъ (*) казаковъ, или Уральскаго войска.—Союзъ этотъ, скрѣпленный тѣми же узами вольнаго братства и показывавшійся по тѣмъ же началамъ, какъ и донской, при самобытномъ существованіи болѣе ста пятидесяти лѣтъ, постоянно сохранялъ къ Дону, какъ-бы къ метрополіи, свое уваженіе и почесть, и слушался его совѣтовъ, что увидимъ изъ послѣдующаго изложенія исторіи донцовъ.

Первоначальному развитію и укрѣпленію яикской казацкой общины содѣйствовали, какъ понятно изъ смысла политическихъ актовъ, тайныя поощренія астраханскихъ воеводъ. Кромѣ госу-

1) Дѣла Ногайск. связк. 1-я 1586 года, тетрадь подъ № 8. Смотри Донск. посла Ивана *Хлопова* и грам. княз. *Уруса*, тѣхъ же дѣлъ въ столб. 1587 г. № 4. Смотри грам. посл. въ іюлѣ къ Урусу. Смотри грам. Уруса къ царю, тѣхъ же дѣл. связ. № 1, 1586 г. См. отписку къ царю Астрахан. воеводы, кн. Ѳед. Лобанова-Ростовскаго 25 августа.

2) Кар. Т. X. стр. 71 и прим. 138.

(*) Колыбель Ермаковской дружины.

царство Өеодора, они сильнѣе стали затрогивать вниманіе дворовъ. Въ отвѣтъ на грамоту Амурата, писанную къ Іоанну, Өеодоръ поспѣшилъ (въ 1584 году) извѣстить его съ бывшимъ тогда въ Россіи турецкимъ купцомъ Махмудомъ, что „на Терекѣ живутъ *бѣглые* казаки, а людей Московскаго государства нѣтъ и впередъ посылать ихъ туда изъ Астрахани не будетъ велѣно" 25). Отправленному къ султану, въ слѣдъ за Махмудомъ, посланнику Благово о терскихъ казакахъ, приказано сказать то же самое; но паши, при разговорахъ съ Благово, требовали, чтобы царь свелъ этихъ казаковъ для очистки прохода туркамъ въ Персію 26). Въ Крыму, при проѣздѣ Благово, ханъ настаивалъ у него о томъ же: посолъ отрицался, изъясняясь, что этихъ *бѣглыхъ* казаковъ кому можно унять?

Усѣвшись на важномъ пунктѣ торговаго и политическаго пути, терскіе казаки сдѣлались зоркими, пламенными каппадокійцами (воротостражниками) Руси, несносными для магометанъ: „они", какъ сами писали, „служили тутъ государю и промышляли всякимъ дѣломъ—доставляли (чрезъ астраханскихъ воеводъ) вѣсти и языки" 27). Хватая и татарскихъ и турецкихъ посланцовъ и разбивая отряды, посылаемые врагами для военныхъ дозоровъ 28), они мѣшали сообщенію ногайцевъ козыевскихъ и крымцевъ съ горскими народами, непріязненными русскимъ и съ

25) Дѣл. Турецк. книг, № 2, листъ 254—256 грам. царя. 1584 г.

26) Дѣл. Турецк. книг. № 2, листъ 325. См. донесен. благов. 10 сентября 1585 г. и той книг. листъ 384. См. стат. списокъ Благово.

27) Дѣла Ногайск. 1586 г. связ. № 1. См. отпис. Астрахан.- воеводы.

28) Дѣл. Крымск. книг. № 16 ст. спис. посла Иван. Судаков. Мясна.

мятежнымъ (въ 1586 году) княземъ дагестанскимъ Шевкаломъ (или Шахмалюмъ) владѣльцемъ Тарковскимъ 29); особенно же мѣшали сообщенію турокъ между Константинополемъ, Дербентомъ и Баку, гдѣ властвовалъ тогда султанъ, отнявъ ихъ у шаха персидскаго 30). Въ 1583 году терскіе казаки схватили и отослали въ Русь двухъ султанскихъ посланниковъ Мустафу и Магмедъ, ѣхавшихъ въ Дербентъ къ Асману-пашѣ, вѣроятно съ важными повелѣніями, потому что дѣло это произвело замѣтное политическое безпокойство Турціи. Амуратъ сердился и написалъ, чтобы плѣнники были розысканы и возвращены 31). О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ терскихъ казаковъ, гдѣ они будутъ касаться исторіи донцевъ, скажемъ впослѣдствіи.

Мы прервали разсказъ событій на Дону разсказомъ о покореніи Сибири и о началѣ яицкихъ и терскихъ казаковъ, теперь обратимся къ нему.

Правитель царства—Годуновъ, какъ замѣтилъ исторіографъ, „въ дѣлахъ внѣшней политики слѣдовалъ правиламъ лучшихъ „временъ Іоанновыхъ, проявляя благоразуміе съ рѣшительностью, „осторожность въ соблюденіи цѣлости, достоинства и величія Россіи“ 32). Въ первые годы царствованія Ѳеодора, Москва спокойная внутри и находясь въ мирѣ, хотя и на время, со всею христіанскою Европою, должна была непрестанно беречься только магометанскихъ властителей—турецкаго султана и хана Тавриды. Зная, что по могуществу султановъ ханы были орудіями ихъ воли, и что предшественники новаго царя—Іоаннъ великій, сынъ и внукъ его, умѣли иногда только одною пріязнью султановъ обуздывать и Крымъ и Литву, правитель не упустилъ изъ виду это-

29) Карамз. Т. X. стр. 63, 64 и 65.

30) Кар. Т. X. стр. 59—60.

31) Дѣл. Турецк. книг. № 2. лист. 254—256.

32) Кар. Т. X. стр. 26.

го стараго пути и поспѣшилъ отправить (въ Іюлѣ 1584 года) отъ Ѳеодора къ Амурату посланника Бориса Благово съ грамотою, которою царь, извѣщая о вступленіи своемъ на престолъ, склонялъ султана къ дружественной связи съ нами.

Благово велѣно было ѣхать до Азова Дономъ чрезъ казачьи юрты. Но какъ донцы жили въ безпрестанной войнѣ съ азовцами и крымцами и этимъ сердили гордаго Амурата до величайшаго озлобленія, то посланнику, по предмету казацкой войны, данъ особый наказъ, а къ Донцамъ послана отъ царя грамота, которую поручено Благово вручить имъ. Этотъ актъ весьма важенъ въ юной исторіи донцовъ: существомъ своимъ онъ изъясняетъ тогдашнее значеніе ихъ и частью порядокъ управы внутренней. Раскажемъ его содержаніе. Царь писалъ: „отправленному къ султану Амурату посланнику нашему Благово велѣли мы идти на „Азовъ, почему, вы съ азовцами живите *смирно*, чтобъ не помѣшать нашему дѣлу. Дозвольте имъ ходить по Дону и по рѣчкамъ для рыбныхъ ловель, для дровъ и другихъ запасовъ безпрепятственно. Благово мы велѣли договориться съ начальникомъ „(Санчакомъ) Азова, чтобы и азовцы жили съ вами смирно и ни „какъ не задирались, а договорившись, онъ долженъ о томъ „извѣстить васъ. Какъ получите отъ Благово извѣстіе, то объ„явите отъ себя азовскому начальнику, что къ вамъ указъ нашъ „пришелъ быть въ мирѣ съ азовцами и на крымскіе улусы хо„дить не велѣно. Только сторожите *накрѣпко*, если воинскіе „люди крымскіе и Козыева улуса и другіе ногайцевъ пойдутъ „въ набѣгъ на наши украины, или будутъ вести плѣнныхъ изъ „украинъ; то надъ тѣми людьми на перевозахъ и въ иныхъ мѣ„стахъ дѣлайте поискъ и плѣнныхъ отбивайте,—непремѣнно намъ „этимъ служите: а мы за вашу службу жаловать будемъ. Те„перь, съ Благово послали къ вамъ свое жалованье, селитру и „и свинецъ--тѣмъ атаманамъ и казакамъ, которые ходили подъ „Калміусъ. Впередъ же, дожидали бы вы посланника на Дону,

„до тѣхъ поръ, когда онъ изъ Царь-Города (Константинополя) „назадъ въ Азовъ пріѣдетъ, тогда его отъ Азова до Ряжскаго го-„рода проводили бы, а у себя провожали бы городокъ отъ город-„ка. Какіе же *низовые* атаманы отъ Азова до *Роздоровъ* оста-„нутся дожидать Благово и вы ихъ имена—кто атаманъ и сколь-„ко съ нимъ казаковъ—запишите и дайте письмо посланнику, „а ему велѣли мы прислать эти имена къ намъ и для нихъ „весною рано отправимъ свое жалованье на Донъ. А непримѣн-„но бы посланника дожидались на возвратѣ и его проводили, ,,чтобъ отъ Козыева улуса и отъ крымскихъ людей ему пройдти ,,*здорово*. Если же султанъ пошлетъ съ Благово своего послан-,,ника, то и его провожали бы чинно, вмѣстѣ съ Борисомъ" 33).

Замѣтимъ: въ началѣ этой грамоты написано ,,донскимъ атаманамъ *старымъ* и *новымъ*, которые нынѣ на Дону и которые живутъ близко Азова". Смыслъ этихъ словъ обнаруживаетъ, что во время Ѳеодора было весьма рѣзкое различіе у самыхъ донцовъ между *станами* начальныхъ приваловъ ихъ на Дону и приваловъ послѣдовавшихъ: первое слово ,,*старымъ*" относится къ первоначальнымъ находникамъ казакамъ черкасамъ съ Днѣпра и Сѣверіи, а второе ,,*новымъ*"—къ находникамъ изъ областей Рязани и съ Волги. Эти два названія, какъ впослѣдствіи увидимъ, замѣнились двумя другими названіями ,,*низовымъ*" и ,,*верховымъ*".

Царь требовалъ отъ донцовъ службы вѣрной, обнадеживалъ ихъ въ своемъ жалованьѣ; но, по принятой Москвою политикѣ, Благово велѣно въ Крыму и Турціи отрицаться отъ нихъ въ случаѣ жалобъ и неудовольствій. Держась ,,*наказа*", Благово долженъ былъ говорить: что „на Дону и близко Азова живутъ ка-„заки—люди вольные, бѣглые, иные тутъ и *посостарились* Меж-

33) Дѣл. Донскіе грам. Августа 31. 1584 г. Собран. Государ. грам. и договоровъ часть 2-я.

„ду ними и азовцами ссора возникаетъ отъ того, что сами азов-
„цы и крымцы и Казыева улуса и Дивеевыхъ дѣтей люди хо-
„дятъ воевать украины государевы, берутъ въ плѣнъ много рус-
„скихъ и въ Азовъ отводятъ, а на украинахъ казацкій родъ и
„и племя; почему донцы не могли терпѣть этого, нападаютъ на
„азовцевъ, хотя государь и подтверждаетъ имъ, чтобы жили съ
„азовцами смирно и на крымцевъ не ходили.—Если же въ Кон-
„стантинополѣ станутъ говорить, чтобы царь велѣлъ удалить ка-
„заковъ отъ Азова, то посланнику отвѣчать, что объ этомъ онъ
„донесетъ своему государю, и государь, конечно, сдѣлаетъ имъ
„строгое подтвержденіе не задираться съ Азовомъ. Но и султанъ
„бы также строго запретилъ, чтобы впередъ азовскіе и бѣлогород-
„скіе (аккерманскіе) люди, и крымцы, и казыевцы, и ногайцы не
„дѣлали набѣговъ на украины русскіе, и тѣмъ между государей
„ссоры не наводили. А всѣ неудовольствія отъ того случаются,
„что азовскіе и бѣлогородскіе люди воюютъ и разоряютъ укра-
„ины“ 34).

Отъ Ряжска посланникъ плылъ Дономъ до Азова, охраняемый 20 пронскими казаками 35), и въ донскихъ юртахъ казаками донскими. Когда посланникъ ѣхалъ въ юртахъ, то казакъ *Кочаловъ* извѣстилъ его, что ходившіе черезъ Донъ на Волгу разбивать суда 60 человѣкъ черкасовъ, захватили его на полѣ, и онъ изъ разговоровъ ихъ слышалъ, что хотѣли поджидать посланника для нападенія на донскомъ перевозѣ у *переволоки*; но когда черкасы освѣдомились, что про этотъ умыселъ ихъ узнали донскіе казаки, то и пошли чрезъ Донъ на Днѣпръ, располагая подстеречь посланника весною, на возвратномъ пути. Благово го-

34) Дѣл. Турецкіе книг. № 2, лист. 288—291. Наказ. Благово.

35) Изъ книг. свѣд. ком. объ устр. Д. в. изъ Москов. Госуд. Архив. съ 1514—1682. Смотр. грам. Пронскому казачьему головѣ.

вориць донскимъ атаманамъ, чтобъ они про этихъ черкасъ развѣдывали и непремѣнно охранили его. Тутъ одинъ изъ атамановъ *Юшко Несвѣтаевъ* вызвался прибрать къ себѣ 50 молодцовъ и засѣсть на перевозѣ у переволоки для безопасности его посланства, прося только о государевомъ жалованьѣ, селитрѣ и свинцѣ, какъ доносилъ объ этомъ самъ Благово царю съ пути 36). Въ Азовѣ скоро успѣлъ Благово установить согласіе между донцами и азовцами, и отсюда прибылъ въ Константинополь безъ особыхъ приключеній. Я говорилъ и доброе и злое, не скрывая, не преувеличивая перваго, не уменьшая второго.

Еще въ Кафѣ высказали ему, что Порта весьма недовольна дѣйствіями терскихъ, а особенно донскихъ казаковъ: въ Константинополѣ твердили то же. Даже самъ султанъ, принявшій Благово ласково, между прочимъ требовалъ, чтобы царь немедленно унялъ донскаго атамана Ивана *Кишкина*, который, не задолго передъ этимъ, ставъ подъ самымъ Азовомъ, тѣснилъ городъ, билъ жителей и нанесъ имъ большія разоренія *„не по прежнему обычаю"* 37). Но осторожный посланникъ, по данному наказу, искусно оправдывалъ и царя и казаковъ. Честимый въ Константинополѣ, наровнѣ съ господаремъ волошскимъ и болѣе посла венеціанскаго, Благово, не безъ труда однакожъ, убѣдилъ Амурата послать собственнаго чиновника въ Москву. Паши говорили: „Султанъ „есть великій самодержецъ; послы ѣздятъ только къ монархамъ „знаменитымъ: къ цесарю, къ королю французскому, испанскому, англійскому; ибо они имѣютъ съ нами важныя дѣла государственныя и присылаютъ ему казну, или богатую дань; а съ „вами у насъ одни купеческія дѣла".—Благово отвѣчалъ: „Сул-

---

36) Дѣл. Турецк. книг. № 2, лист. 305. Донес. Благово декабря 9 дня.

37) Дѣла Турецк. книг. № 2, лист. 325. Дон. Благово 10 сентябр. 1585 г. и лист. 481 грам. Тур. Султ.

„танъ великъ между государями мусульманскими, царь великъ „между христіанскими. Казны и дани не присылаетъ никому. „Торговля важна для государствъ; могутъ встрѣтиться и другія „дѣла важнѣйшія; но если султанъ не отправитъ со мною знат-„наго чиновника въ Москву, то посланнику его уже никогда не „видать очей царскихъ".—Султанъ велѣлъ ѣхать съ Благово чаушу своему Адзію Ибрагиму 38).

На возвратномъ пути Благово, въ Кафѣ, пришли къ нему на дворъ, на другой день по пріѣздѣ (22 Іюня 1585 г.), рано утромъ черкесскіе князья съ многими черкесами и говорили *съ великимъ шумомъ*, что донскіе казаки, въ турецкихъ владѣніяхъ, на морѣ, между городовъ Керчи и Бахчисарая, побрали въ плѣнъ на рыболовствѣ многихъ черкесовъ, а нѣкоторыхъ побили, и что какъ эти казаки русскому царю служатъ, то они черкесы теперь либо сами помрутъ, либо его посланника со всѣми людьми побьютъ. Едва убѣдилъ ихъ Благово идти къ пашѣ и въ тотъ же день самъ видѣлся съ нимъ. Паша объяснялъ: что этихъ черкесскихъ князей султанъ посылаетъ теперь на войну въ Персію; а они отзываются невозможностью служить потому, что казаки забрали много людей въ плѣнъ и у нѣкоторыхъ князей побили братьевъ и племянниковъ. Можетъ ли быть добро, что такъ дѣлаютъ донскіе казаки, заключилъ паша, дополнивъ: „прежде „этого никогда не бывало, чтобы такъ далеко отъ Дона приходили они къ турецкимъ городкамъ, для нападеній и забирали „въ плѣнъ людей".—Князья просили пашу задержать посланника и донесть объ ихъ дѣлѣ султану. Не соглашаясь останавливать посольство, паша требовалъ отъ Благово, чтобы онъ оставя въ залогъ обиженнымъ черкесамъ своего подьячего да толмача, по пріѣздѣ въ Азовъ розыскалъ у казаковъ плѣнныхъ черкесовъ; по розысканіи же, немедленно будутъ ему возвращены подьячій и

38) Кар. т. X. стр. 60 и 61.

толмачъ. На это Благово отвѣчалъ пашѣ рѣшительно: ни подьячаго, ни толмача не оставлю. На Дону живутъ люди безъ государевой воли и не слушаютъ никого: а мнѣ до казаковъ какое дѣло? я былъ у султана и почему могу знать, дѣлаютъ ли набѣги казаки или нѣтъ, и какіе казаки—донскіе ли, или литовскіе? Розыскать это—дѣло самаго паши, а не мое 39). Паша отсталъ.

Замѣтимъ: это, какъ видно, былъ первый походъ донцовъ на Черное море,—родоначальникъ всѣхъ отважныхъ морскихъ походовъ ихъ, какими полна донская исторія, въ какихъ утлые струги казацкіе, ежегодно, разсѣкая бурные волны Эвксина по всѣмъ направленіямъ, наносили пожары, разрушенія, плѣнъ и кровь по побережнымъ городамъ и селамъ могучей и грозной тогда имперіи турецкой.

По пріѣздѣ въ Азовъ, Благово извѣстился отъ донского казака татарина Магмета, пришедшаго изъ юрта атамана Ивана *Ртищева*, что лишь только сдѣлалось извѣстно на Дону о скоромъ прибытіи пословъ и что съ ними идутъ армянскіе купцы; то какой то буйный атаманъ Гаврила *Глумовъ* съ *Лукою Царевымъ казакомъ* замыслили собрать шайку въ 500 человѣкъ, чтобъ напасть на посольства. Это извѣстіе привело въ большое безпокойство Благово и чауша Ибрагима, а также озаботило и начальника Азова: Ибрагимъ не хотѣлъ ѣхать далѣе, если всѣ донскіе казаки не дадутъ ручательства клятвою въ безопасности посольства и располагалъ донесть тогда объ этомъ султану. Благово, для разъясненія страха, по согласію азовскаго начальника, послалъ къ донскимъ атаманамъ, находившагося тогда плѣннымъ въ Азовѣ, донского же атамана Михайлу *Елкина* съ Иваномъ Пологовскимъ сказать, чтобъ они атаманы и казаки непремѣнно

---

39) Дѣл. Турецк. книг. № 2, лист. 327. Донесен. посла Благово. сентябр. 10 дн. 1585 г.

исполняли извѣстную, привезенную имъ царскую грамоту и проводили бы его съ турецкимъ посланникомъ до Москвы бережно. Объ этой случайности Благово, въ то же время, донесъ царю 40).—Правду ли передалъ въ Азовъ казакъ татаринъ, или сдѣлалъ тревогу ложно, неизвѣстно; но какъ въ нижнихъ юртахъ былъ тогда сильный вліяніемъ и благоразумный атаманъ *Кишкинъ* 41), то посольство, въ сопровожденіи казаковъ, дошло до Москвы безопасно 24 Ноября.

Между тѣмъ, вслѣдствіе донесенія Благово, изъ Москвы отправленъ былъ на встрѣчу посольствъ воевода Юрій Булгаковъ, а на Донъ къ казакамъ послана (30 Сентября 1585 г.) особая грамата, которою обѣщано дать *помѣстья* тѣмъ казакамъ, какія будутъ правожать пословъ 42).

Чаушъ Ибрагимъ вручилъ царю письмо султанское, въ которомъ Амуратъ называлъ Ѳеодора *королемъ московскимъ*, благодарилъ за доброе желаніе быть въ дружбѣ, подтверждалъ свободу торговли для русскихъ купцовъ въ Азовѣ; но въ доказательство любви требовалъ, чтобы царь выдалъ Ибрагиму измѣнника Мегметъ-Гиреева сына Мурата (о которомъ объяснимъ впослѣдствіи) и немедленно унялъ донского атамана Кишкина.—Потомъ Чаушъ отказался отъ всѣхъ переговоровъ съ баярами 43).

Мы не перехитрили турокъ; размѣнявшись учтивостями, убѣдились только, что старое правило турецкаго двора въ отношеніи къ Россіи не измѣнилось, что Амуратъ не мыслилъ о заключеніи дружественнаго, государственнаго договора, а желалъ только, какъ и предшественникъ его свободной торговли между обѣими державами;

---

40) Дѣл. Турецк. книг. № 2, лист. 329. Донесен. Благово.

41) Дѣл. Турецк. книг. № 2, лист. 321. См. наказ Василію Биркину.

42) Дѣл. Турецк. книг. № 2, лист. 344 и 345.

43) Кар. Т. X. стр. 61.

почему Феодоръ отпустилъ Ибрагима (въ Октябрѣ 1586 года) съ такимъ отвѣтомъ, что на Дону своевольствуютъ болѣе черкасы-казаки литовскіе, нежели русскіе; что атаманъ Кишкинъ отозванъ въ Москву и товарищамъ его не велѣно нападать на азовцевъ; что впередъ сдѣлается запрещеніе выходить казакамъ изъ украинныхъ городовъ на Донъ 44), что о сынѣ Мегметъ-Гиреевѣ, нашемъ присяжникѣ, будетъ наказано къ султану съ новымъ посломъ царскимъ 45). Но въ теченіе слѣдующихъ шести лѣтъ, Москва не дѣлала посольскихъ сношеній съ Константинополемъ.

Въ то время, когда отправленъ изъ Москвы въ Крымъ (въ 1584 году) посланникъ Иванъ Судоковъ-Мясной, съ извѣстіемъ о вступленіи на царство Феодора, тамъ происходили волненія.— Ханъ Мегметъ-Гирей, манившій союзомъ и Россію и Литву, тайно сносившійся съ возмутившеюся Черемисою, и явно посылавшій хищниковъ своихъ въ наши украины, не слушался Амурата идти съ крымцами на войну въ Персію. Султанъ поставилъ ханомъ, на мѣсто Мегмета, брата его Исламъ-Гирея, вооружилъ его янычарскою дружиною, и, вызвавъ изъ Дербента Асмана Пашу, велѣлъ ему исполнить свою волю. Мегметъ, разбитый подъ Кафою Асманомъ, покинутъ былъ всѣми людьми, хотѣлъ бѣжать,—но пойманъ племянникомъ, сыномъ Ислама, царевичемъ Алпомъ и удавленъ. Дѣти его Мегметъ-Гирей и Сайдетъ-Гирей бѣжали изъ Крыма 46) прямо въ донскіе юрты къ казакамъ 47).

Новый ханъ Исламъ-Гирей слѣдовалъ вѣроломству предмѣстниковъ. Онъ писалъ къ Феодору: „Отецъ твой купилъ миръ и

---

44) Дѣл. Турецк. книг. № 2, лист. 495. Грам. цар. къ Султ. Истор. Карт. Т. X. стр. 62.

45) Кар. Т. X. стр. 62.

46) Кар. Т. X. стр. 53 и примѣч. 96.

47) Дѣл. Крым. книг. № 16, лист. 9 и на обор. смотр. статейн. спис. посл. Судак.-Мясн.

„брата моего десятью тысячами рублей, сверхъ мѣховъ драгоцѣн-„ныхъ. Дай мнѣ еще болѣе,—и мы раздавимъ недруга литовскаго";— и въ то же время крымскія шайки его, вмѣстѣ съ ногайцами Козыева улуса и съ азовцами, разоряли селенія въ округахъ: Бѣлевскомъ, Козельскомъ, Воротынскомъ, Мѣщовскомъ, Мосальскомъ. Думный дворянинъ Бунинъ прогналъ этихъ хищниковъ, разбилъ ихъ наголову и отнялъ плѣнниковъ 48).

Въ такихъ обстоятельствахъ, Θеодоръ, уже извѣщенный (въ 1584 году) донскими атаманами Иваномъ Кишкинымъ и *Третьякомъ*, по личному пріѣзду ихъ въ Москву *вѣстовою станицею*, о приходѣ на Донъ и пребываніи тамъ крымскаго царевича Сайдета съ братьями и съ преданными ему лучшими князьями Дербышемъ, Касимомъ и съ мурзами, признал полезнымъ превратить этихъ изгнанниковъ въ орудія своей политики противъ Крыма и предложить имъ вспоможеніе и убѣжище. Донцы, до рѣшенія царскаго, лаская у себя царевичей, отобрали у нихъ *„сагайдаки, всякую ратную сбрую и стерегли ихъ лошадей"* 49). Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, немедленно послѣдовали отъ Москвы вспомогательныя распоряженія для Сайдета. Къ донскимъ казакамъ послана отъ царя по этому предмету грамота, изъ которой частью видно, въ чемъ состояли распоряженія. Содержаніе грамоты слѣдующее: „Мы велѣли быть на Дону Гуру-Вердеревскому съ тремя стами „казаковъ и *бортниковъ* изъ нашихъ городовъ украйныхъ. Ему „приказано стать повыше вашего городка *Раздоровъ-Донецкихъ*, „тамъ, гдѣ будетъ удобнѣе, и ждать вѣстей: что сдѣлаетъ Сай-„детъ-Гирей надъ Крымомъ. Вы бы атаманы и казаки, какіе бу-„дете на Дону, соединились съ Вердеревскимъ и служили намъ и „промышляли о нашемъ общемъ дѣлѣ, за одно. Если Сайдетъ-Ги-„рей утвердится ханомъ, тогда вы, съ крымцами, съ улусомъ

48) Кар. Т. X. стр. 53 и 54.

49) Дѣл. Крым. книг. № 16, лист. 9. Вѣст. отп. Мяснов.

„Арaслана мурзы и съ азовцами живите мирно и войны не начинайте. Если же Сайдетъ, сдѣлавшись ханомъ, пошлетъ на „Казыевъ улусъ на Як-шисата князя Арaслана мурзу, или хана „Мурзу сына Казыева, или крымскихъ какихъ мурзъ воевать, „или пошлетъ брата своего Сафа-Гирея царевича на Як-шисата; „тогда вы, атаманы и казаки, надъ Сафа-Гиреемъ и надъ его „людьми и надъ Арaсланомъ мурзою никакихъ поисковъ не дѣлайте, чтобъ не ссорить насъ съ Сайдетъ-Гиреемъ. А если Сайдетъ-Гирей пришлетъ къ Вердеревскому, или къ вамъ и будетъ „просить идти съ своими людьми на Як-шисата, тогда вы, сговорясь съ Вердеревскимъ, нарядитесь въ числѣ двухъ или трехъ „сотъ человѣкъ и больше и воюйте Як-шисата вмѣстѣ съ Сайдетъ-Гиреевыми людьми и стойте съ ними за одно. Если же „Сайдетъ-Гирей нынѣ крымскаго ханства себѣ не достанетъ и „расположится зимовать на Дону, или пойдетъ въ Арaсланеевъ „улусъ; то вы атаманы и казаки ему никакого вреда не дѣлайте, берегите его отъ недруговъ и съ нимъ стойте за одно". За службу, при исполненіи этого повелѣнія, царь обѣщалъ донцамъ прислать весною *„свое великое жилованье"*—сукно, селитру, свинецъ, запасъ.

Весною же предполагалось выслать на Донъ воеводъ со многими людьми 50).

Прежде прихода Вердеревскаго на Донъ, изгнанники Сайдетъ и Мегметъ успѣли собрать до 15/т. ногаевъ съ частью донскихъ атамановъ и казаковъ 51), и, вторгнувшись въ Крымъ (1585 года), свергнули Исламъ-Гирея съ престола, взяли его женъ, казну, опустошили улусы. Сайдетъ назвался ханомъ, Ис-

---

50) Дѣл. Т. книг. № 2. Грам. на Донъ 30 сентябр. 1584 г. изъ собр. для ком. объ устр. в. Д. выпис. изъ Моск. Госуд. Арх.

51) Крым. дѣл. книг. № 16, лист. 63 на обор. и 64. Смотр. наказ. Непейц 1586 г.

лам найдя пособие въ Кафѣ нарядомъ 4000 султанскихъ воиновъ, чрезъ два мѣсяца, изгналъ снова племянниковъ, побѣдивъ ихъ въ жестокой дракѣ. 52). Объ участіи въ этой войнѣ донскихъ казаковъ, отправленному въ Крымъ посланнику Василію Непейцыну велѣно, по наказу, дѣлать отрицаніе и увѣрять, что если и ходили съ Дону казаки съ Сайдетомъ, то это, конечно, казаки польскіе безъ царскаго вѣдома 53).

Послѣ второго изгнанія Сайдетъ, очутился на берегахъ Волги, гдѣ и дозволено ему кочевать въ сосѣдствѣ съ ногайцами близъ Астрахани. Къ князю Урусу царь писалъ, чтобы онъ всѣхъ мурзъ Сайдетовыхъ не лишалъ своего союза 54). Мегмета же царь призвалъ въ Москву, честилъ, обязалъ присягою въ вѣрности и отпустилъ въ Астрахань, гдѣ онъ долженъ былъ составлять собою орудіе нашей политики. При этомъ сдѣлано распоряженіе, чтобы казаки не только донскіе, но яикскіе, волжскіе и терскіе содѣйствовали въ ооруженіяхъ на крымцевъ 55). Въ Астрахани Муратъ, величаясь предъ толпами сосѣдственныхъ татарскихъ мурзъ и купцовъ восточныхъ грамотою Ѳеодоровою, называлъ себя владыкою четырехъ рѣкъ: Дона, Волги, Яика, Терека, всѣхъ вольныхъ улусниковъ и казаковъ; хвалился не только сокрушить Ислама, но смирить и султана. Между тѣмъ служилъ намъ ревностно, уговаривалъ волжскихъ ногаевъ къ покорности, особенно князя Уруса; грозилъ силою мятежному князю казыевой орды Якшисату за непріязнь къ русскимъ; сбирался вмѣстѣ съ

52) Кар. т. X стр. 54 и 55.

53) Крым. дѣл. книг. № 16 лист. 63 на обор. и 64, см наказ. Непейцев. 1586 г.

54) Дѣл. Ногайск. № 6 въ столп. 1587 г. смотр. грам. царя къ Урусу.

55) Дѣл. Ногайск. связ. 1, тетр. 13, 1586 г. Смотр. донес. Самарс. воеводы Засѣкина.

братомъ Сайдетомъ снова ударить на Крымъ съ ногаями, казаками, черкесами, ожидая повелѣнія царя, обѣщанныхъ пушекъ и 10/т. стрѣльцовъ 56). Но царь останавливалъ это предпріятіе, опасаясь Баторія болѣе, нежели Ислама, по неувѣренности въ мирѣ съ Польшею.

Первый морской набѣгъ донскихъ казаковъ на Черномъ морѣ, (между городами Керчью и Бахчи-Сараемъ), до того былъ поразителенъ для турокъ и озаботилъ ихъ предосторожностями, что, въ слѣдующемъ лѣтѣ (1586 года), они послали въ Азовъ прибавленіе войска и съ помощью крымцевъ *„задѣлали“* (конечно засыпали каменьями) устья трехъ рукавовъ Дона при впаденіи въ Азовскій заливъ: устье р. Мертваго Донца, р. *Ханлычека* (вѣроятно Каланчи) и р. *Кумазекъ,* чтобъ отнять возможность у казаковъ проходить стругами въ море. Такъ сильно предчувствовали турки тѣ горькія слѣдствія первой отважной попытки донцовъ въ дальнемъ морскомъ выходѣ, какія увидимъ въ продолженіи ихъ исторіи.

При этихъ упроченіяхъ Азова устроенъ былъ мостъ чрезъ р. Мертвый Донецъ въ безопасномъ отъ казаковъ мѣстѣ. Вѣроятно мостъ этотъ назначался для перехода на задонскую сторону большого турецкаго вооруженія въ дунайскихъ областяхъ и въ Крыму, которое собиралъ султанъ до 80,000 человѣкъ, для похода въ Персію подъ начальствомъ Казы-Гирея и Алта-Гирея—крымскихъ царевичей; чему всѣ крымцы очень противились и отъ чего многіе разбѣгались, страшась, что, по отсутствію наѣздниковъ, въ конецъ разорены будутъ жилища ихъ, съ одной стороны отъ запорожскихъ, а съ другой отъ донскихъ казаковъ и непріязненныхъ ногайцевъ 57). Но турецкіе начальники, чтобы закрыть

56) Кар. Т. X. стр. 55 и 56.

57) Дѣл. Ногайск. связк. 1, тетр. № 10, 1586 г. Смотр. донесеніе Астр. воев. Лобан.-Ростовскаго 1586 г. и тѣхъ дѣлъ и ту же

это, распустили два слуха: первый, что придутъ на Донъ для истребленія города, поставленнаго русскими ратниками 58), котораго вовсе не было; вѣроятно, подъ этимъ разумѣли, станъ, въ которомъ сидѣлъ Вердеревскій съ казаками изъ украинныхъ городовъ 59); вторый, что пойдутъ воевать Астрахань, чѣмъ льстили волжскимъ ногайцамъ, вслѣдствіе тайнаго посольства ихъ къ султану въ прошломъ 1585 году 60). Въ этихъ заботахъ туркамъ содѣйствовалъ, хотя и не по волѣ, а по страху силы, Козыевскій князь Як-шисатъ 61). Между тѣмъ, как турки принимали защитительныя мѣры и распускали угрозы, донскіе казаки безпрерывными разъѣздами по степямъ и рѣчнымъ *перевозамъ* и „*перелазамъ*" по Донцу и Дону, отъ Раздоровъ своихъ до украинъ, подстерегали враговъ, передавали о нихъ вѣсти въ Москву и въ Астрахань къ воеводамъ и царевичу Мурату, содѣйствовали распоряженіямъ царя по провожанію гонцовъ. Возвращенный изъ Москвы (въ 1586 году) по какому то важному порученію въ Астрахань съ граматами Стрѣлецкій Сотникъ Враскій и посланные съ нимъ къ князю Урусу служилые татары и два ногайца направлены были чрезъ донскія степи: царь, особою граматою къ донцамъ, велѣлъ имъ провожать этихъ людей между *городками* и *зимовьями* до *переволоки* и за Волгу; по исполненіи же, прислать донесеніе съ станицею, для полученія за то жалованья 62).

связк. тетр. № 13, см. грам. Ибрагима Мурз. къ воевод Лобан. въ Астр. 1586 г.

58) Дѣл. Крым. въ столб. связк. № 1—1586 г. см. донес. въ польск. приказъ Астр. воевод. кн. Лобан. 1586 г.

59) Ссылка на предш. стр. примѣч.

60) Дѣл. Крым. ст. спис. книг. № 16, лист. 12, на оборот. см. примѣч. въ предш. главѣ.

61) Дѣл. Ногайск. связ. 1, тетр. № 10 см. донес. Астр. воев. Лобан.-Рост. и выш. привед. примѣч. въ 4 пр.

62) Дѣл. Ногайск. связ. № 1, тетр. 13 грам. цар.

Къ большой досадѣ султана, давно злобнаго за помѣшательства Донскими и Терскими казаками въ распоряженіяхъ его по войнѣ Персидской, на пути отъ Тавриды до Дербента, Ѳеодоръ, въ этомъ же (1586 году), торжественно вступилъ въ обязательство покровительствовать Грузіи. Александръ, царь этой несчастной земли, угнетаемой тогда турками и персіянами, „билъ челомъ Ѳеодору до лица земли и всѣми подданными, какъ единовѣрными „братьями россіянъ: да будутъ они его во вѣки вѣковъ.“ Принятіемъ господства знаменитой Иверіи—прародительницы казаріи и древнѣйшаго разсадника христіанства, Москва ставила себя между двумя магометанскими сильными державами, въ то время враждебными между собою. Турція владѣла западною частію Грузіи и спорила съ Персіею о восточной, требуя дани съ Кахетіи, гдѣ царствовалъ Александръ, и съ Карталиніи, подвластной князю Симеону, его зятю. Хотя дѣло шло, какъ понимаемъ мы, болѣе по какому то безотчетному исторически, но тайному духовному сродству древнихъ *Мосховъ Кавказа съ Мосхами* по-Оцкими и по-Донскими, а такъ же о чести и славѣ нашего имени по вѣрѣ Христовой, нежели о существенномъ владычествѣ въ странѣ столь отдаленной; но Ѳеодоръ, объявивъ себя верховнымъ повелителемъ Грузіи, поспѣшилъ принять мѣры къ ея успокоенію и защитѣ, сколько могъ. Оставленная Россіею на Терекѣ крѣпость, служившая пріютомъ вольныхъ казаковъ, (отъ которой два года назадъ Ѳеодоръ отрицался Амурату), немедленно исправлена вновь и занята стрѣлецкими дружинами подъ начальствомъ воеводы князя Хворостина: ему надлежало утвердить власть Россіи надъ князьями черкескими и кабардинскими, ея присяжниками со временъ Іоанновыхъ, и вмѣстѣ блюсти Иверію.—Другое войско Астраханское смирило мятежнаго тогда дагестанскаго князя Шавкала и завладѣло берегами Койсы 63).—Это русское завладѣніе предго-

63) Кар. Т. X. стр. 62—65.

ріями Кавказа дало вольной общинѣ терскихъ казаковъ новыя средства къ усиленію и укрѣпленію общихъ дѣйствій ихъ съ донскими казаками по степямъ древней Сарматіи—при-Каспійскимъ и Кубанскимъ. Прочія же пособія, оказанныя тогда Россіею страдавшей Грузіи 64), до нашей исторіи не относятся.

Исламъ-Гирей, имѣя злобу на Москву за вспомоществованіе Сайдету и Мурату, съ наступленіемъ весны 1587 года, послалъ до тридцати тысячъ крымцевъ и ногайцевъ казыевскихъ на русскія украины подъ начальствомъ брата своего Алпа-Гирея царевича: пламя и пепелъ города Кропивны были знакомъ этого набѣга; но воеводы московскіе прогнали хищниковъ, проложивъ кровью слѣды ихъ бѣгства 65).

Въ это же самое время, улусы Казыевской орды князя Як-шисата, союзника крымцевъ, сидѣвшіе по степямъ кубанскимъ, бывъ тѣснимы съ одной стороны волжскими ногайцами, съ другой черкесами Пятигорскими, которые отбили у нихъ лошадей, подкочевали (лѣтомъ 1587 г.) къ Дону: тутъ казаки разгромили Як-шисата до крайности, забрали много людей въ плѣнъ и даже захватили дочь его. Кромѣ того, въ осень онъ долженъ былъ беречься еще нападеній отъ князя Уруса. Въ такомъ положеніи Як-шисатъ послалъ къ крымскому хану брата своего Кайбулу Мурзу и просилъ о помощи присылкою царевича съ наѣздниками 66).—Эта задонская схватка казаковъ съ ордою казыевцевъ была началомъ тѣхъ безконечныхъ стычекъ и битвъ между ними, какія займутъ многія страницы во всей древней исторіи донцовъ.

---

64) Кар. Т. X. стр. 66 и 67.

65) Дѣл. Ногайск. связ. № 4. Грам. цар. къ Урусу. 1587 г. Кар. Т. X. стр. 54 и примѣч. 99.

66) Дѣл. Крым. книг. № 16, лист. 136. Дон. посла Мясоѣдова 1887 г. тѣхъ же дѣл. ст. спис. книг. № 17. Ст. спис. лист. 37 посл. Ивана Судакова-Мяснаго.

Смерть Баторія (12 Декабря 1586 года) и наставшія за нею въ Литвѣ и Польшѣ волненія и переговоры пановъ по избранію короля и по распрѣ съ Москвою, кончившіяся примиреніемъ Россіи съ Польшею, заключеннымъ съ вельможною думою на 15 лѣтъ и возведеніемъ Сигизмунда на престолъ Ягеллоновъ, 67) отстранили отъ Ѳеодора опасенія со стороны запада и представили возможность заняться дѣломъ изгнанниковъ крымскихъ.

Признавая справедливымъ за гибель города Кропивны отмстить Исламу, царь началъ самыя дѣятельныя распоряженія къ вооруженію на Крымъ, чтобы въ осень 1587 года, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ ханскаго набѣга, сдѣлать вторженіе въ его хищное гнѣздо. Изъ Москвы посланы были граматы къ Сайдетъ-Гирею и къ Муратъ-Гирею царевичамъ объ отряженіи ими брата своего Сафа-Гирея съ людьми, какихъ собрать могутъ. Въ то же время послана грамата къ ногайскому князю Урусу, чтобы и онъ съ своей стороны сдѣлалъ вспомоществованіе людьми воинскими, пославъ ихъ съ сыномъ своимъ Янарosланомъ Мурзою и вошелъ по этому предмету въ сношенія съ Сайдетомъ и Муратомъ. Изъ Астрахани велѣно послать къ донскому городку Раздорамъ Донецкимъ стрѣлецкаго голову съ пятью стами стрѣльцовъ и казаковъ, присоединивъ къ нимъ сто человѣкъ черкасъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, гдѣ всѣ эти люди должны были поступить подъ начальство дворянина, имѣющаго прибыть туда съ стрѣльцами. Съ этимъ сборнымъ войскомъ велѣно соединиться и донскимъ казакамъ, сколько ихъ соберется 68). Мурату царевичу предоставлены были возможные способы къ призванію охотниковъ на войну.

Раскажемъ случай, поясняющій, что были за люди, входившіе въ Муратовы военные сборы.

67) Кар. Т. X. стр. 84—103.

68) Дѣл. Ногайск. связ. № 6. 1587 г. Смотр. грам. царя къ Урусу 1587 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Въ 1586 году, какое то товариство конныхъ черкасовъ въ 82 человѣка съ атаманомъ *Счастнымъ-Матусовымъ Грандалемъ*, прослышавъ о полномочіи Мурата, пробралось къ нему; но какъ Муратъ былъ въ отлучкѣ изъ Астрахани, то черкасы, во время стоянки своей у Волги, на Балыклейскихъ горахъ, въ ожиданіи его болѣе пяти недѣль, нападали на волжскаго атамана Рязанцова, убили его и 20 *судовыхъ казаковъ*, а волженцы у черкасъ убили атамана Марка и 10 казаковъ; потомъ нападали черкасы на ватагу рыбаковъ и на два купеческихъ струга, плывшихъ изъ Астрахани съ рыбою. Явившись къ Мурату, они принесли повинную, сказавъ что все это сдѣлали „съ *голоду*"; просили исходатайствовать у царя помилованіе 69). Муратъ писалъ объ этомъ къ правителю, который отвѣчалъ: что для него „*печаловался*" онъ у государя о черкасахъ, и государь „*пожаловалъ, вины имъ отдалъ*" и велѣлъ воеводамъ астраханскимъ, приведя черкасовъ къ крестному цѣлованію, давать имъ денежное и хлѣбное жалованье и посылать на службу 70).

Обо всѣхъ описанныхъ приготовленіяхъ на Крымъ ханъ Исламъ-Гирей извѣщенъ былъ изъ Астрахани тайною отпискою отъ какого то мурзы Кушума съ предвареніемъ, чтобы крымцы были въ величайшей осторожности. Кушумъ пояснялъ, что „Государь московскій далъ Мурату стрѣльцовъ и казаковъ двѣнадцать съ половиною тысячъ съ „огненнымъ боемъ" (съ пушками), да съ Волги и съ Дону казаковъ пять тысячъ" 71). Какія были послѣдствія этого ратнаго сбора, неизвѣстно; но въ Мартѣ 1588 г.

69) Дѣл. Ногайск. связ. № 1, тетр. 13. 1586. См. отп. Мурата къ Борису Годунову.

70) Дѣл. Ногайск. связ. № 1, тетр. 13. Отписка Годунова къ Мурату.

71) Дѣл. Крым. ст. спис. № 17. 1587 г. лист. 26 и на оборот. см. ст. спис. посла Судакова-Мяснаго.

отправлена была изъ Москвы въ Крымъ наскоро къ посланнику Ивану Мясоѣдову наказная грамата, которою повелѣвалось: „если станутъ крымцы спрашивать: для чего казаки волжскіе и „донскіе, соединясь съ бѣжавшими царевичами, идутъ на Крымъ „войною?“—отвѣчать: „что какъ ханъ и Калга со всѣмъ Крымомъ и съ турками сбираются идти къ Астрахани, то царевичи, „оберегая себя, вышли на Поле на Донъ къ казакамъ; нашихъ „же людей (московскихъ) не чаемъ съ ними. Волжскіе же и донскіе казаки не наши—люди вольные, и если пойдутъ съ царевичами, то безъ нашего вѣдома, самовольствомъ: мы такихъ „сыскиваемъ и казнимъ“ 72).

Все дѣло пособія изгнаннымъ царевичамъ въ сущности было только смѣтливымъ разсчетомъ Годуновской политики, чтобы, ужасая Ислама племянниками, имѣть болѣе силы на случай войны съ Баторіемъ, а впослѣдствіи, при переговорахъ съ польскою вельможною думою, имѣть болѣе значенія 73), а недѣйствительнымъ желаніемъ одолѣть Ислама въ пользу Сайдета: иначе, въ отношеніи къ Россіи, одинъ хищникъ промѣнялся бы только на другого, какъ заключалъ и исторіографъ 74).

Скорая смерть Ислама въ 1588 году и преемство ханства братомъ его Казы-Гиреемъ, прибывшимъ изъ Константинополя на господство въ Тавриду съ султанскою граматою, подъ охраненіемъ трехъ сотъ янычаръ,—свѣтло объясняютъ это дѣло. Вотъ что отвѣчалъ правитель отписками своими знатнымъ гонцамъ новаго хана, Молла Ансалями съ товарищами, прибывшихъ въ Москву (въ Августѣ мѣсяцѣ 1588 года), съ извѣстіемъ о его вступленіи на тронъ: „въ этой веснѣ, какъ еще на крымскомъ юртѣ былъ

72) Дѣл. Крым. ст. спис. книг. № 16 лист. 194.—См. наказн. грам. Ивану Мясоѣдову 1588 г. март. мѣсяца.

73) Кар. т. X стр. 89 и 95.

74) Кар. т. X. стр. 58.

„Исламъ-Гирей, царь нашъ послалъ было большую рать свою на „Донъ тысячъ съ пятьдесятъ съ своими воеводами—дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ—подъ начальствомъ Михаила Глѣбовича Салтыкова Морозова (чего не было), а къ Астрахани— „Волгою послалъ было тоже тысячъ съ пятьдесятъ (тоже не было) со многими воеводами, для того чтобъ съ этою ратью шелъ „Муратъ-Гирей на Исламъ-Гирея хана за его несправедливости. „Да и на Днѣпръ въ Запорожье къ князю Кирику и къ князю „Михаилу Ружинскому и къ атаманамъ и черкасамъ, которые „*Государю нашему служатъ*, послалъ было головъ Хорева и „Хрущова съ своимъ жалованьемъ и съ сѣверскими людьми и „велѣлъ имъ идти со всѣми черкасами съ Днѣпра на встрѣчу „Муратъ-Гирею, и, соединившись съ нимъ, направиться на Крымъ. „Да какъ сдѣлалось извѣстно нашему государю чрезъ крымскаго „языка, присланнаго съ Днѣпра, что Ислама не стало, и что ханомъ сталъ Казы-Гирей, который хочетъ къ государю нашему „гонцовъ прислать: то государь нашъ, не желая представиться „Казы-Гирею недругомъ, остановилъ свои рати, въ ожиданіи точныхъ извѣстій о гонцахъ. Волжской рати велѣлъ стать въ Казани; а донской въ Донковѣ, въ Пронскѣ, въ Михайловѣ и въ „Ряжскомъ. А какъ гонцы хана Казы-Гирея—Молла Апсалямъ съ „товарищами пришли нынѣ къ нашему царю, то онъ желая быть „въ дружбѣ, всѣ свои рати распустить велѣлъ и походъ царевича Муратъ-Гирея на Крымъ остановилъ; и на Днѣпръ къ князю „Кирику и къ князю Ружинскому написалъ, чтобъ они на крымскіе улусы не ходили" 75).

О службѣ запорожскихъ казаковъ московскому царю за жалованье скажемъ въ слѣдующей главѣ.

75) Дѣл. Крым. ст. спис. № 18 лист. 28—29. 1588 г. См. отвѣт. Годунова Крым. гонц.

ГЛАВА VIII.

Посольское размѣнное мѣсто и посольскій путь. Причины новаго выхода казаковъ Черкасовъ Запорожцы служатъ царю.— Опасности отъ черкасовъ гонцамъ.—Приглашеніе донецкихъ черкасовъ на службу царю. Набѣги ихъ на донскихъ степяхъ.—Ханъ собираетъ разбѣжавшіеся улусы.—Союзъ донцовъ съ черкасами донецкими и общее нападеніе ихъ на Азовъ. Набѣгъ донцовъ на Крымъ.—Ополченіе хана на Москву.— Новый набѣгъ крымцевъ на украину. Набѣги азовцевъ и черкасовъ на донскіе городки. Набѣгъ донцовъ подъ Азовъ.—Морской походъ донцовъ.—Знатные плѣнники у донцовъ.—Посольство Нащокина въ Константинополь.—Грамата на Донъ.— Непріятныя случайности посольства на Дону.—Остановка посольства въ Азовѣ. Вѣроломство азовцевъ и мщеніе донцовъ.—Доносъ азовцевъ.—Переговоры въ Константинополѣ.— Непріятныя слѣдствія доноса.—Грамата на Донъ.—Князь Волконскій на Дону.—Политическія вѣсти.—Грамата на Донъ съ милостивою ласкою.—Султанскій посолъ Резванъ въ Москвѣ.—Обратный путь его и новое посольство Исленьева въ Константинополь. Наказъ Исленьеву.—Граматы на Донъ.—Заключеніе о константинопольскихъ сношеніяхъ.— Вооруженія противъ крымцевъ и козыевскихъ ногайцевъ.— Донцы разбиваютъ азовцевъ и козыевцевъ.—Строеніе крѣпостей пограничныхъ.—Миръ царя съ ханомъ. Вѣроломство крымцевъ.—Переговоры русскихъ съ крымцами о казакахъ.

Съ 1588 – 1598 г.

По отторженіи Путивля отъ Москвы, городъ этотъ, какъ пограничный съ степями крымцевъ, сдѣлался „*размѣннымъ мѣ-*

стомъ" пословъ русскихъ и крымскихъ. Въ дѣйствительности это было болѣе размѣнное мѣсто не пословъ, а только проводниковъ и стражи посольской. Ѣхавшихъ изъ Москвы русскихъ пословъ и возвращавшихся крымскихъ до этого города охраняла русская стража и здѣсь сдавала ихъ стражѣ крымской для дальнѣйшаго пути, а ѣхавшихъ пословъ изъ Крыма провожала *до этого мѣста* стража крымская и передавала тутъ русской. Когда, съ теченіемъ времени, русскія украйныя селитьбы стали постепенно раздвигаться далѣе въ пустынныя степи древняго *Поля,* тогда направленіе посольскаго пути измѣнилось. Видно, что 1585 года (неизвѣстно съ какого времени) послы ходили изъ Москвы уже не на Путивль, а на г. Болховъ; а изъ него—къ перевозу Сѣверскаго Донца—ниже Святыхъ горъ. Съ этого же года возбудились соглашенія Москвы съ Крымомъ о новомъ размѣнномъ мѣстѣ, и въ 1587 году установлено оно на р. Соснѣ въ ново-построенномъ городѣ Ливнахъ. Отсюда *„посольскій ливенскій путь"* приходилъ къ Сѣверскому Донцу тоже ниже Святыхъ горъ, а переправа чрезъ рѣку была на такъ называемомъ *„маломъ перевозѣ"* 1). Отъ перевоза дорога въ Крымъ шла пустыми степями и кочевьями татаръ до самаго Перекопа.

Этотъ крымскій посольскій путь былъ значительною приманкою для удальства казачества, стремившагося вредить во всемъ и вездѣ татарамъ, какъ ниже увидимъ.

Безгосударная жизнь Польши и Литвы цѣлый годъ—отъ смерти Баторія до избранія въ короли шведа Сигизмунда (съ 12 декабря 1586 по 16 декабря 1587 года)—съ ея мятежнымъ раздѣленіемъ вельможъ и дворянства, по выбору короля, на три стороны, которыя среди самыхъ торжественныхъ совѣщаній не рѣдко доходили до междуусобныхъ дракъ, особенно въ такъ назы-

---

1) Дѣла Крым. книг. № 16 лист. 80, 87 и 95. 1585 г. и книг. № 17 лист. 8 на обор.

ваемомъ *Рыцарскомъ Колѣ*; а затѣмъ, по вступленіи на престолъ Сигизмунда, открытое усиленіе изъ старинной неприязни католичества къ православію литовцевъ и проявленіе начала *уніи*—горькаго плода іезуитства, насажденнаго въ виленской школѣ Антоніемъ Полентнымъ, достойнымъ поборникомъ духа Лайолы, произвели живыя, сильныя причины казаковъ-черкасовъ, несовратимыхъ дѣтей православія, къ новому многочисленному удаленію ихъ за предѣлы Литвы. Не смотря на свои права и вольности, утвержденныя королями и сеймами, они вездѣ стали встрѣчать отъ вельможъ и пановъ католиковъ униженія, притѣсненія, а въ жалобахъ не имѣли управы. Тогда повторилось то же, что было при королѣ Александрѣ, зятѣ Іоанна III, потерявшемъ значительную часть Литвы за мечту попасть въ святые церкви римской сокрушеніемъ православія.—Казацкія товариства одно за другимъ, оставляя днѣпровскіе берега кіевскихъ предѣловъ, потянулись къ берегамъ Донца, Дона и Волги. Въ это время и днѣпровскіе запорожцы отклонились отъ Литвы и, съ 1588 года, стали служить царю московскому за жалованье 2). По такой службѣ, впослѣдствіи, какъ видно изъ отношеній ихъ къ Москвѣ въ 1594 году, они признавали себя въ нѣкоторой зависимости отъ Россіи 3).

Выходцы-черкасы, располагавшіеся по рѣкѣ Донцу, выше и ниже Святыхъ горъ, загородили своими кошами посольскій ливенскій путь и проѣздъ тутъ отъ нихъ не могъ быть никому свободнымъ и безопаснымъ,—ни москалю, ни татарину; они дѣлали нападеніе и грабежи. Московское правительство, при отправленіи пословъ и гонцовъ въ Крымъ, было въ необходимости давать подробные путевые наказы, усиливать провожатыхъ и даже посылать съ ними особыя пригласительныя граматы къ казацкимъ

2) Ссылка на предшествующую главу.

3) Кар. т. X, стр. 181—183.

товариствамъ служить царю. Видимъ, что, въ 1589 году, отправленному гонцомъ въ Крымъ Петру Зиновьеву съ двумя знатными ханскими гонцами—княземъ *Исеемъ* и *Агою Казаномъ*, возвращавшимся изъ Москвы, дана была большая охранная стража изъ ста пятидесяти человѣкъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, особый наказъ и царская грамата къ какому то сильному товариству запорожскихъ черкасъ, въ которомъ атаманомъ былъ Матвѣй Ѳедоровъ. Граматою прошено товариство о пропускѣ Зиновьева и о приказѣ всѣмъ черкасамъ, стоявшимъ по Донцу, не дѣлать никакого вреда ни гонцамъ, ни провожатымъ; товариству же обѣщано за то государево жалованье. Наказомъ Зиновьеву велѣно: по выходѣ изъ города Ливенъ, освѣдомиться, если черкасы на Донцѣ стоятъ спокойно и набѣговъ отъ нихъ нѣтъ, то, не доходя до коша Ѳедорова, послать напередъ къ нему *вѣстовую* станицу о государевой граматѣ и о томъ, что онъ Зиновьевъ, идетъ гонцомъ наскоро, „*легкимъ дѣломъ*" и „*поминокъ*" (царскихъ подарковъ крымцамъ) съ нимъ не отправлено. Потомъ, когда самъ Зиновьевъ увидится съ атаманомъ и со всѣми казаками, то „*отъ государя поклонъ имъ исправить*", грамату подать и говорить, чтобъ его и крымскихъ гонцовъ пропустили, не тронувъ; что въ слѣдъ за этимъ пришлется къ нимъ государево жалованье съ боярскимъ сыномъ; что тотъ боярскій сынъ пробудетъ у нихъ на Донцѣ нѣсколько времени для усмотрѣнія ихъ службы, за которую государь будетъ присылать имъ „*великое свое жилованье*". Если же запорожскіе черкасы стоятъ не мирно и бываютъ отъ нихъ нападенія на „*проѣзжія станицы* и на *сторожей*" украйныхъ и на *севрюковъ* и на другихъ людей, и онъ Зиновьевъ не можетъ ожидать себѣ свободнаго пропуска; то стараться переѣхать Донецъ ночью въ такомъ мѣстѣ, чтобъ обойти черкасовъ. Если же украдкой пройти невозможно, то ѣхать прямо къ нимъ и убѣдить, чтобъ пропустили, не тронувъ и противностью своею не лишили бы всѣхъ братьевъ

своихъ чаркасъ запорожскихъ царскаго жалованья: непремѣнно убѣдить ихъ и пройти благополучно 4).

Неизвѣстно, склонялись ли черкасы на такія призванія, но видно, что и послѣ 1589 года всѣмъ гонцамъ московскимъ вмѣнялось въ обязанность, при переходѣ донецкихъ степей, имѣть величайшую осторожность и стараться обходить казаковъ въ пути 5).

Съ этого времени, надолго всѣ степи, раскидывавшіяся между рѣкою Сѣверскимъ Донцомъ и Дономъ, особенно воронежскія, находились въ своевольномъ разгулѣ скитавшихся черкасовъ. Люди эти, разбившись на отдѣльные коши (станы), были безъ общей центральной управы и каждый кошъ дѣйствовалъ, какъ хотѣлъ. Одни бросались къ берегамъ Волги, переходя Донъ у переволоки, другіе разсыпались по дорогамъ, ведущимъ къ русскимъ украинамъ, и нападали *съ голоду* на кого зря, нападали даже на донскіе казачьи городки. Такъ, въ 1590 году, бродившіе черкасы, соединясь въ числѣ 600 человѣкъ, приступили къ новому тогда городку Воронежу, сожгли его и убили тамошняго воеводу князя Ивана Шибанскаго-Долгорукаго 6). Въ 1595 году, товариство черкасовъ, до 200 человѣкъ, зимовавшее на вершинахъ рѣки Чира, дѣлало нападеніе на донской Усть-Медвѣдицкой городокъ. Храбрый атаманъ этого городка Афанасій Савастьяновъ, сидѣвшій тутъ съ 40 казаками, выдержавъ приступъ въ теченіи цѣлаго дня, *отстоялъ* городокъ и прогналъ черкасовъ. Отъ взятаго у нихъ плѣнника осажденные узнали, что у черкасъ есть умыселъ, весною, дождавшись прихода къ себѣ новыхъ товарищей изъ Лубенъ, идти на Царицынъ и на Саратовъ. Донскіе казаки доносили объ этомъ царю 7).

---

4) Дѣл. Крым. ст. спис. № 17, лист. 239—243, наказ. Петру Зиновьеву. 1589 г.

5) Дѣл. Крым. ст. спис. № 17 лист. 429—498.

6) Кар. т. X, примѣч. 197.

7) Дѣл. Крым. связ. № 1.—1586 года смотр. отписки Дон-

Ханъ Тавриды Казы-Гирей, сдѣлавшись владыкою разоренныхъ и разбѣжавшихся улусовъ въ Исламово время, въ необходимости былъ собирать ихъ и разстроенные средства поправлять добычами. Для этого онъ лично ходилъ, въ 1588 году, съ толпами своими по кубанскимъ степямъ и сгонялъ улусниковъ въ Тавриду; былъ въ Азовѣ, близъ котораго *„скошевалъ“* (соединилъ) на время для зимовки не успѣвшіе пройти до Волги улусы Урусовы съ улусами мурзъ казыевскихъ, которые, въ уваженіе услугъ отцу его, имѣли преимущество кочевать подъ Азовомъ на р. Кагальникѣ и Еѣ и находить торговый пріютъ въ посадахъ азовскихъ 8). Устроивъ казыевцовъ, ханъ отправился въ Крымъ.

Но не долго татары покоились въ посадахъ Азова.

Находники—донскіе черкасы, усѣвшись, скоро вступили въ союзъ съ донскими казаками. Весною, 1589 года, значительная часть ихъ прискакала на коняхъ и спустилась вплавь на стругахъ по рѣкѣ Донцу въ нижніе донскіе юрты для нападенія на Азовъ. Здѣсь, соединясь съ донскими казаками, отправились они вмѣстѣ къ непріязненному городку, также стругами и на коняхъ. 5 мая ударили казаки на Азовъ, разорили посады его, бывшіе вокругъ крѣпости, и забрали въ плѣнъ *„разныхъ людей* 300 человѣкъ“ 9). Добычу, по обыкновенію, отдавали на окупъ, или размѣнивали на плѣнниковъ своихъ братьевъ казаковъ и русскихъ *„землянъ“* (поселянъ), забранныхъ азовцами на украинахъ.

Въ томъ же году донскіе казаки ходили подъ Крымъ и, близъ урочища Овечьихъ водъ нападали на многіе улусы татаръ, били и разоряли ихъ отгономъ стадъ 10).

скихъ казаковъ, привезенные въ Москву 1596 году генваря 13, атаманомъ Семейкою Шубинымъ.

8) Дѣл. Крым. книг. № 18 лист. 45.

9) Дѣл. Крым. № 17, листъ 320. Смотр. отп. гонц. Зиновьеву, августа 11 дня 1589 г. Тѣхъ же дѣл. ст. спис. № 18, лист. 105, смотр. грам. Хана Казы-Гирея къ Годунову.

10) Дѣла Крым. № 18, лист. 105, смотр. грам. Казы-Гирея къ Годунову 1590 г.

Казы-Гирей, представляясь другомъ Ѳеодору, когда хвалился, что убѣдилъ султана не думать о завоеваніи Астрахани, и что его крымцы (въ 1589 году) сожгли много селъ и городовъ въ Литвѣ и Галиціи 11), не переставалъ пересылаться съ нимъ гонцами и граматами; даже о послѣднемъ нападеніи донскихъ казаковъ на Азовъ и на крымскіе улусы писалъ, въ 1590 году, тоже въ духѣ дружбы, говоря: „что какъ донцы Азову досаду дѣлаютъ, то „вамъ бы для султана унять ихъ; а у какихъ моихъ людей стада берутъ, то какъ бы тѣ люди чрезъ нихъ вашей землѣ досады не сдѣлали" 12). Между тѣмъ условливался за золото съ королемъ шведскимъ, бывшимъ тогда въ войнѣ съ Россіею, громить Москву сильнымъ нападеніемъ. Дѣйствительно, имѣя и самъ причины быть недовольнымъ Москвою, особенно за дознанное имъ отъ Сигизмунда тайное предложеніе наше литовскимъ панамъ воевать Тавриду общими силами, и исполняя волю султана, готовилъ онъ сильное ополченіе: всѣ годные къ войнѣ люди Тавриды, отъ стараго до молодого, должны были сѣсть на коней; къ нимъ присоединялись толпы ногайцевъ казыевскихъ, (задонскихъ и подъазовскихъ), часть войска султанскаго, люди изъ Азова и Бѣлгорода. Въ Крыму былъ тогда посолъ шведскій, который увѣрялъ хана, что все наше войско занято войною съ королемъ его. Были тамъ и московскіе гонцы, отъ которыхъ не могло утаиться это чрезвычайное вооруженіе; но Казы-Гирей умѣлъ обмануть Годунова, извѣщая его, что идетъ разорить Вильну и Краковъ и что для заключенія союза съ дворомъ московскимъ, назначилъ уже знатное посольство 13). Еще, въ мартѣ 1591 года, было извѣстно правителю, чрезъ вѣсти убѣжавшихъ изъ плѣна пограничныхъ *станичниковъ* и казаковъ, что изъ Крыма вышли многіе люди

---

11) Кар. т. X, стр. 106.

12) Дѣл. № 18, листъ 105. грам. хан. къ царю 1590 г.

13) Кар. т. X, стр. 144—146.

и съ ними ногайцы; что эти крымцы, соединясь съ азовскими агами—съ Досъ-Мегметомъ и съ Канкорою, всего тысячъ до пятнадцати и болѣе, зимовали на рѣкахъ Айдарѣ и Богучарѣ, на Торцѣ и Торѣ, въ намѣреніи нападать на русскія украины 14); но царская дума не тревожилась. Не до внѣшнихъ дѣлъ отечества было тогда правителю-головѣ этой думы: его духъ трудился, охваченъ былъ ужаснымъ умысломъ на убійство царственнаго младенца въ Угличѣ 15). Въ маѣ татарское ополченіе двинулось: пограничные разъѣзды, однакожъ, не встрѣчали ни одного татарина на берегахъ Сѣверскаго Донца и Боровой, видѣли только кочевые слѣды и оставленные юрты; на 26 іюня, прискакали въ Москву *вѣстовщики* и объявили, что татары покрыли степи толпами; что ханъ ведетъ около 150 т. войска къ Тулѣ, нигдѣ не останавливаясь, обходя всѣ крѣпости. Москва пришла въ тревогу: объявила себя въ осадѣ. По быстрому стремленію непріятеля къ столицѣ, увѣрились въ невозможности соединенія всѣхъ полковъ на берегахъ Оки до прихода ханскаго: велѣли князю Мстиславскому отступить оттуда къ Москвѣ. Поспѣшно укрѣпили предмѣстья столицы за Москвою рѣкою, обратили монастыри въ крѣпости, собрали сильное войско на лугахъ московскихъ и ждали враговъ. Ханъ шелъ осторожно и 3 іюля, приближаясь къ русскому войску, собранному на подмосковныхъ равнинахъ, на другой день ударилъ стремительно: сраженіе было долгое, упорное, кровопролитное, весь день до ночи, но нерѣшительное. Ханъ увидѣлъ, что и при войнѣ съ шведами Москва имѣетъ могучія силы для своей защиты; понялъ обманъ короля шведскаго и за часъ до свѣта—бѣжалъ съ своими толпами. Мстиславскій преслѣдовалъ его по пути,

---

14) Дѣл. Крым. № 18, 178,—и 183, грам. Годунова 1591 г. къ Мурату кн. Сулейман. № 19 тѣхъ же дѣлъ лист. 88 Донесеніе посла Бибикова.

15). Кар. т. X, стр. 128—133.

истребляя и оружіемъ и другимъ способомъ: побилъ и разсѣялъ татаръ до того, что не болѣе трети возвратилось въ Крымъ, и самъ Казы-Гирей прискакалъ въ Бахчи-Сарай ночью на тѣлегѣ съ уязвленною рукою 16). Обезславленный и разоренный прислалъ онъ въ Стокгольмъ посла своего (въ 1592 году) Черкашенина Антонія требовать золота за походъ въ Россію; но король Іоаннъ отвѣчалъ послу: „золото готово для побѣдителя; а ханъ видѣлъ Москву, но не спасъ нашей земли отъ меча россійскаго“ 17).

Боязнь впасть въ презрѣніе отъ своихъ князей и лишиться власти по гнѣву Амуратову, за бѣгство отъ Москвы, заставила Казы-Гирея усиленно дѣйствовать противъ сосѣдей христіанъ. Снова пустился онъ усыплять московскій дворъ увѣреніями въ своей дружбѣ: извиняясь царю граматою за походъ московскій, сдѣланный имъ будто бы только по увлеченію злыхъ людей, искавшихъ пользы въ этой ссорѣ, онъ поручилъ гонцу объявить правителю за тайну, что намѣренъ отстать отъ султана, соединиться съ царемъ искренно, основать себѣ новую державу и крѣпость на Днѣпрѣ у *Кошкина перевоза* и служить оградою для Россіи, если царь доставитъ ему нѣсколько пудовъ серебра на это строеніе; что въ доказательство такой мысли онъ идетъ опустошать Литву. Мы вѣрили и не вѣрили Казы-Гирею; но, кажется, болѣе вѣрили: послали гонца съ объявленіемъ готовности быть въ дружбѣ 18). Правитель писалъ (въ 1593 г.), что о постройкѣ крѣпости на Кошкиномъ перевозѣ и о присылкѣ туда войска и пушекъ царь изъявляетъ согласіе, что тогда немедленно и на Донцѣ поставитъ онъ города съ воеводами и войскомъ, для общаго дѣйствія противъ недруговъ 19).

16). Кар. т. X, стр. 146—154.

17) Кар. т. X, стр. 166.

18) Кар. т. X, стр. 171.

19) Дѣл. Крым. ст. спис. № 18 лист. 261, отвѣт. Годунов. 1593 г. октябр.

Хотя донцы не переставали дѣлать разъѣзды по степямъ, наблюдая за всѣми движеніями татаръ, и сторожевые станичники украйныхъ карауловъ тоже зорко смотрѣли въ пустынныя степи; но одинъ дозоръ не въ силахъ былъ отклонить бѣды. Крымцы подъ начальствомъ царевичей Калги, Фети-Гирея и Нурадина-Бахты, прежде пріѣзда въ Тавриду русскаго гонца, набѣжали (въ 1592 году) на украины, опустошили огнемъ и мечемъ селенія въ предѣлахъ рязанскихъ, каширскихъ, тульскихъ, гдѣ не находилось никакой защиты, „не къ похвалѣ правителя", какъ замѣчаетъ исторіографъ. Захвативъ въ плѣнъ множество *дворянъ* съ дѣтьми и женами, татары ушли въ Тавриду безнаказанно. Ханъ, чрезъ русскаго гонца, насмѣшливо увѣрялъ Ѳеодора, что царевичи сдѣлали это самовольно 20).

Кромѣ безпрестанныхъ степныхъ разъѣздовъ, донцы тоже, почти безпрерывно, вели войну въ юртахъ своихъ съ набѣгавшими на ихъ городки и зимовища азовцами, казыевскими ногайцами, кубанскими и темрюкскими черкесами. Набѣги эти особенно были сильны осенью и зимою 1592 года: тогда азовцы и черкесы разорили многіе городки, побили не мало казаковъ и больше ста человѣкъ ихъ нахватали въ плѣнъ. Враги такъ были злы къ казакамъ, что не отдавали плѣнныхъ на окупъ, а, заковывая въ цѣпи, сажали на *каторги* 21). Въ отмщеніе, донцы ходили подъ Азовъ: тамъ болѣе ста тридцати человѣкъ убили и нѣсколько взяли въ плѣнъ. А на страхъ азовцамъ, близъ города, на одномъ изъ донскихъ устьевъ, у *посада*, именуемаго „*Сегде*", поставили крѣпостцу 22). Этого мало: съ открытіемъ весны, въ нижнихъ юртахъ собралась значительная морская дружина, подъ управою походнаго атамана Василія Жегулина и пустилась До-

20) Кар. Т. X. стр. 172.

21) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 89—98.

22) Тѣхъ же дѣл. лист. 272—275 и 277 и 279

номъ на стругахъ въ Азовское море, для нападенія на корабли и комяги турецкіе 23). При всѣхъ зимнихъ безпокойствахъ и жертвахъ, казаки нижнихъ юртовъ, во время набѣговъ на нихъ, успѣли поймать въ плѣнъ турецкаго чауша и знатнаго черкесскаго князя Кабана изъ Темрюка съ пятью князьями—его союзниками. Плѣнниковъ этихъ держали у себя въ ожиданіи выкуповъ, цѣна которыхъ опредѣлена была самыми турками и черкесами: чаушъ обѣщалъ дать за себя 6000 золотыхъ, Кабанъ 3000, а прочіе пять князей по 4000. Да сверхъ того казаки насчитывали на чаушѣ и князьяхъ еще „*поручныхъ окуповъ*" за отпущенныхъ изъ плѣна лицъ, за которыхъ они ручались въ окупахъ, 3000, а всего требовалось 32,000 золотыхъ. Объ этомъ завелось дѣло, которое шло обыкновеннымъ тогда путемъ—переговорами и условіями съ азовцами; но въ него вмѣшалось московское правительство и слѣдствіемъ того была на Дону, какъ увидимъ, непріятная случайность для посольства, которое проѣзжало здѣсь лѣтомъ этого же 1592 года.

Видя наглыя дѣйствія хана Тавриды, по вліянію на него враждебнаго къ Россіи Амурата, Годуновъ, послѣ обманчиваго дружества Австріи 24), откинулъ обольщенія великою мыслью всего тогдашняго европейскаго міра—изгнанія турокъ изъ Византіи и призналъ необходимымъ возобновить сношенія съ Турціею, прерванныя въ теченіи шести лѣтъ. Въ духѣ искренней дружбы составили граматы отъ Царя къ султану и отъ правителя къ великому визирю, съ изъясненіемъ: что „мы не хотимъ слушать императора, королей испанскаго и литовскаго, папы и шаха, которые убѣждаютъ насъ вмѣстѣ съ ними возстать противъ главы „мусульманства" 25). А какъ на первомъ планѣ злобы султана

23) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 89—98.

24) Кар. Т. X. стр. 103—106.

25) Кар. Т. X. стр. 173.

стояли донскіе казаки, то о нихъ, по принятому политикою обычаю, писали: „что на Дону часто бываютъ литовскіе черкасы „и соединяясь съ измѣнниками донскими казаками, людьми бѣг„лыми, живутъ тамъ и препятствуютъ сношеніямъ съ Турціею, „но что, если султанъ уйметъ азовцевъ, бѣлогородцевъ и крым„цевъ отъ набѣга на наши украины, то и отъ насъ, на тѣхъ „донскихъ казаковъ, какіе станутъ впередъ дѣлать нападенія на „Азовъ, Тамань и Темрюкъ, пошлется рать ловить и казнить „*воровъ*“ 26). При этомъ дипломаты Москвы, зная о важныхъ плѣнникахъ въ рукахъ казаковъ, придумали, съ цѣлью особеннаго угожденія султану, поручить посланнику истребовать ихъ на Дону безъ окупа, и взять съ собой въ Азовъ для возвращенія 27). Мысль эта была слишкомъ одностороннею: въ ней пренебрежено тогдашнее боевое право донцовъ распоряжаться плѣнниками по волѣ, и возможность сохраненія для нихъ этого права по отношеніямъ къ азовцамъ—постояннымъ врагамъ сосѣдямъ; почему и вышла она неисполнимою, ибо казаки дорожили своими правами и обычаями, какъ душею и какъ средствомъ существованія ихъ общины. Посломъ отправленъ былъ (въ 1592 году) дворянинъ Григорій Нащокинъ: онъ долженъ былъ ѣхать Дономъ до Азова. Какъ тогда отъ запорожскихъ-черкасовъ, бродившихъ по степямъ между Дономъ и Волгою, дорога не могла быть безопасною, то въ провожатые посланнику данъ былъ боярскій сынъ Хрущовъ съ людьми ратными. Хрущову велѣно дожидаться на Дону обратнаго пріѣзда Нащокина, близъ казачьяго городка *Раздоровъ Донецкихъ*, гдѣ будетъ удобнѣе 28). При посланникѣ возвращались изъ Москвы на Донъ три атамана *Вышата* Василь-

26) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 5 и 8. Смотр. грам. царя къ султан. 1592 г.

27) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 61.

28) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 19.

евъ, Оноха Долгая-Пола и Өедоръ Хорошій съ казаками, пріѣзжавшіе туда *вѣстовыми* станицами. Объ условіяхъ съ донцами, въ отношеніи турецкихъ плѣнниковъ, Нащокину дано подробное наставленіе въ наказѣ 29). Съ нимъ же на Донъ послана была къ казакамъ особая грамата и жалованье: 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ, 30 четвертей толокна, 20 пудовъ зелья (селитры и сѣры) и 20 пудовъ свинца 30); но количество этого жалованья въ граматѣ не обозначено. Кромѣ того, послано было нѣсколько поставокъ и кусковъ суконъ. Посланнику велѣно жалованье раздать такъ: „выбравъ лучшихъ атамановъ и казаковъ, которые *болыпіе на Дону* (т. е. сильнѣе, уважительнѣе), дать на кафтаны по сукну *доброму*, а инымъ атаманамъ по сукну середнему, а казакамъ всѣмъ по сукну *рославскому*, сколько станетъ; да всѣмъ раздать зелье и свинецъ въ *раздѣлъ* 31).

Въ граматѣ на Донъ писано: „посланнику Нащокину велѣно „идти на Азовъ да на Кафу. Когда онъ съ Дону пойдетъ въ „Азовъ, то вы, атаманы и казаки, непремѣнно живите съ азов„цами мирно, чтобъ нашему дѣлу не было помѣшательства и по„сланнику задержанія у султана: не препятствуйте азовцамъ хо„дить по Дону для рыбной ловли и дровъ, какъ это бываетъ у „васъ, когда въ мирѣ живете. Нащокину велѣли мы договориться „съ сенчакомъ (съ начальникомъ) Азова, чтобы и азовцы не за„дирали васъ ни въ чемъ, покамѣстъ посольство воротится. Ка„кіе же у васъ теперь въ рукахъ плѣнники турецкіе и черкескіе, „тѣхъ непремѣнно отпустите безъ окупу въ Азовъ съ посланни„комъ; а мы васъ за то пожалуемъ своимъ великимъ жалованьемъ „и окупъ за нихъ заплатить велимъ. По отъѣздѣ посланника, „вы, съ боярскимъ сыномъ Хрущовымъ, промышляйте о нашихъ

29) Тѣхъ же дѣл. та же книг. листъ 61.

30) Дѣла Турецк. книг. № 3, лист. 82.

31) Тѣхъ же дѣл. и та книг. лист. 19.

„дѣлахъ; смотрите *накрѣпко*: когда воинскіе люди—крымцы пойдутъ разорять наши украины, или будутъ возвращаться оттоль „съ плѣнниками, тогда вы дѣлайте надъ ними поискъ вмѣстѣ съ „Хрущовымъ, и этимъ намъ службу вашу покажите: а мы васъ „за нее жаловать будемъ. Теперь послали къ вамъ селитру и „свинецъ, а впередъ пришлемъ *великое* жалованье. По возвращеніи посланника, проводите его съ Дону до города Ряжскаго. Если съ Нащокинымъ султанъ отправитъ своего посла, то и его „провожайте честно“ 32).

Скажемъ о проѣздѣ Нащокина въ донскихъ юртахъ, какъ самъ онъ писалъ: съ половины мая плылъ уже мимо городковъ, стоявшихъ на Дону до *Переволоки*; въ нихъ казаковъ не было: одни зимою побиты и взяты въ плѣнъ черкесами и азовцами, а остальные всѣ сошли въ *„войско“* въ нижніе юрты. 27 мая доплылъ до устья р. *Цымлака* (Цымлы) спокойно; а 29 мая, у урочища Каменный перевозъ напали на посольство съ крымской стороны (съ правой стороны Дона) черкесы конные и на стругахъ и отбили изъ посольскаго каравана заднюю лодку. Когда черкесы причалили къ берегу и стали выкидывать изъ лодки багажъ, тогда посольскіе проводники, вмѣстѣ съ нечаянно подоспѣвшимъ донскимъ атаманомъ Кузнецомъ, ѣхавшимъ съ 20 казаками изъ нижнихъ юртовъ въ верхніе, ударили на черкесъ и отбили лодку, а ихъ прогнали. Отсюда Кузнецъ провожалъ уже посланника до нижнихъ юртовъ.

30 мая приплыло посольство въ нижніе юрты. Здѣсь было въ сборѣ все главное войско на томъ островѣ, гдѣ находился городокъ Черкаскъ.

Посольству дано мѣсто на *Гостинномъ островѣ*, выше Черкасскаго по р. Дону—версты въ три.

Атаманъ Өедоръ Хорошій, почему то недовольный атаманомъ

32) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 79—81.

Вышатою Васильевымъ, да вѣроятно и самымъ посланникомъ, отправился съ послѣдняго стана ночью тайно въ войско и объявилъ о требованіи плѣнныхъ чауша и черкесскихъ князей безъ окупа, увѣряя, что на это вызвался атаманъ Вышата-Васильевъ. Войско сдѣлалось за это недовольно. Когда послѣ Хорошаго явился туда Васильевъ, то всѣ укоряли его недоброхотствомъ къ общинѣ и намѣревались по „войсковому праву посадить въ воду (утопить);“ но онъ успѣлъ бѣжать въ станъ польскій.

31 мая посланникъ звалъ къ себѣ атамановъ и казаковъ, но три дня никто изъ войска къ нему не ѣхалъ и къ себѣ казаки изъ посольскаго стана никого не принимали.

4 іюня, атаманъ Семенъ Воейковъ, нѣсколько другихъ атамановъ и триста казаковъ пришли къ посланнику. Нащокинъ, вручая имъ государеву грамату, говорилъ: чтобы съ азовцами заключили миръ; чтобы выдали плѣнниковъ безъ окупа, который будетъ имъ, по повѣленію государя, заплаченъ; чтобы проводили посольство до Азова; чтобы, оставаясь въ Раздорахъ съ Хрущовымъ, въ ожиданіи посольскаго возвращенія, дѣлали поиски надъ крымцами и ногайцами. Принявъ грамату, казаки отвѣчали: „провожать посольство и служить государю мы готовы; но плѣнниковъ, какъ достали ихъ своею *кровью,* отдать немочно. Не мы „ходили на нихъ, а они *головъ нашихъ* искали. Азовцы злы: „когда берутъ въ плѣнъ нашихъ братьевъ, атамановъ и казаковъ, то не только что даромъ, но и на окупъ не отдаютъ, а „*мечутъ на уды и на каторги сажаютъ*; среди мира они схватили двадцать четыре молодца нашихъ и на каторги посажали.—Въ эту зиму больше ста человѣкъ взяли въ плѣнъ изъ городковъ „нашихъ и распродали. То намъ не жалованье, когда хотятъ „брать добытое кровью.

Потомъ, отойдя отъ ставки посланника, казаки собрались въ *кругъ*: читали грамату государеву съ глубокимъ вниманіемъ и

слушали съ безмолвіемъ. Затѣмъ, много и шумно разсуждали и приговорили: „плѣнниковъ не отдавать“.

Отдѣлясь изъ круга, атаманы и немногіе казаки пришли къ посланнику и говорили: „прежде этого, государь жаловалъ „насъ, писалъ къ намъ граматы, такъ *низовымъ атаманамъ*, „именуя лучшихъ, или всѣмъ атаманамъ *низовымъ и верховымъ*; „а нынѣ написано напередъ *верховымъ*, а послѣ, намъ *низо-* „*вымъ*, и то неимянно; верховые же казаки государевой службы и не знаютъ“. — Посолъ отвѣчалъ: „что грамата писана по преж„нему; а поставлены верховые впереди для того, чтобы посольство „провожали сверху до низу“.

Тутъ Нащокинъ заговорилъ о выдачѣ плѣнниковъ. Спокойно и долго разсуждали объ этомъ атаманы съ посланникомъ Нащокинъ убѣждалъ ихъ согласиться, рѣшаясь дать *кабалы* на себя въ уплатѣ окупа; атаманы, насчитывая окупныхъ денегъ 32,000 золотыхъ, объяснили, что выдача безденежно невозможна, потому, что *окупные паи* у казаковъ давно въ расходѣ: надѣясь на этотъ окупъ, они дѣлали займы и стали въ большихъ долгахъ, „(вѣроятно какъ между собою, такъ и съ торговыми людьми, пріѣзжающими на Донъ изъ Руси съ товарами и съѣстными запасами)“. Если вамъ велѣно—продолжали казаки—„взять у насъ плѣн„никовъ силою, то возьмите! мы изрубимъ ихъ, и пойдемъ, куда „очи несутъ. Чѣмъ намъ жить впередъ на Дону, когда плѣнни„ковъ окупать не станутъ? Когда кого возьмемъ изъ враговъ, а „султанъ станетъ писать о возвратѣ, и будутъ возвращать ему?— Посланникъ возразилъ: „государь не велѣлъ брать у васъ плѣн„никовъ силою, а, по нынѣшнему дѣлу, писалъ объ этомъ свое „слово; объ отъѣздѣ говорить вамъ не дѣльно: — вы подданные „государевы“. Послѣ этого разошлись казаки и всѣ отправились въ войско. Снова три дня ни сами не ѣхали къ посланнику, ни къ себѣ никого изъ стана не принимали.

7 іюня, атаманъ Воейковъ съ товарищами атаманами и съ

сотнею казаковъ пріѣхалъ къ посланнику. Снова заговорилъ Нащокинъ о плѣнникахъ; снова казаки отказали въ нихъ, отвѣчая, что „ни одного волоса безъ окупа не отдадутъ". Потомъ рѣчь зашла о мирѣ съ азовцами, казаки говорили: „по обычаямъ на-„шимъ всегда азовцы начинаютъ условливаться о мирѣ; и намъ, „минуя обычаевъ старыхъ, теперь самимъ начинать просить ми-„ра *не пригоже*; да притомъ и товарищи наши—атаманъ Васи-„лій Жегулинъ съ тремя стами молодцовъ нынѣ въ морскомъ по-„ходѣ; не дождавшись ихъ, какъ мириться? а поэтому и по-„сольству вскорѣ идти въ Азовъ не пригоже. „Когда вы", воз-„разилъ посланникъ, мириться по указу не хотите, то мы пой-„демъ въ Азовъ и безъ вашего мира".—Подумавъ, атаманы дали слово посудить въ войскѣ, какъ ссылаться съ азовцами о мирѣ. Потомъ просили Нащокина показать имъ Государевъ наказъ о томъ: сколько къ нимъ прислано жалованья и боевыхъ запасовъ,—и пояснить: „по какія мѣста, т. е. по какіе казачьи городки оно прислано". Въ объявленіи наказа посланникъ отказалъ и говорилъ: „что прислано, то будетъ вамъ и отдано". Потомъ подробно объяснилъ, какъ велѣно ему раздать запасы, сукно, селитру и свинецъ. Казаки говорили, что прежде было присылаемо къ намъ низовымъ *зелье* (селитра и сѣра) по верхніе Раздоры, а верхнихъ казаковъ, живущихъ выше Раздоровъ, съ ними не смѣшивали".

Тутъ посланникъ, по соображенію съ этимъ показаніемъ, выдалъ атаманамъ по верхніе Раздоры: 15 пудовъ селитры, 15 пудовъ свинцу и сѣры по указу, а 5 пудовъ селитры, да 5 пудовъ свинцу, оставилъ на верховыхъ казаковъ; остальные затѣмъ 5 пудовъ селитры и 5 пудовъ свинцу предоставилъ Хрущеву въ запасъ. Этимъ задержаніемъ боевыхъ запасовъ для верховыхъ казаковъ Нащокинъ далъ новую причину къ неудовольствію, потому что и верховыхъ казаковъ вмѣстѣ съ низовыми находилось тогда человѣкъ двѣсти. Выдачу сукна хотѣлъ разверстывать

по сортамъ, какъ въ наказѣ, лучшимъ лицамъ лучшее, но казаки сказали, что у нихъ „большихъ нѣтъ никого—всѣ равны „и раздѣлятъ сами на все войско"; почему посланникъ приказалъ сукно выдать все безъ раздѣла.

Послѣ этого Нащокинъ сталъ говорить, чтобы казаки вмѣстѣ съ Хрущовымъ, по отъѣздѣ его, служили разъѣздами и наблюдали за крымцами и ногайцами. Они отвѣчали: „прежде этого служили мы государю и головъ у насъ не было, а служивали своими головами: и нынѣ мы рады государю служить своими же головами, а не съ Хрущевымъ".

Наконецъ 11 іюня воротились съ моря ожидаемые атаманы. Въ тотъ же день всѣ они—Василій Жегулинъ, Иванъ Носъ, Иванъ Өедоровъ Трубецкой, Василій Кабанъ, Прокофій Трубчанинъ, какъ именуетъ главныхъ изъ нихъ Нащокинъ, и шестьсотъ казаковъ, пришли къ стану посольскому, вооруженные, какъ были въ походѣ. Тридцать человѣкъ изъ нихъ старшихъ отдѣлились и представились посланнику съ просьбою: показать наказъ о жалованьи, объявляя, что имъ извѣстно сколько прислано, а выдано не все. Въ показаніи наказа снова имъ отказано; а о выдачѣ Нащокинъ толковалъ, что она сдѣлана правильно, что часть жалованья оставлена на верховыхъ казаковъ, и въ запасѣ у Хрущова, по особому наказу. Отходя отъ ставки, казаки шумѣли между собою. Благоразумный Воейковъ, какъ видно, тутъ не находился, некому было добрымъ совѣтомъ устранить дерзость. Недовольные казаки снова пришли къ ставкѣ и, забывъ благородную чинность и долгъ почета къ сановнику, забрали самовольно всѣ боевые запасы. Поступокъ, достойный укоризны и осужденія даже въ своемъ вѣкѣ.

Тутъ же, въ станѣ взяли казаки и скрывавшагося атамана своего Вышату Васильева. Отойдя отъ ставки, среди круга, били Вышату *ослопами;* и потомъ, какъ измѣнника войску, „*посадили въ воду* (утопили)".

Весь разсказъ о непріятностяхъ посольства изложенъ нами по донесеніямъ Нащокина, но такъ ли было? . . . Сказанія обвиняемой стороны нѣтъ у насъ. Истина этого дѣла остается темною.

Среди спора съ посланникомъ, казаки не забыли своего долга. По исполненіи царскаго требованія, они входили въ сношенія съ азовцами о мирѣ. Два атамана, Семенъ Воейковъ и Смирной Ѳедоровъ, ѣздили въ Азовъ и, по указу царскому, установили миръ, цѣловавъ крестъ за все войско. 12 іюня посольство отправилось въ Азовъ съ почетнымъ провожаніемъ атаманами и казаками до самаго города 33).

Нащокинъ сталъ готовиться къ отплытію въ Кафу, а азовскій князь Али и городовые аги послали въ войско своихъ людей почетныхъ съ греческимъ священникомъ *„закрѣпить миръ по обычаю“*. Войсковой кругъ не согласился утвердить вполнѣ договоръ, принятый *мировщиками* атаманами: возникли споры, и какъ въ разногласіи важнымъ предметомъ былъ выкупъ чауша и князей, то казаки въ спорѣ съ азовцами, вѣроятно, отъ какой-либо дерзкой укоризны ихъ, дошли до досады, выразившейся варварскою жестокостью: не трогая самыхъ довѣренныхъ, отсѣкли руку одному изъ плѣнныхъ князей въ знакъ поруганія и послали его въ Азовъ, требуя, чтобы ускоренъ былъ выкупъ, угрожая въ противномъ случаѣ показнить всѣхъ плѣнниковъ. Азовскій князь, видя позорно окалѣченнаго черкеса, пришелъ въ горячее негодованіе: немедленно послалъ толмача (переводчика) сказать объ этомъ Нащокину съ грубымъ упрекомъ, что онъ, посолъ, идетъ къ султану не для добра,— что хотя говоритъ о дружбѣ, а въ слѣдъ за нимъ война: казаки опять разорвали миръ. Почему онъ, князь, не смѣетъ отпустить посольства изъ Азова въ Кафу, а донесетъ о немъ и о происшествіи Аму-

33) Дѣл. Турец., кн. № 3, лист. 89—98 и лист. 112.

рату, съ посылкою искалѣченнаго черкеса и будетъ ожидать указа. Вмѣстѣ съ извѣщеніемъ князь приказалъ выгрузить назадъ изъ корабля багажъ посольскій. Нащокинъ отвѣчалъ чрезъ того же толмача, что къ казакамъ есть царскій указъ о мирѣ съ азовцами, что они миръ заключили, а за что вновь заспорили, то слѣдуетъ разобрать ему, князю, но посольство къ султану онъ не задерживалъ бы. Турокъ стоялъ на своемъ, и Нащокинъ не могъ выѣхать. Начались снова переговорныя пересылки между азовцами и донцами. Споръ тянулся долго: по три раза обѣ стороны посылали своихъ мировщиковъ. Въ теченіи переговоровъ, когда азовцы объявляя, что за турецкаго чауша прислано въ Азовъ окупу только три тысячи золотыхъ и что окупныхъ денегъ больше собрать невозможно, требовали выдать его за эту сумму, между самими казаками произошелъ споръ до ссоры. Разгоряченные распрею и поставляя въ вину чаушу и князьямъ то, что сами они объявили за себя окупную цѣну, какую войско требовало, казаки, въ присутствіи азовскихъ довѣренныхъ, высѣкли плетьми чауша и князей. А послѣ убавили цѣну и послали о томъ отъ себя въ Азовъ *„память“* (письменное извѣщеніе), объявляя, что за чауша, вмѣсто 6000, соглашаются взять 5000, за князя Кабана, вмѣсто 3000,—2000, за Алыя да за Ѳергата, вмѣсто 4000,—3000, за остальныхъ же князей—двухъ братьевъ (а третьему руку отсѣкли) 4000 золотыхъ, не меньше. Нащокинъ, видя продолжительность этихъ споровъ и желая ускорить свой отъѣздъ, принялъ въ нихъ посредничество. При его участіи обѣ стороны, хотя и съ трудомъ, но успокоились и 6 іюля заключили миръ. Затѣмъ посланникъ немедленно отправился въ Кафу 34).

Азовцы были очень злобны на донцовъ. Лишь только Нащокинъ отъѣхалъ, они сдѣлали вѣроломный варварскій поступокъ: всѣхъ тѣхъ сто тридцать казаковъ съ атаманами и двухъ *тол-*

34) Дѣл. Турец., книг. № 3, лист. 112—116.

мачей (переводчиковъ), которые провожали посланника изъ Азова, не пустили въ войско и заперли въ городѣ: одного изъ толмачей казнили, другого посадили на каторгу; атамановъ и казаковъ нѣкоторыхъ порѣзали, другихъ заключили въ тюрьмы, а многихъ тоже посадили на каторги. Узнавъ про такое злодѣйство, войско закипѣло мщеніемъ. Быстро собралась большая дружина отважныхъ и понеслась къ Азову на коняхъ и стругахъ. Какъ жители, полагаясь на миръ и не зная о поступкахъ старѣйшинъ города, не береглись, то нападеніе казаковъ было страшно губительно: они разорили и разграбили городскіе посады, умертвили многихъ людей на мѣстѣ и болѣе ста взяли въ плѣнъ. Съ торжествомъ возвратились мстители домой. Дорожа спокойствіемъ посольства, войско немедленно послало объ этихъ происшествіяхъ донесеніе къ царю съ атаманомъ Степаномъ Ванюковымъ въ легкой станицѣ 35).

Азовскій князь, какъ смѣтливый начальникъ города, стараясь закрыть вѣроломный турецкій поступокъ, положившій начало новой враждѣ, допустилъ азовскаго жителя Усеина-Челибея ѣхать съ доносомъ въ Константинополь. Въ доносѣ вся вина слагалась на казаковъ: городъ жаловался, что они безъ всякой причины нарушили миръ, напали на Азовъ, ограбили, побили многихъ и взяли сто тридцать человѣкъ въ плѣнъ, что посолъ русскій поѣхалъ для лазутчества и привезъ на Донъ запасы 36).

Визирь, при первомъ свиданіи съ Нащокинымъ, принялъ его учтиво, говорилъ: „царь предлагаетъ намъ дружбу: мы повѣримъ ей, когда согласится отдать султану Астрахань и Казань. Ни Европы, ни Азіи мы не боимся; у насъ много войска; оно готово идти сухимъ путемъ на шаха, на Литву и цесаря, и моремъ на

35) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 121—125.

36) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 220—230 и Кар. Т. X. примѣч. 297.

королей испанскаго и французскаго. Вы поступили мудро, если дѣйствительно не хотѣли пристать къ нимъ.—Султанъ не велитъ хану тревожить Россіи, если царь сведетъ съ Дону казаковъ своихъ, разрушитъ крѣпости на Дону и на Терекѣ, поставленныя для того, чтобы загрождать намъ путь къ Дербенту. Если не сдѣлаете этого, то не только велимъ хану и ногаямъ безпрестанно воевать Россію, но и сами пойдемъ на Москву сухимъ путемъ и моремъ. Вы миролюбивы, но для чего же вступили въ связь съ Иверіею, подвластною султану?" 37). Нащокинъ отвѣчалъ, что Астрахань и Казань нераздѣльны съ Москвою, что царь велитъ свести казаковъ съ Дона, если султанъ уйметъ крымцевъ, азовцевъ и бѣлогородцевъ отъ набѣговъ на украины; что на Дону царскихъ крѣпостей нѣтъ; что связь Россіи съ Грузіею основалась на единовѣріи, и что туда посылаются священники, а не войско. Наконецъ Нащокинъ предлагалъ визирю изъясниться съ царемъ чрезъ посла султанскаго. Сперва визирь не хотѣлъ того, но послѣ согласился отправить въ Москву чауша Резвана съ требованіями, объявленными Нащокину.

Такъ благопріятны были переговоры съ визиремъ; но неожиданный доносъ Усеина Челибея затруднилъ дѣло, подвергнулъ посланника холодному пріему до того, что султанъ намѣревался даже выслать его изъ Турціи, какъ лазутчика 38). Нащокинъ говорилъ пашамъ съ твердостью: „что онъ пріѣхалъ къ султану посломъ, а не провѣдывать вѣсти"; что доносчикъ Усеинъ Челибей человѣкъ неблагодарный, забывшій милости русскаго царя, говоритъ неправду; что царь донскихъ казаковъ не жалуетъ запасами, что селитра и свинецъ были везены боярскимъ сыномъ и ратными людьми, для охраненія посольства въ дорогѣ, а не для казаковъ, но они взяли у него на Дону силою; что онъ, до отъ-

37) Кар. Т. X. стр. 173 и 174.

38) Кар. т. X, примѣч. 297.

ѣзда изъ Азова, установилъ между донскими казаками и азовцами миръ и доброе согласіе; но что сдѣлалось послѣ, ему неизвѣстно: за своевольство казаковъ не отвѣтствуетъ, а совѣтуетъ дознать вѣрнѣе причину ссоры".—Когда тутъ же паши припомнили донесеніе крымскаго хана султану „о поставленныхъ царемъ четырехъ новыхъ городкахъ близко Азова, на *Манычѣ, въ Черкаской и въ Раздорахъ*, изъ которыхъ казаки Азовъ разоряютъ", (это были собственно казачьи городки): то Нащокинъ отвѣчалъ, что „государевыхъ городовъ на Дону нѣтъ; а про донскихъ казаковъ я и прежде говорилъ, что они воры, живутъ тамъ безъ государева вѣдома" 39).

Ловкая изворотливость Нащокина отвратила неудовольствія турокъ. Султанъ снова согласился отправить посла своего въ Москву. Нащокинъ, донося обо всемъ царю, просилъ заставить казаковъ жить смирно съ азовцами, по крайнѣй мѣрѣ до проѣзда его съ турецкимъ посломъ чрезъ Азовъ.

Царь, имѣя уже отписку донскихъ атамановъ объ азовскомъ размирьѣ, привезенную въ легкой станицѣ Ванюковымъ, послалъ обратно эту станицу (въ мартѣ мѣсяцѣ 1593 года) съ граматою на Донъ и жалованье, „не *отъ—велико—легкое*", зелья 3 пуда и свинца 3 пуда. Грамата выражала ласку и угрозу. „Слухъ „къ намъ дошелъ, говорилъ въ ней царь, да и вы сами писа„ли, что у васъ размирье съ азовцами.—Теперь, посланникъ „нашъ Нащокинъ, извѣщая, что турецкій султанъ отправляетъ съ „нимъ своего чауша, жалуется, что отъ вашей ссоры съ азов„цами ему въ Константинополѣ были *великія* непріятности (ис„тязанія). Для встрѣчи посольствъ посылаемъ мы къ вамъ на „Донъ дворянина Ивана Измайлова. Какъ только вы, атаманы и „казаки, верховые и низовые, эту нашу грамату получите, тот„часъ съ азовцами установите миръ *крѣпкій;* на море войною

39) Дѣл. Турецк. книг. № 3 лист. 230, 239 и 240.

„подъ турецкіе города не ходите. Покажите этимъ намъ вѣрную „службу вашу, не ссорьте насъ съ султаномъ, чтобы отъ на-„шихъ милостей навсегда не отстать; а мы пришлемъ къ вамъ „съ Измайловымъ жалованье. Когда посольства въ Азовъ при-„дутъ, сдѣлайте имъ встрѣчу *урядно*, по прежнему обычаю, при-„мите ихъ честно; отберите (нарядите) человѣкъ двѣсти или три-„ста, чтобы проводили пословъ до нашей украины. Снова гово-„римъ: до прибытія посланниковъ помиритесь съ азовскимъ кня-„земъ и ни чѣмъ *не задирайтесь, хотя вамъ и досада отъ азов-„цевъ будетъ*. А не помиритесь по нашему указу и сдѣлаете „войною ссору между нами и султаномъ, и вамъ отъ насъ быть „въ *опалѣ*, и въ Москву къ намъ ѣздить не велимъ вамъ, и „пошлемъ къ *Раздорамъ* большую нашу рать, поставимъ тамъ „городъ и васъ сгонимъ съ Дону. Постарайтесь непремѣнно по-„казать передъ нами усердную свою службу и нашей опалы „на себя не наводите. Если же, до прихода посланниковъ, „крымцы пойдутъ на наши украйны и съ ними соединятся и азов-„скіе люди, то вы конные всѣ подъ нихъ идите и на перевозахъ „и на шляхахъ по Сѣверскому Донцу и въ другихъ мѣстахъ на „нихъ нападайте. Обо всемъ, какія *вѣсти* у васъ появятся, намъ „передавайте: пришлите вскорѣ атамана *конною станицею*, чтобы „намъ про замыслы крымскаго хана и переѣздъ пословъ сколько „можно поспѣшнѣе было извѣстно“ 40). Изъ смысла этой грамоты понятно, что за люди были азовцы,—и каково было тогдашнее положеніе донцовъ съ такими сосѣдями? Казакамъ надобно было умѣть въ одно время преслѣдовать и бить своихъ сосѣдей и страшиться царской опалы за ссору съ ними. Ясно, что въ Москвѣ понимали вѣроломство этого пограничнаго гнѣзда турецкихъ разбойниковъ, но угроза за нихъ казакамъ опалою представлялась необходимою мѣрою политики, чтобы скрывать нашу сла-

40) Дѣл. Турецк. книг. № 3 лист. 121—125.

бость предъ могуществомъ оттомановъ и усмирять наглую гордость ихъ.

Кромѣ пріема посланниковъ, этою же граматою велѣно донцамъ сдѣлать вмѣстѣ съ запорожскими черкасами особыя военныя предпріятія противъ крымцевъ, о чемъ разскажемъ послѣ.

Вмѣсто дворянина Измайлова присланъ на Донъ (въ началѣ іюля 1593 года) воевода князь Григорій Волконскій: онъ привезъ къ казакамъ грамату государеву (отъ 20 апрѣля) одинаковаго содержанія съ предшествовавшею и жалованье; зелья 30 пудовъ, 100 партищъ сукна, 100 халатовъ, 100 четвертей сухарей, 40 четвертей крупъ и толокна. Волконскій доносилъ царю, что въ проѣздъ его по Дону, казаки отказывали въ провожатыхъ по наряду, а предоставляли провожать охотникамъ, потому что городки смущены были какимъ то *Нехорошкою Картавымъ*, бѣжавшимъ сюда со службы изъ Серпухова, который разсказывалъ, что въ Москвѣ тѣмъ атаманамъ и казакамъ, какіе туда пріѣхали, „нужда великая; не даютъ имъ жалованья и корму на ихъ лошадей, „на какихъ служатъ; на Донъ ихъ не пускаютъ, иныхъ даже „*выдаютъ въ холопы*“ 41). Слова о выдачѣ въ холопы имѣли основаніемъ, какъ понимать можно, новый законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ, установленный въ то время 42), по мудрованію лукаваго правителя Годунова, о чемъ скажемъ болѣе впослѣдствіи. Быть можетъ, что тогда кто либо изъ бояръ имѣлъ притязаніе и къ нѣкоторымъ изъ пріѣзжавшихъ въ Москву казакамъ, указывая въ нихъ прежнихъ слугъ своихъ, или кабальныхъ людей. А прочія слова о притѣсненіяхъ едва ли достойны вѣроятія. Обстоятельство это обратило на себя особенное вниманіе царя, какъ разумѣть можно изъ послѣдовавшей вскорѣ граматы на Донъ съ милостивою ласкою, о которой скажемъ ниже.

---

41) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 167.

42) Кар. Т. X. стр. 208—210.

Станъ Волконскаго находился на *Гостинномъ островѣ*, войско приняло его съ честью.

Атаманъ Степанъ Ершовъ съ „*большимъ*“ (главнымъ) войскомъ стоялъ тогда, по боевымъ обстоятельствамъ, не въ Черкасскомъ городкѣ, а на Манычи, избравъ этотъ пунктъ, какъ удобнѣйшій для соединенія съ ногайцами большаго улуса, къ нападенію на Козыевъ улусъ, когда онъ будетъ бѣжать съ ногайской стороны (съ лѣвой стороны Дона) на крымскую (правую), и сторожить его на *перевозѣ Дона* и по рѣчкамъ, и *перелазамъ* 43).

Стремясь исполнять требованія царя, по доставленію *вѣстей* политическихъ, Ершовъ въ это время, 8 іюля, успѣлъ переманить подъ покровъ войска значительнаго азовскаго жителя турчанина Кучума, который, какъ прикормленный человѣкъ донцовъ, „много служилъ имъ“ всякими вѣстьми: Кучумъ и братъ его, оба съ женами, дѣтьми и имуществомъ передались казакамъ *на Сканиномъ караулѣ*, вѣроятно, почуявъ надъ собою бѣду со стороны турецкаго правительства. Выходецъ этотъ сказалъ въ войскѣ, что пріѣхавшій уже теперь въ Азовъ султанскій посланникъ Резванъ имѣетъ порученіе требовать отъ царя Казани и Астрахани и удаленія казаковъ съ Дона; что онъ, Кучумъ, объ этомъ узналъ отъ *лучшаго* (почетнаго) азовскаго человѣка, Усеина Челибея (извѣстнаго уже намъ по доносу на Нащокина); что всѣ люди Азова говорятъ: *теперь только-бы царь свелъ съ Дону казаковъ, тогда намъ дорога къ Руси была бы свободною*. А Козыева улуса ханъ Мурза самъ объявлялъ ему, Кучуму, что если царь Казани и Астрахани не отдастъ и казаковъ не сведетъ, то всѣмъ имъ идти съ турками воевать Русь. О Крымскомъ ханѣ Кучумъ говорилъ, что онъ нападалъ въ Литвѣ на Тернополь; но

43) Дѣл. Турецк. въ столб. 1593 г. отпис. Донск. казак. въ іюлѣ 1593 г.

тамъ потерпѣлъ большую потерю. А когда атаманы спросили его, что пойдетъ ли ханъ нынѣшняго лѣта на русскія украины, то Кучумъ отозвался незнаніемъ, прибавляя, однакожъ, что возвратился онъ съ войны только 15 дней назадъ и лучшіе люди у него всѣ изранены. Изъ Азова же, говорилъ Кучумъ, собирается идти на Русь Досъ-Мехметъ съ тысячью наѣздниковъ, и съ нимъ козыевскаго улуса люди. По спросу атамановъ, будутъ ли воевать козыевцевъ ногаи за-волжскіе *(большіе)*, Кучумъ отвѣчалъ, что козыевскаго улуса мурза Асланъ, дѣлавшій набѣгъ на ногайцевъ большой орды, узналъ отъ плѣнниковъ, что дѣйствительно эти ногайцы собираются громить улусы Козыевы.

Послѣ распросовъ, атаманъ Ершовъ съ товарищами привелъ Кучума на Гостинный островъ къ князю Волконскому, тутъ повторены и подтверждены были выходцемъ всѣ его разсказы.

Войско немедленно послало къ царю легкую станицу съ отпискою о всѣхъ извѣстіяхъ, собранныхъ отъ Кучума. Тутъ же казаки писали, что, еще до прихода Волконскаго на Донъ, они помирились съ азовцами, что хотя азовцы за миромъ угнали у нихъ 300 лошадей и убили 20 человѣкъ товарищей, но они, снося терпѣливо эти обиды, до пріема посланниковъ, мира не нарушаютъ. Съ этою же станицею князь Волконскій послалъ и отъ себя гонца 44).

Царь, имѣя въ виду прежнее донесеніе Волконскаго о сборищахъ по донскимъ степямъ черкасовъ и азовскихъ людей для нападенія на посольства и о распущенной Нехорошкою Картавымъ смутѣ, поспѣшилъ послать на Донъ въ августѣ мѣсяцѣ грамату, съ находившимся въ Москвѣ донскимъ атаманомъ Первушею, повелѣвая казакамъ непремѣнно охранять посольства отъ черкасъ и азовцевъ и проводить до украинъ. За службу эту обѣщалъ жалованье и заключилъ грамату милостивою ласкою такъ: „а если

44) Дѣл. Турецк. въ столбц. 1593 г. Смотр. отп. Донц.

„кто изъ васъ атамановъ и казаковъ пожелаетъ наши *царскіе очи* „*видѣть*, тѣ бы ѣхали къ намъ: мы ихъ, пожаловавъ, на Донъ „отпустимъ“ 45).

Вскорѣ послѣ этого, войско, принявъ посольства изъ Азова съ честью, проводило ихъ до украинъ.

Въ октябрѣ (1593 года) чаушъ Резванъ подалъ Θеодору грамату своего повелителя. Гордый Амуратъ, исчисляя въ ней обстоятельства, считаемыя имъ обидными со стороны россіянъ, жаловался въ особенности на донскихъ казаковъ и требовалъ, чтобы царь непремѣнно велѣлъ всѣ *крѣпости* (городки казачьи) въ низовьяхъ Дона, на Терекѣ и на устьяхъ Сунжи уничтожить, для очистки туркамъ дороги въ Дербентъ и казаковъ свесть съ Дону: „Если же этого не сдѣлаете“—говорилъ онъ въ заключеніе—„то крымскій ханъ имѣетъ уже мое повелѣніе воевать ваши земли“ 46).

Московскій дворъ не думалъ удовлетворять такимъ чрезмѣрнымъ желаніямъ султана, но былъ въ необходимости льстить его гордости наружными знаками дружественнаго уваженія. Резванъ принятъ въ Москвѣ со всѣми почестями, удержанъ болѣе 9 мѣсяцевъ и уже въ концѣ іюля 1594 года отправленъ обратно вмѣстѣ съ новымъ русскимъ посланникомъ Данилою Исленьевымъ. Въ отвѣтной граматѣ Θеодоръ, увѣряя Амурата въ искренней дружбѣ, о донскихъ казакахъ говорилъ то же что и прежде, то есть: если Амуратъ рѣшительно запретитъ крымскому хану, азовцамъ и бѣлогородцамъ дѣлать набѣги на украины, то и онъ прикажетъ свесть казаковъ съ Дону.

Исленьеву по наказу велѣно было говорить въ Азовѣ и въ Константинополѣ о казакахъ слѣдующее: что живущіе на Дону вольные люди соединяются съ черкасами и дѣлаютъ русскимъ

---

45) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 171 и 172. Грам. на Донъ въ августѣ 1593 г.

46) Дѣл. Турецк. кн. № 3, лист. 272—275. Грам. султана.

многіе убытки, что тамъ живутъ они съ давнихъ лѣтъ и на украины не выходятъ, а какіе являются въ городахъ, тѣхъ воеводы казнятъ, или въ дальнія мѣста разсылаютъ, назадъ же никого не отпускаютъ, что и самимъ туркамъ, конечно, извѣстно, что многіе казаки изведены, а по украиннымъ городамъ строго запрещено пускать на Донъ людей; почему теперь тамъ противъ прежняго уже мало казаковъ; а еслибы изъ украинъ вольно было на Донъ ходить, то казаковъ было бы тысячъ двадцать; что неудивительно, когда бѣглые люди своевольствуютъ; но турецкіе азовцы живутъ и въ городѣ, а ежегодно, безпрестанно, лѣтомъ, и осенью, и зимою, дѣлаютъ набѣги на русскія украины и наносятъ нашему государству разореніе 47).

Ясно, что смыслъ наказа имѣлъ цѣлью только политическую изворотливость: всѣ его положенія не были согласны съ дѣйствительностью, заключали выдумку, которой турки, разумѣется, не вѣрили; но должны были ее выслушивать для того, чтобы вести разговоры.

Съ Исленьевымъ послано на Донъ двѣ граматы царскія: одна къ казакамъ *верховымъ*, а другая къ *низовымъ*, съ именованіемъ въ послѣдней *„лучшихъ“* атамановъ—Никиты Болдыря, Степана Ершова и Ивана Носа. Царь требовалъ, чтобы казаки приняли и проводили посольства до Азова честно и бережно; чтобы и, по возвращеніи Исленьева изъ Константинополя, также провожали его до украинъ; крымцевъ, козыевскихъ ногайцевъ и самихъ азовцевъ подстерегали въ степяхъ отъ набѣговъ на Русь. Прислано было тогда и жалованье, означенное въ граматѣ низовымъ казакамъ „сукна: *настрофамо* 8 поставовъ, *ерпика добраго* 24 половинки (а въ половинкѣ по 150 партищъ); селитры 50 пудовъ, сѣры 6¹/₄ пуда, свинцу 50 пудовъ; сухарей 150 четвертей, крупъ 40 четвертей и толокна 40 четвертей“ 48).

47) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 302 и 303.

48) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 365, 366 и 368.

Замѣтимъ, что послѣ непріятной случайности съ Нащокинымъ, въ приказѣ посольскомъ, при изложеніи этихъ граматъ, обращено вниманіе на предметы казацкихъ представленій: о предпочтеніи низовыхъ казаковъ предъ верховыми, о поименованіи *лучшихъ* атамановъ въ граматахъ и объ означеніи въ нихъ количества посылаемаго жалованья.

Для устраненія подозрѣнія отъ турецкаго чауша въ покровительствѣ царя донцамъ, грамату и жалованье велѣно было отдать войску въ нижнихъ юртахъ не самому послу, какъ водилось, а провожавшимъ посольство приставамъ—Биркину и Кушелеву, въ наказѣ которымъ сказано: „отдать все войску *не явно*, чтобы чаушъ того не видѣлъ“ 49).

Посольства приплыли въ нижніе юрты во второй половинѣ октября. Тогда главное войско было въ сборѣ на *монастырскомъ островѣ* 50), ниже Черкаска, по Дону въ 5 верстахъ. Съ обычною честью, не медля, проводили казаки пословъ до Азова.

Оба константинопольскія посольства не доставили Россіи ничего: „Султанъ, говоритъ исторіографъ, видя стремленіе москов„ской политики къ присвоеніямъ на востокѣ, не могъ ей благо„пріятствовать, и потому не думалъ содѣйствовать къ успокоенію Россіи, то есть, мирить хана съ нею“ 51).

Донцы, принимая и провожая въ юртахъ своихъ посольства, въ то же время, и сами собою, и по повелѣнію царя, не прекращали и внѣшнихъ сторожевыхъ и боевыхъ дѣйствій противъ крымцевъ. Хотя Казы-Гирей и послѣ опустошительнаго набѣга (въ 1592 году) на области Рязанскую, Каширскую, Тульскую, не переставалъ пересылаться съ Ѳеодоромъ *„гонцами“* (вмѣсто пословъ) и граматами, прикидываясь готовымъ къ дружбѣ искрен-

49) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 364.

50) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 370.

51) Кар. Т. X. стр. 175.

ней, а набѣгъ свой извинялъ „*досадою*“ царевичей за то, что, собраты донцовъ, терскіе казаки (въ 1592 г.) нападали на подвластныхъ ему черкесовъ по Кубани и на городъ Темрюкъ, гдѣ побили много людей на вылазкахъ, отняли двѣ пушки, и, засѣвъ близъ него на острову, въ устьяхъ Кубани, долго держали темрючанъ въ страхѣ 52). Но царь не вѣрилъ хану и противодѣйствовалъ крымцамъ съ запада запорожскими черкасами, служившими тогда Москвѣ за жалованье, какъ и выше сказали мы 53), а съ востока заволжскими ногайцами, ратными людьми изъ Астрахани и донскими казаками.

Лѣтомъ 1593 года, послѣ неясныхъ вѣстей, добытыхъ отъ азовскаго выходца Кучума о намѣреніи хана Казы-Гирея, донцы сочли необходимымъ для извѣщенія царя удостовѣриться въ этомъ точнѣе чрезъ языковъ и послали за ними конную дружину подъ Крымъ. Примчавшись въ перекопскія степи, казаки напали на татарскую *заставу*, побили многихъ крымцевъ, и, схвативъ языковъ, ускакали на Донъ. Одного плѣннаго крымца, войско немедленно отправило въ Москву, для подлинныхъ распросовъ, съ легкою станицею; но бродившія въ воронежскихъ степяхъ товариства своевольныхъ черкасовъ напали на донскую станицу и погромили ее. Войско отписало объ этомъ въ Москву 54), отрядивъ новыхъ молодцовъ за языками.

Подвластный крымцамъ Росланьевъ улусъ *Дивеевыхъ дѣтей* кочевалъ въ то время отъ берега Азовскаго моря вдоль по р. Калміусу, раскидываясь лѣтними разгулами въ глубь степей чрезъ

52) Дѣл. Крымск. ст. сп. № 19, лист. 295 и на обор. 296 ст. сп. Протоп. гонца.

53) Дѣл. Крым. ст. сп. № 18, лист. 27 на обор. до 29. Отвѣт. Годунов. Крым. гонц. 1588 г. и тѣхъ же дѣл. кн. № 20, лист. 259 и 959. См. вѣстовый ст. посл. Безобразова.

54) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 366 и 368.

Калміускій шляхъ до шляха *Муравскаго*; его наѣздники, соединясь съ азовцами, врывались въ украйны, пользуясь враждою ногайцевъ заволжскихъ съ козыевцами-дивеевцами; царь возбуждалъ первыхъ сдѣлать на Арасланея и на козыевцевъ нападеніе, давъ имъ въ помощь съ Волги боярскихъ дѣтей, Леонтія Панова и Никиту Башина, и велѣлъ донцамъ содѣйствовать въ этомъ по общему согласію. Почему, лѣтомъ 1593 года, главное войско донцовъ, подъ начальствомъ атамана Степана Ершова, какъ выше сказали мы, стояло уже наготовѣ въ устьяхъ р. Маныча, выжидая удобнаго времени для нападенія на козыевцевъ. Въ началѣ іюля ногайцы съ Пановымъ и Башинымъ пришли отъ Волги къ переправѣ Дона на крымскую сторону, противъ казачьяго городка *Раздоровъ* донецкихъ. Узнавъ объ этомъ, атаманъ Ершовъ отрядилъ для переправы и совокупнаго похода пятьсотъ казаковъ съ атаманами 55); что сдѣлалъ этотъ отрядъ, неизвѣстно.

Тогда какъ волжскій отрядъ долженъ былъ находиться въ движеніи къ Калміусу, царь велѣлъ запорожскому гетману *Криштофу Косинскому* послать часть запорожцевъ съ Самары (Днѣпровской) и воеводѣ путивльскому часть ратныхъ людей изъ Путивля съ тѣмъ, чтобы запорожцы и путивльцы соединились на Сѣверномъ Донцѣ и, въ случаѣ похода крымцевъ на украины, дѣйствовали противъ нихъ, или въ тылъ и тѣмъ отвлекали отъ украинъ. Донцамъ велѣно осылаться съ запорожцами и тоже дѣйствовать на враговъ одновременно, сообразно обстоятельствамъ 56). Неизвѣстны послѣдствія и этого вооруженія. Только въ октябрѣ мѣсяцѣ, пробиравшееся для зимовки на Міусъ, вслѣдствіе сношеній съ донцами, товариство самарскихъ черкасовъ, въ числѣ 25

55) Дѣл. Турецк. кн. № 3, лист. 134 и 136. Грам. на Донъ 1593 г. тѣ же дѣл. въ столб. 1593 г. см. отп. Донцов.

56) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 134 и 136. См. грам. на Донъ. 1593 г. апр. 20 и лист. 121—125, грам. на Донъ март. 20.

человѣкъ, было побито крымскимъ пашею Ахметомъ, верстахъ въ 60 не доходя до Міуса, и находившійся тутъ донской атаманъ Голикъ, который ходилъ къ запорожцамъ для совѣщаній, попалъ въ плѣнъ 57).

Удачнѣе обоихъ вооруженій, волжскаго и днѣпровскаго, какъ видно изъ актовъ, было дѣйствіе главнаго войска донцовъ: оно разбило на голову и азовскихъ хищниковъ, на возвратномъ пути изъ русскихъ украинъ, и ногайцевъ козыевскихъ. Жестоко губили казаки татаръ, особенно козыевцевъ: жгли ихъ улусы, рубили женъ и дѣтей, забирали въ плѣнъ многихъ. При этомъ отбили у татаръ русскихъ плѣнныхъ людей шестьсотъ тридцать человѣкъ. О побѣдахъ своихъ донцы немедленно писали къ государю съ легкою станицею 58). Русскихъ плѣнниковъ отправили на родину.

Для обузданія хана, кромѣ военныхъ мѣръ, Москва обратилась къ мѣрѣ устройства новыхъ городовъ, по рубежной чертѣ южныхъ областей своихъ. Основавъ Ливны, Кромы, Воронежъ, государь, въ концѣ 1593 года, велѣлъ ставить еще крѣпости на всѣхъ *сакмахъ*—путяхъ (татарскихъ) отъ Донца къ берегамъ Оки, именно: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки и нѣсколько мелкихъ *засѣкъ* и населять ихъ ратными людьми стрѣльцами, казаками. Татары не могли уже украдкой обходить этихъ грозныхъ защитъ, потому что изъ нихъ лѣтомъ беспрестанно разъѣзжали конные отряды для наблюденія за врагами 59).

Удары казаковъ, новыя крѣпости русскія и беспрестанныя движенія крымцевъ Амуратомъ изъ страны въ страну,—то въ Молдавію и Валахію, то въ Венгрію и Австрію, привели Казы-

57) Дѣл. Крым. ст. спис. книг. № 20, лист. 259. См. донес. Безобразова.

58) Дѣл. Турецк. книг. № 3, лист. 366—368.

59) Кар. Т. X. стр. 177.

Гирея въ такое разстройство и военныхъ и денежныхъ силъ, что Өеодоръ чрезъ гонцовъ своихъ могъ говорить ему въ духѣ приказанія: „папа римскій, цесарь, короли испанскій, португальскій, „датскій и вся Германія убѣждаютъ меня искоренить твой улусъ, „обѣщаясь съ своей стороны вооружиться на султана. Мои бояры, „князья, воеводы, въ особенности люди украины, такъ же бьютъ „мнѣ челомъ, чтобы я, за всѣ ваши неправды и злодѣйства, двинулъ войско и къ твоей Тавридѣ, не оставивъ камня на камнѣ. „Но желая дружбы твоей и султанской, я не слушаю ни пословъ государей европейскихъ, ни просьбъ моего народа, предлагаю тебѣ братство съ богатыми дарами 60)":—Въ крайности своей, ханъ вымолилъ у султана дозволеніе обмануть Москву ложнымъ примиреніемъ, которое было пышно и торжественно, такъ какъ никогда не бывало у насъ съ Тавридою 61). Послы—ханскій Ахметъ лаша и московскіе—князь Хворостининъ съ Богданомъ Бѣльскимъ съѣхались, въ ноябрѣ 1593 года, подъ Ливнами, на берегу рѣки Сосны для предварительнаго договора. Сосна тогда была границею обитаемой Россіи; далѣе къ югу, раскидывались пустынныя степи—приволье татарское. Послы сошлись на мосту, условились прекратить съ обѣихъ сторонъ дѣйствія непріятельскія, освободить плѣнниковъ, утвердить миръ и союзъ на вѣки: для чего крымскій князь Иши-Мехметъ долженъ былъ ѣхать въ Москву, а русскій князь Меркулій Щербатовъ въ Тавриду.

Въ знакъ дружбы Өеодоръ отпустилъ къ хану жену умершаго въ Астрахани царевича Амурата 62); отослалъ ему 10,000 рублей, сверхъ шубъ и драгоцѣнныхъ тканей, обѣщая присылать ежегодно столько же. Наконецъ, лѣтомъ 1594 года, царь получилъ отъ хана шертную (клятвенную) грамату съ золотою пе-

60) Кар. Т. X. стр. 178 и примѣч. 301.

61) Тамъ же стр. 173. и примѣч. 302.

62) Ссылка на предш. главу исторіи.

чатью.—Казы-Гирей обязывался быть врагомъ нашихъ враговъ, казнить своихъ улусниковъ за набѣги въ Россію, оберегать царскихъ пословъ и людей торговыхъ 63).

Въ отношеніи казаковъ, князю Щербатову, при написаніи шертной граматы, велѣно было говорить такъ: „какіе казаки во„руютъ съ Волги, съ Дону, или съ Донца, безъ государева свѣ„дѣнія, тѣхъ, сыскавъ, сообща казнить, и Казы-Гирею въ тѣхъ „казакахъ царю *не пенять.* А на Днѣпрѣ живутъ литовскіе ка„заки-черкасы не государевы, и намъ до нихъ дѣла нѣтъ“ 64). Здѣсь видно то же правило политики московскаго двора, какое было постоянно въ посольскихъ переговорахъ—несознаніе передъ татарами покровительства казакамъ: царь былъ увѣренъ, что татары никогда не могли просто ловить казаковъ, а должны были съ ними сражаться.

Хотя съ этого времени крымцы, усиленно помогая султану въ войнѣ Венгерской, года три не могли дѣлать большихъ нарядовъ къ набѣгамъ на наши украины, но по обычаю своему вѣроломствовать не переставали. Не смотря на то, что въ 1594 году, въ бытность князя Щербатова въ Тавридѣ, *ближніе хановы люди,* прикрываясь искренностью, выказывали себя очень недовольными, услыша, что Козыева улуса мурзы и азовской Досъ-Мехметъ пошли лѣтомъ того года на русскія украины, и самъ ханъ на это очень досадовалъ, говоря: „султанъ ко мнѣ пишетъ, что отъ донскихъ казаковъ обиды великія Азову, а теперь сами азовцы задираютъ“ 65); но въ 1596 году видимъ, что братъ хана царевичъ Фети-Гирей, преслѣдовавшій съ ногайцами донскихъ казаковъ, которые ходили подъ Азовъ и другія мѣста турецкаго владѣнія, завернулъ съ саблей и огнемъ на русскія украины. Въ

63) Кар. Т. X. стр. 179.

64) Дѣл. Крым. ст. спис. книг. № 20, лист. 377 и 378.

65) Дѣл. Крым. книг. № 20. Донск. посл. княз. Щерб. 1594 г.

извиненіе свое Казы-Гирей увѣрялъ Ѳеодора, что это случилось не отъ него, и что Фети-Гирей сдѣлалъ набѣгъ съ „*молода ума*“ 66).

Во всѣхъ посольскихъ переговорахъ московскаго двора съ бахчисарайскимъ, съ 1586 по 1600 годъ, ханъ упрекалъ русскихъ въ покровительствѣ и потворствѣ казакамъ донскимъ, волжскимъ и терскимъ, и исчисляя обиды и разоренія, наносимыя ими крымцамъ, азовцамъ, козыевцамъ и темрючанамъ, не разъ требовалъ, какъ и султанъ, свести ихъ съ Дона и другихъ мѣстъ; на эти нелѣпыя домогательства отвѣчали, по принятому правилу въ политикѣ, отрицаніемъ, говоря: „казаки донскіе и волжскіе не наши,—люди вольные, живутъ и *ходятъ* безъ нашего вѣдѣнія“. Въ продолженіе показаннаго времени, разговоры посольскіе о казакахъ съ обѣихъ сторонъ разнообразились по различію причинъ и обстоятельствъ, возбуждавшихъ ихъ; но сущность была одна и та же „сведите казаковъ“—твердили татары; „они не наши“—твердили русскіе 67).

---

66) Дѣл. Крым. книг. № 19, лист. 330. Смотр. грам. хан.

67) Дѣл. Крым. книг. № 16, лист. 194. Кр. ст. спис. № 18. 1592 г. лист. 203, 244, 245. Ст. спис. № 19, лист. 284, 285, 298 и 299. Ст. спис. книг. № 20, лист. 9, 10, 19 и на обор. 32, 38, 189, 193, 317, 319, 386, 388, 194 и 197.

ГЛАВА IX.

Вступленіе.—Укоризна писателей на донцовъ.—Народное предчувствіе.—Безпокойство и бѣдствіе Россіи; голодъ, разбои, порочные нравы.—Отношеніе донцовъ къ Россіи.—Сторожевые разъѣзды донцовъ.—Набѣгъ донцовъ на Крымъ.—Дѣла ногайскія.—Гоненіе на донцовъ.—Явленіе Лжедмитрія.—Посыльный на Донъ отъ него.—Посыльные съ Дону къ Лжедмитрію.—Готовность служить ему.—Посыльный отъ Годунова на Донъ.—Задержаніе его и представленіе къ Лжедмитрію.—Первое соединеніе донцовъ съ ополченіемъ Лжедмитрія.—Успѣхи Лжедмитрія.—Второй приходъ къ нему донцовъ.—Осада Крыма.—Послѣднія мѣры Годунова.—Смерть его.—Москва присягаетъ Ѳеодору, сыну Годунова.—Измѣна Басманова и войска.—Цареубійство.—Сверженіе патріарха Іова.—Москва присягаетъ Лжедмитрію.—Третій приходъ къ нему донцовъ.—Горячіе поступки казаковъ въ Тулѣ.—Возвращеніе казаковъ на Донъ.—Поведеніе Лжедмитрія и убіеніе его.—Значеніе Лжедмитрія.

съ 1598—1606 г.

Здѣсь, по ходу нашей исторіи, должны мы разсказать объ участіи казаковъ донскихъ въ смутныхъ событіяхъ, начатыхъ царствованіемъ Бориса Годунова.

Прекрасно представлено смутное время многими писателями; но историческое значеніе его не узнано. При тѣхъ пониманіяхъ началъ русскаго міра, какія доныне приняты наукою, значеніе это останется загадочнымъ.

Глубокую и великую эпоху Руси заключало смутное время— эпоху, которую можно назвать *судною*: тогда разсудили борьбу свою два начала русскаго міра—*козарская царевщина* (идея монархіи, централизаціи) и *варяжское княжество* (идея дробленія власти федеративности), или духъ *славяно-туранской* (*сколотскій*) съ духомъ *славяно-огерманенным*ъ *(гардарикскимъ)*; тогда—семи вѣковой историческій процессъ, завязавшійся съ варяжско-олеговскаго овладенія козарскимъ Кіевомъ между сказанными началами, рѣшенъ былъ великимъ переворотомъ—зачатіемъ новой династіи царей московскихъ; тогда же окончательно уничтожены и вѣковыя попытки европейскаго запада о введеніи католичества на востокѣ Европы. Иначе: это была эпоха сознанія и спасенія русскими южными и сѣверными стихіями духовно-исполинскаго значенія своего въ европейской расѣ.

Двумя одновременными борьбами сопровождалась смутная эпоха: внутреннею—народною (сословною) и внѣшнею—религіозною. Исходъ обѣихъ основался на ужасномъ угличскомъ событіи— убіеніи царевича Димитрія. Но религіозная борьба была средствомъ къ прекращенію борьбы народной: присущее Руси мужество въ православіи ниспровергло домогательства латинства и спасло государство.

Послѣ Іоанна IV, сокрушителя духа вельможества и развивателя духа козарской царевщины, и Θеодора молитвенника, считавшаго корону суетой, державству поколѣнія варяжскаго, какъ видно, не суждено идти далѣе: оно совершило на востокѣ Европы торжество церкви и государства, на сколько совершить могло. Два эти послѣдніе царя, изъ которыхъ въ первомъ видно сильное преобладаніе начала монархическаго, а во второмъ начала церковнаго, духомъ и дѣяніями своими выразили какъ бы конецъ призванія ихъ рода.

Безпредѣльное властолюбіе Годунова, могучаго правителя при Θеодорѣ, превратило его въ роковое орудіе для открытія суд-

ной эпохи. Онъ призванъ былъ судьбою не царствовать, а только кровавымъ потрясеніемъ довершить утвержденіе того царства, которое возсоздалось подъ опекою владыкъ его породы—моголовъ, закончить тотъ великій переворотъ на востокѣ Европы, какой произвели моголы, избившіе лишнихъ претендентовъ на престолъ централизиціи русскаго міра, сократившіе эгоизмъ и своеправіе вельможества, но сами не царствовавшіе въ Руси. Годуновъ достигъ трона; но совершившееся въ его правительство кровавое дѣло Угличской субботы, 15 мая 1591 года 1), взволновало царство лицемъ Лжедмитрія, и повело народъ русскій, въ распрѣ его, *къ великому земскому вѣчу*, для *повольнаго* избранія царя, какого Богъ укажетъ.

Характеръ этой эпохи отчасти высказывается двумя современными выраженіями, изъ которыхъ одно принадлежало устамъ народа—*„лихіе бояре“*, а другое устамъ боярства—*„баловни, лихіе люди казаки“*.

Почти всѣ писатели русской исторіи, по темному понятію о первобытныхъ донцахъ, не справедливо покрыли ихъ тяжкою укоризною, за участіе въ смутныхъ событіяхъ, начавшихся съ царствованія Годунова.

При всемъ уваженіи къ безсмертному исторіографу Карамзину, нельзя не сказать, что онъ безъ всякаго основанія придалъ имъ въ этомъ случаѣ даже „свойство людей мятежныхъ“ 2). Такъ легло осужденіе на могилы людей царелюбивыхъ и мужественныхъ, грѣшившихъ въ ту эпоху столько же, если не менѣе, какъ увидимъ, сколько и всѣ прочіе люди русскіе. Прошли надъ ихъ могилами, и еще могутъ пройти—годы и вѣка съ укоризною, повторяемою поколѣніями, если не объяснится дѣло, не раскроется неосновательность мнѣнія писателей. Облеченное прессою и авто-

1) Кар. Т. X. стр. 126—137.

2) Кар. Т. XI. стр. 141.

ритетомъ въ долговѣчіе мнѣніе это создавало и будетъ создавать въ соотечественникахъ съ одной стороны убѣжденіе ложное, недостойное свѣтилища исторіи, съ другой—оскорбленіе незаслуженное. Гдѣ тѣ мятежи донскихъ казаковъ до эпохи московскаго безначалія, за которые историки, какъ судьи, были бы въ правѣ приговорить имъ свойство людей мятежныхъ?—нѣтъ ихъ. Въ предшествовавшихъ главахъ мы собрали и представили всѣ историческіе слѣды жизни донцовъ, отъ начала ея до царствованія Годунова, какіе сохранились въ преданіяхъ, лѣтописяхъ и донынѣ извѣстныхъ бумагахъ государственныхъ и не нашли въ ней ни одного событія, которое можно признать мятежнымъ. Видѣли только, что начальные казаки Дона, по тогдашнему состоянію государства, существуя далеко за предѣлами его, среди пустынныхъ степей, между улусами враговъ—магометанъ, должны были, какъ вольное, самопожертвовательное призваніе русской и мировой исторіи, жить и дѣйствовать самобытно: но жили они и дѣйствовали всегда въ духѣ вѣры православной, въ духѣ царелюбія и въ идеѣ блага отечественнаго—русскаго. Эпоха же, открытая Годуновымъ, заключала общій мятежъ всѣхъ сословій Руси московской, вызванный тогдашнимъ политическимъ и нравственнымъ состояніемъ ихъ и вѣковыми причинами; здѣсь нѣтъ уже мѣста для частной, сословной укоризны—всѣ равно виновны. Мучительное дѣло переворота изготовилось силою исторической судьбы такъ не отразимо, что начинатель не могъ не явиться. Чтобы уяснить, какъ вовлеклись донцы въ начало этой эпохи, не касаясь всѣхъ дѣлъ Бориса по внутреннему и внѣшнему управленію, скажемъ напередъ о тѣхъ только обстоятельствахъ, которые составляли предшествіе смуты, какія могли дѣйствовать на мысли и духъ казаковъ. Скажемъ напередъ и о томъ, что участіе донцовъ въ смутныхъ событіяхъ представляется въ двухъ отдѣлахъ. Въ первомъ, отъ явленія Лжедимитрія до убіенія его, участвуетъ все войско; во второмъ—отъ возведенія на царство Шуйскаго, до сверженія

его и до конца безначалія, участвуютъ только части войска—охотники. Почему дѣла казаковъ излагаются въ двухъ главахъ.

Еще въ первыхъ годахъ царствованія Ѳеодора, враждою-ли дворскаго вельможества, или какъ иначе, осуществилось и ходило въ народѣ вѣщее чувство о гибельной будущности отъ воли и силы правителя Годунова. Чувство это прорывалось въ гласность: „вы миритесь нашими головами: и намъ и вамъ будетъ гибель отъ Бориса“—говорили громко купцы въ Кремлѣ, на площади, князю Ивану Шуйскому—герою Пскова, когда онъ извѣщалъ любопытный народъ о примиреніи своемъ съ правителемъ, при посредствѣ митрополита Діонисія. За эти слова купцовъ взяли въ первую ночь, по указу Годунова, и упрятали неизвѣстно куда 3). Послѣ, скоро, общее опасеніе приняло характеръ чрезвычайный: первосвятитель Діонисій, Шуйскіе, друзья ихъ, гости московскіе, купцы, нѣкоторые гражданскіе и воинскіе чиновники, рѣшались, именемъ всей Россіи, торжественно *„ударить челомъ“* Ѳеодору, о разводѣ съ неплодною супругою и о женитьбѣ на другой, чтобы имѣть наслѣдниковъ, необходимыхъ для спокойствія державы. Заточеніе Діонисія въ монастырь и позорная петля Шуйскаго въ темницѣ, или ямѣ, были слѣдствіями ихъ отважнаго движенія 4). Но ни сила Годунова, какъ правителя съ безпредѣльнымъ господствомъ, ни его искусство обольщать людей, ни угрозы, ни казни, ни государственныя достоинства, не подавили общаго опасливаго чувства: оно росло въ слѣдъ за возрастомъ могущества Годуновскаго, какъ безотвязная тѣнь, до тѣхъ поръ, пока сошелъ со сцены самъ предметъ, ее наводившій. Отъ Москвы, какъ отъ сердца государственнаго, чувство это, естественно, разносилось по всему тѣлу Руси и проникало до Дона.

При такомъ общемъ настроеніи, два обстоятельства не мог-

3) Кар. Т. X. стр. 73—74.

4) Тамъ же стр. 74—77—80.

ли не затронуть особенно сильно мысли и разума всѣхъ сословій и казачества: зарѣзаніе младенца царевича, единственнаго наслѣдника престола, и вышедшій (въ 1592 году), въ слѣдъ за этимъ ужаснымъ событіемъ, законъ объ укрѣпленіи крестьянъ и слугъ 5). Всѣмъ было понятно, что бездѣтный царь Θеодоръ, ежедневно слабѣвшій и духомъ и тѣломъ, оставитъ престолъ безъ родового наслѣдія: всѣхъ страшило будущее, небывалое на Руси. А законъ объ укрѣпленіи, увеличивъ выгоды дворянскаго быта, глубоко оскорбилъ крестьянъ: они лишились древней воли.

Надѣвъ корону (21 февраля 1598 года), Годуновъ только первые два года провелъ безъ обнаруженія душевной тревоги; потомъ сталъ открыто мучиться подозрѣніями о тайныхъ умыслахъ. Такое положеніе царя скоро обезпокоило и царство. Особенная молитва для чтенія во всѣхъ домахъ *„на трапезахъ и вечеряхъ, за чашами“* о спасеніи царя 6) и установленіе бѣдственной системы доносовъ 7) были плодомъ Борисовой муки. Молитвою, исполненною тщеславія и лицемѣрія, возмущалась совѣсть народная, а дѣйствіемъ доносовъ судьба гражданъ предана была сонму низкихъ извѣтниковъ. Отсюда (съ 1600 года), открылись гоненія 8): не было безопасности ни для кого—ни для вельможи, ни для простого гражданина. Краснорѣчивыя страницы исторіографа, изображающія это несчастное время Руси, горько выражаютъ болѣзнь ея словами современника—лѣтописца, что „и въ дикихъ ордахъ не бываетъ столько великаго зла“ 9).

Скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ: *„россіяне уже не любили Бориса“* 10).

---

5) Кар. Т. X. стр. 208—211.

6) Кар. Т. XI. стр. 95 и 96 и примѣч. 138.

7) Тамъ же стр. 97—107.

8) Тамъ же стр. 97—99.

9) Тамъ же стр. 107—109—110.

10) Кар. Т. XI. стр. 109.

Въ это мрачное время государства явился (съ 1601 года) голодъ, продолжавшійся два года. Ужасна была кара небесная!— тогда хуже звѣрей сдѣлались люди: оставляли семейства, чтобы не дѣлиться съ ними пищею; не только убивали другъ друга за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Въ одной Москвѣ умерло полмилліона душъ, а въ селахъ и въ другихъ областяхъ несравненно болѣе 11).

Въ слѣдъ за голодомъ возникло другое бѣдствіе—разбои. Законъ, вышедшій еще въ Ѳеодорово время, единственно въ угодность знатному дворянству, объ укрѣпленіи всѣхъ людей, служившихъ господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ, наполнилъ боярскіе домы рабами. Въ дешевое время, умноживъ слугъ, бояре начали распускать ихъ во время голода. Безпріютные люди и гибли, и пускались разбойничать. Съ ними соединялись слуги вельможъ опальныхъ, осужденныхъ за господъ вести жизнь бродягъ (было запрещено принимать слугъ опальныхъ), соединялись и бѣглецы, толпившіеся въ мѣстахъ украйныхъ и ходившіе на добычу во внутрь Россіи. Разбои сдѣлались всемѣстными: истребленіе ихъ потребовало усиленныхъ мѣръ правительства 12); но они не уничтожены до смутнаго времени.

Въ такой жизни государства нравы сдѣлались порочными: ни правды, ни чести не стало въ людяхъ, какъ пишутъ современники. Во всѣхъ состояніяхъ умножилось распутство, корыстолюбіе, возвысившее на все цѣну, безчувствіе къ страданію подобныхъ себѣ, раздоръ и ненависть другъ къ другу. Лучшее дворянство и самое духовенство впадало въ общую язву разврата, хладѣло въ усердіи къ отечеству, ненавидя царя 13).

Таково было нравственное состояніе государства передъ на-

11) Тамъ же стр. 110—115.

12) Кар. Т. XI. стр. 117—118—119 и 120.

13) Тамъ же стр. 120—121—122 и примѣч. 190.

чаломъ явленія самозванца. Духъ правды, вѣчно живущій и дѣйствующій, не могъ не возстать за себя.

Донцы, какъ сыны Россіи, проникались живымъ сочувствіемъ и къ ея радостямъ, и къ ея скорбямъ, и къ ея добродѣтелямъ, и къ ея порокамъ. Хотя *Раздоры* - главный городокъ ихъ—стоялъ отъ Москвы болѣе нежели на тысячу верстъ и отдѣлялся отъ рубежей царства какъ моремъ, глухими, пустынными степями—привольемъ татаръ, но Москва была близка Раздорамъ: тамъ находились два святилища души вольныхъ витязей—престолъ вѣры православной и престолъ царей. Со временъ Іоанна IV, донскіе атаманы и казаки, въ поѣздахъ своихъ станицъ въ Москву—въ *вѣстовыхъ, охранныхъ, дипломатическихъ и почетныхъ*—благоговѣйно снимали шапки и молились предъ кремлевскими воротами Спаса; удостоивались бывать въ палатахъ царскихъ и видѣть *„свѣтлыя очи царскія“*, имѣли доступъ къ сановникамъ двора, встрѣчали пріязнь отъ бояръ и дворянъ, заводили дружелюбныя связи съ многими гражданами почетными, людьми дѣловыми и купцами. При такихъ отношеніяхъ, отъ любопытства донцовъ не могли ускользать всѣ толки о причинахъ важныхъ случаевъ народныхъ благъ и золъ; о всѣхъ поступкахъ Бориса, сначала правителя, а послѣ царя, и о томъ, какъ онъ сѣлъ на царство: имъ была видна и понятна общественная и частная жизнь столицы, ея добрые и худые нравы. Кромѣ Москвы, донцы ѣздили во всѣ украйные и во всѣ внутренніе города, гдѣ у кого были *„родимцы“* (люди родные): а тамъ, тоже,—какъ говорится, „слухомъ земля полнится“—узнавали все, что ходило въ молвѣ народной о царѣ, о Москвѣ, о бояpaхъ, о воеводахъ. Короче, они были очевидцами и сочувствователями народной нелюбви къ Борису и всѣхъ золъ, составлявшихъ сближеніе ужаснаго смятенія Россіи; но какъ служили отечеству при Іоаннѣ IV и при Ѳеодорѣ (что представлено нами въ предшествовавшихъ главахъ), такъ продолжали служить и при Борисѣ—до его гоненія.

По обычаю, воюя съ азовцами едва не каждый день, донцы непрерывно дѣлали поиски и надъ крымцами и ногайцами, подстерегая ихъ въ степяхъ и при рѣкахъ на переправахъ и бродахъ. Весною 1598 года (въ мартѣ, во второмъ мѣсяцѣ, по вступленіи Бориса на престолъ), казаки напали на толпу крымцевъ, за рѣкою Дономъ, и схватили въ плѣнъ татарина, который сказалъ, что крымскій ханъ Казы-Гирей намѣренъ идти къ Москвѣ со всею ордою и съ семью тысячами султанскаго войска. Немедленно извѣстили они объ этомъ оскольскаго воеводу, а тотъ донесъ царю 14). Хотя Борисъ, въ мартѣ же мѣсяцѣ, отправилъ къ хану гонца съ дружественнымъ письмомъ, однакожъ, извѣстіе это онъ принялъ за достовѣрное и рѣшился двинуть рать свою къ берегамъ Оки. Въ апрѣлѣ донскіе казаки схватили въ плѣнъ на Донецкомъ перевозѣ еще крымскаго татарина, который подтвердилъ прежніе слухи о приготовленіяхъ хана. По вѣстямъ казаковъ, бѣлгородскій воевода и объ этомъ показаніи донесъ царю, дополняя, что въ степяхъ уже показались толпы крымцевъ, хотя и малыя, которыя вездѣ гонятъ нашихъ сторожей 15).

Москва ополчилась громадными силами и ожидала хана, самъ Борисъ прибылъ въ Серпуховъ, который былъ главнымъ пунктомъ рати.

Казы-Гирей дѣйствительно собирался сдѣлать большое вторженіе въ Россію, какъ послѣ доносилъ изъ Крыма и посланникъ нашъ Ладыженскій, располагая отрядить напередъ въ Рязанскую область Арősланьева улуса дивеевыхъ татаръ съ другими *рѣзвыми* (легкими) наѣздниками до двадцати тысячъ, а самому идти за ними въ слѣдъ, чтобы послѣ соединиться и направиться прямо на Москву. Но когда освѣдомился отъ взятыхъ въ плѣнъ тата-

14) Акты Археограф. Экспед. Т. II. № 2. см. послан патріарха Іова къ царю іюля 2 дня 1598 г. и Кар. Т. XI. стр. 12.

15) Кар. Т. XI. стр. 13.

рами украинскихъ *станичниковъ*, о готовности русскаго войска встрѣтить крымцевъ, то отложилъ свой походъ; обошелся ласково съ Ладыженскимъ и отправилъ къ Борису знатнаго посла своего князя Алея 16). Вмѣсто жданныхъ полчищъ явились (въ іюнѣ) на русской украинѣ мирные послы Казы-Гирея съ московскимъ гонцомъ: елецкіе воеводы отослали ихъ въ Серпуховъ. 29 іюня Алей объявилъ царю, что ханъ желаетъ вѣчнаго союза съ Россіею 17), возобновляя договоръ, заключенный Ѳеодоромъ. Его приняли ласково, и вмѣстѣ съ нимъ отправили въ Тавриду нашего посла для утвержденія союза 18). Царь праздновалъ этотъ случай какъ побѣду.

Такъ, въ первый разъ, услужили донцы разъѣздами своими Борису.

Казы-Гирей хитрилъ противъ новаго царя и откладывалъ заключеніе договора, протянувъ дѣло это около четырехъ лѣтъ. Между тѣмъ шайки крымцевъ поживлялись въ набѣгахъ на украины: особенно тревожили Бѣлгородскую область. Наконецъ, ханъ, добившись отъ Бориса богатыхъ даровъ, оцѣненныхъ въ 14 тысячъ рублей, вручилъ нашему послу князю Волконскому, въ іюнѣ 1602 года, шертную грамату 19).

Но вольные мстители за русскую кровь донскіе казаки, такъ же какъ и крымцы, не дремали: они мало того, что гоняли и били татаръ на сосѣдственныхъ степяхъ, лѣтомъ 1603 года, вторглись во владѣнія Тавриды и отплатили ей разореніемъ Карасанскаго улуса 20). Ханъ требовалъ отъ находившагося тогда въ Крыму

---

16) Акты Арх. Эксп. Т. II. № 3 послан. цар. къ пашѣ.

17) Тамъ же № 4 см. послан. царя къ патріарху Іову 30 іюня 1598 г.

18) Кар. Т. XI. стр. 17—18.

19) Тамъ же стр. 28.

20) Кар. Т. X. примѣч. 36.

русскаго посланника князя Барятинскаго, чтобы онъ удерживалъ донцовъ отъ набѣговъ; но посланникъ, слѣдуя обычному правилу политики московской—отрицанію отъ казаковъ предъ татарами,—отвѣчалъ рѣзко: „у васъ есть сабля; а мое дѣло сноситься только съ ханомъ, а не съ ворами казаками". Казы-Гирей счелъ такой отвѣтъ грубостью и выслалъ Барятинскаго изъ Тавриды; однако же случай этотъ не произвелъ разрыва 21).

Для связи разсказа послѣдующихъ событій въ исторіи донцовъ, взглянемъ на политическія отношенія Москвы въ это время къ волжскимъ ногайцамъ. По смерти князя Уруса—главы всѣхъ улусовъ ихъ—малые властители мурзы вошли въ ссоры: они раздѣлились тогда на двѣ части, повиновавшіяся двумъ князьямъ: Иштереку, сыну Тинъ-Ахматову, и Янараслану, сыну Урусову, ненавидившимъ другъ друга. Борисъ требовалъ, чтобы князья жили въ согласіи; Янарасланъ отвѣчалъ: „московскій царь „желаетъ чуда, велитъ овцамъ дружиться съ волками и пить „воду изъ одной проруби". Уполномоченный Борисомъ бояринъ Семенъ Годуновъ, прибылъ въ 1604 году въ Астрахань и, при собраніи ногайскихъ вельможъ, объявилъ Иштерека первымъ или главнымъ княземъ, взявъ отъ него клятвенную грамату, въ томъ, чтобы ему со всѣми улусами племени предка своего, князя Исмаила, служить Россіи и биться съ ея врагами; не давать никому княжескаго достоинства безъ утвержденія государева; не имѣть войны междуусобной; не сноситься съ шахомъ, султаномъ' ханомъ крымскимъ, царями бухарскимъ и хивинскимъ, ташкентцами, ордою киргизкою, Шавкаломъ и черкесами; кочевать въ степяхъ астраханскихъ у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ около Царицына; *присоюзить*, или присоеденить къ себѣ силою улусъ Козыевъ, чтобы не было иной орды, кромѣ Иштерековой. Козыевцы, какъ и прежде говорили мы, отдѣлясь отъ волжскаго улуса,

21) Тамъ же XI. стр. 30.

кочевали близъ Азова съ своимъ княземъ Барангазыемъ и зависили отъ султана и хана крымскаго: они безпрерывно участвовали съ азовцами въ набѣгахъ на украины. Исполняя условія, Иштерекъ сталъ нападать на улусъ Казыевъ съ одной стороны (восточной), а съ другой (сѣверной) безпрестанно тѣснили и разоряли его донскіе казаки, какъ и въ предшествовавшихъ главахъ говорили мы; отъ чего, въ Годуново время, козыевцы дошли до такой крайности, что многіе изъ нихъ продавали дѣтей своихъ въ Астрахани 22).

Въ этихъ только случаяхъ видны дѣла донскихъ казаковъ въ первыхъ годахъ царствованія Бориса, сколько знаемъ мы. Нельзя не полагать, что казаки, по ненависти своей къ ногайцамъ и азовцамъ—врагамъ Руси не давали имъ покоя безъ умолку, но бумажные памятники времени Годунова о Донѣ весьма скудны.—Все, что будемъ говорить теперь о казакахъ, основано на краткихъ указаніяхъ лѣтописей и на немногихъ актахъ, уцѣлѣвшихъ отъ истребленія, какіе мы собрать могли.

Гоненія Борисовы, начатыя по Россіи, пали и на донцовъ. Въ 1602 году, когда Казы-Гирей объявлялъ неудовольствіе, что Россія стѣсняетъ его улусы основаніемъ въ степяхъ крѣпостей, особенно города Царева-Борисова (строитель котораго гордый Бѣльскій былъ первою жертвою гоненій царя съ лишеніемъ своей бороды, позорно выщипанной шотландскимъ хирургомъ Габріелемъ 23),—Годуновъ увѣрялъ хана, что крѣпости строятся для безопасности посольствъ въ Тавриду и для обузданія донскихъ казаковъ 24). Эти слова о казакахъ были уже не тѣмъ обычнымъ выраженіемъ московской политики, какимъ прикрывалась она предъ

22) Кар. Т. XI. стр. 83—85. Дѣл. Ногайск. въ столбц. 1604 г. № 1. Донес. Астрахан. воевод. отъ Годунова.

23) Кар. Т. XI. стр. 98—99.

24) Тамъ же стр. 29.

крымцами въ переговорахъ; но порожденіемъ мысли, готовившей гоненія на донцовъ. Началось тѣмъ, что имъ не дозволено пріѣзжать въ Москву; прекращено жалованье, присылаемое прежними царями, и дары, какими награждаемы были особенно атаманы, за ихъ *радѣтельныя* службы. Потомъ не дозволенъ былъ донцамъ въѣздъ во всѣ города Россіи: даны повелѣнія схватывать ихъ вездѣ, гдѣ появятся, и заключать въ темницы—по дальнымъ мѣстамъ; многихъ казнили, вѣшали и въ воду бросали; торговымъ людямъ запрещено было, подъ страхомъ казни, привозить на Донъ запасы. По свидѣтельству лѣтописи, во всей Русской землѣ донцы „не имѣли нигдѣ себѣ пристанища" 25).

Такъ Борисъ, безъ всякой явной вины, по государственному и политическому ходу дѣлъ, (а тайной, лично противъ него, и быть не могло), нанесъ обиду и гоненіе главной общинѣ вольныхъ русскихъ витязей, имѣвшихъ „*войсковое*" (военно-народное) достоинство въ области тогдашней политики, славныхъ уже заслугами отечеству, (о какихъ разсказали мы въ предшествовавшихъ главахъ), важныхъ метропольнымъ значеніемъ своего донскаго *круга* во всемъ казачествѣ, развившемся тогда въ огромный міръ. Одно лишеніе донцовъ *повольнаго* въѣзда въ Москву, гдѣ были святилища ихъ русскаго сердца, о которомъ выше объяснили мы, составляло глубокую обиду для ихъ народной гордости, болѣе тяжкую, нежели темничное заключеніе въ прочихъ городахъ. Отверженные Москвою они какъ бы не имѣли уже отечества, не имѣли царя: Борисъ сталъ для нихъ бояриномъ, какимъ былъ по рожденію, а не царемъ, потому что отъ природныхъ царей Донъ никогда не былъ гонимъ; сталъ, лично для нихъ, враждебнымъ властителемъ, какими были властители Турціи и Крыма. Это дѣйствіе воли Годуновой, противное и чувству народному и разуму государственному, изъясняется только или лу-

25) Лѣтоп. о мятежахъ стр. 79.

кавымъ совѣтомъ бояръ—его недоброжелателей, или просто не удержимымъ, роковымъ влеченіемъ его къ ужасному потрясенію. Одно, что можетъ еще представить догадка въ основаніе такой ошибочной мѣры,—это цѣль разорвать связь русскихъ городовъ съ Дономъ, для пресѣченія возможности смѣлымъ ропотникамъ и порицателямъ воеводскихъ дѣйствій, по бѣдственной системѣ доносовъ и по вышедшему въ то время закону (1601 года) 26) о переходѣ людей отъ господъ мало-чиновныхъ, дѣтей боярскихъ и другихъ, избѣгать преслѣдованій и кары, и тѣмъ уменьшить общее негодованіе. Тогда всякъ изъ дѣтей боярскихъ, изъ городовыхъ людей служилыхъ и изъ многихъ другихъ людей вольныхъ,—умѣвшій владѣть оружіемъ и подвергавшійся по подозрѣнію тюрьмѣ и пыткѣ, (которая грозила ему огненными обжогами, переломаніемъ реберъ и вколачиваніемъ гвоздей въ тѣло 27), могъ спасать себя бѣгствомъ въ покровное прибѣжище войнороднаго, братскаго Дона, гдѣ никого не спрашивали: почему онъ пришелъ сюда? а только требовали, чтобы за вѣру храбро ходилъ на татарина; не спрашивали также, почему онъ удалялся отсюда, когда вздумалось. Понятно, что, при свободныхъ поѣздахъ донцовъ въ города для торговли и посѣщенія *родимцевъ* (родственниковъ), люди, отчаявшіеся въ своемъ существованіи, сдѣлавшіеся жертвою клеветы, или проступковъ, могли удачнѣе избѣжать преслѣдованій Годуновскихъ воеводъ. Но по этой ли причинѣ, или, еще того менѣе, за разбои нѣсколькихъ лицъ тогдашней вольницы, гнать войнородную общину было ли благоразумно?—пожаръ хотѣли гасить пожаромъ. Представивъ также себѣ, что донцы не могли же не сознавать важности чистыхъ жертвъ своихъ и изумительныхъ подвиговъ въ расширеніи отечественнаго владычества отъ Оки до Азовскаго моря, а отсюда до Терека и предгорій Кавказа, до Яи-

26) Кар. Т. XI. стр. 86.

27) Тамъ же стр. 107—109—110.

ка (Урала) и до Иртыша (*), мы поймемъ душевное и нравственное состояніе въ дѣяніяхъ ихъ при началѣ смутнаго времени.

Въ такомъ оскорбленномъ и отверженномъ положеніи находились казаки, когда въ Польшѣ явилась личность подъ именемъ царевича Димитрія, съ притязаніемъ на престолъ московскій. Человѣкъ этотъ былъ инокъ Чудова монастыря, саномъ діаконъ, родомъ бѣдный боярскій сынъ, именемъ—Григорій Отрепьевъ. Въ выходѣ столь ничтожнаго борца противу могучаго царя представляется дѣло Провидѣнія:—праща Давыдова на мечъ и копье Голіафа. Зачатіе этой мысли въ смѣломъ Григоріѣ остается тайною: относятъ ее къ боярамъ; указываютъ и на какого-то инока 28). Удивительно, что тотъ, кто былъ сильнѣйшимъ доброхотомъ Годунова—патріархъ Іовъ—былъ особеннымъ покровителемъ и Григорія: часто возилъ его въ царскія палаты, какъ бы для успѣшнѣйшаго воспитанія въ немъ дерзкаго замысла, обояніемъ великолѣпія и величія. Удивительно также, что самъ смѣльчакъ, томимый призваніемъ своимъ, не разъ обнажалъ душевную тайну, хотя и шутками, чудовскимъ монахамъ- „знаете ли, что я буду царемъ на Москвѣ“ 29), какъ бы для того, чтобы скорѣе быть извергнутымъ на просторъ.

Не замедлилъ Борисъ преслѣдовать діакона за эти слова 30), но онъ бѣжалъ, въ февралѣ 1602 года, изъ Москвы въ Литву, разумѣя ее, по ненависти къ Россіи, благопріятною почвою для осуществленія своей идеи 31). Тамъ и въ Польшѣ сильно уже владычествовали тогда церковно-политическіе поборники католичества—іезуиты, мечтавшіе, по мысли учредителя виленской шко-

(*) Ссылка на предшествовавшія главы исторіи.

28) Кар. Т. XI. стр. 124 и 125.

29) Тамъ же стр. 125.

30) Тамъ же стр. 125.

31) Тамъ же стр. 127.

лы их, Антонія Поссевина, обратить во власть Рима *„московскихъ еретиковъ“* 32); тамъ избралъ Отрепьевъ пути своей цѣли. Началъ тѣмъ, что, для пріобрѣтенія военнаго навыка, скинулъ одежду монаха, превратился въ казака и поступилъ къ днѣпровскимъ запорожцамъ, въ товариство Герасима Евангелика, гдѣ выучился владѣть конемъ и оружіемъ. Изъ Запорожья монахъ-казакъ перешелъ въ Волынь и попалъ въ службу къ сильному при дворѣ князю Адаму Вишневецкому. Здѣсь, хитро успѣлъ онъ съ помощью духовника іезуита представить себя знатнымъ изгнанникомъ Димитріемъ царевичемъ. Князь Адамъ скоро разславилъ во всей Литвѣ о чудесномъ спасеніи мнимаго Іоаннова сына. Братъ Адама Константинъ и тесть послѣдняго Юрій Мнишекъ — воевода Сандомирскій приняли особенное участіе въ судьбѣ его. Два сильные пана, папскій нунцій Рангони, и толпа іезуитовъ, управлявшихъ совѣстью Сигизмунда, явились ревностными доброхотами Лжедмитрія, и дѣло его сильно и живо пошло впередъ. Смѣтливый Григорій постигъ, чѣмъ можно было увлечь своихъ пособниковъ: онъ письменно обязался за себя и за Россію пристать къ латинской церкви. За это Рангони взялся быть его ходатаемъ не только въ Польшѣ и въ Римѣ, но и во всей Европѣ. Отсюда начинается та послѣдняя попытка римскаго властолюбія овладѣть православіемъ русскимъ, которое довело его до посмѣянія въ этомъ стремленіи. Въ слѣдъ за обязательствомъ разстриги, іезуитское общество стало славить *„будущія“* великія добродѣтели его и надежду подчинить Риму *„всѣ неизмѣримыя страны востока!“* Папа Климентъ VIII удостовѣрялъ его въ своей готовности помогать всею духовною властью апостольскаго намѣстника 33); а Сигизмундъ, вопреки чести и народному праву, (не нарушая однакожъ двадцатилѣтняго перемирія съ Россіею), дозволилъ Мниш-

32) Кар. Т. X. стр. 285 и 286.

33) Кар. Т. XI. стр. 128—135.

ку и Вишневецким поднять знамя противъ Бориса именемъ сына Іоаннова и составить рать изъ вольницы, опредѣливъ ей на жалованье доходы воеводства Сандомирскаго; внушалъ дворянамъ, что слава и богатство ожидаютъ ихъ въ Россіи 34).—Изъ Кракова разстрига отправился въ помѣстье Мнишка, находившееся близъ Львова и Самбора: тамъ, весною 1604 года, подъ распущенныя знамена собирались толпы шляхты и черни—охотниковъ воевать Москву. Немногіе дворяне знатные приняли участіе въ ополченіи, или въ угодность королю, или прельщаясь мыслью *похрабровать* за изгнанника 35). Тутъ же пристали къ разстригѣ и нѣкоторые изъ укрывавшихся въ Литвѣ московскихъ бѣглецовъ—дворянинъ Иванъ *Борошинъ* съ десятью или пятнадцатью товарищами: они пали къ ногамъ его,—сдѣлались первыми предателями и составили у него первую дружину русскую 36); но не Донцы, какъ написалъ о нихъ одинъ изъ историковъ 37).

Вѣсти, распущенныя въ Литвѣ, о чудесномъ спасеніи царевича Димитрія, могли проникать чрезъ Сѣверію и на Донъ; но казаки не трогались. Разстрига, во время пребыванія въ Запорожьѣ, видѣлъ союзныя сношенія днѣпровцевъ съ донцами (о какихъ мы говорили въ предшествовавшихъ главахъ) и при этомъ могъ узнать, что послѣдніе ненавидѣли Годунова за отверженіе ихъ; почему и послалъ онъ на Донъ (въ 1604 году) литвина Свирскаго съ граматою. Не знаемъ содержанія граматы: время уничтожило ее. Думаемъ, что она была въ одинаковомъ смыслѣ и выраженіяхъ съ тѣми *окружными* возваніями, какіе разсылались Лжедимитріемъ по русскимъ городамъ. Онъ писалъ: „сохраненный Божіемъ „произволеніемъ отъ злокозненнаго помысла измѣнника Бориса

34) Кар. Т. XI. стр. 136—137.

35) Тамъ же стр. 139—140.

36) Тамъ же стр. 140—141.

37) Броневск. часть 1-я стр. 87.

„Годунова идетъ нынѣ какъ истинный царевичъ—сынъ Іоанновъ —
„на престолъ прародителей своихъ въ Московское государство и
„потому призываетъ (именуя городъ), по-помня его прирожденіе
„и христіанскую вѣру, отложиться отъ измѣнника Годунова, и
„впередъ служить ему, *какъ своему прирожденному государю;* а
„онъ начнетъ жаловать по царскому милосердому обычаю и въ
„чести держать" 38).

Вотъ пора, въ которую обнаруживается неосновательность укоризны историковъ на донцовъ за поведеніе ихъ въ началѣ смуты. Не смотря на переносимыя оскорбленія, донцы, какъ прямые витязи и сыны отечества, въ пріѣздъ Свирскаго, поступили осторожно, разсудительно. Понимая злорадство Литвы и Польши къ Россіи, они не бросились на помощь Лжедимитрію по одному только его призыву; но *войсковымъ кругомъ* положили: послать съ Дону двухъ атамановъ Андрея Корелу и Михаила Нѣжакова 39) съ нѣсколькими казаками, очевидно, удостовѣриться въ существованіи московскаго царевича. Прибывъ въ Краковъ 40), атаманы нашли Лжедмитрія, окруженнымъ знатью и блескомъ: увидѣли, что его честили паны вельможные и самъ король; что ему служатъ уже дворяне московскіе—какъ же не обмануться имъ? Хотя о зарѣзаніи царевича во младенчествѣ и могли они знать разсказы; но то были различные толки молвы народной, ходившіе и по Москвѣ и по другимъ городамъ; теперь же видятъ его дѣйствительно живымъ, слышатъ собственное его призваніе къ себѣ,— какъ же не усумнится имъ въ истинѣ смерти его, когда и знатные люди русскіе, не посвященные въ дворскіе тайны, колебались толками? И такъ, не удостовѣряясь далѣе, не разбирая важности

38) Окружная грамата Лжедимитрія о войнѣ съ Борисомъ. Ноября 1604 г. Акты Археограф. Экспед. т. II № 26.

39) Кар. Т. XI стр. 141.

40) Тамъ же примѣч. 223.

рѣшимости своей, атаманы, по горячему движенію русскаго сердца къ природнымъ царямъ, *„ударили челомъ“* Лжедимитрію, какъ законному государю: *„не мѣшкай“* — говорили ослѣпленные казаки—*„иди въ Московское государство; а мы всѣ тебѣ рады!“* 41). Такъ зачиналось бѣдственное участіе донцовъ въ длинной, ужасной драмѣ смутной эпохи Руси! Здѣсь не было замысла о мятежѣ; не было измѣны прямой, какую дѣлали другіе, конечно знавшіе дѣйствительнѣе Лжедимитрія, нежели донцы;—было только заблужденіе. Обрадованный готовностью атамановъ самозванецъ отпустилъ ихъ на родину, съ ласковымъ словомъ къ собратамъ.

По возвращеніи атамановъ, Донъ пришелъ въ движеніе отъ дивной новизны. Естественное желаніе избавиться гонителя и неограниченная любовь къ природнымъ государямъ подвинули казаковъ усерднымъ желаніемъ оказать помощь *„прирожденному“* наслѣднику въ возвращеніи царства: стали готовиться къ походу и говорить въ юртахъ всенародно о великомъ дѣлѣ возстанія царственнаго карателя. На возвращавшагося въ это время изъ Астрахани по Волгѣ окольничаго Семена Годунова, бывшаго тамъ по дѣламъ ногайскимъ, вышеописаннымъ нами, напали нѣкоторые изъ донскихъ *гулебщиковъ* за то, какъ понимать можно по искусству тогдашнихъ казаковъ развѣдывать о всѣхъ воеводскихъ поступкахъ, что въ переговорахъ съ ногайскимъ княземъ Иштерикомъ, онъ хвастался жестокостями Бориса противъ казачества, говоря: „теперь вездѣ казаковъ сыскиваютъ, вѣшаютъ и побиваютъ“ 42). Отпуская нѣсколькихъ стрѣльцовъ, захваченныхъ у Годунова, гулебщики сказали имъ такъ: „объявите на Москвѣ Борису, что мы скоро будемъ къ нему съ царевичемъ Димитріемъ“ 43).

---

41) Лѣтопись о мятежахъ стр. 79.

42) Дѣл. Ногайск. въ столб. № 3. 1604 г. см. донесеніе посольск. приказ. окольн. Степана Годунова.

43) Кар. Т. XI. стр. 142.

Уже смущенный слухомъ о явленіи самозванца, Борисъ еще болѣе смутился, когда узналъ о посольствѣ донцовъ въ Польшу. Онъ понялъ тогда свою ошибку въ гоненіи ихъ; хотѣлъ поправить дѣло, но было поздно. Наскоро послалъ на Донъ *„знатнаго“* и преданнаго ему дворянина Петра Хрущева, для удостовѣренія казаковъ въ обманѣ Отрепьева. Успѣхъ этого порученія и для самаго посыльнаго былъ сомнителенъ, какъ видно по смыслу показанія его. Когда Хрущевъ, встрѣтясь на пути съ главными царскими воеводами Петромъ Шереметьевымъ и Михаиломъ Салтыковымъ, которые сводили полки въ Ливнахъ будто бы на случай ханскаго вторженія, тайно объяснилъ Шереметьеву о царевичѣ и о чемъ велѣно ему говорить съ донскими казаками, то воевода, „пожавъ плечами“, сказалъ: „мы ничего не знаемъ“; а потомъ, Шереметьевъ и Салтыковъ, будто бы, говорили Хрущеву: „насъ ожидаетъ не крымская, а совсѣмъ иная война,—но трудно поднять руку на государя природнаго“ 44).—Пріѣхавъ на Донъ, Хрущевъ разсказалъ въ войсковомъ кругу все, какъ велѣно и какъ умѣлъ. Казаки выслушали.... Но можно ли было перемѣнить убѣжденіе въ народѣ, царелюбивомъ по дѣлу природныхъ царей, отъ которыхъ онъ никогда не былъ гонимъ, но честимъ ими за службу, отъ Годунова же безъ вины обиженъ;—перемѣнить не легко убѣжденіе, основавшееся на очевидномъ удостовѣреніи собратовъ, удостоенныхъ избраніемъ войсковаго круга —цѣлаго войска! Онъ обманутъ; но онъ не видитъ обмана, а признаетъ его священною истиною и страшиться вѣроломства предъ лицомъ, которое считаетъ дѣйствительнымъ царевичемъ. Заблудившіеся казаки, однакожъ все еще не трогаясь съ Дона, для большаго убѣжденія въ истинѣ столь важнаго дѣла, рѣшились лишить Хрущева свободы, и съ послами своими при отпискѣ отправить къ Лжедмитрію въ Польшу; при этомъ извѣщали, что

---

44) Кар. Т. XI. стр. 144 и прим. 234 и 235.

войско находится въ готовности на службу ему какъ *„природному государю“* 45). Замѣтимъ: во всѣхъ отзывахъ донцовъ, высказывается чувство, что они служатъ Лжедимитрію, какъ природному государю. Лжедимитрій былъ уже тогда на пути въ Россію съ своими дружинами. Донскіе послы встрѣтили его (17 августа 1604 года) въ Сокольникахъ и представили Хрущова 46). Къ общему несчастью Хрущовъ не имѣлъ души Сусанина. Твердо увѣрявшій казаковъ на Дону о смерти царевича, дворянинъ этотъ, былъ приведенъ къ самозванцу, въ присутствіи *„рыцарства“*, палъ *„лицемъ до земли“*, залился слезами, и конечно, изъ низкой трусости, для спасенія жизни своей, сказалъ, что *„признаетъ въ немъ природнаго государя московской монархіи“* 47). Этотъ поступокъ чиновнаго измѣнника, удостоеннаго особеннымъ довѣріемъ самаго Бориса, усилилъ заблужденіе донцовъ и уже окончательно утвердилъ ихъ въ преданности самозванцу. Вотъ какъ сложилось начало участія казаковъ въ смутной эпохѣ.

Съ Дону пошли казаки на встрѣчу Лжедимитрію только въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ; проводникомъ былъ Свирскій. Подъ Кіевомъ соединились они съ ополченіемъ мнимаго царевича 48), который самъ предводительствовалъ войскомъ, представляя собою витязя ловкаго, искуснаго владѣть конемъ и мечемъ, военачальника бодраго и безстрашнаго 49).

Донцы составили лучшую часть его ополченія по храбрости и мужеству.

16 октября (1604 года), Лжедимитрій вступилъ въ Россію и

45) Собр. госуд. грам. и догов. см. допросы учинен. двор. Петру Хрущеву.

46) Кар. Т. XI. стр. 144.

47) Собр. госуд. грам. и догов. см. тѣ же допросы.

48) Кар. Т. XI. стр. 148.

49) Тамъ же стр. 149.

успѣшно шелъ къ своей цѣли. Съ неизъяснимою быстротою умѣлъ онъ пронести о себѣ добрую славу отъ рубежа литовскаго до самыхъ внутреннихъ областей. Вся южная Россія скоро закипѣла бунтомъ и поддалась ему 50); одинъ только Новгородъ сѣверскій остался непреклоннымъ по мужеству вѣрнаго Басманова 51). Общее положеніе умовъ сдѣлалось колеблющимся, исчезала ревность стоять за Бориса: воины отечества уклонялись отъ службы, шли неохотно подъ царскія знамена 52), кромѣ войскъ, дѣйствовавшихъ уже противъ самозванца. Борисъ поднялъ ополченіе; грозилъ жестокою казнью безпечнымъ и велѣлъ наказывать ослушниковъ безъ пощады лишеніемъ имѣнія, темницею и кнутомъ; но, не смотря на угрозы и наказанія, въ шесть недѣль, едва соединилось до 50,000 всадниковъ въ Брянскѣ 53), вмѣсто полумилліона, ополченнаго въ 1598 году, по такому же воззванію. Двѣ битвы воеводъ Борисовыхъ съ самозванцемъ, одна близъ Трубчевска 54), другая при Добрыничахъ 55), не имѣли важныхъ слѣдствій въ пользу царя.

Донскіе казаки въ ошибочной ревности своей усиливають самозванца новымъ приходомъ къ нему съ Дону въ Путивль, въ числѣ четырехъ тысячъ человѣкъ 56), и поправляютъ его разстройство, понесенное въ битвѣ при Добрыничахъ. Отряженные изъ Путивля самозванцемъ 5000 донцовъ и 1000 другихъ русскихъ людей освобождаютъ отъ царскихъ войскъ Рыльскъ, гдѣ начальствовали измѣнившіе Борису—князь Григорій Долгоруковъ, Роща и Яковъ Змѣевъ.

---

50) Кар. Т. XI. стр. 151—155.
51) Тамъ же стр. 152 и 153.
52) Тамъ же стр. 158.
53) Тамъ же стр. 159—160.
54) Тамъ же стр. 163.
55) Тамъ же стр. 169—170.
56) Тамъ же стр. 172—173.

Послѣ этого, въ царскомъ войскѣ, за укоризны царя о нерадѣніи, возникаетъ всеообщее негодованіе: многіе чиновники видимо склоняются къ самозванцу, сердцами овладѣваетъ желаніе „*сбыть Бориса*“ 57).

Осада города Кромъ явно обнаружила холодность войска къ Годунову и конецъ его могущества.—Въ теченіи шести недѣль, болѣе 80,000 исправныхъ воиновъ съ 70 огромными пушками приступали къ этому городу, держали его въ осадѣ и—къ стыду своему—не овладѣли. Въ Кромахъ, сверхъ жителей, сидѣло шесть—сотъ мужественныхъ донцовъ съ храбрымъ атаманомъ своимъ Корелою. Осаждающіе сожгли городъ, заняли было пепелище и валъ; но казаки, мѣткою стрѣльбою, не допустили ихъ до острога (крѣпостцы) и заставили отойти. Сдѣлавъ вокругъ города огромный укрѣпленный станъ, осаждающіе стрѣляли по пепелищу изъ пушекъ, надѣясь побѣдить казаковъ голодомъ; но донцы, рѣшившись умереть за признаваемаго ими царя „*прирожденнаго*“ царевича, выкопали себѣ землянки, укрылись въ нихъ подъ защитою вала, терпѣли нужду, голодъ и, нерѣдко, дѣлая отчаянныя вылазки, хватали въ плѣнъ царскихъ воиновъ. Зимнія непогоды и повальныя болѣзни привели осаждающихъ въ изнуреніе 58). Они бездѣйствовали до постыдной, ничемъ неоправдываемой измѣны новому царю Ѳеодору. Такъ донцы *отсидѣлись* въ Кромахъ непобѣжденными. Петрей называлъ Корелу „*волшебникомъ*“ 59); но гораздо большее волшебство мужества и отваги казацкой увидимъ мы при защитѣ Азова отъ турокъ, въ 1642 году.

---

57) Кар. Т. XI. стр. 175.

58) Тамъ же стр. 175—176.

59) Тамъ же примѣч. 296. Петрей шведъ, былъ въ Москвѣ посланникомъ отъ Карла IX и Густава Адольфа. Кар. Т. XI. стр. 318.

Борисъ употребляетъ еще слѣдующія мѣры:

Громогласное, торжественное, личное свидѣтельство въ столицѣ, на лобномъ мѣстѣ, князя Василія Шуйскаго, о несомнѣнной смерти царевича, видѣннаго имъ во гробѣ 60).

Церковное, всенародное проклятіе разстригѣ на амвонахъ и торжищахъ анафемою 61).

Наконецъ,—ядъ, съ которымъ подсылаетъ (въ мартѣ 1605 года) трехъ монаховъ въ Путивль, гдѣ находился самозванецъ. Монахи пойманы и преданы народной мести 62).

Ничто не помогаетъ Борису. 13 Апрѣля 1605 года, умираетъ онъ скоропостижно, заливаясь собственною кровью, вытерпѣвъ борьбу съ тѣнью Димитрія только шесть мѣсяцевъ.

Москва отъ гроба Борисова отдаетъ корону сыну его юному Ѳеодору; сама обязывается страшными клятвами: „не измѣнять ему, не умышлять на жизнь его, не хотѣть на государство „злодѣя, именующаго себя Димитріемъ: не бояться въ службѣ „царю ни трудовъ, ни смерти“ 63). Главнымъ воеводою избираетъ вѣрнаго Басманова, ожидая въ немъ спасителя государства. Черезъ три недѣли, Басмановъ измѣняетъ царю Ѳеодору и склоняетъ на то другихъ воеводъ князей Голицыныхъ (Василія и Ивана), Салтыкова и все войско, стоявшее подъ Кромами: 7-го мая торжествуютъ они измѣну, какъ свѣтлый праздникъ отечества и поддаются Лжедимитрію. Рязанцы—*старая стихія козарская*—первые въ войскѣ кричатъ: „да здравствуетъ отецъ нашъ „государь Димитрій Ивановичъ!“

Война кончена: всѣ на валу крѣпости братски обнимаются съ кромскими защитниками—атаманомъ Корелою и казаками 64).

---

60) Кар. Т. XI стр. 157—158.

61) Тамъ же стр. 159.

62) Тамъ же стр. 177.

63) Тамъ же стр. 184—185.

64) Тамъ же стр. 191—194.

Князь Голицынъ (Иванъ), съ множествомъ сановниковъ и дворянъ, является къ Лжедимитрію въ Путивлѣ и бьетъ ему челомъ, говоря: „сынъ Іоанновъ! войско вручаетъ тебѣ державу Россіи и „ждетъ твоего милосердія. Иди на престолъ родительскій: царст-„вуй! Если Москва дерзнетъ быть строптивою, то смиримъ ее“ 65).

Власть верховная въ Москвѣ бездѣйствуетъ противъ опасности. Два дворянина Плещеевъ и Пушкинъ, посланные Лжедимитріемъ, врываются въ нее съ Красносельскими измѣнниками и въ шумномъ сонмѣ народномъ, на лобномъ мѣстѣ, торжественно читаютъ грамату, которая оканчивается такъ: „смиритесь! и бейте „намъ челомъ, какъ вашему царю законному“. И Москва, чрезъ два мѣсяца послѣ клятвы своей Ѳеодору, *„стаскиваетъ его съ престола“* руками *неистовыхъ* силачей своихъ 66); а пособники Лжедимитрія—князья Голицынъ и Мосальскій съ дворянами Молчановымъ и Шефердиновымъ—задушаютъ царя вмѣстѣ съ матерью 67). Погубивъ Ѳеодора, народъ, въ чаду беззаконія, не усумнился свергнуть и патріарха. Среди литургіи въ храмѣ Успенія, неистовые съ копьями и дреколіемъ вторгаются въ алтарь и влекутъ оттуда Іова, рвутъ съ него одежду святительскую, одѣваютъ въ черную ризу, *таскаютъ, позорятъ* въ храмѣ, на площади, вывозятъ на телегѣ изъ города и заключаютъ въ монастырь 68).

Москва присягаетъ (3 іюня) Лжедимитрію. Изъ Путивля переѣзжаетъ онъ въ Тулу уже какъ царь. Сюда являются къ нему сановники царства, вельможи, знатнѣйшіе чиновники, дворяне и граждане московскіе, *съ повинною*.

Въ это время приходитъ въ Тулу съ Дону еще новая дру-

65) Кар. Т. XI. стр. 194.

66) Тамъ же стр. 196—202.

67) Тамъ же стр. 205.

68) Тамъ же стр. 203—204.

жина казаковъ съ атаманомъ Смагою Черщенскимъ—человѣкомъ достойнымъ памяти въ исторіи по уму и заслугамъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Число этой дружины неизвѣстно. Довольный вѣрностью и мужествомъ донцовъ, особенно послѣ сидѣнія ихъ въ Кромахъ, Лжедимитрій оказываетъ имъ ласки, выхваляетъ ихъ службу, предпочитаетъ московскимъ дворянамъ. Кромское сидѣніе такъ занимало его, что, по дорогѣ изъ Путивля, онъ осматривалъ обгорѣлые остатки города, валъ, землянки казацкія, обширный укрѣпленный станъ русскаго войска и удивлялся слѣдствіямъ 69); въ знакъ милости особенной, допускаетъ Смагу съ товарищами—атаманами къ рукѣ своей, прежде сановниковъ и бояръ московскихъ; а послѣ принимаетъ бояръ гнѣвно, за строптивость велѣлъ многихъ отдать подъ присмотръ.—Поощренные вниманіемъ царскимъ казаки упрекаютъ тутъ и *позорятъ* вельможъ; князя же Андрея Тялетевскаго въ азартѣ едва не убили 70), если вѣрить лѣтописцу; донскихъ свидѣтельствъ объ этомъ случаѣ никакихъ не осталось. Такое ожесточеніе противъ Тялетевскаго, конечно небезпричинное, было какъ бы пророчнымъ предчувствіемъ у казаковъ: въ немъ является при царѣ Шуйскомъ (въ 1606 году), первый возмутитель Сѣверій, вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ 71). Исторіографъ съ негодованіемъ называетъ казаковъ за Тульское поведеніе „*подлыми*“ 72). Долгъ историка—судъ, а не ругательство. Въ горячихъ поступкахъ казаковъ видна не подлость, а ревность усердія къ царю, хотя и обманутая,—заблужденіе, могущее въ русскомъ чувствѣ ожидать извиненія; но бояре того времени, сановники двора, конечно болѣе казаковъ знавшіе, что за человѣкъ, назвавшійся Димитріемъ, собственнымъ малодушіемъ

69) Кар. Т. XI. стр. 195.

70) Лѣтопись о мятежахъ стр. 91.

71) Кар. Т. XII. стр. 26.

72) Тамъ же стр. 209.

сами низринули себя въ уничиженіе, произвольно лишились высокаго гражданскаго достоинства въ современности и защитительнаго голоса исторіи, который обязана она подавать потомству за жертвы отечеству. Лѣтописецъ не грѣшилъ такъ, какъ исторіографъ: онъ оцѣнилъ поступокъ казаковъ лишь уподобленіемъ: „яко же бо лютые звѣри яряхуся на человѣцы, тако жъ и сіи „воры казаки лаяху и позоряху бояръ“ 73). Въ этихъ словахъ вѣрно отражается характеръ эпохи, заключающей несчастное ожесточеніе распри между духомъ вельможеначалія и царевщины. Пусть судитъ безпристрастное разумѣніе: на сторону ли Басманова, Голицыныхъ и другихъ князей и бояръ, или на сторону атамановъ Корелы и Чершенскаго должно пасть осужденіе.

20 іюня (1605 года) Лжедимитрій торжественно въѣзжаетъ въ Москву и воцаряется.

Немногіе изъ донскихъ казаковъ остаются въ Москвѣ 74); всѣ прочіе, немедленно, уходятъ на Донъ охранять свои вольные юрты отъ азовцевъ, крымцевъ и ногайцевъ, существовать войнородною, братскою жизнью. По недостатку свѣдѣній мы не можемъ сказать, гдѣ и какія были дѣла казаковъ во время царствованія Лжедимитрія; но что неугомонный духъ ихъ не оставался празднымъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія.

Лжедимитрій, даровитый, но легкомысленный, страстный къ обычаямъ иноземнымъ, пренебрегавшій многими обычаями русскими, благоволившій къ иноземцамъ, особенно къ іезуитамъ, скоро охладилъ къ себѣ любовь народную 75). Скоро шепотъ о его личности превратился въ гласную молву и взволновалъ столицу. И на него, какъ и на Годунова, первый мститель явился изъ облас-

73) Лѣтопись о мятежахъ стр. 91.

74) Кар. Т. X. стр. 246 и примѣч. Аврамій Палицын. 24 и Морозов. Лѣт. и того же XI. стр. 249 и примѣч. 445.

75) Кар. Т. XI. сгр. 244.

ти церкви,—изъ келіи, инокъ, принесшій себя въ жертву за обличеніе 76). Но другой мститель, хитрый князь Василій Шуйскій, дошедшій было тоже, за свои рѣчи, до плахи и сѣкиры палача на лобномъ мѣстѣ 77); но наказанный ссылкою и снова возвращенный Лжедимитріемъ въ столицу съ саномъ вельможи 78) довершилъ свое дѣло ужаснымъ бунтомъ. По его заговору (17 мая 1606 года), Москва возстала на царя, какъ на обманщика и *„злого еретика“*, убила его, и истерзанный трупъ выставила на позоръ на лобномъ мѣстѣ, а послѣ и прахъ развѣяла 79); съ нимъ же умертвила болѣе 1000 ляховъ—гостей брака его съ Мариною Мнишекъ 80). Такъ, чрезъ 11 мѣсяцевъ Москва совершила второе цареубійство.

Но Лжедимитрій исполнилъ все свое чудное призваніе: уничтожилъ роковой домъ Годунова; заронилъ въ почву государственной жизни поучительную идею объ укрощеніи вельможной своеправности и о сближеніи царя съ народомъ; освободилъ изъ годуновскаго заключенія инока Филарета (бывшаго боярина Романова), возвелъ его въ санъ митрополита, и далъ возможность этому добродѣтельному мужу видѣть свое семейство—жену инокиню Марфу и юнаго сына Михаила 81)—какъ бы въ предрѣченіе того, что изъ этого дома *„Соборъ всей земли русской“*, къ чему мятежъ велъ ее, изберетъ новый, благодатный родъ державный; вовлекъ въ торжественное, конечное осмѣяніе вѣковыя домогательства Рима стать главою русской церкви: привѣтственное восклицаніе нунція Рангони *„мы побѣдили!“* и грамата папы Павла V, съ

76) Кар. Т. XI. стр. 229.

77) Тамъ же стр. 229—232.

78) Тамъ же стр. 246—247.

79) Тамъ же стр. 292—296—297.

80) Тамъ же стр. 301.

81) Тамъ же стр. 99—104—215 и 216.

апостольскимъ благословеніемъ и нетерпѣливымъ желаніемъ видѣть скорѣе соединеніе церквей, оставлены имъ безъ отвѣта 82).

Дальнѣйшія дѣйствія донцовъ въ событіяхъ смутнаго времени разскажемъ въ слѣдующей главѣ.

---

82) Кар. Т. XI. стр 236—237 и примѣч. 419 и 420.

ГЛАВА X.

Воцареніе Шуйскаго. — Жалованье донцамъ. — Самозванецъ Петръ (Илейка). — Мятежный духъ Москвы. — Бунтъ Шаховского въ Сѣверіи. — Мятежные слухи именемъ Димитрія. — Болотниковъ. — Срамное бѣгство царскихъ воеводъ. — Бунтъ области Рязанской. — Ляпуновъ. — Мятежники подъ Москвою. — Повинная Ляпунова. — Князь Скопинъ-Шуйскій разбиваетъ Болотникова. — Болотниковъ въ Калугѣ. — Донцы не участвуютъ въ мятежѣ. — Шаховскій призываетъ самозванца Петра. — Соединеніе донецкихъ казаковъ съ мятежниками. — Сношеніе мятежниковъ съ Сигизмундомъ. — Движеніе и успѣхи ихъ. — Болотниковъ разбиваетъ Мстиславскаго подъ Калугою. — Царь ополчается самъ. — Илейка въ Тулѣ. — Тялетевскій разбитъ. — Явленіе новаго Лжедмитрія. — Осада Тулы и паденіе мятежниковъ съ Илейкою. — Вѣроломство казаковъ, неправильно признанныхъ донскими. — Литва усиливаетъ Лжедимитрія. — Самозванецъ Лжеѳеодоръ. — Новое усиленіе Лжедимитрія. — Успѣхи его. — Важныя слѣдствія этихъ успѣховъ. — Важные измѣнники. — Лжедимитрій въ Тушинѣ. — Ляхъ Сапѣга. — Осада Сергіевской лавры. — Примѣръ усердія донцовъ къ вѣрѣ.

Вѣнецъ и скипетръ государства московскаго дѣлаются приманчивою добычею вельможнаго властолюбія. Никто, прежде хитраго князя Василія Шуйскаго, не успѣваетъ схватить ихъ. Минуя *„великаго земскаго собора“*, боярская дума, еще въ чаду

кроваваго смятенія, увѣряетъ сама себя: что гдѣ Москва, тамъ и государство, и 19 мая нарекаетъ Шуйскаго царемъ, возвѣщая народу звукомъ литавръ и колокольнымъ звономъ 1). Поспѣшность несчастная: она усилила поводъ для измѣнъ къ новому бѣдствію отечества; но, какъ видно, была неизбѣжнымъ, требованіемъ рока къ продолженію судной эпохи.

Съ этого времени причины мятежа возникаютъ отъ бояръ и дворянъ и продолжаются ими.

Извѣщая все государство о своемъ воцареніи и требуя присяги чрезъ посланныхъ дворянъ 2), Шуйскій отправилъ тогда же и на Донъ къ атаманамъ и казакамъ Василія Толстого привести и ихъ „къ крестному цѣлованію и объявить о своемъ жалованьи", а, въ слѣдъ затѣмъ (13 іюня), послано къ казакамъ и жалованье съ Семеномъ Мольяниновымъ: 1000 рублей денегъ, 1000 фунтовъ зелья и 1000 фунтовъ свинца. Но донцы, еще прежде Мольянинова, отправили отъ себя къ царю *вѣстовую* станицу— атамана Треню Котова, съ которымъ прислана была отъ царя на Донъ особая грамата. Неизвѣстно, о чемъ писали казаки и что содержалъ царскій отвѣтъ, но дѣло шло, какъ видно, по тогдашнимъ государственнымъ обстоятельствамъ о предметѣ важномъ и чрезвычайномъ, потому что Котову велѣно ѣхать на Донъ, какъ можно *поспѣшно*; даже и въ посольскомъ приказѣ не было гласно, за чѣмъ пріѣзжалъ атаманъ 3).

Еще при жизни Лжедимитрія (въ 1606 году), изготовилась новая смута:—слѣдствіе современнаго расположенія умовъ къ волненіямъ въ высшемъ и нисшемъ сословіяхъ и развитія борьбы между казацкою царевщиною и вельможеначаліемъ. Триста чело-

1) Кар. Т. XI. стр. 306 и 307.

2) Кар. Т. XII. стр. 5 и 6.

3) Дѣл. Дон. въ столб. 1613 года см. выписку содержащую пріѣздъ атамана Игната Бядрищева.

вѣкъ терскихъ казаковъ, станицы атамана Ѳедора Бодырина, довольныхъ государемъ, но оскорблявшихся *„лихомъ боярскимъ“* выставили нелѣпый предметъ въ обвиненіе памяти казацкаго гонителя Годунова: они согласили молодого казака *Илейку*, уроженца Муромскаго, торговаго рода, жившаго нѣсколько времени въ Москвѣ у подъячаго Диментія Тимоѳеева, назваться сыномъ царя Ѳеодора Іоанновича—Петромъ, пустивъ при этомъ въ ходъ сказку, что Ирина, въ 1592 году, родила царевича, но Годуновъ умѣлъ скрыть и подмѣнилъ дѣвочкою.—Духъ этой нелѣпой басни обнаруживаетъ *тайное*, присущее русскому человѣку чувство любви къ истинному роду царскому, въ укоризну злодѣйства боярскаго. Понятно, что такая басня не могла родиться въ дикой странѣ Терека: она, конечно, задумана въ Москвѣ: въ числѣ главныхъ совѣщателей этой смуты видны казаки—*„суровскіе послуживцы“* и люди князей Черкасскаго и Никиты Трубецкого. На Терекъ же перенесена она для того, чтобы удачнѣе провести ее въ народъ: затѣйщики сообразили, что казаки донскіе, запорожскіе и черкасы литовскіе служили уже Димитрію, а терскіе нѣтъ, почему и можно было чрезъ нихъ начать смуту. Именуя Илейку царевичемъ, смутники пробрались къ Астрахани, а оттоль, по присоединеніи къ нимъ волжскихъ казаковъ, поплыли вверхъ Волгою къ Москвѣ, въ числѣ 4000 человѣкъ. Лжедимитрій писалъ Петру, что если онъ дѣйствительно сынъ Ѳеодора, то шелъ бы въ его *„двору“*, гдѣ будетъ принятъ съ честью. У Самары встрѣтилъ Илейку гонецъ Лжедимитріевъ Третьякъ Юрловъ съ грамотою, о поспѣшнѣйшемъ прибытіи въ Москву, но пройдя Свіяжскъ, до *„Вязовыхъ горъ“*, самозванецъ узналъ отъ казака, ѣхавшаго изъ Москвы съ кокшайскимъ стрѣлецкимъ головою, что Лжедимитрій убитъ въ бунтѣ, почему и обратился съ своими толпами назадъ по Волгѣ. Пробывъ нѣсколько времени на рѣчкѣ Камышенкѣ, Илейка перебрался отъ этой рѣчки въ рѣчку Иловлу (нынѣ въ донской землѣ), а Иловлою—въ Донъ, и на стругахъ при-

плылъ въ нижніе донскіе юрты на *„Монастырское“*. Но здѣсь не принятъ былъ главнымъ донскимъ войскомъ, вѣрнымъ царю Василію, и принужденъ плыть обратно вверхъ Дономъ; а потомъ направился по рѣкѣ Сѣверскому Донцу казачьими юртами и, пройдя верстъ со-сто, остановился 4). Это разстояніе совпадаетъ съ юртомъ *„Мотякинымъ“* (нынѣ станица Митякинская). Донецкіе юрты наполнены были тогда множествомъ находниковъ на Донецъ (съ 1589 года) литовскихъ черкасовъ и запорожцевъ 5) и имѣли союзливую связь съ отдѣльными кошами тѣхъ запорожцевъ и черкасовъ, которые сидѣли выше по Донцу и занимали *„посольскую Святогорскую переправу“* и долго своевольствовали по степямъ донскимъ 6). Короче: остановился Илейка ближе къ предѣламъ украины Сѣверской, какъ бы предчувствуя скорое возстаніе новыхъ кровавыхъ бурь отъ Сѣверіи.

Эта терская смута, вѣроятно, скоро изчезла бы сама собою, но въ Москвѣ, съ первыхъ дней царствованія Шуйскаго, является посѣянная духомъ правленія Лжедимитрія небывалая вольность въ сужденіяхъ о царѣ, небывалая величавость въ боярахъ, смѣлость во всѣхъ людяхъ чиновныхъ. Представлялось, что Василій былъ не самовластный государь, а какъ бы полу-царь. Никто не дерзалъ явно спорить съ нимъ о коронѣ, но многіе порочили его избраніе, какъ незаконное. Является и необыкновенное своевольство въ народѣ, шаткость, колебаніе въ умахъ: имѣя четвертаго царя въ теченіи года, совершивъ два цареубійства и, не сдѣлавъ общаго согласія на послѣднее избраніе, народъ заразился недовѣріемъ къ твердости государственной, любовью къ перемѣнамъ 7). Въ слѣдъ за вѣнчаніемъ, (1 іюня 1606 года),

4) Акт. Археогр. Экспед. Т. II. № 8 смотр. показ. Илейки. Лѣтоп. о мятежахъ стр. 107 и Кар. Т. XI. стр. 251 и примѣч. 450.

5) Ссылка на предшеств. главы исторіи.

6) Ссылка на предшеств. главы исторіи.

7) Кар. Т. XII. стр. 9.

Шуйскаго 8), возникли въ Москвѣ смятенія, заставившія его среди царедворцевъ, сановниковъ и народа, на Красной площади, кинуть жезлъ царскій, снять вѣнецъ съ головы и сказать: „ищи„те себѣ другого царя!... Если же я царь, то мятежники да тре„пещутъ!...“ 9).

Столица утихла до времени. Но значительная часть государства запылала бунтомъ. Тамъ, гдѣ явился первый Лжедимитрій, явился и второй, найдя легковѣріе въ развратѣ людей, отъ черни до сана вельможнаго. Любимецъ разстригинъ, князь Григорій Шаховской, пылавшій ненавистью къ Шуйскому, но умѣвшій снискать его довѣренность, былъ посланъ воеводою въ Путивль, въ ту страну государства, гдѣ граждане и чернь болѣе другихъ питали усердіе къ бывшему самозванцу и боялись новаго царя. Шаховской, хорошо понимавшій духъ времени и державство Василія, смѣло началъ: созвалъ путивльскихъ гражданъ и сказалъ имъ торжественно, что москвитяне, вмѣсто Димитрія, убили какого-то нѣмца; что Димитрій живъ, но скрывается до времени, ожидая помощи своихъ друзей сѣверскихъ; что злобный Василій готовитъ путивльцамъ и всей украйнѣ, за усердіе къ Димитрію, участь новгородцевъ временъ Грознаго; что они, не только за Димитрія— царя истиннаго, но и за себя, должны возстать на Шуйскаго. Народъ повѣрилъ и возсталъ. Всѣ города южной Россіи скоро послѣдовали Путивлю: Черниговъ, Боровскъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Бѣлгородъ, Борисовъ, Осколъ, Трубчевскъ, Кромы, Ливны, Елецъ, отложились отъ Москвы. Подъ знамя бунта Шаховскаго и еще другаго знатнаго сановника, черниговскаго воеводы князя Тялетевскаго, того самаго, котораго донцы позорили въ Тулѣ 10), стекались толпами граждане, стрѣльцы, казаки, люди

8) Кар. Т. XII. стр. 7.

9) Тамъ же стр. 22 и 23.

10) Ссылка на предшеств. главу.

боярскіе и крестьяне. Никакой Димитрій не показывался, а всё пылало къ нему усердіемъ, какъ въ Борисово время. Съ бурною силою имя это побѣждало всѣ правительственныя власти. Кто не вѣрилъ обману, противился мятежу: тѣхъ вѣшали, кидали съ башенъ, распинали. Утопая въ крови и мерзостяхъ насилія, мятежники ждали Димитрія, а Шаховской, увѣряя ихъ въ необходимости молчанія до нѣкотораго времени, давалъ разумѣть, что онъ явится изъ Сендомира 11).

Дѣло Шаховского связывалось съ волненіями Москвы: тамъ, въ слѣдъ за убіеніемъ Димитрія, распущенъ былъ слухъ, что онъ, за нѣсколько часовъ до мятежа, ускакалъ верхомъ ночью съ двумя царедворцами 12). Для успѣха въ смутѣ, дѣйствительно, скоро послѣ убійства разстриги, три бѣглеца изъ предѣловъ Россіи въѣхали въ Литву и вдругъ вся Польша заговорила о Димитріи, который будто бы скрывается въ Сендомирѣ до благопріятныхъ обстоятельствъ. Посолъ Василія, князь Волконскій, въ Краковѣ узналъ, что жена Мнишкова объявила какого-то человѣка своимъ зятемъ Димитріемъ; что ему тайно содѣйствуютъ многіе знатные россіяне и въ числѣ ихъ князь Василій Мосальскій 13). Волконскій удостовѣрился, что обманщикъ этотъ былъ дворянинъ Михайло Молчановъ, убійца царя Ѳеодора 14). Дѣйствуя по условію съ Шаховскимъ, Молчановъ успѣлъ въ главномъ дѣлѣ: огласилъ воскресеніе разстриги, чтобы раздуть мятежъ въ землѣ Сѣверской; но самъ не спѣшилъ явиться туда, гдѣ его знали и готовился передать имя Димитрія иному неизвѣстному злодѣю 15).

Столичные клевреты Шаховского, вмѣстѣ съ слухами о бѣг-

---

11) Кар. Т. XII. стр. 25—27.
12) Тамъ же стр. 27.
13) Тамъ же стр. 28.
14) Тамъ же стр. 29.
15) Тамъ же стр. 29.

ствѣ Димитрія, раскидывали по улицамъ и прибивали къ стѣнамъ письма отъ имени бѣглеца: въ этихъ бумагахъ россіяне упрекаемы были неблагодарностью къ великодушнѣйшему изъ царей и обѣщалось, что Димитрій будетъ къ новому году. „Чернь московская (пишутъ современники) готова была мѣнять царей еженедѣльно, въ надеждѣ доискаться лучшаго, или своевольничать въ „безначаліи" 16).

Шуйскій пренебрегалъ такими козпями. Къ прекращенію же бунта южной Россіи употребилъ сначала убѣжденіе; но граматы и духовное посольство были безуспѣшны. Неусыпный Шаховской, имѣя украденную государственную печать, составилъ указы отъ имени Димитрія, и звалъ всю Россію соединиться съ украиною 17). Рать измѣнниковъ усилилась быстро и двинулась въ поле подъ начальствомъ Болотникова, сдѣлавшагося главнымъ орудіемъ мятежа, къ которому пристали еще двое князей Мосальскихъ и Долгорукій 18).

Для разсѣянія мятежниковъ, царь велѣлъ боярину Воротынскому идти съ полками къ Ельцу, а князю Юрію Трубецкому къ Кромамъ. Болотниковъ разбилъ Трубецкаго, а Воротынскій ушелъ отъ Ельца. Въ срамномъ бѣгствѣ воеводы укоряли другъ друга и со стыда разъѣхались по домамъ, сложивъ съ себя честь быть защитниками царства 19).

Болотниковъ успѣшно возстановлялъ державу самозванца. Города: Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Веневъ, Кашира, вся рязанская земля пристали къ бунту, избравъ главами своихъ дружинъ: боярскаго сына Пашкова, Веневскаго сотника Сумбулова, бывшаго въ Рязани воеводою и рязанскаго дворянина Прокопія

16) Кар. Т. XII. стр. 29 и 30.

17) Тамъ же стр. 31.

18) Тамъ же стр. 32.

19) Тамъ же стр. 33.

Ляпунова, человѣка знаменитаго, который, какъ говоритъ исторіографъ, „созданъ быть вождемъ и повелителемъ людей въ безначаліи, въ мятежахъ и буряхъ“.—Эти городовыя дружины ихъ отличались чистѣйшею ревностью, хотя и беззаконною. Съ неимовѣрною быстротою распространилась измѣна отъ Тулы и Калуги къ Смоленску и Твери: Дорогобужъ, Вязьма, Ржевъ, Зубцевъ, Старица передались тѣни Лжедимитрія, чтобы спастись отъ ярости мятежниковъ 20).

Шуйскій начиналъ испытывать злополучіе. Главные воеводы его—князья Мстиславскій, Воротынскій, Голицыны, Нагіе, имѣвшіе съ собою всѣхъ дворянъ московскихъ, стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, встрѣтясь съ непріятелемъ въ 50 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ, сразились и бѣжали, оставивъ въ его рукахъ множество плѣнныхъ 21).

Въ октябрѣ (1606 года) Болотниковъ, Пашковъ, Ляпуновъ, опустошивъ Коломну, стали подъ Москвою, въ селѣ Коломенскомъ; объявили торжественно Василія сверженнымъ; писали къ Москвѣ, что Димитрій требуетъ новой присяги. Разсыпаясь по дорогамъ, мятежники не пускали запасовъ въ столицу 22).

Царь требовалъ отъ нихъ раскаянія, но безуспѣшно. Москва не страшилась: духовенство молилось; воины обязали другъ друга клятвою въ вѣрности. Полководцы—князья Скопинъ-Шуйскій, Голицынъ, Татевъ расположились у Серпуховскихъ воротъ для битвы, на случай приступа. Изъ Твери и Смоленска дворяне и дѣти боярскіе спѣшили въ Москву. Жители городовъ: Зубцова, Старицы, Ржева, опомнясь, присоединились къ тверитянамъ, а Вязьмы, Дорогобужа,—къ смолянамъ 23).

20) Кар. Т. XII. стр. 33 и 34.

21) Тамъ же стр. 37—38.

22) Тамъ же стр. 38.

23) Тамъ же стр. 39.

Въ Коломенскомъ станѣ скоро произошла измѣна. Болотниковъ хотѣлъ быть главнымъ, называя себя воеводою царскимъ; а воеводы городовые, не признавая этой власти, требовали Димитрія отъ него и отъ Шаховского; но не видя его, хладѣли въ усердіи. Ляпуновъ первый, удостовѣрясь въ обманѣ, явился къ Василію съ повинною и получилъ санъ думнаго дворянина, а за нимъ всѣ рязанцы, Сунбуловъ и многіе другіе 24).

Тверитяне и смоляне подошли къ Москвѣ. Царь ввѣрилъ все войско князю Скопину-Шуйскому, который свелъ полки въ монастырѣ Даниловскомъ и думалъ окружить мятежниковъ въ станѣ; но Болотниковъ и Пашковъ встрѣтили его: первый дрался какъ левъ, до совершеннаго изнуренія силъ, и бѣжалъ къ Серпухову; второй, не вооружаясь, передался Скопину со всѣми дворянами. Казаки долго держались въ селеніи Заборьѣ и наконецъ сдались съ атаманомъ Беззубцевымъ: ихъ приняли въ царскую службу 25).

Не ворвавшись въ Серпуховъ, Болотниковъ захватилъ Калугу. Имѣя до 10 тысячъ сподвижниковъ, онъ въ нѣсколько дней укрѣпилъ городъ рвами и валомъ, приготовился къ осадѣ. Отсюда писалъ къ сѣверской думѣ измѣнниковъ, что нуженъ Димитрій; что имя безъ человѣка не дѣйствуетъ; что всѣ ихъ сообщники послѣдуютъ Ляпунову, если явленіе царя-изгнанника не оживитъ ихъ новымъ усердіемъ и не дастъ новыхъ сподвижниковъ. Но сендомирскій самозванецъ Молчановъ извѣстенъ былъ въ Россіи: его нельзя представить, другой же Димитрій не находился 26). Въ такой крайности, неусыпный Шаховской изобрѣлъ иное орудіе, хотя и не надолго.

Главное донское войско, сторожа основу своей самобытности—существованіе нижнихъ юртовъ, смотрѣло разумно на воз-

---

24) Кар. Т. XII. стр. 39 и 40.

25) Тамъ же стр. 41 и 42.

26) Тамъ же стр. 42 и 43.

никшія движенія смуты на Руси. До этой поры, казаки, ни изъ городковъ Сѣверскаго Донца, ни изъ городковъ Дона, не участвовали цѣлыми станицами, а тѣмъ болѣе всѣмъ войскомъ, въ смутахъ, поднятыхъ Шаховскимъ, кромѣ можетъ быть немногихъ буйныхъ ватагъ. Зная о пребываніи Лжепетра у донецкихъ черкасовъ, Шаховской успѣлъ подкрѣпить обманъ обманомъ, вкинуть мятежную заразу и на Донъ. Онъ призналъ Илейку сыномъ Θеодора и послалъ къ нему съ гонцомъ Горяиновымъ изъ Путивля граматы отъ себя и отъ гражданъ путивльскихъ, просилъ прибыть въ Путивль поспѣшно, извѣщая, что и царь Димитрій изъ Литвы идетъ туда же съ многими силами 27). Илейка не замедлилъ явиться въ Путивль съ толпами казаковъ терскихъ, волжскихъ и донецкихъ черкасовъ (*), принятъ тамъ съ честью, какъ племянникъ и намѣстникъ Димитрія. Шаховской не усумнился обѣщать ему даже и царство, если ожидаемый Димитрій не явится 28).

Союзъ этотъ вошелъ въ сношеніе съ Сигизмундомъ, котораго месть за стыдъ осмѣяннаго дружества съ Лжедимитріемъ готова была на всѣ содѣйствія ко злу и вреду Россіи. Паны вельможные не совѣстились высказать бывшему тогда въ Краковѣ князю Волконскому, объ ожиданіи ими пословъ отъ Сѣверскаго государя сына Θеодорова и о желаніи ихъ содѣйствовать ему и второму Лжедимитрію въ сверженіи Шуйскаго 29).

Не имѣя времени ждать пособниковъ отъ республики, Шаховской, Тялетевскій, Долгорукій, Мосальскій съ Илейкою, призвали къ себѣ толпы запорожцевъ и днѣпровскихъ казаковъ съ

---

27) Акты Археогр. Экспед. т. II. № 81 показ. Илейки.

(*) Это наше объясненіе противъ примѣчанія Карамз. т. XII. примѣч. 94 и 96.

28) Кар. Т. XII. стр. 44.

29) Тамъ же стр. 44.

атаманомъ Иваномъ Заруцкимъ и двинулись спасать Болотникова 30) разными путями—къ Тулѣ, Калугѣ и Рязани 31). Въ этомъ движеніи они соображали наступательныя дѣйствія свои, слѣдуя общей мысли и стремились съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли — освободить Болотникова.

Осаждавшій Калугу бояринъ Иванъ Шуйскій не имѣлъ успѣха 32).

Царь послалъ сильныя рати подъ начальствомъ пяти воеводъ въ разные пункты, гдѣ кипѣлъ бунтъ; но воеводы, встрѣтясь съ ратью предводителей мятежа, были или разбиваемы ими на голову, или разбѣгались отъ нихъ. Только Измайловъ и Пушкинъ дѣйствовали честно: первый разсѣялъ измѣнника князя Долгорукаго; второй спасъ Нижній, усмиривъ бунтъ Арзамаса; послѣ, соединенными силами, разбили и Тялетевскаго 33).

1 мая 1607 года, Болотниковъ отважною вылазкою изъ Калуги разбилъ и обратилъ въ бѣгство огромный осадный станъ Мстиславскаго: тутъ 15.000 царскихъ воиновъ измѣнили и передались Болотникову 34).

Такіе успѣхи мятежа колебали престолъ Шуйскаго. Предавъ Болотникова чрезъ святителей анаѳемѣ 35), царь собралъ до 100 тысячъ войска, ополчился и самъ, прибылъ къ Серпухову 36). Между тѣмъ Болотниковъ соединился съ Шаховскимъ и съ Илейкою въ Тулѣ. Илейка велѣлъ Тялетевскому занять Каширу; царь направилъ туда князей Голицына, Лыкова и Ляпунова. Ра-

---

30) Кар. Т. XII. стр. 45.

31) Тамъ же стр. 46.

32) Тамъ же стр. 45.

33) Тамъ же стр. 46—54.

34) Тамъ же стр. 54.

35) Тамъ же стр. 55.

36) Тамъ же стр. 55.

ти сошлись (5 іюня) на берегахъ Ворсмы: въ кровопролитномъ бою мятежники разбиты; Тялетевскій бѣжалъ въ Тулу, но 1700 казаковъ терскихъ, яицкихъ, донецкихъ и украинскихъ, засѣвъ въ оврагахъ, защищались съ обычною храбростью, не сдавались даже и тогда, когда разстрѣляли весь порохъ; ихъ одолѣли силою и казнили 37). Этихъ донецкихъ казаковъ-черкасовъ исторіографъ называетъ просто донскими, на основаніи лѣтописи 38); но то были не прямые донскіе казаки, входившіе тогда въ составъ главнаго донского войска, а, какъ выше объяснили мы, союзившіе съ выходцами на Донецъ запорожцами и литовскими черкасами.

Царь осадилъ Тулу.—Мятежники, уменьшаясь ежедневно отъ битвъ, истощая запасы, стали роптать, что не видятъ Димитрія. Шаховской и Болотниковъ принуждены были послать за самозванцемъ въ Литву атамана Заруцкаго, который не поѣхалъ далѣе Стародуба. Послали другого: тотъ, по содѣйствію пана Меховецкаго, вывелъ новаго (бѣглаго поповича или жида 39) Лжедимитрія, который 1 августа 1607 года явился въ Стародубѣ, гдѣ принятъ торжественно. Бывшій наперстникомъ разстригинымъ, лукавый Заруцкій упалъ къ ногамъ новаго обманщика и обѣщался служить съ прежнимъ усердіемъ. Вся южная Русь пришла въ радостное движеніе: вездѣ славили самозванца, какъ истиннаго царя и собирали полчища. Новый Лжедимитрій скоро окружилъ себя войскомъ и двинулся къ Тулѣ, задерживаясь въ нѣсколькихъ мѣстахъ драками съ высланными противъ него царскими полками 40).

Между тѣмъ, осажденные въ Тулѣ цѣлое лѣто защищались

37) Кар. Т. XII стр. 56.

38) Лѣтоп. Столяр. примѣч. 132.

39) Кар. Т. XII. стр. 59.

40) Тамъ же стр. 56—63.

съ упорствомъ противъ сильнаго войска царскаго; наконецъ, въ осень побѣждены подтопленіемъ города водою. Шаховской, Болотниковъ и Тялетевскій (10 октября) выдали Илейку и сами со всѣми поборниками предались во власть царя. Илейка повѣшенъ, а прочіе предводители сосланы: Болотниковъ въ ссылкѣ утопленъ. Царь возвратился въ Москву торжественно, какъ побѣдитель 41).

Калуга продолжала бунтовать. 4000 казаковъ, сдавшихся съ атаманомъ Беззубцевымъ въ битвѣ подъ Москвою, вызвались, по предложенію царя, взять Калугу приступомъ; но, по прибытіи въ станъ царскихъ воеводъ, взбунтовались, такъ что воеводы пришли въ трусость и бѣжали отъ нихъ въ Москву. Одна часть этихъ казаковъ вступила въ Калугу, другая ушла къ Лжедимитрію 42).

Исторіографъ и этихъ вѣроломцевъ называетъ донскими, но неправильно. До призванія Шаховскимъ Илейки, съ которымъ пошла часть не донскихъ, а донецкихъ казаковъ-черкасовъ, не было никакого казацкаго выхода съ Дона, какъ заключать можно по содержанію извѣстныхъ донынѣ актовъ. Главное донское войско не мѣшалось въ смуты Шаховского и Болотникова; а малыми выходами своевольниковъ изъ городковъ не могло скопиться такое значительное число одних донцовъ, какое было у Беззубцева; да и въ самой лѣтописи, на которой основалъ исторіографъ разсказъ свой, прямо не говорится, что это донскіе казаки 43). То былъ сборъ различныхъ казаковъ.

Литва дала возможность Лжедимитрію дѣйствовать сильнѣе и обширнѣе. И конныя и пѣшія дружины съ вождями, знатными панами Тишкевичемъ, Лисовскимъ и другими, пришли къ нему въ Трубчевскъ. Имѣя подъ рукою 7000 ляховъ, да до 8000 казаковъ

41) Кар. Т. XII. стр. 64—68.

42) Тамъ же стр. 73.

43) Тамъ же примѣч. 86.

и другихъ русскихъ ратныхъ людей, и зная, что войско царское распущено, направился онъ, по совѣту Лисовскаго, къ Брянску; но не овладѣлъ имъ 44).

Подъ Брянскъ явилась къ Лжедимитрію новая шайка не донскихъ, а какъ понимаемъ мы, донецкихъ казаковъ-черкасовъ, замышлявшая поддержать увлеченіе собратовъ своихъ Лжепетромъ, уже истребленнымъ, и представляя какого то неизвѣстнаго бродягу мнимымъ царевичемъ Ѳеодоромъ, вторымъ сыномъ Ирины; но могучій самозванецъ не призналъ его племянникомъ и велѣлъ умертвить 45). Въ лѣтописи названы эти казаки донскими. Для тогдашнихъ лѣтописцевъ и грамотѣевъ Донъ былъ землею невѣдомою, всѣ его мѣстныя юртовыя и политическія раздѣленія были недоступны ихъ понятіямъ. Историографъ послѣдовалъ лѣтописи и упрочилъ вѣру въ ошибочную идею свою о мятежномъ свойствѣ донцовъ,—т. е. главнаго войска, которое всегда жило духомъ царелюбія.

Самозванецъ зимовалъ (1608 года) въ Орлѣ. Тамъ явились къ нему знатные князья, Рожинскій и Адамъ Вишневецкій, съ 3000 всадниковъ. Рожинскій, въ ссорѣ, убилъ Меховецкаго и вмѣсто него сдѣлался наставникомъ и гетманомъ бродяги 46).

Царь, хотя и сдѣлалъ сильное вооруженіе противъ самозванца, но главнымъ воеводою рати поставилъ мужа недостойнаго—брата своего, князя Дмитрія Шуйскаго. Воевода боялся зимы, не дѣйствовалъ; а самозванецъ, не смотря на морозы и снѣга, завоевывалъ города и приближался къ Москвѣ. Лисовскій подъ Зарайскомъ разбилъ наголову Хованскаго: высокій курганъ, составляющій гробницу русскихъ ратниковъ, остался донынѣ памятникомъ его побѣды. Самъ Лжедимитрій подъ Болховымъ разсѣялъ

---

44) Кар. Т. XII. стр. 73—75.

45) Тамъ же стр. 74 и примѣч. 173.

46) Тамъ же стр. 76.

рать Шуйскаго до бѣгства.—Царскіе воеводы и воины примчались къ Москвѣ и принесли въ нее ужасъ 47).

Эти успѣхи Лжедимитрія произвели важныя слѣдствія, усиливавшія мучительный ходъ смятенія народнаго. Трусость бѣглецовъ создала въ Москвѣ лживую вѣру, „что второй Димитрій „есть одинъ человѣкъ съ первымъ; что онъ узнанъ по храбрости „болѣе, нежели по лицу." Чернь стала винить бояръ въ измѣнѣ самозванцу, замышляла въ крайности выдать ихъ ему головами 48).

Такая вѣра и опасенія отъ столицы, какъ отъ сердца государственнаго, могли быстро разлетѣться народною молвою во всѣ концы Россіи и перенестись на Донъ. Сильное у донцовъ чуство любви къ природнымъ государямъ и чуство ненависти къ дерзкому покушенію боярства, до возобладанія трономъ, могло обаятельно возсоздать у нихъ приверженность къ новому Димитрію, какъ къ представителю прежняго Димитрія, обманчиво принимавшагося ими за царя истиннаго. Отсюда, какъ видно по соображеніи обстоятелъствъ, выходы своевольныхъ ватагъ съ Дона въ толпы самозванца усилились, хотя главное войско все еще не предавалось октрыто общему увлеченію.

Новое войско составилъ царь и далъ начальство герою князю Скопину; но не было благородныхъ чувствъ у другихъ воеводъ: князья: Котыревъ, Трубецкой, Троекуровъ вдались въ измѣну, какъ нѣкогда Басмановъ, и склоняли къ тому дворянъ и дѣтей боярскихъ. Измѣнники схвачены, и одни изъ нихъ сосланы, другіе казнены 49).

Въ это время Лжедимитрій отважно двинулся къ Москвѣ, и 1 іюня сталъ въ 12 верстахъ отъ ней, въ селѣ *Тушинѣ*. Тысячъ до пятнадцати ляховъ и казаковъ и тысячъ до шестидесяти

47) Кар. Т. XII. стр. 77—80.

48) Тамъ же стр. 80.

49) Тамъ же стр. 81.

измѣнниковъ русскихъ давали ему возможность бороться съ восьмидесятитысячнымъ войскомъ московскимъ и довести Василія до перемирія. Лукавые ляхи имѣли цѣль переговорами освободить изъ неволи своихъ знатныхъ плѣнниковъ—пословъ Олѣсницкаго и Гонсевскаго, воеводу сандомирскаго съ дочерью Мариною и другихъ; и успѣли въ этомъ, сопровождая дѣйствія свои коварствомъ и вѣроломствомъ 50).

Ляхи умножились прибытіемъ въ Тушино еще 7000 всадниковъ съ усвятскимъ старостою Яномъ Сапѣгою, знатнымъ рыцаремъ. Пылкій Сапѣга, дѣлая нападенія на ходынскій царскій станъ, хотѣлъ рѣшить судьбу Москвы битвою; гетманъ Рожинскій, сносясь съ московскими злодѣями, ненавистниками Василія, готовившими предательство его, не соглашался на приступъ. Сапѣга отдѣлился отъ гетмана съ 15.000 воиновъ и ринулся воевать внутреннія области, а потомъ направился къ лаврѣ Сергіевой, чтобы разграбить богатство.

Среди общаго паденія духа, одна эта лавра была единственною причиною государственнаго спасенія, въ новое и явное доказательство, что русскій міръ, какъ часть Іакова, имѣетъ несокрушимое могущество свое въ церкви. Ея старцы и иноки вдохнули такую силу любви и братства *„сидѣть въ осадѣ безъ измѣны“* въ немногихъ защитниковъ, состоявшихъ изъ дружины боярскихъ дѣтей, казаковъ и стрѣльцовъ, подъ управленіемъ воеводъ—князя Григорія Долгорукаго и Алексѣя Голохвастова, которая проявила дивное геройство: болѣе года и четырехъ мѣсяцевъ (съ 13 сентября 1608 года по 12 января 1610 года), выдержали они упорную осаду отъ 30.000 ляховъ, казаковъ и измѣнниковъ русскихъ, предводимыхъ Сапѣгою, Лисовскимъ, Вишневецкимъ, Тишкевичами и другими панами и спасли ее 51).

Кромѣ религіозной силы, лавра Сергіева была важна и въ

50) Кар. Т. XII стр. 82—91.

51) Тамъ же стр. 97—121.

воинскомъ смыслѣ: она способствовала удобному сообщенію Москвы съ сѣверомъ и востокомъ Россіи: съ Новгородомъ, Вологдою, Пермью, сибирскою землею, съ областями Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли къ царю дружины ратныя, везли казну и запасы 52).

Вмѣстѣ съ ляхами увлеклась подъ лавру и часть донскихъ казаковъ изъ юртовъ нижнихъ, именно юрта атамана Смаги Чершенскаго, состоявшаго изъ 500 человѣкъ подъ управленіемъ атамана Степана Епифанца.—Скоро, послѣ начатія осады, стали являться во снѣ многимъ казакамъ, атаманамъ и даже панамъ ляхамъ различныя видѣнія въ образѣ Св. Сергія, угрожавшія наказаніемъ осаждающихъ: видѣніе Сергія говорило—„не дастъ вамъ Богъ жезла на жребій свой". Всегда глубоко преданные вѣрѣ, всегда благочестивые донцы, не смотря на буйное разгоряченіе умовъ, сильно поражены были дивными снами. Когда Сапѣга, Лисовскій и прочіе вожди ляховъ и атаманы сошлись (въ концѣ октября) толковать о возникшихъ въ станѣ разсказахъ про видѣнія, тогда донской атаманъ Епифанецъ сказалъ гетману и панамъ: „эти знаменія не на добро намъ: будетъ великая гибель!" Паны сочли Епифанца человѣкомъ опаснымъ, могущимъ смутить все войско и замыслили убить его. Узнавъ объ этомъ, донцы отреклись отъ соучастія воевать лавру Святой Троицы, дали обѣтъ преподобнымъ Сергію и Николаю: „не дѣлать зла царствующему „городу—Москвѣ и стоять съ православными за одно на ино„вѣрныхъ". Въ первую же ночь они оставили станъ ляховъ, въ намѣреніи отойти на Донъ. Въ Троицкой волости, въ Вохнѣ, на рѣкѣ Клязьмѣ, догнали литовцы донцовъ, но не могли вернуть ихъ въ станъ ни убѣжденіями, ни силою, ни нанести имъ вреда. Спокойно пришли казаки съ Епифанцемъ на Донъ въ свой Смагинъ юртъ 53). Иноки лавры, составивъ объ этомъ *„писаніе"*,

52) Кар. Т. XII. стр. 97.

53) Сказ. Авраамія Палицына и Кар. Т. XII. стр. 108.

передали его келарю Палицыну, и онъ сказаніемъ своимъ увѣковѣчилъ для исторіи блистательный примѣръ глубокаго усердія донцовъ къ вѣрѣ.

Происшествіе это весьма значительно уменьшило силу осаждающихъ, не по числу, но по храбрости и отвагѣ донцовъ, ободряло осажденныхъ, которые видѣли въ немъ сильное дѣйствіе вѣры, такъ сокрушительно подрывавшей безбожное скопище; но важнѣйшимъ слѣдствіемъ его было духовное вліяніе на Донъ. Тутъ главное войско, какъ понятно изъ хода событій, не смотря и на личное уже явденіе Лжедимитрія въ толпахъ мятежа, все еще держало свою *„насѣку“*—жезлъ власти—подъ знаменемъ Василія, хотя и недоумѣвая цѣли общаго государственнаго колебанія. Возвращеніе дружины Епифанца въ юрты отчизны, безъ сомнѣнія, дало новую силу благоразумной волѣ главнаго войска на дальнѣйшее спокойное выжиданіе понятнаго проявленія къ исходу смуты, чтобы предстать на ратоборство за благо отечества. Но время Минина и Пожарскаго еще не скоро настанетъ.

Между тѣмъ какъ началась осада Лавры, въ Тушинѣ совершилось происшествіе, усилившее бѣдствіе Руси: Марина (въ сентябрѣ 1608 года) пріѣхала къ Лжедимитрію и безстыдно признала его своимъ мужемъ. Ненавидя въ душѣ грубаго обманщика, она искусно лицедѣйствовала въ образѣ супруги и царицы 54). Этотъ союзъ двинулъ бояръ и дворянъ къ новой измѣнѣ Василію: многіе изъ войска и столицы явились въ Тушино, другіе, менѣе безсовѣстные, разъѣхались по домамъ 55). Москва, имѣя кромѣ гражданъ многочисленное войско, все лучшее дворянство, всю нравственную силу государства, давала возможность бродягѣ владычествовать и дѣло дошло до неслыханнаго разврата: въ Москвѣ родственники и ближніе уговаривались между собою, чтобы однимъ являться къ царю, другимъ къ *царику* (такъ называли самозван-

54) Кар. Т. XII. стр. 91.

55) Тамъ же стр. 92.

ца) и получать жалованье изъ казны московской и изъ тушинской 56). Смотря на столицу, и города измѣняли, одинъ за другимъ волею и не волею; скоро почти все царство приняло сторону самозванца.

Въ это ужасное время представлялось, что русскіе люди не имѣли уже ни отечества, ни души, ни вѣры; что государство въ нравственной язвѣ судорожно умирало. Такъ изображаетъ эту грустную картину повѣсть Аврамія Палицына: „отечество терзали „болѣе свои, нежели иноземцы: наставниками и предводителями „ляховъ были наши измѣнники: съ оружіемъ въ рукахъ ляхи „только глядѣли на безумное междоусобіе и смѣялись. Оберегая „ихъ въ опасностяхъ превосходнымъ числомъ своимъ, русскіе „умирали за тѣхъ, которые обходились съ ними, какъ съ раба„ми. Вся добыча принадлежала ляхамъ: и избирая себѣ лучшихъ „юношей и дѣвицъ, они отдавали на выкупъ ближнимъ и снова „отнимали ихъ. Злодѣйства совершались неимовѣрныя: между кро„вавыми трупами убитыхъ гнусное любострастіе искало мерзост„ныхъ наслажденій... Инокинь обнажали, позорили: лишенныя чес„ти, они лишались жизни въ мукахъ. Были жены избавлявшія „себя смертью отъ насилія.—Многіе гибли уже не за отечество, „а за свои семейства: мужъ за жену, братъ за сестру, отецъ за „дочь.—Милосердіе изчезло: вѣрные царю люди, взятые въ плѣнъ, „иногда находили въ ляхахъ жалость и уваженіе; но русскіе из„мѣнники, считая ихъ противниками царя тушинскаго, подвергали „жестокой смерти: кидали въ рѣки, разстрѣливали изъ луковъ, „передъ родителями жгли дѣтей, носили головы на сабляхъ и „копьяхъ, младенцевъ разбивали о камни. Смотря на это, сами „ляхи содрагались и говорили: *что же будетъ намъ отъ рос„сіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такою лютостью.* „Въ общемъ омраченіи умовъ всѣ хотѣли быть выше своего зва„нія: рабы господами, чернь дворянствомъ, дворяне вельможами.

56) Кар. Т. XII. стр. 96.

„Не только простые простыхъ, но и знатные знатныхъ обольща-„ли измѣною. Вмѣстѣ съ отечествомъ гибла и церковь: храмы „были разоряемы: скотъ и псы жили въ алтаряхъ; воздухами и „пеленами украшали коней, — изъ потировъ пили; на дискосъ „клали мясо; на иконахъ играли въ кости; въ ризахъ іерейскихъ „плясали блудницы. Священниковъ и иноковъ жгли огнемъ, до-„пытываясь сокровищъ. Города пустѣли. Могилы, какъ горы, вездѣ „возвышались. Граждане и земледѣльцы укрывались въ дебряхъ, „въ лѣсахъ, или въ болотахъ. Грабители, чего не могли взять „съ собою, сожигали—дома и все, превращая Россію въ пусты-„ню“ 57).

Усилившійся духъ предательства въ войскѣ и гражданахъ заставилъ Василія искать помощи у шведскаго короля Карла IX. Дѣло это поручено князю Михаилу Скопину Шуйскому. Карлъ прислалъ Василію 5000 воиновъ съ искуснымъ полководцемъ графомъ Делагарди, которые 26 марта 1609 года соединились съ полками Скопина у Новгорода. Юный, благородный Делагарди дѣйствовалъ искренно, но войско его, составленное изъ разноземцевъ (шведовъ и наемниковъ ихъ: французовъ, англичанъ, шотландцевъ, нѣмцевъ и нидерландцевъ), людей большею частью безъ нравственности, съ любовью не къ ратной чести, а къ корысти, не разъ возмущалось 58).

Скопинъ съ содѣйствіемъ шведовъ быстро очистилъ отъ мятежниковъ всю сѣверную Россію, такъ что отъ Углича до Бѣлаго моря и Перми она снова стала вѣрна Василію, разбилъ и разсѣялъ ляховъ у Колязина монастыря, встрѣтившихъ его подъ начальствомъ Сапѣги Зборовскаго, Лисовскаго и Заруцкаго 59) и побѣдоносно приблизился къ Москвѣ.—Потомъ принудилъ Сапѣгу, бывшаго щитомъ Тушина, оставить осаду Троицкой лавры (12 ян-

57) Кар. Т. XII. стр. 124—127 и примѣч. 311.

58) Тамъ же стр. 158, 159, 163.

59) Тамъ же стр. 161—163.

варя 1610 года) и бѣжать къ городу Дмитрову, подъ которымъ онъ разбитъ былъ на голову такъ, что бѣгствомъ искалъ спасенія, предавъ и ляховъ тушинскихъ собственной судьбѣ 60).

Послѣ этого, шумное Тушино, 18 мѣсяцевъ величавшееся именемъ царства, было опустошено; гетманъ Лжедимитрія Рожинскій въ бѣгствѣ умеръ отъ изнуренія силъ 61). Такъ въ пять мѣсяцевъ успѣлъ князь Скопинъ еще, хотя и не надолго, возвратить Василію царство и съ торжествомъ вступилъ въ Москву.

Прежде подвиговъ Скопина, князь Пожарскій очистилъ (въ 1608 году) отъ ляховъ Коломну, возбудилъ одушевленіе къ возстанію противъ мятежниковъ въ Нижнемъ Новгородѣ и во многихъ другихъ низовыхъ городахъ 62).

Въ продолженіи дѣлъ Пожарскаго и Скопина, по немногимъ свѣдѣніямъ, видны дѣйствія казаковъ, именуемыхъ донскими, шатавшихся, помимо воли главнаго донского войска.

Въ концѣ 1608 года суздальскій воевода Ѳеодоръ Плещеевъ, стоявшій за Лжедимитрія, по обращеніи городовъ Галича, Костромы и другихъ къ Василію, видя, что къ Суздали направились въ большомъ числѣ костромичи и галичане, и что съ одними суздальцами онъ не удержится, просилъ Сапѣгу прислать къ нему въ помощь поспѣшно изъ своихъ *таборовъ* литовцевъ, запорожцевъ и донскихъ казаковъ 63). Въ то же время къ Сапѣгѣ писалъ объ этомъ и Лжедимитрій съ Тушина, по донесенію Плещеева 64).

Но и въ разгарѣ заблужденія донцы не теряли своей глубокой идеи, что дѣйствуютъ за правду своего отечества и сохраняли непріязнь къ пришельцамъ ляхамъ, считая въ нихъ вра-

60) Кар. Т. XII. стр. 202—203.

61) Тамъ же стр. 204.

62) Тамъ же стр. 138—139.

63) Акт. Арх. Ком. Т. II. № 351—1608 г.

64) Тамъ же № 154.

говъ. Въ осажденномъ Одоевѣ (въ январѣ 1609 года) находились донскіе казаки, неизвѣстно въ какомъ числѣ, которые, испросивъ у воеводъ одоевскихъ дозволенія выйти изъ города „*для дровъ*", напали на толпы литовцевъ и поляковъ, безъ воли воеводъ, не зная объ ихъ единомысліи съ начальниками измѣнниковъ, разбили ихъ, взяли въ плѣнъ пять шляхтичей и привели къ воеводамъ, для языковъ.— Сапѣга и Плещеевъ просили воеводъ о возвращеніи плѣнниковъ и взятаго имущества: воеводы одоевскіе отпустили ляховъ. Сапѣга и Плещеевъ, благодаря воеводъ, сказали, что „они *добро сдѣлали*, не желая проливать крови хрис„тіанской, и просили впередъ о всемъ вмѣстѣ совѣтъ держать" 65).

Въ мартѣ (1609) года, Лжедимитрій, получивъ извѣстіе отъ татарскаго мурзы Ила Исупова, защищавшаго Решму, что толпы изъ вологодцевъ, пошехонцевъ, бѣлозерцевъ и каргопольцевъ напали на него и на пана Головича и оттѣснили ихъ къ Ростову, писалъ Сапѣгѣ, чтобы въ помощь мурзѣ послалъ онъ, какъ можно, поспѣшнѣе Лисовскаго съ ротами литовцевъ и съ донскими казаками, дабы непріятели не успѣли пробраться къ Ярославлю и Угличу 66).

220 человѣкъ донецкихъ казаковъ, станицы Богдана Уразова, въ томъ числѣ и часть донскихъ, прикрывали порохъ и боевые снаряды, отправленные (какъ видно изъ Тушина) въ Ярославль, тогда какъ донцы пришли въ этотъ городъ. Ярославцы, видя прибытіе возставшихъ на Лжедимитрія, хотѣли побить бывшихъ тамъ литовцевъ съ паномъ Кишкевичемъ, который немедленно вышелъ изъ Ярославля въ Ростовъ. Тутъ казаки поступили подъ начальство ростовскаго боярина и воеводы Наумова и дрались вмѣстѣ съ другими толпами на приступахъ подъ Ярославлемъ. Отсюда, въ отрядѣ Наумова и Лисовскаго, ходили они

65) Акт. Арх. Ком. Т. II. № 144.

66) Тамъ же № 171.

на приступъ къ городу Кинешмѣ, который былъ взятъ Наумовымъ. Въ Кинешмѣ 10 дней выдержали осаду отъ царскихъ войскъ. Затѣмъ, пошли отсюда вверхъ по Волгѣ берегомъ и стругами къ Костромѣ, выдерживая на пути нападенія. Подъ Костромою стояли двѣ недѣли, покуда пришелъ изъ Ростова воевода Наумовъ. Отсюда казаки направлены были подъ Юрьевецъ, чтобы переправиться черезъ Волгу и Кострому очистить. Но съ пути, по взятымъ ими языкамъ, Наумовъ и Лисовскій направились первый съ казаками подъ Решму, а второй подъ Юрьевецъ. Решму взяли приступомъ, куда пришелъ и Лисовскій. Отсюда переправлены были казаки чрезъ Волгу; на нихъ пришли царскіе люди и разогнали, побивъ многихъ изъ нихъ. Отсюда они воротились съ Наумовыхъ въ Ростовъ; во всѣхъ дракахъ побито ихъ столько, что осталось съ новопришедшими человѣкъ только до 150-ти и то *босыхъ* и *безоружныхъ*: они просили Лжедимитрія о жалованьи и снабженіи одеждою 67).—Безсильное положеніе Наумова въ Ростовѣ, съ которымъ находилось только 150 донскихъ казаковъ, да человѣкъ 30 боярскихъ дѣтей, заставило его просить Сапѣгу о помощи ратными людьми для защиты города 68).

Въ несчастномъ заблужденіи, храбрость и мужество немногихъ ватагъ донскихъ были такъ значительны, что *„смоленскіе лазутчики“* въ доносахъ Шуйскому замѣчали: еслибы этихъ донцовъ склонилъ онъ къ себѣ, *то поляковъ нечего и бить* 69).

Вотъ каково было участіе Донцовъ въ смутномъ времени.— Да судитъ безпристрастіе: справедлива ли укоризна на нихъ, вошедшая въ повѣрье писателей.

---

67) Акт. Арх. Ком. Т. II. № 239.

68) Тамъ же № 249.

69) Тамъ же № 174 (лист. IV).

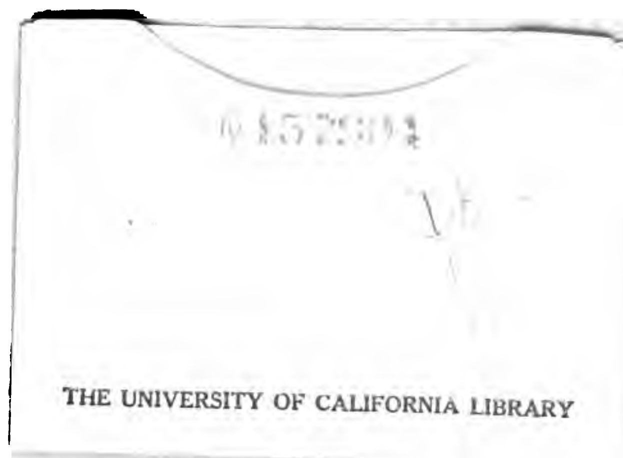
Опечатки:

Стран.		Строка.		Напечатано.		Слѣдуетъ читать.
15	—	15 сверху	—	ни	—	не
40	—	2 „	—	вассала	—	вассалы
41	—	13 „	—	роды	—	рады
44	—	10 „	—	части	—	частью
50	—	8 снизу	—	приписываетъ	—	приписывается
51	—	3 „	—	дорожне	—	дорожно
53	—	8 „	—	Успѣнію	—	Успенію
57	—	5 сверху	—	греція	—	Греція
„	—	12 снизу	—	Успѣнскомъ	—	Успенскомъ
„	—	4 „	—	еритикомъ.	—	еритикомъ,
67	—	6 сверху	—	Тацытъ	—	Тацитъ
„	—	9 снизу	—	древнія	—	древніе
„	—	8 сверху	—	знатны	—	знатные
75	—	7 „	—	армяно-персидскій	—	армено-персидскій
111	—	12 „	—	кутургуровъ	—	утургуровъ
112	—	16 „	—	Адербидугана	—	Адербеджана
112	—	5 снизу	—	а также	--	также
114	—	4 сверху	—	Осеньевъ	—	Осеневъ
121	—	11 снизу	—	окрополя	—	акрополя
133	—	11 „	—	нунктѣ	—	пунктѣ
„	—	4 сверху	—	преданіеиъ	—	преданіемъ
145	—	18 сверху	—	Магмета-Шахсодѣ	—	Магмета-Шахсоди
150	—	9 сверху	—	кпязья	—	князья
166	—	2 снизу	—	18) „Поясненіе въ примѣчаніи означенія имени Раздоровъ“—*напечатано ошибочно*.		
176	—	10 снизу	—	звязи	—	связи
191	—	15 сверху	—	тамъ къ царю въ значительной	—	тамъ въ значительной

Стран.		Строка.		Напечатано.		Слѣдуетъ читать.
197	—	18 „	—	добычею поплылъ	—	добычею, Адашевъ поплылъ
209	—	7 снизу	—	Донск.	—	донесен.
215	—	2 „	—	оттиски	—	отписки
216	—	18 сверху	—	черкасамъ	—	черкесамъ
247	—	3 „	—	тѣлегѣ	—	телѣгѣ
253	—	8 „	—	польскій	—	посольскій
294	—	6 снизу	—	Заблудившіяся	—	Заблуждавшіеся

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Главный складъ изданія—въ Новочеркасскѣ, Средній пер., д. № 16, у издателя.

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

